68.8(2)25
С72

Л.М.СПИРИН

РОССИЯ 1917 ГОД

ИЗ ИСТОРИИ
БОРЬБЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ

Л.М.СПИРИН

РОССИЯ 1917 ГОД

ИЗ ИСТОРИИ
БОРЬБЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1987

ББК 66.61(2)25
С 72

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:
доктор исторических наук Г. З. ИОФФЕ
доктор исторических наук Х. М. АСТРАХАН

С $\frac{0505030100\text{-}169}{004(01)\text{-}87}$ 82-87

© Издательство «Мысль». 1987

Чтобы понять развитие русской революции, всего необходимее, следовательно, изучить, каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий.

В. И. Ленин

Вместо пролога

«Вы хотите потрясений, перемены режима! Но этого вы не добьетесь!..» — эти слова принадлежат последнему царскому министру внутренних дел, монархисту Александру Протопопову. Сказал он их 19 октября 1916 г. на частном совещании с представителями оппозиционного к правительству Прогрессивного блока*. Присутствовавшие на нем лидеры легальных политических партий кадет Павел Милюков, октябрист, председатель IV Государственной думы Михаил Родзянко, прогрессист Иван Ефремов, националист-прогрессист Василий Шульгин и все остальные были смущены таким поворотом разговора. Правда, до этого все они нападали на министра, который прикинулся, будто ничего не понимает, и неосторожно предложил собравшимся считать его своим сподвижником (видимо, потому, что еще совсем недавно он был активным членом партии октябристов и товарищем председателя Думы)**.

* Прогрессивный блок был создан в августе 1915 г. в IV Государственной думе из представителей буржуазных и части помещичье-монархических партий. В него входили члены Думы и Государственного совета. Главная цель блока — образование такой власти, которая «опиралась бы на народное доверие и могла бы привести отечество к победе». Речь шла, разумеется, о буржуазном доверии и о победе в империалистической войне.

** В России в конце XIX — начале XX в. было создано около 50 наиболее крупных политических партий четырех видов (типов), т. е. по числу классов, существовавших в стране, для защиты их интересов: 6 помещичье-монархических во главе с погромно-черносотенным Союзом русского народа; 22 буржуазные (в том числе 14 либеральных, самая крупная из которых — партия кадетов, находившихся в оппозиции к царскому правительству, и 8 консервативных во главе с октябристами, поддерживавшими до войны правительство); 17 мелкобуржуазных (социал-демократических и народни-

Особенно много колкостей наговорил Протопопову Милюков.

— Вы хотите знать, что произошло? — спрашивал лидер кадетов.— Я вам скажу. Человек, который служит вместе со Штюрмером, при котором освобожден Сухомлинов, которого вся страна считает предателем, освобожден Манасевич-Мануйлов, который преследует печать и общественные организации, не может быть нашим товарищем*. Говорят при этом об участии Распутина в вашем назначении[1].

Между тем «оппозиция его величества», как назвал Милюков кадетов и других, недовольных правительством царя, не только в делах, но и даже в мыслях не допускала ничего, что могло бы привести к потрясениям, не говоря уже о свержении монархии. Царизм был нужен буржуазии и ее партиям для борьбы с народом, но в иной форме, а правительство — в другом составе. Больше всего на свете она страшилась революции. Воспоминания о 1905 годе приводили ее в ужас.

Именно для того, чтобы предотвратить новую революцию, которая из призрака готова была снова превратиться в реальность, а также поправить дела на фронте, довести продолжавшуюся уже почти два с половиной года войну до вожделенной победы, и надо было договориться буржуазии и ее партиям с правительством. Следовало привести в соответствие изменившееся экономическое (наличие огромного промышленного и финансового капитала) и политическое положение буржуазии с ее правовым статусом в обществе, с ее участием в органах власти.

Буржуазные партии не только стремились к руководству работавшими на фронт военно-промышленными

ческих; первые возглавлялись меньшевиками, вторые — эсерами); революционная социал-демократическая партия большевиков.

Партии являлись общероссийскими и национальными, легальными (помещичье-монархические и буржуазно-консервативные), полулегальными (буржуазно-либеральные) и нелегальными (социал-демократические, народнические и большевистская).

Партии были объединены в три политических лагеря: правительственный (помещичье-монархические и буржуазно-консервативные партии), либерально-оппозиционный (буржуазно-лнберальные) и революционно-демократический (мелкобуржуазные партии и большевики), возглавляемый большевиками.

К 1917 г. в результате реакции и войны многие партии, главным образом мелкобуржуазные, распались, существовали только небольшие группы этих партий или отдельные представители.

* Штюрмер — председатель Совета министров, монархист, крайний реакционер; Сухомлинов — бывший военный министр, подозревался в измене; Манасевич-Мануйлов — монархист, темный делец, обвинялся во взяточничестве, был связан с высокими сановниками, предстал перед судом.

комитетами, земскими и городскими союзами, некоторыми особыми совещаниями, но и требовали, чтобы царь и помещики пошли на дальнейший раздел власти (чтобы регулярно заседала Государственная дума, чтобы было создано «министерство общественного доверия» (фактически — буржуазного доверия), которое со временем станет ответственным перед Думой), т. е. буржуазия и ее политические организации требовали участия в правительстве. До лета 1915 г. буржуазия почти безоговорочно поддерживала царизм в ведении войны. В победоносном ее завершении она усматривала пути к достижению далеко идущих целей. Но только год войны с поражениями войск в Галиции, начавшейся разрухой показал, что Николай II и его правительство не в состоянии успешно продолжать войну. Тогда буржуазия, ее партии, по меткому выражению кадетов, стали переходить от «патриотического подъема к патриотической тревоге», к нажиму на царизм. В дальнейшем они обвинили правительство — верхний эшелон власти — в предательстве, в намерении заключить сепаратный мир с Германией, а главное, в неспособности усмирить рабочих. Борьбу за власть буржуазные партии все больше и больше соединяли с борьбой против приближавшейся революции.

Однако царь не пошел на уступки, не согласился на создание «правительства доверия». Домогательства представителей буржуазии активно участвовавшая в политике царица охарактеризовала в одном из писем самодержавному супругу весьма образно: «...пусть они лучше всего займутся вопросом о канализации»[2].

Не сговорившись (в который уж раз!) с правительством, оппозиционеры решили вновь использовать Государственную думу. Накануне открытия осенней (1916 г.) сессии заседаний главный орган кадетов газета «Речь» писала: «В настоящее время сценарий первого дня вырабатывается во фракциях с лихорадочной поспешностью и не без драматических инцидентов»[3]. Несмотря на серьезные разногласия в Прогрессивном блоке, лидеры буржуазных партий неплохо отработали свои роли*.

* Перед самой сессией Думы (это была пятая сессия четвертого созыва, открывшаяся 1 ноября 1916 г. и работавшая с перерывами до 17 декабря 1916 г.) из Прогрессивного блока вышли те, кто отстаивал более левые требования, в частности создания «ответственного министерства» (кадеты заменили этот термин требованием «министерства доверия»). Лидер прогрессистов И. Н. Ефремов выступил с самостоятельной декларацией. Общую декларацию Прогрессивного блока, под которой подписались Конституционно-демократическая партия народной свободы (кадеты), Союз 17 октября (октябристы),

Выполняя решение своего ЦК, глава кадетов Милюков произнес 1 ноября 1916 г. нашумевшую на всю страну речь[4]. Царская цензура не разрешила печатать ее в газетах, однако она широко разошлась в нелегальных листках. Ссылаясь на немецкие и русские газеты, на разговоры с разными политическими и дипломатическими деятелями, наконец, на широко распространившуюся молву, Милюков обвинил главу правительства Штюрмера и царицу в том, что они стремятся заключить сепаратный мир с Германией. Свои обвинения он заканчивал словами: «Что это — глупость или измена?» *

Выступление кадетского лидера с такими обвинениями против правительства и коронованной особы произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Недаром Штюрмер, уйдя после этого в вынужденную отставку, подал на Милюкова в суд. Царица 4 ноября 1916 г. писала из Царского Села в Могилев Николаю II, верховному главнокомандующему: «Во вчерашней речи Мелюков (царица-немка делала немало ошибок в русских фамилиях.— *Л. С.*) привел слова Бьюкенена о том, что Шт[юрмер] изменник, а Бьюк[енен] в ложе, к которому он обернулся, промолчал,— какая подлость! Мы переживаем сейчас самые тяжелые времена...» Александра Романова и Штюрмер предлагали Николаю лишить Родзянку придворного мундира камергера за то, что «он не остановил этих негодяев, когда они в Думе говорили такие ужасные вещи и так инсинуировали»[5] (слова царицы.— *Л. С.*).

Заметим, что и придворная партия, возглавляемая царицей, и многие из близкого царского окружения отождествляли имена лидеров буржуазной оппозиции с революцией. Коронованная особа не стеснялась в выражениях: «Гучкову — место на высоком дереве»; «Милю-

фракция земцев-националистов, группа националистов-прогрессистов, группа центра, зачитал левый октябрист С. И. Шидловский. Было выставлено требование отставки кабинета Штюрмера. От кадетов выступил П. Н. Милюков, от независимой группы — М. А. Караулов, от националистов-прогрессистов — В. В. Шульгин, от русских националистов — П. Н. Балашов, от фракции крайне левых — трудовик А. Ф. Керенский и меньшевик Н. С. Чхеидзе, от фракции правых — С. В. Левашов, от крайне правых — Н. Е. Марков 2-й.

* Милюков привел, в частности, такую фразу немецкой газеты «Neue Freie Presse» о назначении Штюрмера премьером: «Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert», что в переводе означает: «Это победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой царицы» *(Родзянко М. В.* Крушение империи. 3-е изд. Л., 1929. С. 189). Придворной партией в то время называли небольшую группу приближенных ко двору людей, оказывавших огромное влияние на государственные дела.

кова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь»; «Как бы я хотела, чтобы Родз[янку] повесили». Ее письма пестрят словами «скот», «гадина», «идиот», «мерзавец», а Думу она называла не иначе как «домом умалишенных».

А ведь совсем недавно октябристы были опорой царизма. Вспоминая первую российскую революцию, Гучков весьма определенно оценивал их позицию: «В борьбе со смутой, в момент смертельной опасности для русской государственности октябристы решительно встали на сторону власти...» Царь оценил их усердие. Принимая 15 мая 1907 г. делегацию Государственной думы, состоящую в большинстве своем из октябристов, он говорил: «Очень рад вас видеть и благодарю вас за вашу преданность и любовь к России и ко мне...»[6]

Но вернемся к кадетам. Они окрестили речь своего лидера лебединой песней, с которой якобы и началась революция. Автор одного из писем, посланного 1 декабря 1916 г. из Казани октябристу Годневу, сообщал: «Мне лично пришлось услышать от очень правых интеллигентных и простых людей сознание, что они молились не тем богам и просили достать им где-либо речи Милюкова и пр. Об этих речах всюду огромный гул. Популярность огромная»[7].

Правда, сам Милюков позже, в воспоминаниях, писал, что он передал главным образом слухи об измене, но тогда его слова приняли за чистую монету[8].

Критику правительства поддержали лидеры других партий, в том числе ярый монархист Шульгин, который в свое время требовал повесить такого умеренного либерала, как писатель В. Г. Короленко. Когда Шульгин выступал в свое время во II Думе, левые депутаты кричали ему, тогда 28-летнему, утонченно-язвительному барину: «Погромщик, провокатор!» Теперь было совсем другое, хотя, по признанию Шульгина, он шел на трибуну Думы как на голгофу.

«Я не принадлежу к тем рядам, для которых борьба с властью — дело если не привычное, то во всяком случае давнишнее,— говорил Шульгин.— Наоборот, в нашем мировоззрении почетное место занимает мысль, что даже дурная власть лучше безвластия. И если мы сейчас выступаем прямо и открыто с резким осуждением этой власти, если мы поднимаем против нее знамя борьбы, то это только потому, что действительно мы дошли до предела, потому что произошли такие вещи, которые дальше переносить невозможно»[9].

Даже глава черносотенного Русского народного союза имени Михаила Архангела «дикий помещик и

старый держиморда»[10] Владимир Пуришкевич («самый правый», как он характеризовал себя) возвысил голос против правительства и придворной камарильи, против «темных сил», «которые возглавляются Гришкой Распутиным». Департамент полиции в тайном донесении так определил позицию Пуришкевича: «...он вскрыл тяжесть положения, беспомощность правительства, которое надо заменить, но проводил монархическую идею — спасать монархию»[11].

Обвинительных фактов против придворной камарильи было так много, что их при желании мог привести любой депутат Думы, и в них бы поверили. Так, по донесению департамента полиции, член Государственной думы А. С. Суханов говорил своим коллегам: «Хотите, чтобы Государственная дума была бесповоротно распущена, я это могу сделать. Я выйду на трибуну и с документами в руках расскажу про историю некоего г-на Патушинского, которого императрица Александра Федоровна устроила нотариусом в Одессу вследствие того, что с женою этого Патушинского имел интимную связь Григорий Распутин и хлопотал за него. Я предъявлю подлинные телеграммы по этому поводу за подписью «Александра».

Затем я подробно опишу те обстоятельства, при которых председатель Совета министров Б. В. Штюрмер был назначен почетным гражданином города Тобольска. И я, разоблачая все это, не сойду с трибуны до тех пор, пока меня не снимут военной силой»[12].

Подобные «демарши» устраивались для того, чтобы припугнуть царя, заставить его пойти на соглашение с буржуазными партиями, отодвинуть призрак революции и одновременно покрасоваться перед народом своей «левизной», дабы сохранить у части его какое-то доверие, а главное, во что бы то ни стало выиграть войну. Кадет Родичев, выражая мысли всей оппозиции, заявил в Думе под гром аплодисментов и крики «ура»: «Господа, в отношении войны мы те же, что были 26 июля 1914 года... Только для этого мы здесь и сидим»[13].

Давая общую оценку выступлениям оппозиционеров в Думе, председатель ее Родзянко позже писал: «Как бы ни относиться к речам, произнесенным тогда с кафедры Думы, нельзя увидеть там желания свержения власти,— но указания на необходимость перемены лиц и системы управления...»[14]

Еще откровеннее суть борьбы в Думе выразил кадет Шингарев: «Чтобы не заговорила улица, надо объявить словесную войну тем, кто «губит страну»»[15].

Итак, пусть говорит Дума, а народ слушает и молчит. Не революционные действия, а узкая, парламентская, легальная борьба законными средствами — вот тактика буржуазных партий.

Наговорив дерзостей правительству, многие из оппозиционеров порядком перетрусили: не переборщили ли они, не расшевелили ли больше, чем надо, народ, правильно ли выполнили свою заповедь («Дума должна быть клапаном, выпускающим пары, а не создающим их»), не распустит ли царь российский парламент? Ведь кроме ораторов Прогрессивного блока правительство резко критиковали представители мелкобуржуазных партий — меньшевик Чхенкели, трудовик Керенский. Они пугали правящие круги «улицей», призывали «быть с народом», но фактически шли в фарватере буржуазных партий. Это были выступления не революционеров, а мелкобуржуазных радикалов. Они не меняли общего характера «штурма власти», как тогда громко называли борьбу в российском парламенте лидеры буржуазных партий. Заметим, что выступления в Думе левых также читались в народе. В начале ноября на Путиловском заводе во время митинга, например, обсуждались речи, произнесенные в Таврическом дворце Милюковым и Керенским[16].

Роспуск Думы мог произойти еще и потому, что правые члены ее потерпели разгром при попытках защитить правительство. Главный их оратор, черносотенец Марков 2-й, за оскорбление Родзянки был лишен ряда заседаний. Под крики: «Долой, долой его, вон!» — он покинул Думу и больше не появлялся на сессии. И все же царь не решился разогнать парламент.

Думская сессия 1916 г. знаменовала высший подъем объединенной буржуазной оппозиции. На большее она оказалась не способна. Обратиться к народу, как это сделали в свое время, в годы первой российской революции, кадеты в выборгском воззвании — не платить налоги и не давать рекрутов в армию, — они уже не посмели, ибо боялись революции больше, чем реакции. Буржуазные партии, выродившись в национал-либерализм, становились все контрреволюционнее[17].

Следствием ноябрьско-декабрьской (1916 г.) схватки думских оппозиционеров с властями явилась очередная перетряска правительства, а точнее, продолжение «министерской чехарды», начавшейся летом 1915 г. Не было почти ни одного министра, который не сменился бы за последние полтора года, а некоторые — неоднократно (министры внутренних дел и земледелия, например, менялись по 4—5 раз).

Четыре председателя Совета министров поочередно перебывали на своих постах, из них А. Ф. Трепов оставался главой правительства всего 48 дней. За это Совет министров прозвали «кувырк-коллегией». Газеты писали, что при назначении на высокие должности вновь всплывали имена, давно похороненные на бюрократическом кладбище. Но поскольку система управления оставалась прежней, то, как острили кадеты, «чем больше было перемен, тем больше все оставалось по-старому».

Новым было то, что речи оппозиционеров в Думе поддержали многие члены Государственного совета — своеобразной второй палаты российского парламента, половину состава которой Николай II назначал сам.

За царское правительство вступились без всяких оговорок только правая фракция Думы и правые в Государственном совете. Из политических партий всегда и всецело на его стороне оставались черносотенный Союз русского народа, подобный ему Русский монархический союз и некоторые другие охранительные организации.

Монархисты-черносотенцы бурно реагировали на события в Думе. Ее заседания они называли «роковой сессией», говорили, что Милюков сочинил декларацию, начиненную нитроглицерином, а Шульгин — удушливыми газами. Для того времени это были самые страшные вещества, примененные на полях войны. Милюкова называли старым интриганом и низким демагогом, Шульгина — ренегатом.

Но больше всех доставалось отступнику Пуришкевичу. Что только о нем не писали: и что он рычал и топал ногами в Думе, и что грозил высечь своих противников, и что, схватившись за кортик, кричал: «Марков, я тебя не боюсь!» Глава помещичье-монархического Союза русского народа доктор Александр Дубровин исключил Пуришкевича из своей организации. Но монархисты из Союза Михаила Архангела поддержали своего лидера «как верного слугу царя, который не боится сказать правду в глаза».

В Государственной думе, писали черносотенцы, «не дают даже слова выговорить председателю Совета министров — первому, старшему представителю государя императора (речь идет о премьере Трепове.— *Л. С.*), передразнивают его речи, кричат ему «вон!». Свистят, галдят, не давая ему говорить, заставляя пять раз начинать свою речь. И это высшее государственное учреждение, государственно-законодательная Дума, собрание как бы советников царя, лучших выборных от

народа людей, а на деле ведущих себя как стадо ослов и баранов»[18].

В передовой статье главной газеты черносотенцев «Русское знамя», озаглавленной «Власть и «они»», 23 ноября 1916 г. Дубровин предлагал жестко поступать с теми, кто боролся «с властью за власть»: «Работать под командой законного правительства не желают — вон их! Если, убравшись, они не оставят кознодействия и будут посевать недоверие к законной власти — под арест их до окончания войны!» Статья заканчивалась призывом: «Пора ликвидировать тяжбу, слишком заметно перешедшую в лихорадочную подготовку ужасной революции». Черносотенцы готовы были упрятать за решетку всех недовольных не только из Думы, но и из Государственного совета. Одно их смущало: возраст последних. «Старцев не посадишь»,— сокрушались они.

Эта же газета, отражая мнение крайне правых кругов в стране, в последний день 1916 г. в заглавной статье требовала дать решительный бой лидерам оппозиции, военно-промышленным комитетам, разным съездам, поддерживавшим буржуазию, другим организациям, «взявшим большую волю», намеревавшимся контролировать правительство. «Если этого не понимают гг. Гучковы и прочие председатели разных «общественных организаций», то должно понять само правительство, коему доверены судьбы государства, очутившегося на краю пропасти, именно вследствие безвластия».

Но, как говорят, у страха глаза велики. Черносотенцы явно преувеличивали оппозиционность буржуазии и ее партий, в искаженном свете представляли и историю, и современность.

Они делали это сознательно, хотя и невежества хватало. Черносотенство не признавало ни классовой, ни партийной борьбы. Для них существовали только бог, царь и «народ» (разумеется, и помещики).

Новую позицию в борьбе классов и партий занял состоявшийся в конце ноября 1916 г. XII (последний) съезд Объединенных дворянских обществ — сословной организации господствовавшего класса. Он отметил, что монархическое начало — «вековая основа государства, крепость и единство его» — претерпевает колебание в своих собственных устоях, а «безответственные темные силы * подчиняют своему влиянию верхи власти и посягают даже на управление церковное, что святите-

* Как известно, в то время под этим термином подразумевались различного рода проходимцы, ловкачи, и прежде всего Распутин, люди, составлявшие придворную камарилью и пользовавшиеся особым доверием царской семьи.

ли церкви смущены происходящим на глазах у всех соблазном, христиане не слышат от них свободного слова».

«Необходимо,— говорилось в решении съезда,— создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе, однако ответственное только перед монархом» [19]. А ведь всего год назад российское дворянство высказалось против «всенародных желаний» (уступок буржуазии), объявив их «происками неблагонадежных лиц» [20]. Разумеется, что новые веяния не могли нравиться Николаю II. Однако он принял дворянский адрес из рук председателя совета объединенного дворянства А. Д. Самарина и даже поблагодарил его. Царица же заявила, что отняла бы чин у Самарина, осмелившегося подписать такую резолюцию.

Показательно, что осенью 1916 г. некоторые члены царской фамилии, прежде всего великий князь Николай Михайлович, просили Николая II избавиться от влияния Распутина и царицы, пойти на уступки думской оппозиции.

Сам господствующий класс заколебался, чего не было ни перед, ни во время первой российской революции. Спасая свое привилегированное положение, он вынужден был просить царя отстранить от влияния на государственные дела авантюристов, пойти на уступки другому эксплуататорскому классу и его партиям. Разумеется, помещики-дворяне хорошо понимали, что они многого не потеряют, если правительство будет ответственным не перед Думой, а только перед царем.

Николай Романов — первый помещик и дворянин России — в значительной степени лишался безоговорочной поддержки того класса, интересы которого защищало самодержавие. Но самодержавие имело еще относительную самостоятельность и представляло, по определению В. И. Ленина, «до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу» [21]. Однако интересы царя и первого в стране сословия по-прежнему полностью совпадали, никаких противоречий между ними не существовало. Царь лишь не поднялся до понимания размеров опасности, которая угрожала ему и его классу.

По-своему хотел спасти династию Романовых Пуришкевич, который считал, что надо избавить царя от главной «темной силы» — Григория Распутина, приобретшего большое влияние при дворе. Высокопоставленные особы звали его «старцем» или даже «святым

старцем», царь и царица — «нашим Другом». В 1916 г. этот 44-летний полуграмотный крестьянин из Тобольской губернии выглядел большеносым здоровым деревенским мужиком, носившим длинные черные волосы, бороду. Говорил он на особом жаргоне, смешивая церковный язык с простонародным.

Вот одно из его писем царю и царице, напечатанное газетой «Речь» 30 апреля 1917 г., по поводу думского запроса о Распутине: «Миленька и папа и мама! Вот бес-то силу берет окаянный. А Дума ему служит; там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьяго Помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост,— клевещет, смуты делает. Запросы. Папа. Дума твоя, что хошь, то и делай. Какие там запросы о Григории. Это шалость бесавская. Прикажи. Ни какех запросов не надо. Григорий».

Распутин сумел внушить чете Романовых, особенно царице, что без его молитв наследник цесаревич Алексей, страдавший неизлечимой болезнью — гемофилией (несвертываемость крови),— умрет. Став необходимым царской семье, он со временем вошел в состав придворной камарильи, принял активное участие в политической жизни вплоть до назначения и смещения министров. Используя свое положение при дворе, Распутин обогащался, не пренебрегая никакими средствами. Его развратный образ жизни стал достоянием широкой публики. Заговорили о «распутинщине» как символе разложения не только царского двора, но и самодержавия в целом.

Вот этого человека и убил в ночь с 16-го на 17 декабря 1916 г. Пуришкевич с компанией других монархистов, сказав прибежавшему на выстрелы городовому, что он застрелил собаку. Вместе с главой Союза Михаила Архангела в убийстве участвовали великий князь Дмитрий Павлович и князь Феликс Юсупов.

Однако убийство Распутина почти ничего не изменило при царском дворе, да и не могло что-либо существенно изменить. Дело было не в нем одном, а в придворной камарилье в целом, этом, по выражению В. И. Ленина, втором закулисном правительстве[22]. «Старец» безусловно влиял на политику, особенно на назначение людей, проводивших ее, но политический курс определял не он. Распутин совершенно не был подготовлен к государственной деятельности. И это видели многие. «Я далек от мысли утверждать, что Распутин являлся вдохновителем и руководителем гибельной работы своего кружка (читай: придворной партии.— *Л. С.*),— писал Родзянко.— Умный и проныр-

ливый по природе, он же был только безграмотный, необразованный мужик с узким горизонтом жизненным и, конечно, без всякого горизонта политического,— большая мировая политика была просто недоступна его узкому пониманию. Руководить поэтому мыслями императорской четы в политическом отношении Распутин не был бы в состоянии»[23].

Заявление Родзянки подтверждается документами

В свете этого нельзя согласиться ни с историками 20-х годов, ни с историками нашего времени, которые явно преувеличивали и преувеличивают до сих пор роль Распутина в политической жизни России последних лет существования царизма. Это преувеличение перешло в литературу и кино. Главная причина явления, на наш взгляд, кроется в одностороннем подходе к изучению источников, дающих информацию о Распутине. В самом деле, чаще всего и больше всего сведения о «старце» черпают из переписки Александры и Николая Романовых, содержащей действительно большой и яркий материал. Достаточно сказать, что имя Распутина (во всех вариантах) в трех последних томах (всего их пять) упоминается более чем на 400 страницах из имеющихся 1000 страниц, и не просто упоминается, а чаще всего в вопросах, имеющих важное государственное значение, и, как правило, не один раз, а по нескольку раз на одной странице.

«Наш Друг сказал, что ты слетишь с престола, если не назначишь Протопопова»,— писала царица своему коронованному супругу. Страшновато, не правда ли? Но Николай мнется: «Говорят, что несколько лет тому назад он (Протопопов.— *Л. С.*) был не вполне нормален после известной болезни (когда он обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека мин[истерство] внут[ренних] дел в такие времена»[24]. И все же Протопопов получает назначение. Предсказание «старца» или его авторитет подействовали на царя? Оказывается, все было сложнее.

Александра Романова неустанно напоминает своему супругу о «чудодейственных» советах Распутина. «...Я всецело верю в мудрость нашего Друга, ниспосланную Ему богом,— писала она,— чтобы советовать то, что нужно тебе и нашей стране. Он провидит далеко вперед, и поэтому можно положиться на Его суждение»[25]. Эта мысль пронизывает всю переписку Романовых за последние годы.

Верил ли царь в предсказания Распутина? Нам представляется, что он больше сомневался в них, чем верил. Однако слабовольный Николай, находясь под

сильным влиянием своей жены, вынужден был прислушиваться к словам «старца».

Но главное состояло в другом. Если глубже проанализировать переписку царской четы в совокупности с другими документами, то становится ясным, что первоисточником большинства мыслей, высказываемых Александрой Николаю от имени Распутина, являлся не «старец», а другие люди из придворной камарильи, и прежде всего сама царица. Распутин ей нужен был как своеобразное средство давления на царя. Он был рупором придворной партии*. И назначение Штюрмера председателем Совета министров, а Протопопова — министром внутренних дел было делом рук прежде всего царицы. Разумеется, ее горячо поддерживал в этом Распутин, которого Александра Романова часто втягивала в свои дела. Николай иногда противился. «Только прошу тебя,— писал он 10 ноября 1916 г.,— не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе»[26]. Но чаще всего «выбора» не было.

Заключая сюжет о Распутине, добавим еще, что не только историки и литераторы, но и лидеры буржуазных партий преувеличивали (последние сознательно) роль «старца» в политике самодержавия, его влияние, для того чтобы легче было критиковать правительство, придворную камарилью, мешавшие царю пойти им на уступки.

Такова краткая предыстория борьбы политических сил, и прежде всего партий эксплуататорских классов, в преддверии 1917 года. Она зафиксирована во множестве исторических источников: в напечатанных и хранящихся еще в архивах документах, в газетах, в воспоминаниях политических деятелей, в написанных на их основе книгах. Велась эта борьба в основном легально и была известна широкой публике.

Однако существовали политические силы, партии, которые в отличие от буржуазных форм борьбы за власть применяли как легальные, так и нелегальные методы борьбы. К сожалению, источников, которые отражали бы их деятельность, очень мало. Газет в России они фактически не имели, их лидеры мемуаров почти не писали, члены этих партий жестоко преследовались самодержавием и находились в подполье. Царское правительство не остановилось даже перед

* Такой вывод сделан некоторыми историками (см., например: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение самодержавия. М., 1976. С. 234—238).

тем, чтобы отправить на каторгу членов IV Государственной думы большевиков А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Г. И. Петровского, Ф. Н. Самойлова, Н. Р. Шагова.

Но именно революционные партии выражали интересы тех классов, которые были главной движущей силой истории и в конечном счете определяли ее ход. Они оказывали огромное влияние и на поведение оппозиционеров. Революционные классы и были, по образному выражению К. Маркса, «кротами истории». Долго и кропотливо вели они свою работу, свершали революции. В России в XX в. появились революционные партии, которые возглавили эксплуатируемые классы, умножив их силы.

Партии эти объединяла борьба за свержение царизма революционным путем, но они были совсем не похожи друг на друга как по своим целям, так и по средствам их достижения. Разными являлись их роль и место в историческом процессе.

Первое и особое место среди них принадлежало партии большевиков, созданной и выпестованной Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным. Эта единственно последовательная и до конца революционная сила в борьбе с царизмом и буржуазией выражала интересы самого передового класса современного общества — пролетариата и всего трудового обездоленного и угнетенного люда.

На базе мощного подъема революционного движения рабочих (осенью 1916 г. произошли 273 политические забастовки, в которых участвовало до 310 тыс. человек [27]), крестьян, угнетенных национальностей (восстание в Туркестане), когда в городах все чаще раздавались призывы «раньше всего уничтожить внутреннего немца, а потом уже приниматься за заграничного», когда «обыватель пробудился и вместо ожидаемого «ура» кричит «караул»» [28], активизировали свою работу центральные и местные большевистские организации. В то же время именно они и всколыхнули это движение.

В отличие от буржуазных партий, пытавшихся использовать революционный подъем для торга с самодержавием (дай нам место в правительстве, и мы успокоим рабочих), большевики направляли его по политическому руслу, теоретически обобщали события, творчески развивали учение Маркса — Энгельса о революционном преобразовании общества. Ни одна партия не придавала такого гигантского значения развитию революционной теории, как большевики, В. И. Ленин.

В ряде программных документов («Война и россий-

ская социал-демократия», «Крах II Интернационала», «Социализм и война») В. И. Ленин раскрывает захватнический, грабительский характер войны. Разрабатывая стратегию и тактику большевиков, он обосновывает главный тактический лозунг партии — превращение войны империалистической в войну гражданскую и вытекавшее из него положение — поражение своего правительства в войне. «Нельзя,— писал он,— в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины...»[29]

Развивая далее теорию социалистической революции, Ленин написал замечательные труды: «Империализм, как высшая стадия капитализма», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Военная программа пролетарской революции». Он делает вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих или в одной стране. Именно в России складывались наиболее благоприятные условия для такой победы, ибо противоречия империализма в стране достигли наибольшей остроты. Здесь созрели экономические и политические предпосылки к социалистической революции: средний уровень развития капитализма, огромная концентрация пролетариата на производстве, большой революционный опыт передового класса общества, имелась вооруженная передовой теорией марксистско-ленинская партия, возглавившая борьбу рабочего класса и всех эксплуатируемых.

Вместе с тем Ленин, партия большевиков понимали, что социалистическая революция в России может осуществиться только после свершения буржуазно-демократической революции, которая неминуемо должна перерасти в пролетарскую. Ленинское учение об империализме, как кануне социалистической революции, об империалистических войнах, ставящих под угрозу цивилизацию, о роли революционных партий в обществе имеет непреходящее значение. Исторический опыт полностью подтверждает, что в конце XX в. развитие мировой системы капитализма все больше готовит материальную основу для замены его социализмом во всемирном масштабе, а планирование империалистами ядерной войны создает проблему выживания человечества. И что правильное преодоление противоречий современного, сложного, но единого мира предлагают коммунисты.

Наряду с огромной теоретической работой вождь

большевиков из-за границы руководил партией. По его указанию осенью 1916 г. было восстановлено Русское бюро ЦК РСДРП для усиления непосредственной борьбы против самодержавия и налаживания более тесной связи с местными партийными организациями. В нем активное участие принимали А. Г. Шляпников, вернувшиеся из ссылки В. М. Молотов, П. А. Залуцкий.

Несмотря на систематические аресты партийных работников, не прекращал свою деятельность Петербургский комитет РСДРП, объединивший к концу 1916 г. около 2 тыс. членов большевистской партии. Он готовил рабочих к переходу от забастовок к массовым политическим выступлениям.

Кропотливую подпольную работу вели большевики Москвы, Поволжья, Урала, Сибири, Донбасса, других регионов России. «Готовьтесь к решительному бою со своими угнетателями!»[30] — эти слова листовки большевиков Ростова были общим призывом партии пролетариата.

Продолжали бороться против самодержавия и мелкобуржуазные партии эсеров, трудовиков, меньшевиков, а также партии их национальных собратьев. Состояние этих партий в годы войны в целом было крайне плачевным. В отчете царской охранки за 1916 г. говорилось: «Что касается партии социалистов-революционеров, то, по сведениям департамента полиции, таковой в России не существует»[31]. Это было близко к истине, хотя отдельные, разрозненные эсеровские организации имелись. Что касается меньшевиков, то у них кроме нелегальных организаций существовали такие важные гласные опорные пункты, как фракция в IV Государственной думе, Рабочая группа при Центральном Военно-промышленном комитете (ЦВПК), которая создала на ряде крупных предприятий «группы содействия». Имели свою фракцию в Думе и трудовики.

Тактика левого блока, осуществляемая большевиками, руководящая роль их в этом блоке давали возможность выступить против царизма общими силами всех революционных партий (совместное участие в забастовках, демонстрациях, существование большевистско-эсеровских военных организаций и т. д.).

Напоминаем при этом, что мелкобуржуазные социалисты выступали против лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую.

Камнем преткновения для всех мелкобуржуазных партий было их отношение к империалистической войне. Большинство представителей этих партий встало на позиции социал-шовинизма («революционного шовиниз-

ма»), соединив оборонческий патриотизм с мелкобуржуазной революционностью. Так, в обращении Поволжской организации эсеров «Ко всему русскому народу» говорилось: «Граждане! Ради победы над врагом, ради счастья России, ради сохранения жизни миллионам наших братьев и отцов, которые стоят там, на западной границе, безоружные, оборванные, преданные своими вождями, восстанем и сбросим это правительство, где глупость тесно сплелась с изменой»[32].

Наиболее рьяно и последовательно социал-шовинизм отстаивал Г. В. Плеханов, ему вторили меньшевики К. А. Гвоздев, А. Н. Потресов, Г. А. Алексинский и др.

Но в отношении к войне мелкобуржуазные социал-демократические и народнические партии не были едины. Многие из них занимали оппортунистические центристские позиции, следуя за главным центристом Карлом Каутским. Их позиция определялась лозунгом: «Ни побед, ни поражений». Центристской, например, была фракция меньшевиков в IV Государственной думе. Среди центристов были правые, в том числе П. Б. Аксельрод, возглавлявший меньшевистский Организационный комитет (ОК), и левые центристы, которые называли себя интернационалистами. Меньшевиков-интернационалистов представляли Л. Мартов, Л. Д. Троцкий, эсеров-интернационалистов — В. М. Чернов, М. А. Натансон. В. И. Ленин, критикуя центристов, показывал, что на деле они поддерживали социал-шовинистов и оппортунистов. О Троцком он писал: «Всегда равен себе=виляет, жульничает, позирует как левый, *помогает* правым, пока можно...»[33] Это было написано 19 февраля 1917 г.

Одновременно Ленин с большим вниманием относился к левым социалистическим деятелям, помогал им, добивался сближения, сплочения интернационалистов разных стран.

Все мелкобуржуазные социалисты в той или иной степени были оборонцами: долой царя, но да здравствует победа над Германией. Это в известной степени и явилось одной из причин для заключения в будущем соглашений между ними и либеральными буржуазными партиями.

Таким образом, против царизма боролись самые различные партийные силы, стремившиеся и к разным целям. Партии либеральной буржуазии хотели только подрезать царизм и превратить Россию в буржуазную монархию, продолжить империалистическую войну до победы. Мелкобуржуазные партии шли на свержение

царизма, на прекращение империалистической войны, но при этом ратовали за ведение оборонной войны против немцев. И только большевики боролись за полное искоренение царизма и полное прекращение войны, за освобождение всех народов от империализма.

Россия в условиях непосредственной революционной ситуации подходила к 1917 г. Именно тогда народ подвел черту под многовековой самодержавной историей страны и открыл совершенно новую ее страницу.

Часть I

Конец двуглавого орла

1. КАК НАЧИНАЛСЯ 1917 ГОД

Внешне, казалось, все было обычно. В первый день нового года газеты самых разных партийных направлений на видных местах писали об официальных действиях, так сказать, верхнего эшелона российского общества, о событиях, связанных с императором Николаем II, особами царской фамилии, членами правительства, другими высокопоставленными чиновниками. Приводились именные высочайшие указы, предназначенные Государственному совету, Правительствующему сенату, о новых назначениях. Все они оканчивались словами: «На подлинном Собственною его Императорского Величества рукой написано Николай. В Царском Селе, 1 января 1917 года».

Раздавались, как и обычно, пожалования и награды «в воздеяние отличноусердной службы и ревностных трудов»: чиновники производились из статских советников в действительные статские, а те — в тайные советники, отличившиеся награждались орденами Белого Орла, Святого Станислава 1-й степени, святого равноапостольного князя Владимира 2-й степени, Анны 1-й степени и т. д. и т. п. Наряду со всемилостивейшими рескриптами императрицы Марии Федоровны (матери царя) печатались одобренные Государственным советом и Думой высочайше утвержденные законы. На последних стояли царевы слова: «Быть по сему».

Самыми значимыми из политической жизни были новые назначения по Государственному совету. Царь всемилостивейше повелевал статс-секретарю, действительному тайному советнику И. Г. Щегловитову стать председателем оного[1]. Поясним: помещик и ярый монархист, Щегловитов был в свое время министром внутренних дел, в конце 1915 г. председательствовал на съезде черносотенных партий Союза русского народа и Союза русских людей. В Государственный совет вошло 17 новых членов, главным образом правого направления. Николай II пытался сделать эту часть российского

парламента более послушной в проведении своей политики, противопоставить ее Думе *.

Буквально накануне 1917 г. царь назначил нового (и последнего) председателя Совета министров — 67-летнего князя Н. Д. Голицына, а затем военного министра генерала от инфантерии М. А. Беляева, управляющего Министерством народного просвещения Н. К. Кульчицкого, министром внутренних дел остался А. Д. Протопопов.

Печать сообщала, что в полночь под Новый год в столице по распоряжению митрополита Питирима во всех церквах было совершено торжественное молебствие. Митрополит служил в соборе Александро-Невской лавры; в Исаакиевском и Казанском соборах служили викарные архиереи — Вениамин Гдовский и Геннадий Нарвский. 1 января после литургии снова состоялись молебны. В газете «Русское знамя» в разделе «месяцеслов» (его печатали все правые газеты) читаем: воскресенье, 1 января, неделя 31-я по пятидесятнице. Обрезание господне. Праздник святого Василия Великого.

В первый день Нового года в четвертом часу дня в Большом Царскосельском дворце Николай II изволил принимать поздравления от своих подданных и представителей дипломатического корпуса. Собралась вся высшая элита государства российского. Первыми принесли поздравления председатель Совета министров князь Голицын, министры, председатели Государственного совета Щегловитов и Государственной думы Родзянко, главноуправляющие, министр великого княжества Финляндского, государственный секретарь, помощник министра императорского двора, высшие чины двора, лица свиты. Далее «его императорскому величеству имели честь быть представленными» дипломаты. Их было много. Три часа Большой Царскосельский дворец блестел от мундиров и орденов [2].

Отметим факт, взбудораживший высшие сферы столицы. Во время приема у царя Родзянко не подал руки министру внутренних дел Протопопову, исключенному перед этим Гучковым из партии октябристов. Это считалось большим оскорблением. Заговорили о дуэли, но Протопопов не прислал секундантов.

Как всегда, газеты пестрели рекламами и объявлениями о покупках и продажах, начиная от гвоздей и

* После изменений в Государственном совете в январе 1917 г. в нем состояли: правые — 67—69 человек (в 1916 г.— 58), представители правого центра — 29 (было 29), центра — 50 (было 59), левых — 20 (было 20) (Русское слово. 1917. 1 янв.).

кончая свободной рабочей силой. Основной закон капитализма со всей неумолимостью действовал в России, вступившей, как и государства Запада, в стадию империализма. Продать можно было почти все, а вот купить — уже нет. Издержки войны. Имелись сообщения и о духовной жизни общества — культуре, образовании, медицине. Короче говоря, газеты содержали самые разнообразные сведения. Так, главная кадетская газета «Речь» 1 января 1917 г. писала о жизни в столице: Александринский театр дает пьесу Л. Н. Толстого «Плоды просвещения», Мариинский — балет П. И. Чайковского «Спящая красавица», театр А. Ф. Аксарина — оперы «Травиата», «Добрыня Никитич», «Севильский цирюльник», «Фауст с вальпургиевой ночью», вечером 2 января — «Жизнь за царя» с участием Федора Шаляпина.

И здесь же читаем: курсистка с золотой медалью, умеющая печатать на машинке, ищет вечернюю работу; студент-репетитор готовит учеников; продаются за умеренную цену дамские корсеты всех размеров, свечи от геморроя; ювелир Б. Марков покупает по высокой цене на любую сумму бриллианты, жемчуг, драгоценные камни, античные вещи. А рядом объявления о лечении хронического триппера и сифилиса, о продаже дизелей от 12 до 1100 лошадиных сил. И наконец, сенсационное сообщение об ограблении банка: в Харькове задержан рецидивист некий Шиманский, который вместе с другим крупным вором похитил из приказчичьего банка 2,5 млн. руб.

Примерно так же начинала 1917 г. вторая столица России — Москва. Октябристская газета «Русское слово» 1 января информировала о том, что открыта выставка скульптора действительного члена императорской Академии художеств С. Т. Коненкова. В театре К. И. Незлобина давалось представление «Враги» М. П. Арцыбашева, в Мамонтовском театре миниатюр — «Барышня Маня и Сенька-разбойник», в кинотеатре Арс — «Страстная песнь любви и печали». Присяжный стряпчий М. Л. Зайцев предлагал услуги по бракоразводным делам. Доктор В. Понятовский объявлял, что пользует по внутренним и женским болезням. Сообщалось, что волею божию скончались кандидат богословия И. И. Троицкий и потомственный почетный гражданин П. А. Работкин. И здесь же: седые волосы красят скоро и прочно во все цвета; продаются офицерские седла, проволочные стальные канаты, сложные молотилки.

Газета прогрессистов «Утро России» напечатала

1 января объявление о том, что правление Московского банка имеет честь довести до сведения господ акционеров о намечаемом на пятницу 3 февраля в 5 часов вечера общем собрании акционеров с повесткой дня: 1) увеличение складочного капитала банка, 2) открытие новых отделений банка, 3) текущие дела.

И все же чувствовалась некоторая разница между Петроградом и Москвой. Она становилась ощутимее, когда читатель переходил от реклам к изучению статей и сообщений. Первая столица была более капиталистична и космополитична, вторая — купечески-провинциальна и более патриотична и национальна. В новогодней статье «Москва» прогрессист Т. Ардов писал: «Москва, как древний Иерусалим: опустошена, разграблена и унижена с тех пор, как русская государственная власть уведена в плен, в северный Вавилон.

Но скоро — и гораздо скорее, чем думают,— настанут дни, когда «заблудшая дочь» вернется на родные холмы, на которых когда-то происходила великая работа собирания России»[3].

Характерна одна из зарисовок купеческой Москвы того времени. Сделала ее 1 января корреспондентка газеты «Речь». Кутить здесь всегда любили. Ездили «встряхнуться» к Яру, Омону, в Стрельну. Но сейчас другое. Прежде всего невероятно выросло число ресторанов и кафе-шантанов. В 11 часов вечера не найдете ни одного свободного столика. Запрещенные вино, коньяки, водка льются рекой, цены на них возросли баснословно: 20 рублей бутылка вина — кислой бурды, 80 рублей — коньяк. Водку пьют стаканами, наливая из нарзанной бутылки. «Нарзан — питье невинное, его можно подавать гостям в любом количестве. А что гости с помутневшими взорами чокаются стаканами целебной воды — даже трогательно»,— иронизирует автор статьи.

Бросалось в глаза большое число женщин в мехах и драгоценностях, раскормленных, накрашенных. «Здесь, на виду, полнее, ярче можно выявить «скоропостижно» накопленные богатства, вкусить всю неожиданную сладость обладания ими». Ревизия обнаружила истинное содержание «нарзана»:

— Ты знаешь, чем это пахнет?— спросил ревизор владельца большого кафе-шантана, поднося к его носу стакан с «нарзаном».

— Тремя тысячами,— не моргнув глазом, ответил тот.

Но подобные «картинки» лишь касательно иллюстрировали тот открытый грабеж, казнокрадство, взя-

точничество, которые достигли невиданных размеров. Кадетская газета не прочь была поругать хапуг, темных дельцов. Однако ни словом не обмолвилась о тех, кто «культурно» грабил народ, наживая миллионы на войне, на эксплуатации рабочих и крестьян.

Печать буржуазных партий особенно много писала о жизни «второго эшелона общества» — о промышленниках, финансистах, купцах, высших слоях интеллигенции, а также о состоянии экономики. «Торгово-промышленный вестник» 31 декабря 1916 г. сообщал, что на состоявшемся накануне нового года собрании акционеров первого общества подъездных железнодорожных путей в России, имевшего 15 066 акций, представленных Русско-Азиатским, Петроградским международным Коммерческим, Азово-Донским и другими ведущими банками России, решались два вопроса: выделение 70 млн руб. на строительство новой железной дороги и назначение повышенных окладов директорам (8 тыс. руб. каждому в год).

Все больше и больше места газеты уделяли экономическому положению страны. Многочисленные отклики содержались на введенную в декабре 1916 г. государственную разверстку хлеба, тревожно говорилось о положении на местах с продовольствием. В заголовках все чаще появлялось слово «кризис». Сообщалось, что в Кременчуге продолжается хлебный голод, в Житомире — недостаток муки, в Сумах — острый мучной голод, в Одессе нет сахара. И это в хлебных губерниях! И как бы между прочим упоминалось, что с 1 января на 15% повышаются железнодорожные тарифы, и т. д. и т. п.

Главное место в газетах всех политических направлений занимала война. Ежедневно передавались фронтовые сводки, сведения о положении союзников, о действиях вражеского лагеря, подводились итоги, ставились прогнозы, но ни в одной из них (речь идет о легальной печати) война не называлась своим настоящим именем — грабительством народа.

В большой рубрике «Война» газеты 1 января поместили сообщение от штаба Верховного главнокомандующего: «Западный фронт. В рижском районе южнее озера Бабит немцы густыми цепями атаковали наши части, расположенные восточнее деревни Калицем. Атака была отбита.

Воздушная эскадра противника из 13 аэропланов сбросила на станцию и местечко Родзивалов около 40 бомб. Наши аэропланы, произведя разведку в тылу противника, несмотря на сильный артиллерийский обстрел по ним, снизились... и обстреляли пулеметным

огнем батарею противника у деревни Крухов (в 20 верстах восточнее Зелочева)».

Далее шли вести с Румынского и Кавказского фронтов. Там «ничего существенного не произошло».

Приводились официальные сообщения союзных правительств — на их фронте «велись разведка и артиллерийская перестрелка».

Наряду с отражением, так сказать, регистрацией текущих событий газеты подводили итоги старого года, делали прогнозы на новый 1917 год. Что же волновало общественность?

Помещичье-монархический Союз русского народа со страниц своей газеты «Русское знамя» в первый день нового 1917 г. вопрошал: «Предпринято ли нами что-нибудь такое, чтобы отошедший в вечность старый «несчастный» 1916 год не вернулся снова, не воплотился в своего юного преемника со всеми прежними горестями и невзгодами, которыми сам он так щедро одарял нас изо дня в день, не зная ни жалости, ни пощады?» И констатировал: «Ровно ничего не сделано в этом направлении, ничего существенного не предпринято!» А рядом постоянный обозреватель официоза пояснял, что царь, правительство, не согласившись на допуск к власти буржуазии, произведя перемещения в правительстве и Государственном совете, одержали победу. По его вычурному выражению, «лицо крамолы покрылось смертельной бледностью», ибо царь избрал правительство «из правых русских людей», которое и «управится с темной ратью внутренних врагов».

А вот мнение, высказанное в статье «На рубеже 1917 года». «Чрезвычайно любопытную эпоху,— писал ее автор,— переживает Россия. В ее истории вполне определенно наметился резкий поворот. К худшему или лучшему он приведет наше государство — покажет будущее. Остановить стремительный бег текущих общегосударственных и политических событий нельзя. Остается лишь молить всевидящее око о поддержании в русском народе его неистощимой выносливости в борьбе за свободу и счастье России».

Такие разные высказывания, представленные в газете, вполне объяснимы. Руководство черносотенцев не устраивали половинчатые, нерешительные, с их точки зрения, действия властей; в то же время они приветствовали борьбу с «крамолой», а те из них, которые понимали, что страна стояла на распутье, уповали только на бога.

Уже в следующем номере «Русского знамени», от 3 января, перемещения в Государственном совете оце-

ниваются вполне лояльно: «Подбор сил для предстоящей нелегкой борьбы сделан, по-видимому, вполне удачно, и мы считаем приятным для себя долгом сказать: «В добрый час! Бог на помощь!»»

1 января другая черносотенная газета, «Земщина», издаваемая погромным помещиком Марковым 2-м, зло высмеивала Думу, которая за четыре с половиной месяца заседаний в 1916 г. приняла всего несколько десятков мало-мальски сто́ящих законопроектов, из которых «самыми значительными» были-де закон о «мясопустых днях» и о «неубое телят», остальное — «вермишель». Дума оставила не рассмотренными 1200 дел. Газета приветствовала новые назначения и перемещения в правительстве и Государственном совете, которые «служат порукой, что правительство не намерено продолжать прежних колебаний и решилось выполнить волю и предначертания державного вождя». Монархический «Голос Руси», подпевая, стращал: «Правительство должно ясно сказать, что государственного переворота оно не допустит. Если, как говорил депутат Керенский, оппозиция верует в силу «улицы», то пусть попробует прибегнуть к этой улице. Только как бы не промахнулись».

Реакционная газета «Московские ведомости», всячески поддерживая правительство, его противодействия общественным организациям, поучала: «Никогда не делай того, что тебя хочет заставить сделать твой противник». Правый, полуцерковный «Колокол» накануне нового года философствовал: 1916 год был високосный, а значит, тяжелый. 1812 год, когда неприятель, как и сейчас, находился на нашей земле, тоже был високосным, но затем последовало время разгрома Наполеона. Сейчас немцы заговорили о мире, будучи на нашей земле. Так же было и в 1812 году. Наполеон, пребывая в Москве, запросил мира. Продолжая эту мысль, газета 1 января 1917 г. вещала: «Наступившему 1917 году суждено будет стать первым годом новой эпохи в жизни русского народа, русского государства».

Да, 1917 год действительно стал зарей новой эпохи, но совершенно в ином значении и понимании, чем предсказывалось газетой.

Особого внимания заслуживает статья новогоднего «Колокола» под названием «Наше credo на 1917 год». Часть правых, пытаясь приспособиться к изменившимся условиям (при сохранении основных монархических начал), продиктованным войной, вынужденно пересматривает ряд своих позиций. «Повелительные уроки истории военного строя,— говорится в газете,— заставили

нас отказаться от лозунгов крайне правых партий с их политикою разъединения сил власти и общественности в государственном устроительстве Земли Русской...» В статье подчеркивалось, что, охраняя державные права русского народа, «Колокол» одновременно выступает за единение всех народов. Газета старательно проводила намеченный курс.

Особые надежды на 1917 год возлагала основная партия российской буржуазии — кадеты, хотя начало его было для них неудачным. Первой реакцией кадетов на создание нового правительства была полная растерянность. «Перемен все ожидали, считали их неизбежными,— писала «Речь» 31 декабря 1916 г.,— но в том виде, как они совершились, они произвели потрясающее впечатление своею неожиданностью, вернее, необъяснимостью». Анализируя первое заявление премьер-министра Голицына о предстоящей деятельности кабинета (опубликованное газетой «Новое время» 30 декабря 1916 г.), кадетский официоз отмечал, что самое плохое — это отсутствие у Голицына программы действий, одни разговоры, которые много раз все слышали. Газета сравнивала нового премьер-министра с мольеровским героем, который не знал, что говорит прозой.

Один из столпов кадетов, И. В. Гессен, в статье «Новый год» писал, что, казалось бы, в переживаемый тяжелый момент для страны должна произойти решительная перемена в действиях властей, что непререкаемый лозунг «все для войны» должен упростить все отношения, направить в одно русло энергию всех государственных и общественных деятелей и ускорить победу над врагом. Но этого не произошло, сокрушался автор. Касаясь новых назначений, Гессен отмечал, что опять всплыли давно похороненные на бюрократическом кладбище имена, и поэтому хорошего ожидать нечего, «значение перемен, как политического фактора, не только не поколеблено, но, напротив, становится все ярче, острее, внушительнее». Призывая противопоставить стихийности реакции объединение и организацию, автор предостерегал: «Было бы трагично, если бы общественные силы не извлекли урока из недавнего прошлого и точно также подчинились бы стихийному течению»[4].

Правые партии расценили статью как призыв к неповиновению правительству и чуть ли не как подготовку к революции.

Крупный кадетский функционер, заядлый оратор партии Федор Родичев, отражая мнение буржуазного общества, так определил задачи: «Теперь надежды

одной мало. России нужно осуществление, нужны решительные шаги, действенное начало... Нам нужно воплощение в делах духа свободы, духа победы в этой войне». И предрекал: «1917 год — год решающего поворота в судьбах страны»[5].

Подводились итоги в экономике и финансах. Кадетский экономист А. Шингарев, указывая на тяжелое наследство, оставленное наступающему году, приводил такие цифры: государственный долг увеличился больше чем на 26 млрд руб., количество внутренних бумажных денег достигло 9 млрд руб. вместо нормальных 1,5—2 млрд руб. Трудно сказать, что́ готовит в экономике 1917 г., если не изменится порядок в России, если будет и дальше игнорироваться общественное мнение, сокрушался автор[6].

Московская газета «Русское слово» 1 января в редакционной статье «Новогодние перспективы» изобличала власти в том, что новые назначения привели к полному отказу от «совместной работы с общественностью», к открытому и решительному отрицанию всех ее прав в государственной жизни страны. Размаху и требованиям современной реакции уже не могли угодить и такие преданные и опытные бюрократы, как смещенные премьер А. Ф. Трепов и министр юстиции А. А. Макаров. Некий Рэффи в своем обзоре «Новый год» писал, что он никого не хочет поздравлять, ибо это вроде: «Крепко вас целую и от души поздравляю: у вас пожар в доме и тетка зарезалась». Прошедший 1916 г. охарактеризован им так: «Глупый был покойничек и бестолковый». А новое правительство представлялось следующим образом: «Без портфеля, без программы, без реформ, без доверия, без плана действия и вообще без руля и ветрил... Таков единственный всероссийский отзыв о новом премьер-министре Н. Д. Голицыне».

«Внешние черты нашего внутреннего «Нового года»,— продолжала газета прогрессистов «Утро России» в его первый день,— определились: «Голицын — Щегловитов — Кульчицкий». Уж не это ли новое счастье наше? И пристало ли нам перед лицом этой снисшедшей на нас новогодней троицы поздравлять друг друга с каким-то новым счастьем?» Далее газета высказывала сокровенную мечту всех буржуазных и помещичьих партий: «Мы хотим победы в войне и вместе с союзниками добьемся ее. Волей к победе проникнута ответная нота союзных держав на предложение президента Вильсона. Это корректный, достойный отказ от преждевременного мира».

Высказывали, разумеется, свое мнение о наступающем годе и национальные буржуазные партии. Латышская газета «Новое слово» («Taunais Vards»), ставшая вскоре официозом Латышской партии радикал-демократов, солидаризировалась с положениями речи Родзянко, заявившего на новогоднем банкете в английском посольстве, что у нас хватит сил дождаться новых времен, что в новом году мы пожнем плоды победы в войне. 1 января газета заявила: «Мы все время подчеркивали, что у нас с Россией единая судьба, мы одно целое, мы никогда ничего не добьемся, и возрождение нашей жизни придет только с возрождением жизни всей России...» Разумеется, речь шла о буржуазном возрождении, о разделении власти между русскими и латышскими капиталистами и обуржуазившимися помещиками.

О лучшем будущем, тоже буржуазном, говорили латышские демократы. Их газета «Вестник Родины» («Dzimtenes Vestnesis») в связи с этим приводила слова молитвы: «Я верю, боже, помоги моему неверию. Нас ничего не испугает, мы теперь не пугливы...» — уверяла газета 1 января 1917 г.

Главная газета латышской буржуазии «Подсека» («Lidums»), ставшая затем органом латышского Крестьянского союза, так излагала 10 января свою политику в прошлом и задачи на будущее: «В современный тяжелый момент можно было бы много просить, но мы видим, что государству тяжело, и поэтому никаких реформ не просим... Мы серые бараны (кулаки.— *Л. С.*). Наша задача была добиться мелких административных улучшений, поднять благосостояние, а другого не просить». И продолжала: «Каким будет 1917 год, никто не может предсказать, ибо история капризна, как женщина. Но мы знаем, что старая латышская политика не должна продолжаться. Мы не имеем права разделяться, мы должны соблюдать большую экономию, мало жертвуя, много добиваясь». Речь, как видно, шла об объединении всех слоев общества в достижении мелких уступок от царизма.

Анализ высказываний латышских, как и других буржуазных национальных, партий в дни нового года свидетельствует, что они шли в общем русле политики всероссийских буржуазных партий. Разница была только в отношении к национальному вопросу, в их просьбах об уступках царского правительства.

А в это время (9 января 1917 г.) в далеком Цюрихе, выступая перед молодежью в Народном доме, вождь большевиков Владимир Ульянов (Ленин) тоже подводил

итоги прошлого и заглядывал в будущее. Но его научный подход к историческим событиям, их анализ и предвидение разительно отличались от всего вышеперечисленного. Это предвидение исторического пути России и всего человечества совершенно не соответствовало буржуазным прогнозам. Говоря об огромном значении революции 1905 года, Декабрьского вооруженного восстания, исторических уроках тех лет, Ленин проецировал их на современность. Через призму прошлого он рассматривал настоящее и будущее, считая 1905 год прологом новой революции.

«Несомненно,— отмечал вождь большевиков,— что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых» [7]. Не определяя сроков революции (Ленин подчеркивал, что никто не знает и не может знать этого), он всегда повторял, что большевики делали, делают и будут делать все возможное, чтобы ускорить ее приход.

2. ЦАРЬ И ПРАВЫЕ ПАРТИИ

Советские историки немало сделали в изучении последних месяцев существования российского самодержавия и причин его крушения. Но некоторые аспекты и проблемы политической истории можно и нужно рассмотреть дополнительно. В самом деле, как могло случиться, что Николай Романов был сброшен с престола, не проиграв еще войны, имея шансы вместе с союзниками добиться победы над австро-германо-турецким блоком? Мы знаем, что главной причиной свержения самодержавия, победы Февральской революции была не война, а внутренние противоречия империализма, достигшие в России небывалых размеров и остроты. Но ни в коей мере нельзя сбрасывать со счетов мировую войну, которая, по образному определению В. И. Ленина, явилась «всесильным «режиссером»», «могучим ускорителем» всемирной истории и всемирного кризиса [8].

Николай II сразу же после убийства Распутина вернулся, по настоянию жены, в Царское Село и пробыл в нем почти все два первых месяца 1917 г. Таким образом, в последнее время он непосредственно находился у кормила власти и, казалось, должен был многое знать, иметь определенные планы, понуждать правительство к каким-то практическим шагам.

Единственным официальным документом, известным историкам, наметившим программу ближайших задач правительству старой России, был рескрипт царя (первый рескрипт Николая II после 17 октября 1905 г.) председателю Совета министров Голицыну, подписанный 6 января 1917 г. и опубликованный в «Правительственном вестнике» через день. Говоря о полном единении с союзниками, царь не допускал даже мысли «о заключении мира ранее окончательной победы». Перед правительством ставились две задачи: снабдить армию продовольствием, уменьшить продовольственные трудности в тылу и улучшить железнодорожные и речные перевозки. Упоминалось и о большом значении земских организаций, выражалась надежда, что Государственный совет и Дума помогут правительству.

Буржуазные партии, и прежде всего кадеты, расценили этот рескрипт как куцый, явно недостаточный, ибо в нем обходились главные политические вопросы. Но его появление было сознательной акцией. Дана пощечина «претендовавшим на власть» назначением реакционного правительства князя Голицына, т. е. полностью отвергалась идея создания не только ответственного, но и пользующегося доверием оппозиционных партий правительства. Не затрагивая политических вопросов, царь все оставляет по-старому.

Почему так поступил российский самодержец, на что он рассчитывал? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо остановиться на личности царя, рассказать о его семье.

Николай и Александра (урожденная Алиса Гессенская) Романовы имели одного сына-наследника, четырех дочерей, огромное число родственников, самый большой двор в Европе. Доходы царского двора (от земли, рудников) составляли более 42 млн руб. в год. Кроме того, казна ежегодно (с 1906 г.) поставляла по 16 млн руб. Расходы: на содержание царских конюшен и гаража — 1 338 тыс. руб. в год, на царскую охоту — 345 тыс., на охрану дворцов — более 1 млн руб. На начало 1917 г. личные суммы денег в семье составляли: у Николая и его жены — более 1 млн руб. у каждого, у сына Алексея — 5,5 млн руб., у старшей дочери —

5,3 млн руб., у остальных дочерей — 4, 3,7 и 3,3 млн руб.[9] А в России десятки тысяч людей ежегодно умирали от голода.

В начале 1917 г. почти 49-летний Николай Романов, царствующий уже 23 года, был здоров, сдержан, внешне вежлив, психически уравновешен, даже меланхоличен, однако слабоволен (в этом отношении супруга была его полной противоположностью), верил в судьбу. Царь получил подобающее своему положению образование и воспитание (с женой переписывался только по-английски, хорошо владел русским языком), но как политик был не образован, состоял в чине гвардейского полковника (не повысил его и тогда, когда стал верховным главнокомандующим).

Умственные способности царя можно охарактеризовать как посредственные со всеми вытекающими отсюда последствиями. Самое главное, пожалуй, состояло в том, что Николай Романов располагал ограниченной информацией, и прежде всего по политическим вопросам. Он даже хвастался, что, кроме газеты «Русский инвалид», слава богу, ничего не читает. Сведения о положении на фронте и в тылу получал главным образом из докладов начальника штаба, главы правительства, министров, председателей Думы и Государственного совета, из сообщений приближенных. За исключением чисто военных, такие сведения были неполными и однобокими. Особенно плохо он знал состояние дел в тылу. В своих письмах к супруге (за весь 1916 г.) он только два раза упомянул о положении в столице, в частности о положении рабочих. Слабая, однобокая информированность царя объяснялась еще тем, что он имел почти физическое отвращение к неприятным известиям. Придворные знали эту черту характера и сознательно подстраивались к ней.

Огромную роль в политике и личной жизни самодержца играла царица, которая искусно добивалась своего. Не исключено, что женские ее прелести имели «определяющее влияние». На это намекает их интимная переписка. Видимо, находили отклик без конца повторяемые слова царицы: «...будь тверд, будь Иваном Грозным, Петром Первым, не уступай власти, какое наследство ты передашь своему сыну, если уступишь!» Так было до последних дней царствования Романовых. 22 февраля 1917 г., сетуя на «ужасное время», она вновь поучала: «Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским... Дай им теперь почувствовать твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: «Нам нужен кнут!»

Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, жестокость даже и — горячая любовь. Они должны научиться бояться тебя — любви одной мало»[10].

Ну что ж, эти сентенции стары, как мир. Их придерживались, придерживаются и будут придерживаться многие правители, да и не только они. Речь в таких случаях идет о правильном соотношении первого и второго, т. е. об уважении (любви) и страхе. История свидетельствует, что правители больше придерживались позиции: пусть немного любят и много боятся, чем наоборот.

Что касается Николая Романова, то эта фигура вызывала ненависть у большинства народа. Его царствование началось с трагедии на Ходынском поле. Имя Николая Кровавого связано с расстрелом народа 9 января 1905 г., а затем тысячами и тысячами повешенных, сосланных на каторгу, посаженных в тюрьмы после поражения первой революции в России, миллионами убитых и искалеченных в годы империалистической войны. «Любовь» самодержца к своему народу лишь пустословие царицы.

Нет никакого сомнения в том, что царь в известной мере тешил себя иллюзиями, которые не без умысла поддерживали черносотенцы. В январе — феврале 1917 г. из политических сил фактически только помещичье-монархические партии были приверженцами самодержавия. Создавая видимость, что за ними стоят большие слои народа, они убеждали в этом и царя. Между тем уже в начале 1917 г. черносотенцы, осознавая, что почва все более и более уходит из-под их ног, пытались активизировать и разнообразить свою деятельность.

Николаю II, царице, реакционным министрам, руководителям правых фракций в Думе и Государственном совете шли многочисленные письма и телеграммы от отделов Союза русского народа, инспирируемые, как правило, Дубровиным. Выражая верноподданнические чувства, черносотенцы призывали царя не уступать никому власти, карать крамольников. А царь отвечал: «Благодарю сердечно!»

В середине января Николаю II были переданы две записки: одна — от имени «Православных русских кругов Киева», составленная черносотенным депутатом Думы Митрицким; другая — от правого члена Государственного совета Говорухи-Отрока. В них предлагались меры для обуздания оппозиции вплоть до роспуска Думы, пресечения революционной пропаганды, введе-

ния осадного положения в столицах и т. д. Призыв восстановить самодержавие в полном объеме инспирировался как якобы требование народа [11].

В одной из них — киевской — ее составители уверяли царя, что самодержавие поддерживает «подавляющее большинство трудового населения сел и местечек: крестьяне, мещане, сельское духовенство, мелкие землевладельцы, чиновный класс и русские помещики»; что люди эти, несмотря на усиленно ведущуюся пропаганду, продолжают смотреть на русских царей «как на единственный источник предержащей власти в русском государстве». Приводились даже примеры из истории («уроки истории»), чтобы царь мог воспользоваться ими для укрепления своей власти, для борьбы с оппозицией, врагами. Николай начертал: «Записка, достойная внимания». Князь Голицын сообщает царю, что записка рассмотрена на заседании Совета министров и предложения, содержащиеся в ней, в частности привлечение к ответственности за противоправительственные речи в общественных собраниях, претворяются в жизнь [12].

В феврале царь по предложению Протопопова принял руководителя фракции правых в Думе Балашова и имел с ним продолжительную беседу [13]. Мы не знаем содержания разговора, но позиция реакционера Балашова хорошо известна: он и в феврале 1917 г. высказывался за продление перерыва в работе Думы.

«Утро России» 9 февраля сообщала, что около 40 бывших сановников и землевладельцев Центральной полосы подали записку в высшие сферы о политическом курсе, который, по их мнению, должен проводиться в стране. В ней отвергалась мысль о призыве к власти думского большинства, предлагалось наделить диктаторской властью кабинет министров, если Дума займет резкую оппозицию. При этом не исключалась возможность уступок промышленному классу, привлечение симпатий зажиточных слоев крестьянства путем расширения их прав в местном самоуправлении.

Правые буквально осаждали министра внутренних дел. «Делегаты,— писала 12 января газета «День»,— вручали министру послания, в которых обычно содержались указания о мерах борьбы с растущей в стране «крамолой», «выражали уверенность», что А. Д. Протопопов примет решительные меры борьбы с «гидрой революции» ».

Правые от имени Всероссийского отечественного патриотического союза вручили Протопопову записку с изложением программы оказания помощи правительству. Они требовали роспуска Думы, большинство

которой якобы сошло с пути нормальной законодательной работы и «всецело отдалось травле верных слуг самодержца». «Напрасно запугивают,— писали они,— что роспуск и назначение новых выборов поведут к взрыву негодования. По примеру первой Думы мы знаем, чего стоят пустые угрозы». И далее: «Ни один голос народа, кроме кучки политиканов и партийных газет, не поднимется в защиту творческих бездельников и болтунов». Защитники самодержавия предлагали свои услуги при проведении новых выборов, обещали предоставить десятки тысяч своих членов — священников, профессоров, студентов, многочисленную печать — для ведения агитации за правых и критики левых. Высказывалось мнение, что большинство нынешних депутатов не пройдет в Думу, а уж дело воинских начальников заслать их «в такие строевые части, пребывание в которых равносильно будет полной изоляции их от внешнего мира». Излагая эту программу, газета «Речь» 8 февраля вопрошала: «Кого дурачат правые: правительство или себя?»

Правые, видимо, действовали по пословице: «Ври больше, что-нибудь да останется». 20 января «Утро России» поместила статью «У монархистов», в которой говорилось о собрании членов Московского отечественно-патриотического союза во главе с его организатором В. Г. Орловым. При участии сенатора Н. И. Туган-Барановского, монархиста В. М. Скворцова собрание постановило «отправить телеграмму министру внутренних дел Протопопову, содержащую требование о проявлении на местах твердой власти, так как революционная пропаганда принимает широкие размеры». И Протопопов вопреки даже донесениям департамента полиции выдает желаемое за действительное: число вожаков оппозиции невелико, «выразители ее — Дума, частица Государственного совета и группа дворян (далеко не все: не купечество, не капитал и не деревня)... Власть сильнее оппозиции и должна в это верить, тогда поверят и другие»[14]. Настроения рабочих Петрограда, солдат гарнизона во внимание не принимались.

Позиция дворян оставалась прежней и в начале 1917 г., буржуазная газета «Русские ведомости» писала 30 января о решении съезда московских дворян: «Это голос не «противоправительственных партий», не «радикальных кружков», это — даже не голос большинства IV Думы. Это — голос той сословной группы, которая до сих пор была самой верной опорой бюрократической реакции. И если даже эта группа почувствовала повелительную необходимость отгородиться от того, что

происходит, значит, серьезность положения становится действительно очевидной для всех».

В самом деле, большинство представителей этого класса, как и в 1916 г., советовало царю пойти на уступки буржуазным партиям. Но оставались и такие, которые, продолжая твердить о неограниченной власти царя, осудили Родзянко и поддержали выступление в Думе Маркова 2-го.

На одну из верноподданнических телеграмм петроградских дворян Николай II ответил: «Я надеюсь, что дворянство, как первое в империи сословие, будет и впредь служить верной опорой престолу...»[15]

Некоторая оппозиционность дворян не мешала им оставаться верными приверженцами самодержавия. Добавим, что шесть дворянских обществ, в том числе костромское, уфимское, полтавское, смоленское, еще в 1916 г. вышли из состава организации объединенных дворян, заняв особую позицию, отразившую отсутствие единства среди «первого сословия».

В январе — феврале 1917 г. правые сделали новую попытку примирить и объединить свои силы, выступить единым фронтом за спасение самодержавия*. Они решили в конце февраля созвать всероссийский монархический съезд, на который предполагалось пригласить до 1 тыс. человек — членов губернских, уездных, сельских отделов черносотенно-монархических организаций[16]. Был организован подготовительный комитет, председателем съезда намечался бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков. Планировалось создание специального «русского народного банка» для субсидирования монархических организаций. Высказываясь по этому поводу, кадеты признавали, что лучшей спайкой монархистов-черносотенцев будут деньги — самая лучшая металлическая спайка.

Председатель главного совета Союза русского народа Марков 2-й разослал во все местные отделы циркуляр, в котором изложил тактику черносотенцев по отношению к левым депутатам Думы, Государственного совета, части членов объединенного дворянства,

* Еще в конце 1916 г. председатель фракции правых в Думе С В Левашов обратился в Министерство внутренних дел к Протопопову с ходатайством разрешить провести в Петрограде в конце января — начале февраля 1917 г. съезд «Монархического единения», на котором предполагалось рассмотреть такие вопросы: о Прогрессивном блоке, о деятельности левых групп в Думе и Государственном совете, о необходимости прервать на время войны заседания Думы и Государственного совета, о деятельности всероссийских съездов, о дальнейшем развитии правой печати, об объединении всех монархических организаций

выступавших против правительства. Но вышла осечка. Пуришкевич, находившийся на ножах с этим Союзом, опубликовал циркуляр 9 февраля в газете «Новое время» и раскритиковал его. Он выступил также против созыва монархического съезда, который «может посеять тревогу и смуту в умах русского народа»[17].

Монархисты хотя и осознавали тяжелое положение России, но были далеки от мысли, что самодержавию может наступить конец. Иначе как объяснить, что «Колокол» за три недели до начала революции, 1 февраля, с серьезным видом занимался проблемой титула Николая II. Газета после проведенных «исследований» предлагала в полный императорский титул включить слова «государь Самаркандский» и величать царя «император и самодержец Всероссийский, царь польский, великий князь Финляндский, государь Самаркандский и проч. и проч.». Разумеется, все слова писались с прописной буквы.

Правые партии для завоевания популярности усилили критику биржевых дельцов, хапуг, обкрадывавших народ и наживавшихся на его нуждах. Их газеты пестрели «разоблачениями» Рябушинских, Коноваловых, которые, подбивая рабочих против правительства, сами нещадно грабят трудящихся, «выжимая за рубль десять рублей прибыли»[18]. И если такие придут к власти, «то народу будет еще хуже». Эта критика с позиций черносотенного монархизма была нацелена на подрыв буржуазии и ее партий.

В 1917 г. возросла и активизировалась правая печать, появились новые газеты, жившие за счет казны, а некоторые старые видоизменили свой курс. Они перенимают более гибкую тактику таких монархических газет, как «Киевлянин» В. В. Шульгина, «Колокол» В. М. Скворцова. Эти газеты не содержали откровенной брани по адресу прогрессивных деятелей, нетерпимости к другим народам. Так, «Колокол» в статье «Истинный монархизм и антисемитство» поучал уважать все национальности России, всех людей, верно служащих царю и родине, в том числе и евреев[19]. Но таких газет было немного. Общий тон по-прежнему задавали густо-черносотенные издания Дубровина и Маркова 2-го («Земщина», «Курская быль»).

Монархисты-черносотенцы делали вид, что не хотят разбираться в политических течениях и партиях, выступавших против правительства и самодержавия. Они для них якобы все одинаково опасны. И кадеты, и социал-демократы, и эсеры объявлялись партиями смутьянов, врагами самодержавия, а значит, и России. Монархи-

сты старались не называть ни партии, ни классы, а говорили и писали довольно абстрактно. Всех, кто стоял за самодержавие, они именовали «русские люди», народ, патриоты, а противников называли крамольниками, евреями, немцами или их ставленниками и прихлебателями.

Это была попытка сознательно, хотя порой примитивно и грубо, завуалировать классовый и партийный подход к событиям политической жизни, обмануть трудящиеся массы. Неискушенный обыватель, читающий монархические газеты (особенно «Русское знамя»), мог предположить, что помещичьи партии, без конца склонявшие Милюкова, Родзянко и других лидеров (называя кадетов «кадюками»), главный огонь ведут против буржуазии и ее политических организаций.

Но это было далеко не так. Да, монархисты рьяно выступали против тех, кто хотел разделить власть с правящим классом, но несравнимо больше они боялись революции, гнева не абстрактных «русских людей», а реально существующих рабочих и крестьян, которые все больше и больше ненавидели царизм. Чувствуя и сознавая эту реальную для себя опасность, помещичьи партии, не скрывая страха, говорили о призраке революции 1905 года, о будущих потрясениях в России.

Монархисты-черносотенцы ничему не научились. В 1917 г. они вновь, как и при создании своих партий в годы первой российской революции, упорно твердили свои догматы: «За веру православную, царя самодержавного, отечество нераздельное, Россию для русских». Они не переставали повторять слова царя, сказанные им 3 июня 1907 г., в день государственного переворота (и это знаменательно!), что главная помещичье-монархическая партия — Союз русского народа — «является надежной опорой самодержавия».

Черносотенцы уповали, что соотношение сил было, есть и будет на стороне правительства, и всю свою деятельность они связывали с органами власти. Правительство их опекало, подкармливало и, разумеется, использовало в своих целях. Они не могли существовать друг без друга. Черносотенцы поддерживали иллюзию, что самодержавие еще пользуется авторитетом в народе. Можно не сомневаться, что этот фактор оказал влияние на то, что Николай Романов так упорно держался за власть, не желая уступить и части ее.

Еще одна политическая организация могла бы поддержать царизм. Это возродившийся в конце 1916 г Союз земельных собственников, существовавший в 1905 — 1909 гг. Во время первой российской революции

он представлял интересы главным образом помещиков и был полностью монархическим. В конце 1916—начале 1917 г. состав его изменился за счет крупных земельных собственников-недворян, но помещики-монархисты продолжали играть в нем главенствующую роль. В уставе Союза, принятом в ноябре 1916 г., говорилось о неприкосновенности помещичьей и любой другой частной собственности на землю.

В связи с введенной правительством в декабре 1916 г. монополии на хлеб Союз этот изъявил желание принять участие в заготовке хлебных продуктов. Запросив у казны аванс в 800 тыс. руб., он потребовал распространить привилегии, которыми пользовались работающие на оборону хозяйства, и на него.

Но дело в том, что в январе — феврале 1917 г. Союз земельных собственников был очень малочисленным, местные организации его только что создавались. Поэтому практически его члены не смогли развернуть политическую деятельность.

Вот в такой обстановке председатель Совета министров Голицын и министр внутренних дел Протопопов приступали к разработке некоторых практических мер для предотвращения революции и спасения самодержавия. Часть из них была осуществлена, но успеха не имела.

Есть основания считать, что в отличие от царя министр внутренних дел имел достаточную информацию о положении в стране. Об этом свидетельствуют направляемые ему документы департамента полиции. В одном из докладов (19 января 1917 г.) после описания кризиса в стране, позиций разных партий и классов делался вывод: «Если рабочие массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции, а круги интеллигенции — к вере в спасительность политических убийств и террора, то это в достаточной мере показывает оппозиционность настроения общества и жажду его найти тот или иной выход из создавшегося политически-ненормального положения»[20]. Подобные доклады представлялись министру регулярно.

Именно исходя из сложившейся ситуации Совет министров 3 января 1917 г. отложил заседание Думы с 12 января на 14 февраля, мотивируя это тем, что новому правительству необходимо время для подготовки встречи с парламентом. Царь даже приказал составить проект роспуска Думы.

Протопопов предъявляет категорические требования, грозит строгими карами органам местного самоуп-

равления, чтобы те не допускали у себя обсуждения политических вопросов. «Речь» 8 февраля писала: «Как передают, городской голова недавно получил предупреждение, что если в каком-нибудь заседании Думы будет принята политическая резолюция, то он, как председатель, а также все гласные, которые будут голосовать за эту резолюцию, будут привлечены к судебной ответственности». Министр внутренних дел дает указание установить негласный надзор за всеми оппозиционными политическими деятелями, за их выступлениями, поездками. Прогрессисты писали по этому поводу: «Русская крамола, выражающаяся в недоверии к власти и полном осуждении правительственного курса, давно вышла из подполья и проявляется до такой степени ярко и открыто, что улавливать ее при помощи негласного надзора за народными представителями и общественными деятелями нет никакой необходимости» [21].

Усилились гонения на общественные организации: центральные и местные земские и городские союзы, военно-промышленные комитеты. Чинились всяческие препятствия созыву профессиональных съездов, проведению выборов в городские думы. В ночь на 27 января полиция арестовала большинство «рабочей группы» Центрального Военно-промышленного комитета (ЦВПК), руководимой меньшевиком К. А. Гвоздевым, обвинив ее в подстрекательстве к забастовкам и в пропаганде идеи установления в России социал-демократической республики. Правые поддержали меры правительства. «Неужели А. И. Гучков и его ближайший помощник г. Коновалов не будут привлечены и арестованы вместе со всей ордой?— вопрошала 31 января газета «Земщина».— Неужели правительство и теперь еще сомневается, что Гучков был главным руководителем заговора?..»

Правительством принимается план «охраны» Москвы, пересматривается «охрана» Петрограда, по приказу царя в столицу должны быть направлены конногренадеры, кавалергарды и уральские казаки (вместо них в Царское Село прибыл гвардейский морской экипаж). Петроград был выделен в особый военный округ, полиция города получила большое количество пулеметов, училась стрелять из них.

Одновременно кое-что делалось для улучшения продовольственного снабжения столиц, работы транспорта. Сильно сократилось пассажирское движение, а между Москвой и Петроградом его почти прекратили на две недели — для большего прохождения товарных поездов.

Наряду с этим намечались меры сравнительно долговременного действия, ибо царь и его правительство полагали, что рабочие до конца войны не выступят и можно будет подготовиться. Речь шла о наметке некоторых реформ, в том числе о наделении крестьян-фронтовиков (георгиевских кавалеров) землей за счет отчуждения ее от частных владельцев, об отмене ограничений для евреев, о расширении свободы торговли, о большем привлечении в Думу представителей крупного капитала. Короче, делалась попытка расширить социальную опору самодержавия.

Что касается царя, то он большие надежды возлагал на планируемое наступление русских армий весной 1917 г. В случае успеха (а Николай рассчитывал именно на него) можно было бы прижать оппозицию и легче подавить выступления рабочих. Вот почему царь так упорно оттягивал время, не принимая до поры до времени решительных мер. Итак, вера в то, что внутри страны есть силы, которые его поддерживают (монархически настроенные слои населения, государственный аппарат), с одной стороны, и должное стать спасительным весеннее наступление на фронте — с другой, объясняли его слова: «положение не так трагично, и все устроится»[22].

А как же обстояло дело с заключением сепаратного мира с Германией (о чем раструбил Милюков в Думе еще 1 ноября 1916 г., обвинив в измене царицу и главу правительства)? Советские историки в последнее время убедительно доказали, что царь и его правительство не предпринимали реальных шагов по заключению сепаратного мира с Германией, да и не могли этого сделать. Николай понимал, что немедленно поплатился бы за это короной. Что касается царицы и придворной камарильи, то они в мыслях были не прочь пойти на замирение с немецким кайзером, видя в этом спасение России, и кое-что робко и тайно, видимо, делали*. Но это шло помимо официальной политики самодержавия. Буржуазным партиям выгодно было, как отмечалось, муссировать вопрос о сепаратном мире, чтобы нажить на этом политический капитал.

В таком положении самодержавие и поддерживающие его политические партии подошли к концу февраля 1917 г.

* Не случайно немецкие газеты в свое время безудержно хвалили премьера Штюрмера, а затем Протопопова. Газета «Утро России» 16 января 1917 г. в передовой статье, со ссылкой на своего собственного корреспондента, писала, что немецкая газета «Vossische Zeitung» посвятила большую восторженную статью А. Д. Протопопову.

3. БУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ И САМОДЕРЖАВИЕ

Для правильного понимания хода исторического процесса в 1917 г. важно всесторонне изучить поведение буржуазных партий в последние месяцы существования самодержавия. Нам представляется, что и здесь не все еще рассмотрено. Это нужно сделать не столько для определения их роли в Февральской революции (она в основном известна), сколько для лучшего уяснения причин крушения затем самой буржуазной власти.

События января — февраля 1917 г., как позже писал Милюков, составили «отдельный исторический момент», когда все общественные силы чего-то ждали и к чему-то готовились[23]. Буржуазные партии, как и раньше, продолжали делать главную ставку на Думу, пытались сохранить разваливавшийся Прогрессивный блок. Они, отвергая революционные действия, все еще надеялись легальными, законными способами получить от царя уступки.

Только небольшая часть буржуазной оппозиции, главным образом прогрессисты, предлагала сравнительно решительные действия. Особо острые разговоры проходили в Москве на квартирах П. П. Рябушинского и А. И. Коновалова. Речения эти стали известны по записям тайных агентов, проникавших на совещания и доносивших в охранные отделения. В одном из таких свидетельств, составленных в начале года, сообщалось, что буржуазные партии намечают следующий план действия: на уступки правительству не идти, если Дума будет распущена, объявить этот акт недействительным, заседания Думы тайно проводить в Москве (агент предполагал, что местом заседания может быть подмосковное имение Коновалова). Далее сообщалось, что собравшаяся во второй столице Дума выпустит воззвание, в котором скажет, что правительство умышленно ведет страну к поражению, к заключению мира с Германией, с ее помощью водворит реакцию и окончательно аннулирует Манифест 17 октября 1905 г. Распространить воззвание Думы в действующей армии брал на себя Гучков с группой известных ему офицеров[24].

В очередном документе охранки (26 января 1917 г.) говорится о том, что в борьбе за власть среди оппозиции имеются две группы. Одна из них, во главе с Родзянкой и Милюковым, добивается власти через Думу; другая, возглавляемая Гучковым, князем Львовым, Третьяковым, Коноваловым, Федоровым, стоит за дворцовый переворот, который совершат военные[25].

Заметим, что о дворцовом перевороте («заговоре»)[26] говорил в то время весь Петроград. Ему вторила Москва. Его больше всего связывали с именем Гучкова, который в свое время был военным и продолжал поддерживать тесные контакты с армией. Дело доходило до того, что, когда спросили у одного из лиц, близких к лидеру октябристов, где сейчас Гучков, тот ответил: «Занят на совещании о заговоре». Рассказывали о плане захвата царского поезда между Ставкой и Царским Селом, о перевороте 14 февраля и т. д. и т. п., и все это обрастало большими преувеличениями.

А в конечном счете главный заговорщик потом признавался: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»[27]. Представляется, что и это было преувеличением. В самом деле, все говорили о заговоре, о нем доносила охранка, а власти ничего не предпринимали. Что-то за этим кроется: или никакого заговора, кроме пустых разговоров о нем с целью припугнуть правительство, не было, или власть была настолько бессильна, что не могла ничего предпринять. Пожалуй, реальнее первое, ведь в заговор не верили ни сам Протопопов, ни сами «заговорщики». Что касается самодержавной четы, то она, видимо, не только ничего не знала, но и не допускала даже мысли о заговоре. По крайней мере документы об этом умалчивают. Добавим, что кадетские лидеры были против дворцового переворота. Этой позиции придерживался и Родзянко.

Прогрессисты предлагали еще один путь борьбы: договориться с трудовиками и меньшевиками о совместном нажиме на царизм. Но, расценив это как «обращение к улице», могущее вызвать революцию, кадеты и октябристы решительно возразили против такой тактики. Особенно критиковали прогрессистов правые. Напомнив, что совсем недавно господа прогрессисты вместе с историком Кареевым «само имя Россия считали некоторым недоразумением», правые с сарказмом восклицали: «И такие прогрессисты требуют в свое управление это «недоразумение», то есть Россию»[28].

Вырабатывая линию поведения, буржуазные партии продолжали торг с царем. Главные их помыслы были направлены на предотвращение революции. Однако и на тот случай, если она произойдет, лидеры партии предусмотрели ходы, чтобы примазаться к революции, использовать ее результаты в своих целях. Кадеты и октябристы всех оттенков (у них всегда были и правые, и левые, и центр) и их национальные собратья пуще

всего боялись оказаться за бортом, когда революция (вопреки их воле) все же совершится, а к власти придут другие, левые партии. Учитывая возможность такого поворота, они еще в начале января составили список членов будущего буржуазного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым. Сделано это было, как позже объяснял Милюков на допросе в Чрезвычайной комиссии Временного правительства, на тот случай, «если произойдет какое-нибудь крушение, какой-нибудь переворот, как устроить, чтобы страна получила власть, какую ей нужно»[29] (разумеется, с точки зрения буржуазных партий).

В своей конфронтации с царизмом буржуазные партии все больше и больше обращались к союзникам. Милюков, Родзянко, Гучков поддерживали тесные связи с послом Англии Бьюкененом и с послом Франции Палеологом. Их объединяла общая цель — победа в войне. Союзники не без оснований полагали, что буржуазия может, предотвратив революцию, повести войну лучше, чем царское правительство, а потому убеждали Николая II уступить кадетам и октябристам. Но царь не воспринимал подобные призывы. Конечно, поддержка буржуазных партий дипломатами Англии, Франции и других стран кое-что значила, но делать вывод на этом основании о том, что якобы чуть ли не союзники совершили Февральскую революцию, просто нелепо[30], ибо трусливая российская оппозиция даже для достижения своих корыстных классовых целей боялась использовать в полной мере предложения союзников. Призрак возможной революции каждый раз парализовывал ее деятельность.

Между тем события в стране нарастали. На борьбу с царизмом поднимались широкие народные массы, застрельщиком их выступлений был рабочий класс и его революционная партия. «Настроение рабочих,— свидетельствует петроградская охранка,— о котором умеренные партии (буржуазные.— *Л. С.*) сейчас больше всего говорят и пишут, опасаясь рабочих выступлений, вызывает у всех исключительное внимание и продолжает оставаться очень напряженным»[31].

И вот в условиях непосредственно приближающейся революции буржуазные партии пошли на новое предательство народа, и прежде всего рабочего класса, наиболее ярко выразившееся в их поведении по отношению к арестованным членам «рабочей группы» Центрального Военно-промышленного комитета, а затем к рабочим-демонстрантам.

29 января 1917 г. в помещении ЦВПК на Невском

проспекте состоялось совещание представителей общественности: земского и городского союзов, оппозиционных членов Государственной думы и Государственного совета, уцелевших от ареста членов «рабочей группы» и др. Председательствовал Гучков. После его речи выступили кадеты Милюков, Аджемов, представители других партий. В докладе петроградской охранки говорилось, что «Гучков закончил свою краткую речь, совершенно уклонившись от какой-либо оценки случившегося», а затем, не дожидаясь конца прений, куда-то уехал. Милюков был более пространен, но сказал, «что лишь Государственная дума должна и может диктовать стране условия борьбы с властью, что одна лишь она должна объединить всю эту работу и выдвигать для этого соответствующие лозунги. Помимо Государственной думы никто, ни один класс населения, ни одна общественная группа не вправе выставлять своих лозунгов и самостоятельно начинать или вести означенную борьбу. Поэтому политика «рабочей группы» и рабочего класса ему, Милюкову, в данном случае совершенно не понятна, и он не знает, как все это совместить с создавшимся положением».

А между тем Милюкову было хорошо известно, что меньшевистская «рабочая группа» была послушным орудием буржуазных партий, проводником их влияния на пролетариат. Это о ней гучковцы говорили, что «группа оказывала комитету (ЦВПК.— *Л. С.*) деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, работающих на оборону...». Охранка так охарактеризовала выступление лидера кадетов: «Присутствовавшие, ожидавшие услышать от Милюкова резкую и горячую речь, были положительно подавлены подобным характером его заявления, так как всем ясно, что оратор как бы спешит уже теперь откреститься от того, что затея пропагандировавшихся «рабочей группой» выступлений в день 14 февраля фактически исходила из депутатских думских кругов» [32].

Остальные представители буржуазных партий на разные лады перепевали речь Милюкова. В защиту «рабочей группы» выступили Керенский и Чхеидзе. «Это — удар по рабочему классу, но помните, что вслед за гибелью рабочих последует и ваша гибель» [33],— патетически закончил речь Чхеидзе, обращаясь к лидерам буржуазных партий.

Еще один не менее яркий пример, известный в исторической литературе. Когда в Петрограде распространился слух, будто кадеты подбивают рабочих в

день открытия Думы (14 февраля) устроить демонстрации в ее поддержку, а лидер партии якобы обратился с воззванием по этому поводу, Милюков немедленно опроверг все это. 10 февраля в газете «Речь» рядом с приказом командующего войсками Петроградского военного округа генерала Хабалова, запрещавшего под угрозой применения оружия забастовки в день открытия российского парламента, было напечатано письмо Милюкова с призывом к рабочим «не принимать участия в демонстрациях 14 февраля и оставаться в этот день спокойными». Глава кадетов просил, чтобы все газеты перепечатали его письмо.

Поведение кадетского лидера отражало линию большинства ЦК этой партии, который еще 5 февраля на состоявшемся в Москве объединенном заседании петроградской и московской частей Центрального комитета определил свое негативное отношение к предстоящим демонстрациям рабочих 14 февраля, а также свою тактику в Думе, хотя некоторые члены ЦК не соглашались с ней[34].

В это же время октябрист Родзянко в связи с приказом Хабалова заявил журналистам: «Я считаю всякие уличные выступления крайне вредными для нашего общего дела,и неизбежные при этом беспорядки только на руку немцам»[35].

В феврале все внимание буржуазных партий было приковано к Думе. 6 февраля под председательством С. И. Шидловского состоялось заседание Прогрессивного блока. Обсуждался вопрос о характере первого дня работы, точнее, о поведении оппозиции. Было решено, что тактика блока будет зависеть от того, выступит ли в Думе председатель Совета министров Голицын. Договорились проводить заседания блока каждый день до открытия сессии Думы. Кадеты делали все возможное, чтобы спасти Прогрессивный блок от развала; правые, наоборот,— чтобы доконать его. Так, монархическая газета «Колокол», например, усиленно рекомендовала кадетам покончить с Прогрессивным блоком, который якобы всех губит, в том числе и самих кадетов. «Поступи, как Тарас Бульба, сказавши своему сыну: «Я тебя родил, я тебя и убью»,— поучала газета.— И тогда все будет хорошо»[36].

10 февраля Родзянко выезжал в Царское Село с докладом в связи с возобновлением сессии Думы. Аудиенция длилась 45 минут и, как тогда писали, носила «высокомилостивый характер». Впоследствии Родзянко рассказал, что царь принял его холодно, был рассеян и скоро прервал чтение доклада.

— Нельзя ли поторопиться? — заметил он резко.— Меня ждет великий князь Михаил Александрович пить чай.

Когда Родзянко заговорил об угрожающем настроении в стране и о возможности революции, царь прервал его.

— Мои сведения совершенно противоположны,— заявил он,— а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как в прошлый раз, то она будет распущена[37].

Это был последний доклад председателя Думы.

14 февраля 1917 г., в день открытия Думы, кадетский официоз в передовой статье, стараясь как бы предварить ход событий, вещал: «Ни январские, ни декабрьские дни 1905 года более не повторятся». Как слепа была главная партия российской буржуазии в оценке событий!

В этот день в столице бастовало около 90 тыс. рабочих, состоялись митинги. Но рабочие не пошли к буржуазной Думе, они по призыву большевиков собрались на Невском проспекте и в других местах.

Что касается поведения в Думе кадетов, а также других буржуазных партий, то их оппозиционность к самодержавию не только не возросла, а, наоборот, все больше падала. Этот процесс шел параллельно с увеличением боязни перед революцией и одновременно с осознанием полного бессилия предотвратить ее. Заседания Думы проходили в условиях, когда менялась расстановка классовых и партийных сил в стране, когда из глубины революционного процесса на авансцену выходили новые политические слои, отодвигавшие и Думу, и партийную борьбу в ней на задний план. Судьба России решалась теперь другими классами и другими партиями в обход Думы, а часто и вопреки ей.

Впоследствии Милюков, говоря о первых днях заседаний Думы, в частности о своем выступлении 15 февраля 1917 г., писал: «В эти дни главная роль принадлежала не Думе»[38]. Это соответствовало действительности, но тогда кадеты думали по-другому. Однако буржуазия и ее партии не поняли сути этого процесса и продолжали цепляться за Думу.

Между тем князь Голицын ни в первый, ни в последующие дни не выступил с программным заявлением, как это сделал его предшественник в ноябре 1916 г. Зато большую речь произнес министр земледелия А. А. Риттих, опередив оглашение Прогрессивным блоком своей резолюции и этим самым принизив ее. С критикой правительства снова выступили представители

буржуазных партий, а также Шульгин и Пуришкевич. Они говорили, что положение, особенно с продовольствием, за последние два месяца еще больше ухудшилось, что власть совершенно игнорирует представительные организации, в том числе Думу, в которую редко приходят члены правительства, а если приходят, то молчат или удивляют слушателей какими-то обрывками фраз на языке прошлого столетия.

«Что бы мы ни говорили,— безнадежно заявил Милюков,— как бы яростно и страстно мы ни рисовали опасность, как бы настойчивее ни предупреждали о приближении к краю бездны — перед нами стоит какая-то стена... Стена стала еще выше, еще труднее проникает за нее человеческий голос»[39].

К чему же призвал глава кадетской партии? «Наше слово есть уже наше дело»,— сказал он, вкладывая в эту фразу тот смысл, что произнесенные в Думе слова влияют на общество, сплачивают его вокруг российского парламента. Да, сказанные в Думе слова с критикой царского правительства когда-то имели значение. Но время слов прошло, а кадеты продолжали старые припевки.

Но чем больше выступали оппозиционеры, тем шире становилась трещина в Прогрессивном блоке. С речью Милюкова не согласились земец-октябрист граф Д. П. Копнист 2-й, октябрист центра Н. В. Савич, которые больше поддержали царского министра Риттиха, чем лидера кадетской партии.

С критикой правительства и Милюкова выступил Шульгин. Иронизируя по поводу заявления министра земледелия о доверии к нему Думы, он посоветовал последнему не употреблять слово «доверие», ибо в доме повешенного не говорят о веревке. Одновременно Шульгин похвалил стремление Риттиха ликвидировать твердые цены на хлеб, которые поддержал Милюков. «...Министр земледелия поступил правильно,— продолжал лидер прогрессивных националистов,— когда первым делом он эту зловредную крысу твердых хлебных цен стал излавливать и стал, насколько возможно, парировать ее зловредную деятельность». Монархист Шульгин призвал рабочих оставаться у станков, а Дума-де решит вопрос о продовольствии[40].

Первые февральские заседания Думы были совсем не те, что в ноябре прошлого года, подчеркивали 17 февраля «Русские ведомости». В речах оппозиции звучит «глухое чувство безнадежности», от которого «немеют голоса», «бледнеет страсть» и «замирает воодушевление» и «стряхнуть которое могут только геро-

ические усилия»,— приводила газета слова буржуазных ораторов.

Дума зашла в тупик, из которого не было выхода. Это хорошо поняла царская охранка. «Дума бессильна повлиять на правительство, если ее не поддержит население,— сообщала она в одной из своих записок,— а поддержка населения означает революцию, прекращение войны и осуществление всего того, против чего как раз и ведет борьбу Прогрессивный блок»[41].

Газета прогрессистов «Утро России» 21 февраля выступила со специальной статьей, озаглавленной «Разложение блока». В Думе и за ее пределами хором пели отходную Прогрессивному блоку, а значит, и всей буржуазной оппозиции. Только одни кадеты сожалели об этом. «Заживо хороним больного, который подавал серьезные надежды на выздоровление»,— сетовали они.

Одновременно с Думой 14 февраля открылось заседание Государственного совета. Члены его три раза прокричали «ура» царю, русским и союзным армиям и флотам и разошлись по домам отдыхать до 20 февраля. Критика правительства велась на заседаниях в мягкой, обтекаемой форме, и, разумеется, в адрес буржуазии и помещиков не было сказано ни одного плохого слова, ибо здесь не присутствовали представители мелкобуржуазных партий. Резче всех выступил Гучков, заявивший о «полном параличе и разложении государственной власти»[42].

Но вернемся к Думе. Развалу буржуазной оппозиции здесь способствовали выступления «левых»— Керенского, Скобелева, Чхеидзе. Кадетские газеты с сожалением писали, что трудовики и социал-демократы больше критиковали буржуазные партии, Прогрессивный блок, чем правительство. Слова Милюкова и теперь бороться с властью только «законными средствами» Керенский патетически парировал: «Как можно законными средствами бороться с тем, кто сам закон превратил в орудие издевательства над народом? Как можно прикрывать свое бездействие исполнением закона, когда наши враги не прикрываются законом, а, открыто надсмехаясь над всей страной, издеваясь над нами, каждый день нарушают закон? С нарушителями закона есть только один путь — путь физического их устранения»[43]. Стенографический отчет заседаний Думы свидетельствует, что эти слова были покрыты рукоплесканиями слева и шумом справа, а председательствующий строго предупредил оратора, что «при повторении чего-нибудь подобного» он лишит его слова.

Керенский заявил далее, что оппозицию объединяет

«идея империалистического захвата», и высказался за окончание войны, за то, чтобы все правительства отказались «от всяких завоевательных империалистических задач». На это правые кричали ему: «Ты помощник Вильгельма».

Представитель трудовой партии призывал буржуазных лидеров снизойти к нуждам народа, понять «народную душу», и тогда, уверял он, народ пойдет с вами. Никакой конкретной позитивной программы, которая указывала бы путь освобождения народа, он, разумеется, не предложил.

Отвечая Керенскому и иже с ним, правый депутат Думы П. Н. Ягодынский под рукоплескание своих коллег заявил, что левые партии «к творческой деятельности не способны, они способны шуметь, способны кричать, очень много критиковать и часто неумело, но дело делать они не способны»[44].

При царском дворе речь Керенского расценили как призыв к бунту. «Я надеюсь, что Кедринского из Думы повесят за его ужасную речь,— писала Александра Романова мужу, переврав фамилию оратора, как в свое время Милюкова,— это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все ждут и умоляют тебя проявить твердость»[45].

Председатель Совета министров Голицын запросил у Родзянки стенографическую запись речи Керенского, но тот отказал, сославшись на то, что выступление еще не отредактировано и не утверждено.

Меньшевик Скобелев, нарисовав картину тяжелого продовольственного положения рабочих и их семей в Петрограде и других городах, говорил об обострении классовой борьбы в стране, об антагонизме между рабочими и капиталистами, о всесилии аграриев, т. е. помещиков. «Господа,— восклицал он,— ведь по социальной своей природе эта власть — ваша власть, господа аграрии; ваши интересы лежат в основе всех их начинаний; да, и эта ваша Россия, Россия дворянского крепостнического благополучия, Россия бюрократического своеволия, ваша Россия предстала, как обнаженная, порочная женщина, на процессе, который вызвал такую сенсацию» *.

После ряда замечаний со стороны Родзянки, грозившего лишить оратора слова, Скобелев продолжал: «Но бывают исторические моменты, когда даже класс, стоящий у власти, с ужасом отворачивается от своих

* Речь идет о состоявшемся в то время процессе «уголовной дамочки» Е. И. Болотиной, обвиненной в облитии серной кислотой своей соперницы.

собственных носителей этой власти и разбивает свой собственный кумир». Скобелев не закончил речи, его лишили слова.

Слушая такие выступления, правые подняли новую кампанию против Думы. Газета черносотенца Маркова 2-го писала: «Самая примерная жена, если муж будет постоянно окружать ее соблазном и искушением, может в конце концов ему изменить. Точно так и народ, соблазняемый поминутно с думской кафедры разными благами и растравляемый злобой против правительства, может дойти до измены»[46]. Если раньше главный огонь черносотенцы направляли против Милюкова и Гучкова, то теперь — против Керенского и Чхеидзе. Дали возможность «представителям улицы Чхеидзе и Керенскому подтвердить Милюкову,— писали они,— о всегдашней готовности улицы потрудиться во славу революции»[47]. Как говорят, умри — лучше не скажешь. Вот она, основа соглашательства в то время буржуазных и мелкобуржуазных партий. Кадетам и октябристам нужны были меньшевики и эсеры, чтобы «улицей» припугнуть царя и его правительство.

Черносотенцы снова обрушились на своего бывшего коллегу Пуришкевича. Прошлый раз, писали они, имея в виду ноябрьские заседания Думы в 1916 г., речь Пуришкевича вызвала гром аплодисментов, ему пожал руку кадет Шингарев, а теперь совсем не то, как говорят в Ростове-на-Дону, вышло «трень-брень с горошком».

А вот что было в Таврическом дворце 24 февраля, т. е. тогда, когда каждому, кроме совсем тупоголовых из помещичье-монархических партий, было ясно, что революция началась. Правые тоже многое видели, но не могли понять, а тем более поверить, ибо это был их конец. Разумеется, что из всех членов Думы представители левых партий были больше всего информированы о том, что делалось «на улице».

До обеда было сравнительно тихо, продолжали обсуждать продовольственный вопрос. После двух часов стали поступать новые сведения, одно тревожнее другого: «местные люди и население сами взяли в свои руки дело продовольствия». Первым забеспокоился кадет Шингарев. «Разве можно, господа, допустить, чтобы громадные массы народа ходили по улицам с просьбою: «Хлеба, хлеба»?» — начал он. А закончил словами о том, чтобы правительство заявило о мерах по устранению голода, «иначе не избежать беды». Кадет Родичев в свою очередь обратил внимание на то, что речь идет не о единичном случае, «что это роковое

развитие событий, что наступило наконец то, против чего мы задолго в течение двух лет предостерегали власть, указывая ей на надлежащий путь». Родичев потребовал изгнания из правительства негодных людей и замены их теми, которых предлагает страна, он верил, «что совершится чудо Тангейзера»[48].

Внеочередное заявление (его опубликовала 25 февраля «Речь») сделал Родзянко: «Волнения, возникшие в Петрограде и других центрах и городах на почве расстройства правильного снабжения населения пищевыми продуктами, достигли, как вы знаете, в настоящее время таких размеров, которые несомненно угрожают превратиться в явления крайне нежелательные и недопустимые в тяжелое военное время, нами переживаемое». Он заверил, что Дума верна своему пути, в том числе и в решении продовольственного вопроса. Значит, когда революция уже началась, Родзянко вновь призывал только к законным действиям.

Последними уже к вечеру вторично выступили Чхеидзе и Керенский. Подгоняемые событиями, они торопились, взвинчивая себя и Думу. «Плотная приземистая фигура не спеша направляется к трибуне,— писал в тот день о Чхеидзе корреспондент прогрессистской газеты «Утро России».— Плечи приподняты кверху, голова втянута в шею и склонена набок. Коротко остриженный, с лысиной и проседью. Говорит гортанным голосом, тяжелая речь, прерывистая. Останавливается там, где не нужно останавливаться, и торопится там, где надо говорить медленно. Одет в пиджак и мягкую рубаху. Говорит долго. Не оратор». Так выглядел руководитель меньшевистской фракции в Думе. Запомним его портрет, ибо скоро этот человек станет большим историческим лицом: шесть месяцев будет возглавлять Петроградский Совет в качестве его председателя.

Но это случится через несколько дней. А сейчас он, взобравшись на кафедру, произнес своим неповторимым голосом: «Игнорирование улицы — это свойства и правительства и многих из нас. Но улица уже заговорила, господа, и с этой улицей теперь нельзя не считаться». Критикуя Родичева за то, что будто бы правительство может еще покаяться, он заявил, что ни на какой компромисс с властью идти нельзя[49].

Несмотря на громкие слова, позиция лидера думских меньшевиков, а также его фракции по отношению к царизму и войне не изменилась, она по-прежнему не представляла социал-демократического пролетариата. Критика его тактики в Думе Лениным, данная за

несколько месяцев до этого, оставалась в полной силе: «1) формула «спасения страны», употребляемая Чхеидзе, ничем по сути не отличается от оборончества; 2) против г. Потресова и К° фракция Чхеидзе не выступала никогда, даже когда Мартов выступил против него; 3) против участия в военно-промышленных комитетах — факт решающий — эта фракция не выступила» [50].

Что касается царизма, то все мелкобуржуазные партии, в том числе и меньшевики, стояли на позициях его свержения. Здесь не было расхождения с большевиками, хотя только большевики являлись всегда и до конца последовательными врагами самодержавия. Расхождения между ними и меньшевиками как и раньше проявлялись прежде всего в отношении к войне и к буржуазии.

Керенский на этот раз говорил более сдержанно, заявив, что не может сказать о двенадцатом часе старой власти, ибо тогда «обязанность наша была бы это слово превратить в дело и показать самим, своим примером, что действительно настал двенадцатый час, что не время уже теперь парламентским разговорам, но настало время действия», а мы этого не делаем. Он подчеркнул также, что не берет на себя привилегию говорить от имени народа, ибо очень слабо связан с ним. Видимо, запрос Голицына о первой речи Керенского в Думе сказался на выступлении лидера фракции трудовиков.

Но что бы ни говорили левые в Думе, как бы ни критиковали они буржуазные партии, дальше слов ничего не делалось, связи с ними не рвались. Наоборот, левые не представляли себе борьбы с царизмом отдельно от буржуазных партий. Меньшевик-бундовец М. Рафес писал по этому поводу: «Эта борьба должна развиваться в тесной связи с внутридумской борьбой Прогрессивного блока» [51]. Уже тогда чувствовалось, что эти связи могут укрепиться, что левые только пытались подтолкнуть буржуазные партии к действиям, чтобы те были лучше подготовлены к руководству революцией, к принятию власти. Эта позиция и привела в дальнейшем меньшевиков и эсеров к открытому соглашательству с буржуазными партиями.

25 февраля 1917 г. состоялось последнее заседание Государственной думы. Очевидцы свидетельствовали, что большинство депутатов находилось в подавленном состоянии. Министр Риттих сообщил, что правительство готово передать распределение продуктов Петроградскому городскому общественному управлению. Это

была первая в 1917 г. уступка властей. В ночь на 25 февраля на совещании четырех министров кабинета с представителями буржуазной общественности была выработана первая политическая уступка самодержавия в последние месяцы его существования. Но было уже поздно.

В конце заседания Думы Керенский предложил принять такую формулу перехода (резолюцию) по поводу сообщения Риттиха: «Во-первых... Государственная дума признает, что дальнейшее пребывание у власти настоящего Совета министров совершенно нетерпимо. Во-вторых, что интересы государства требуют создания правительства, подчиненного контролю всего народа. В-третьих, чтобы немедленно населению должны быть гарантированы: свобода слова, собраний, организаций и личности. В-четвертых, что продовольственное дело должно взять в свои руки само население, свободно сорганизовавшись в обывательские и фабрично-заводские комитеты, подчинив деятельность городских самоуправлений интересам трудящихся классов»[52].

Перепуганная Дума подавляющим большинством голосов вынесла решение о переносе прений на следующее заседание — вторник, 28 февраля. Но оно уже не состоялось.

26 февраля было воскресенье. Несмотря на это, в кулуарах Таврического дворца собралось много депутатов. По сообщениям газет, настроение у присутствующих нервное, напряженное, чувствовалась большая растерянность. Приходят известия, что Родзянко посетил Голицына и военного министра, отправил какую-то важную телеграмму царю. Днем явился сам председатель Думы, рассказал свои впечатления о беседах с министрами. Потом состоялось совещание Прогрессивного блока, видимо, затем, чтобы в последний раз показать, что никакого блока фактически уже не существовало. Он скончался, не решив своей задачи: ни договорился с царем, ни предотвратил революции. Зато принял участие в формировании буржуазного правительства. Между тем кадеты предложили в понедельник (27 февраля) созвать экстренное заседание Думы. Их поддержали прогрессисты. Против высказались октябристы и правые. Вечером эта попытка была повторена. При этом на стороне кадетов и прогрессистов выступили трудовики, но октябристов и правых поддержали националисты.

Тогда Родзянко под свою ответственность распорядился созвать 27 февраля в 12 часов совещание старей-

шин, а в 14 часов 30 минут совещание всех думских фракций, т. е. фактически совещание Государственной думы. Но и это уже не могло осуществиться. Да и зачем?!

Последние заседания Думы показали, что учреждение полностью изжило себя, что на смену Прогрессивному блоку, оппозиции буржуазных партий шли новые силы: мелкобуржуазные партии меньшевиков, трудовиков, эсеров, лавировавшие между буржуазией и демократией, и большевики, представлявшие самую революционную политическую силу народа.

4. ПАРТИИ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В то время как буржуазные партии вели бесплодную конфронтацию с царским правительством в Думе и на частных совещаниях в двух столицах, особенно в Москве, «бунтовали на коленях», на авансцену истории все реальнее выступали новые классы и партии, избравшие революционный путь решения судеб России.

Впереди шел самый передовой класс современного общества — пролетариат и его авангард — питерские рабочие. И это было закономерно. «...Объективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся,— писал В. И. Ленин,— неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев»[53].

Именно этими наиболее сознательными рабочими и руководила партия большевиков. Из всех нелегальных, революционных партий она к февралю 1917 г. была самой организованной и самой многочисленной, несмотря на то что больше всех подверглась гонениям*.

* «После ряда весьма чувствительных ударов,— говорилось в одном из документов охранки в начале 1917 г.,— нанесенных социал-демократам большевикам ликвидациями 9, 10, 18 и 19 декабря 1916 г., во время которых было отобрано у них 3 нелегальные типографии, 2 нелегальных паспортных бюро, застигнуты 2 легальные типографии во время печатания (одна — нелегальных документов, а другая — органа Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии «Пролетарского голоса»), отобрано до 2 десятков пудов типографских наборов брошюры «Кому нужна война», «Пролетарского голоса» и т. д. и был арестован целый ряд крупнейших и активнейших партийных работников,— руководящий коллектив социал-демократов большевиков все же остался цел и продолжал свою подпольную работу, имея твердое намерение показать правительственным властям свою живучесть и что меры розыскного органа для них мало чувствительны» (Красная летопись. 1931. № 3. С. 36; см. также: Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 — февраль 1917. Л., 1986. С. 477—485).

Большевики имели Центральный Комитет за границей во главе с В. И. Лениным, Русское бюро ЦК РСДРП в Петрограде, крупные партийные центры: Московское областное бюро ЦК, Кавказское бюро РСДРП, Бюро Северо-Балтийских организаций, крупные партийные комитеты регионального значения в Самаре, Екатеринбурге, значительное число городских партийных комитетов и организаций, самой крупной и активной из которых являлся Петербургский комитет РСДРП. Все это дало основание члену Русского бюро ЦК А. Г. Шляпникову сообщить Ленину 11 февраля 1917 г.: «По сравнению с тем, как обстоят дела у других, у нас блестяще» [54].

Действительно, у других нелегальных партий положение по сравнению с 1916 г. не улучшилось. В столице в начале 1917 г. из мелкобуржуазных партий были меньшевики (Петроградская инициативная группа), трудовики, межрайонцы, отдельные группы эсеров, анархистов, представителей национальных партий. Они создали Информационное бюро, которое использовали и большевики для получения новостей. Но большевики поддерживали тесные связи только с левыми интернационалистскими элементами и отвергали соглашения с социал-шовинистами. Мелкобуржуазные партии, продолжая борьбу с царизмом, занимали неустойчивую позицию, колебались между партиями либеральной буржуазии и партией рабочего класса, не звали народ к решительному штурму самодержавия. Были и такие, которые колебались между мелкобуржуазными и пролетарской партиями. К ним принадлежала левоцентристская организация межрайонцев, возникшая в Петрограде в 1913 г. (в нее вошли часть бывших большевиков-примиренцев, меньшевики-интернационалисты), с которыми большевики по ряду вопросов шли вместе, но не переставали критиковать за примиренчество. Группы мелкобуржуазных партий и отдельные представители их существовали в Москве и ряде других крупных городов.

Из буржуазных партий на арене политической борьбы действовали кадеты, октябристы, прогрессисты, в национальных районах — Украинская радикально-демократическая партия, Демократическая партия Литвы, Эстонская народная партия, Латышская народная партия, Мусульманская демократическая партия «Мусават» и др.

Продолжали свою охранную деятельность помещичье-монархические партии и организации: Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Русский монархический союз, Всерос-

сийский союз земельных собственников, Всероссийский национальный союз, часть которого, под названием прогрессивных националистов (Шульгин), встала в оппозицию к правительству.

Итак, в стране, как и в период первой российской революции, продолжали существовать четыре вида (типа) партий, составлявших три политических лагеря (об этом говорилось выше). Непримиримую борьбу, как и 12 лет назад, против правительственных сил вел революционно-демократический лагерь. Гегемоном революции оставался пролетариат и его партия.

Продолжал действовать и блок левых партий («левый блок»), но в измененном виде. Если в годы первой российской революции в него наряду с большевиками входили мелкобуржуазные партии, то теперь — только левые, интернациональные отряды этих партий.

Начавшаяся с середины февраля 1917 г. волна забастовок росла по всей России. Бюро ЦК и ПК РСДРП призвали революционные массы решительно выступить против самодержавия. Напомним, что с 9 января по 23 февраля 1917 г. большевики столицы выпустили 15 листовок. Тираж отдельных из них доходил до 2 тыс. экземпляров[55]. «Ждать и молчать больше нельзя,— призывала одна из них.— Рабочий класс и крестьяне, одетые в серую шинель и синюю блузу, подав друг другу руки, должны вести борьбу со всей царской кликой и разом навсегда покончить с давящим Россию позором»[56].

Действительно, терпению народа приходил конец. Страна вступила в новый, высший этап кризиса. Революционная ситуация назрела. Царь и его правительство полностью обанкротились и уже не могли управлять по-старому, а по-новому управлять им не было дано. Ненависть народа к самодержавию, с которым связывались и бесправие, и война, достигла наивысшего предела. Чаша народного терпения переполнилась. Люди терпели муки голода, квартиры не отапливались, многие предприятия закрывались или были под угрозой закрытия; постоянные очереди за хлебом, сообщения о введении карточек на продукты питания, повышающаяся дороговизна дополняли безотрадную картину. Так было во многих крупных городах страны, но хуже всего — в Петрограде и Москве. В январе — феврале 1917 г. две столицы получили только четверть запланированных им продовольственных поставок[57].

Началось все с Петрограда, а точнее, с рабочей Выборгской стороны. И это не случайно. В 1917 г. в

столице из 2,3 млн населения 400 тыс. составляли рабочие, из них $^4/_5$ были заняты на крупных предприятиях (более 500 человек). В Выборгском районе имелось около 100 тыс. рабочих. Более 300 тыс. солдат насчитывал гарнизон, главным образом крестьян, одетых в серые шинели[58]. Питерские рабочие по своей сознательности и организованности были одним из самых передовых отрядов революционного движения. Именно их расстрелял царь в 1905 г., и их ненависть к самодержавию была непреходящей. Большинство сознательных рабочих столицы в начале 1917 г. шли за партией большевиков, которая в Питере была самой многочисленной (около 3 тыс. членов)[59], самой боевой из всех партий. Партийная организация Выборгского района насчитывала 500—600 большевиков. В период репрессий к членам Петербургского комитета большевиков она брала на себя функции общегородской организации. Во главе выборжцев стояли закаленные ленинцы, среди них потомственный сормовский рабочий 33-летний Иван Дмитриевич Чугурин, прошедший баррикадные бои в годы первой российской революции, затем тюрьму и ссылку, учился в ленинской партийной школе в Лонжюмо (во Франции), кадровый рабочий Василий Николаевич Каюров, также прошедший первую российскую революцию. Его хорошо знали В. И. Ленин, А. М. Горький. Именно такие люди вынесли всю тяжесть руководства партийными низами в Февральской революции, именно они возглавили отряды пролетариев в дни Великого Октября.

23 февраля (четверг) был днем Международного женского праздника. Буржуазная часть столицы, т. е. центр, с утра была тиха и ничего не подозревала. А на окраинах между тем бурлило. Застрельщиками во многих местах были работницы. На заводах и фабриках состоялись митинги. Выступали большевики, меньшевики, эсеры, представители других мелкобуржуазных партий. Забастовали почти все предприятия Выборгской стороны и некоторые фабрики и заводы в других районах. На «Новом Прометее» выступил Каюров, на Орудийном заводе «снятием» с работы руководил Чугурин[60].

Около 130 тыс. стачечников и демонстрантов вышли на улицу с лозунгами: «Хлеба!», «Долой войну!» Высыпавшие наружу обыватели, домохозяйки, подростки громили булочные. С их стороны имело место стихийно-бунтарское проявление недовольства. Но рабочие и работницы проявили большую стойкость, в том числе в схватках с полицией и войсками. Работницы агитирова-

ли казаков и солдат не стрелять в народ. В этот день не было крови. В центр, на Невский проспект, удалось пробраться немногим; их разгоняли нагайками.

Правильно подметил историк Э. Н. Бурджалов, что в первый день революции ни один демонстрант не обратил свои взоры к Думе, да и последняя не сделала ни одного шага, чтобы установить какую-либо связь с улицей, хотя бы для того, чтобы оказать давление на царское правительство[61]. Более всего буржуазные партии боялись народа.

Не поняли начавшихся событий и лидеры большинства мелкобуржуазных партий, усмотрев в них обычные «беспорядки». Разумеется, что и большевики пока не могли сказать, что уже началась революция. «Мысль о выступлении давно уже назрела среди рабочих,— вспоминал позже Каюров,— только в тот момент никто не предполагал, во что оно выльется...»[62] Но партия рабочего класса отнеслась очень серьезно к событиям 23 февраля, многие функционеры партии поняли, что это были не обычные митинги, собрания, манифестации, а нечто гораздо большее.

Вечером на объединенном заседании членов и представителей Бюро ЦК, ПК, Выборгского РК большевиков было принято решение о продолжении стачек и демонстраций под главным лозунгом «Долой самодержавие!».

С таким же лозунгом вышла в первый день революции листовка межрайонцев. «Давно пора крикнуть: Довольно! Долой преступное правительство и всю его шайку грабителей и убийц! Долой самодержавие! Да здравствует Революция!» — говорилось в ней. Однако межрайонцы недоучли размаха движения, проявляли неуверенность в своих поступках, когда действовали одни, без большевиков.

А как реагировали царь и его правительство на события 23 февраля, положившие начало Февральской революции?

Николай II накануне отбыл в Могилев, в Ставку, дав перед этим ряд указаний министрам. Ему докладывали министры внутренних дел, юстиции и управляющий Министерством народного просвещения. Газета «Утро России» 24 февраля дала весьма интересное сообщение, проливающее свет на поведение в то время царя и его правительства. Приводим полный текст: «Во вторник (21 февраля.— *Л. С.*) А. Д. Протопопов выехал экстренным поездом в Царское Село. Прием продолжался 25 минут, причем министр был принят также другими высокими особами.

В Министерстве внутренних дел отмечают, что за три дня до поездки в ведомстве шли усиленные работы по систематизации донесений начальников крупных губерний о настроении широких слоев населения в связи с продовольствием и с откликами на местах на речи членов Государственной думы. Получены подробные телеграфные донесения из ряда крупных городов.

В общем, все донесения сводятся к тому, что народные массы почти ничем не реагировали на начало занятий законодательных палат». Вот, пожалуй, одна из главных причин, почему царь перед самой революцией так спокойно покинул столицу. Ведь народ «не реагировал».

Николаю и невдомек было, что в Царское Село он больше императором не вернется. Тем более об этом не задумывалась Александра Романова, иначе она бы своего венценосного супруга никуда не отпустила. Больше всех знали о том, что делалось в стране, охранное отделение и Протопопов. Однако предположить, что начнется так скоро и грозно, не могли. Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что революция для царя и его правительства началась совершенно неожиданно. Непосредственные участники событий были застигнуты, как заявил градоначальник А. П. Балк, «врасплох: нарядов полиции на улицах не было, и я вызвал части, всегда имевшиеся в моем распоряжении,— конную полицию, жандармский дивизион и кавалерийские отряды»[63].

Когда 23 февраля народ выплеснулся на улицу, в Царском Селе «государыне императрице Александре Федоровне имели счастье представляться» аккредитованные при высочайшем дворе послы: испанский — маркиз Виласинда, японский — Учида с супругой, посланники: бельгийский, персидский, датский и сиамский[64].

Любопытная деталь: вышедшие на второй день революции в столице газеты буржуазных и помещичье-монархических партий ни словом не обмолвились о событиях 23 февраля, как будто бы ничего не случилось. Нет и белых пятен: значит, цензура ничего не вымарывала. Не хотели верить в то, чего так боялись и что всячески оттягивали. А революция уже началась!

24 февраля с утра на заводах и фабриках прокатились митинги: передовые рабочие «снимали с работы» колеблющихся, присоединяя их к общему движению. За Выборгским районом последовали Нарвский, Василеостровский, Петроградский и др. Стачка охватила более 200 тыс. человек. После митингов состоялись

демонстрации, они начались раньше, чем всегда. О политическом характере выступления говорили лозунги: «Долой войну!», «Долой монархию!», «Долой царское правительство!» Таких призывов было уже не меньше, чем «Хлеб!», «Мир!», «Свобода!».

Демонстранты пытались во что бы то ни стало попасть на Невский проспект, «оседлать» центр Петрограда. Несколько десятков тысяч, прорвав военно-полицейские заслоны, вышли на Невский и прилегающие к нему улицы. Здесь состоялись летучие митинги, на которых кроме большевиков выступали меньшевики, эсеры, трудовики, представители мелкобуржуазных национальных партий, но содержание их речей было разное.

Большевики направляли свои усилия на организацию всеобщей политической стачки, на решительные действия против самодержавия. Социал-шовинисты, «работая» против царя, пытались организовать шествие населения к Думе для ее поддержки. Однако туда, т. е. к буржуазным партиям, опять никто не пошел. Рабочие не признавали их.

Большевики были первыми, кто понял, что революция разразилась. «Для всех было ясно,— писал позже Шляпников о 24 февраля,— что революция началась, Россия «тронулась». Революционное движение охватило столь широкие круги, что никто не сомневался в том, что наступает решительный бой»[65].

Вечером на Охте состоялось нелегальное совместное заседание Петербургского и Выборгского комитетов большевиков. После заслушивания докладов с мест было решено просить Бюро ЦК РСДРП подготовить манифест с обращением к восставшим рабочим, а Петербургскому комитету выпустить листовку с призывом к пролетариям перейти от массовых политических стачек по районам ко всеобщей забастовке всей столицы[66].

Царский двор, в известной степени и правительство еще не разобрались, что происходит, но серьезно встревожились. Протопопов продолжал всех уверять, что скоро будет восстановлен порядок. Александра Романова в письме к Николаю так расценила два дня событий в столице: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи... Это — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы дома».

И далее: «Но это все пройдет и успокоится, если Дума будет хорошо вести себя»[67].

25 февраля события развернулись с новой силой. В этот день бастовало свыше 300 тыс. человек. Многие читали большевистскую листовку, в которой говорилось, что жить стало невозможно, что «либералы и черносотенцы, министры и Государственная дума, дворянство и земство — все слилось во время войны в одну озверелую шайку», а потому народ призывался на улицу под красные знамена революции, на которых были слова: «Долой царскую монархию!», «Долой войну!», «Да здравствует Демократическая республика!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!»[68]

Вот что рассказал большевик Т. К. Кондратьев о событиях того дня на заводе «Новый Парвиайнен»: «На митинге выступали большевики, меньшевики и эсеры. Говорившие ораторы горячо и единодушно призывали рабочих пойти на Невский и перед лицом буржуазного мира громогласно заявить, что мы хотим мира, что довольно бесцельно отнимать у нас детей, отцов и мужей... Так больше жить нельзя, мы люди, а не скоты... Оратор заканчивает революционным стихом: «Прочь с дороги, мир отживший, сверху донизу прогнивший, молодая Русь идет!» Атмосфера была накалена. Рабочие массы все, как один, были охвачены дружным порывом, непреодолимым желанием и решительностью жить или умереть в борьбе. Тысячи сверкающих глаз смотрели ясно, гордо и бодро»[69].

25 февраля началась всеобщая политическая стачка, подводившая рабочих непосредственно к высшей форме классовой борьбы — вооруженному восстанию. Стачка сопровождалась митингами и демонстрациями. Правительственная машина с этого дня стала буксовать. А демонстранты действовали все решительнее. В борьбе с полицией они пользовались уже не только булыжниками, но кое-где и оружием. Появились убитые и раненые. В колонны рабочих, ремесленников, служащих, студентов, которых становилось все больше и больше, вливались и солдаты. В этом огромная заслуга большевиков, развернувших широкую пропаганду среди солдат гарнизона. Но часть солдат по приказанию офицеров все же стреляла в демонстрантов, и положение революции было тяжелое.

Газета «Речь» 5 марта (в первом номере, вышедшем после победы Февральской революции) так post factum описала события 25 февраля в Петрограде. Трудовая жизнь столицы замерла. На улицах несметные толпы народа. Солдаты были заперты в казармах. Усилились

столкновения с полицией. Большие жертвы. И далее: «Огромная толпа народа, преимущественно из рабочих и учащейся молодежи, собралась на Невском и двинулась к Знаменской площади, где состоялся огромный митинг с речами, выдвигавшими чисто политические требования. В четвертом часу с Гончарной улицы на толпу двинулся отряд конной полиции с приставом во главе. Молодой казачий офицер скомандовал своему отряду двинуться на полицию. Казаки понеслись с нагайками и шашками. Пристав был убит из револьвера, отряд полиции обратился в бегство. Толпа окружила казаков с энтузиазмом, повсюду происходили трогательные сцены братания народа с казаками».

Таким образом, кадеты вынуждены признать, что во главе восставших шел рабочий класс, поддержанный учащейся молодежью, что революция была кровавой и дорого стоила народу, что уже на третий день часть самых надежных ранее войск царизма — казаки — выступила против карателей. Но 25 февраля «Речь» и все другие газеты буржуазных партий, как и накануне, почти ничего не писали о революции, как бы демонстрируя этим свой нейтралитет к власти и происходящим событиям.

Газеты помещичье-монархических партий, предчувствуя опасность, нависшую над царизмом, ринулись на его защиту. Пытаясь примирить недовольное население с очередями за хлебом и т. д., они вслед за официальными посулами повторяли, что его скупают для запаса, что скоро все наладится, надо только немного потерпеть [70].

Черносотенцы, порицая правительство в мягкотелости, в беспомощности подавить «беспорядки», снова обрушились на Думу. «До чего мы доживем,— писала их газета «Земщина» 25 февраля,— если правительство будет беречь это крамольное гнездо (речь идет о Думе.— *Л. С.*)?! Воистину мы делаем все от нас зависящее, чтобы добиться мятежа, а нас убаюкивают надеждой «на полную победу»». В последнем своем номере от 26 февраля «Земщина» выразила недовольство решением правительства передать продовольственное дело городскому управлению и на видном месте напечатала объявление генерала Хабалова применять оружие при подавлении беспорядков.

25 февраля до пребывавших в Царском Селе и Мариинском дворце наконец дошло, что происходит что-то неладное. «В городе дела вчера были плохи,— писала царица Николаю 26 февраля.— Произведены аресты 120—130 человек. Главные вожаки и Лелянов

привлечены к ответственности за речи в Госуд. думе. Министры и некоторые правые члены Думы совещались вчера вечером. Калинин (Протопопов.— *Л. С.*) писал в 4 часа утра о принятии строгих мер, и все они надеются, что завтра все будет спокойно. Те хотели строить баррикады и т. д. В понедельник я читала гнусную прокламацию. Но, мне кажется, все будет хорошо. Солнце светит так ярко, и я ощутила такое спокойствие и мир на его дорогой могиле (речь идет о Распутине.— *Л. С.*)! Он умер, чтобы спасти нас»[71].

25 февраля вечером Николай II на телеграмму Протопопова о забастовках и беспорядках в Петрограде по прямому проводу приказал генералу Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки...» «Стрелять надо»,— понял приказ Хабалов. Заметим, что до этого времени никто из правительства официально не сообщал царю о событиях в Петрограде: одни боялись, другие полагали, что все обойдется. Телеграфировали только тогда, когда стало ясно, что обычными мерами прекратить выступления рабочих нельзя.

На другой день Николай писал царице: «Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову»[72].

В ночь на 26 февраля в столице действительно были арестованы более 100 активистов партийных и других организаций, среди которых оказались и члены Петербургского комитета РСДРП. Войскам, предназначенным для усмирения, был отдан приказ после трехкратного предупреждения стрелять в демонстрантов.

Революция подошла к своему кульминационному пункту. Вечером 25 февраля состоялось заседание Бюро ЦК РСДРП. Его член П. А. Залуцкий, поддерживавший тесную связь с Петербургским комитетом большевиков, а значит, и хорошо знавший настроение в районах, доложил, что рабочие решили продолжать стачку до полной победы над царским правительством[73].

«Петроградская организация Российской социал-демократической рабочей партии,— говорилось в записке департамента полиции об этом совещании,— в течение двух дней происходящих в Петрограде волнений решила использовать в партийных целях возникшее движение и, взяв руководство участвующих в нем масс в свои руки, дать ему явно революционное направление». Далее перечислялись намеченные большевиками меры по руководству возраставшим революционным

движением: издать листовку, приступить к образованию на заводах партийных комитетов, к устройству баррикад, прекращению подачи электричества, порче водопровода и телеграфов; говорилось о предположении преобразовать Информационное бюро в «Совет рабочих депутатов по типу функционировавшего в 1905 году». «Что касается других революционных организаций,— сообщалось в записке,— то существующие в Петрограде отдельные представители партии социалистов-революционеров (организаций этой партии в Петрограде нет), вполне сочувствуя начавшемуся движению, полагают примкнуть к нему с целью поддержать революционное движение пролетариата»[74].

26 февраля было воскресенье. Это обстоятельство, а также грозный приказ Хабалова, расклеенный по городу и перепечатанный в этот день газетами, не могли не подействовать на некоторые слои населения, в том числе и на часть рабочих. Демонстрантов было меньше. Но те десятки тысяч, которые вышли на улицу, были неустрашимы. Это была гвардия его величества рабочего класса, хотя и без оружия. Лучшие представители его поклялись победить или умереть. И снова во главе пролетариев Выборгская сторона, затем Нарвская и Невская заставы.

«Демонстрация была в 50 шагах,— вспоминал Каюров,— уже видны знамена, Ив. Дм. Чугурин с распахнувшейся грудью и сын, идущий рядом с ним; и вот затрещали затворы, заиграл рожок, раздался залп, другой, третий...»[75] Да, на этот раз стреляли значительно больше.

«Улицы полны народу, направляющегося к центру,— говорилось в одном из документов того времени,— во всех направлениях стоят войска, время от времени раздаются залпы вдоль Невского, у Знаменской площали и (в) других местах, стреляют из пулеметов. Много убитых и раненых»[76].

Но расстрелять революцию не удалось, хотя удар по ней был нанесен сильный. Появился очень важный симптом: солдаты заколебались, выходили из повиновения начальства. Разумеется, нашлись и маловеры, однако не они определяли общий настрой рабочего класса. Становилось ясным: победа может быть завоевана только с оружием в руках и при поддержке солдат гарнизона. Вечером 26 февраля большевики столицы на заседании Выборгского комитета РСДРП, выполнявшего в это время роль общегородской организации, с участием представителей Бюро ЦК и Петербургского комитета РСДРП приняли решение перевести

всеобщую забастовку в вооруженное восстание, присоединяя к нему путем массовой агитации солдат гарнизона[77].

В тот день большевики выпустили листовку: «Братья-солдаты! Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев.

Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному народу и конец братоубийственной, бессмысленной бойне»[78].

26 февраля на Васильевском острове состоялось объединенное заседание большевиков, левых эсеров, межрайонцев, на котором была достигнута договоренность продолжать совместные действия по всеобщей стачке и демонстрациям, доводя их до «крайних пределов», т. е. до вооруженного восстания. В выпущенных межрайонцами с левыми эсерами листовках, так же как и у большевиков, по сути дела содержались призывы к вооруженному восстанию и созданию временного революционного правительства[79].

А что делали в это решающее для революции время правительство и буржуазные партии? Протопопов под влиянием некоторых успехов, достигнутых в воскресенье, говорил царице по телефону: «Завтра решится все. Надеюсь, наша возьмет верх»[80]. А в Думе 26 февраля еще господствовала точка зрения на власть правого крыла оппозиции, главным образом октябристов во главе с Родзянко, которые еще надеялись получить согласие царя на «министерство доверия». Об этом свидетельствует телеграмма председателя Думы Николаю II: «Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца»[81].

Вечером того же дня Родзянко посетил председателя Совета министров и от имени думской оппозиции заговорил с ним о формировании нового правительства, во главе которого встанет более популярный в стране человек (предполагался генерал Алексеев), согласный работать с Думой. «Вы хотите, чтобы я ушел, а знаете, что у меня в папке?» — ответил ему Голицын и показал на полученный им еще 13 февраля указ Николая II о роспуске Думы, дату которого он получил право поставить сам. Родзянко ушел ни с чем.

На другой день председатель Думы, когда исход революции в Петрограде еще не был окончательно

решен, снова обратился с мольбой к царю об образовании нового правительства, но царь и на этот раз остался глух. Это свидетельствовало о том, что до середины дня 27 февраля Родзянко и его политические друзья не думали о замене Николая. Только со второй половины дня, когда революционные действия стали критическими для самодержавия, в Думе возобладала линия кадетов: спасти монархию, жертвуя монархом. С ней согласился и Родзянко.

Наступило 27 февраля. Не вышло ни одной газеты. Пролетариат столицы приготовился к решающему бою. И вот в этот момент определяющим стал зревший уже несколько дней перелом в сознании солдат гарнизона. Работа среди солдат сотен большевиков, в том числе Г. В. Елина, Н. А. Милютина, Н. И. Подвойского, А. К. Скороходова и многих-многих других, а также представителей революционной части мелкобуржуазных партий дала свои плоды. Первой на сторону восставших перешла учебная команда Волынского полка, которая еще вчера стреляла в демонстрантов на Знаменской площади. Прибывший рано утром во вторую роту командир команды капитан Лашевич, чтобы снова вести солдат на расстрел рабочих, был убит Тимофеем Кирпичниковым. После этого солдаты вышли на улицу и присоединили к себе солдат Преображенского и Литовского полков. Скоро они встретились с рабочими, и уже не было силы, которая бы могла противостоять им. Восставшие освободили из Дома предварительного заключения арестованных по политическим обвинениям, подожгли ненавистный окружной суд. В этот день была взята штурмом тюрьма «Кресты», где политические заключенные сидели в одиночных камерах. Большевики вместе с меньшевиками-интернационалистами и анархистами захватили типографию реакционной газеты «Русская Воля» и стали печатать свои листовки.

К четырем часам дня почти весь город находился в руках восставших. Хабалов с небольшой группой верных еще ему войск метался от градоначальства в Адмиралтейство, из последнего — в Зимний дворец, отыскивая более безопасное место. Совет министров принимает экстренное решение об отставке Протопопова. Но никто и ничто не могло уже защитить царских слуг от гнева народа. И это они хорошо понимали. Когда вечером к Мариинскому дворцу приблизилась толпа людей, свет во дворце немедленно погасили. Но поскольку нападения не было, скоро снова включили электричество. Один из министров рассказывал, что, к

своему великому удивлению, обнаружил себя под большим столом и никак не мог объяснить, как он туда попал.

К вечеру 27 февраля на стороне восставших было 67 тыс. солдат столичного гарнизона. Посланный на подавление отряд Кутепова, вместо того чтобы «загнать к Неве и там привести в порядок» непокорных, сам растворился в массе народа. Победа революции в Петрограде была предрешена. «Питерские рабочие, как и рабочие всей России,— подчеркивал В. И. Ленин,— самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, *за мир,* против империалистской бойни»[82].

В связи с победой Февральской революции перед каждой политической партией встал главный вопрос любой революции — вопрос о власти.

Первая партия, которая обратилась к народам России с программным документом, была партия большевиков. Манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», отпечатанный тиражом 100 тыс. экземпляров, стали распространять в Петрограде вечером 27 февраля 1917 г., а затем по всей стране. Манифест призывал трудящихся России поддержать дело, начатое в столице, создать временное революционное правительство республики из представителей фабрик, заводов и воинских частей, вставших на сторону революции, которое обеспечит демократические свободы, установит 8-часовой рабочий день, конфискует кабинетские, монастырские и помещичьи земли, созовет Учредительное собрание, покончит с войной. Манифест большевиков сыграл огромную роль в закреплении победы Февральской революции и ее дальнейшем развитии.

27 и 28 февраля издали два обращения левые, интернационалистские группы мелкобуржуазных партий. Одно из них содержало призыв выбирать в Петроградский Совет, другое было направлено на разоблачение Государственной думы и Родзянки[83]. 1 марта опубликовал воззвание Организационный комитет (ОК) меньшевиков. Ни один из этих документов не содержал революционной программы действий, не был направлен в будущее.

Ярким доказательством того, кто делал революцию, кто являлся ее главной политической и руководящей силой, явилось создание в столице, а затем во всех других городах страны новых органов власти — Советов рабочих депутатов — по образцу действовавших в период революции 1905—1907 гг. Они были организованы раньше, указывал В. И. Ленин, чем какая-либо партия

успела провозгласить этот лозунг[84]. Затем Советы стали лозунгом большевиков и всех мелкобуржуазных партий, но только большевики придавали ему его настоящий смысл, естественное значение как политической власти, как революционной диктатуры рабочих и крестьян при руководстве рабочего класса. Меньшевики же и эсеры рассматривали Советы лишь как центры политического воспитания трудящихся.

Вопрос о Советах поднимался еще в ходе революции, но вплотную встал вечером 27 февраля. Получилось так, что параллельно и почти одновременно возникли две власти и обе — в Таврическом дворце, в разных его половинах. В правой, «думской» половине — буржуазная, в левой — рабоче-крестьянская.

Днем 27 февраля лидеры меньшевиков, трудовиков и эсеров, в том числе члены Государственной думы, поддержав инициативу рабочих, создали Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Вечером состоялось первое заседание Совета, на котором присутствовали представители, избранные и присланные заводами и воинскими частями. Из 15 членов созданного на нем исполнительного комитета * 13 были меньшевиками, эсерами, трудовиками и им сочувствующими, 2 большевиками[85]. Такой состав больше отражал соотношение партийных сил в Таврическом дворце, чем в столице. Известно, что руководители большевиков находились в это время в ссылке, в тюрьмах, за границей. Меньшевики же и трудовики заседали в Думе и из думского кресла пересели в советское. Керенский, Чхеидзе, Скобелев были известны широкой публике по своим антиправительственным выступлениям в Думе. Кроме того, соединение рабочего движения с солдатско-крестьянским, по природе своей мелкобуржуазным, не могло не повлиять на социальную психологию масс. Расширение классовой базы революции сказалось на ее политическом характере, который стал более расплывчатым.

Сознательные, социалистические элементы как бы временно были поглощены массой, ушли в глубь ее, а на поверхности оказалась мелкобуржуазная стихия, образованная свержением деспотизма, кипящая, но не искушенная в политике. Многие солдаты и даже часть рабочих не могли еще анализировать позиции социали-

* В состав исполкома Петроградского Совета вошли Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев, Ю. М. Стеклов, Н. Н. Суханов, Н. Ю. Капелинский, Э. Соколовский, П. А. Красиков (Павлович), П. Александрович, К. А. Гвоздев, Н. Д. Соколов, К. Гриневич, Г. Г. Панков и большевики П. А. Залуцкий и А. Г. Шляпников.

стических партий: раз те выступали против царя, их всех поддерживали.

Еще одно обстоятельство. Немало рабочих, бывших недавно крестьянами, а также многие солдаты шли за лозунгами меньшевиков и эсеров. Требовались время и огромная работа, чтобы отвоевать их от мелкобуржуазных партий. В сражениях с царизмом трудящиеся предпочитали большевиков как самых решительных борцов. И вот самодержавие свергнуто. Народ не был еще готов к решению, за кем и куда идти дальше. Только сознательные рабочие, застрельщики и руководители движения, осуществлявшие гегемонию своего класса в Февральской революции, неотступно шли за большевиками. Но многие из них, как и сами большевики, когда формировалась революционно-демократическая власть, были не на заводах и фабриках, избиравших депутатов, тем более не в Таврическом дворце, а «на баррикадах», руководили подавлением последних очагов контрреволюции, захватом стратегических объектов столицы, арестами царских министров и сановников, вылавливанием полицейских. В протоколе заседания Петроградского Совета за 28 февраля говорится: «Отсутствуют лучшие силы. Ходят, стреляют, обыскивают».

А в это время в правой половине Таврического дворца буржуазные партии лихорадочно формировали свое правительство. Происходило это при следующих обстоятельствах. Получив телеграмму от царя о перерыве работы Думы, оппозиционная часть российского парламента приняла решение указу подчиниться, но в то же время не расходиться и начать «частное совещание». Произошло это потому, что уже к 10 часам утра 27 февраля стало известно о восстании солдат гарнизона, о переломе в пользу революции, и буржуазия могла оказаться за ее бортом, а это никак не входило в планы кадетов, октябристов и других партий. И в ночь с 27 на 28 февраля они создают свой орган власти, назвав его «Временным комитетом членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями».

В выпущенном им обращении говорилось: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче

создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

В «Известиях Временного комитета Государственной думы» 27 апреля 1917 г. был опубликован состав Комитета. В него вошли 6 кадетов, 2 октябриста, 1 прогрессивный националист, 1 меньшевик, 1 трудовик *.

На большее лидеры буржуазных партий тогда не осмелились. Если царь при помощи войск, взятых с фронта, и подавит революцию, то их только выпорют, но не повесят.

«Когда революция уже началась, тогда ее «признают» и либералы и другие враги ее,— отмечал В. И. Ленин,— признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее» [86]. В России так и случилось.

После переговоров представителей Исполкома Петроградского Совета с Временным комитетом Думы 1 марта было создано Временное правительство **. Петроградский Совет утвердил переговоры и состав правительства 600 голосами эсеров, меньшевиков и шедших за ними беспартийных депутатов. Против голосовали 14 большевиков.

«Что же получилось? — спрашивал большевик П. А. Залуцкий на заседании Совета.— Ходили на улицу, текла кровь, а что происходит сегодня? Контрреволюцию царскую против народа» [87].

Да, мелкобуржуазные партии и поддержавшие их непартийные депутаты проголосовали за передачу власти, которая фактически и полностью находилась в руках Совета, буржуазии и ее партиям. Правда, в резолюции поддержка Временного правительства Сове-

* Состав Временного комитета членов Государственной думы: М В. Родзянко (председатель), Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгин, С. И. Шидловский, П Н. Милюков, М. А. Караулов, В. Н. Львов, В. А. Ржевский.

** Состав буржуазного Временного правительства: председатель Совета министров и министр внутренних дел — князь Г. Е Львов (беспартийный, близкий к кадетам), министр иностранных дел — кадет П. Н. Милюков, военный и морской министр — октябрист А. И. Гучков, министр путей сообщения — кадет Н. В. Некрасов, министр торговли и промышленности — прогрессист А И Коновалов, министр финансов — капиталист-миллионер М. И Терещенко, министр просвещения — кадет А. А. Мануилов, обер-прокурор святейшего Синода — В. Н. Львов (центр), министр земледелия — кадет А. И. Шингарев, министр юстиции — трудовик (скоро объявил себя эсером) А. Ф. Керенский, государственный контролер — октябрист И. В. Годнев (см.: Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1974. С. 56; *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 1. М., 1967. С. 598—599).

том была условной «постольку, поскольку оно (Временное правительство) идет по линии осуществления намеченных задач». Речь идет об объявленных Советом мерах, в том числе об учреждении Комитета по наблюдению за действиями правительства. Попутно заметим, что кадеты формулу «постольку, поскольку» назвали «сатанинским измышлением».

Состав Временного правительства объявлял народу в Екатерининском зале Таврического дворца Керенский. Керенский, который вместе с Чхеидзе и Скобелевым 27 февраля, когда ко дворцу подошли восставшие солдаты Волынского полка и рабочие, молил Думу о том, «чтобы она возглавилась над восстанием, что только в этом возглавенстве и залог того, что в России будет революция, а не солдатский бунт...» *. А теперь он говорил: «Товарищи солдаты и граждане! Я, член Государственной думы А. Ф. Керенский — министр юстиции (бурные аплодисменты и восторженные крики «ура»), объявляю во всеуслышание, что новое Временное правительство вступило в исполнение своих обязанностей по соглашению с Советом рабочих и солдатских депутатов». И далее: «Товарищи, в моем распоряжении находятся все бывшие председатели Советов министров и все министры старого режима. Они ответят, товарищи, за все преступления перед народом, согласно закону (возгласы: «беспощадно»)» [88].

Керенский призвал всех поддержать новую власть, а солдат — слушаться офицеров. Говорил он эффектно, позируя, кое-что приврал. Насчет арестов сказал правду. Еще 27 февраля одного из первых арестовали бывшего министра юстиции И. Г. Щегловитова. Под сильной охраной его доставили в Таврический дворец и поместили в Министерском павильоне. Скоро здесь оказались бывшие премьеры Б. В. Штюрмер и И. Л. Горемыкин, министры внутренних дел А. Д. Протопопов и Н. А. Маклаков, военный министр В. А. Сухомлинов и др. Арестовали председателя Союза русского народа черносотенца А. И. Дубровина, активного его члена Н. М. Юскевича-Красковского.

В отличие от первых дней революции, когда восставшие рабочие не обращали никакого внимания на Думу и буржуазные партии, теперь положение изменилось. Мелкобуржуазные солдатские массы, увлекая за собой часть рабочих, потянулись в Таврический дворец,

* Это заявление было сделано 18 июля 1917 г. прогрессистом А. М. Масленниковым на частном совещании членов Государственной думы (Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. 196).

чтобы заявить о своей поддержке революции и спросить, что делать дальше. Разумеется, что большое влияние на это оказало нахождение в Таврическом дворце только что созданного Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (до 1 марта 1917 г. Петроградский Совет назывался Советом рабочих депутатов). Но несомненно и другое: значительная часть восставших солдат под влиянием речей меньшевиков и эсеров поверила заявлениям Временного комитета Государственной думы и одновременно приветствовала и Совет, и Комитет. Перед солдатами, которые со второй половины дня 27 февраля без конца приходили к Таврическому дворцу, после того как в Екатерининском зале Думы их крестом благословлял член Думы священник С. А. Попов, выступали Родзянко и Милюков, Керенский и Чхеидзе. И тем, и другим в первое время одинаково кричали «ура».

Но участники событий уже тогда подметили, что в самое короткое время положение стало меняться. Если вначале восставшие удовлетворялись речами Родзянко, а тем более Милюкова, то затем стали требовать выступлений Чхеидзе, Керенского, Скобелева. Народ левел.

Небезынтересно отметить, что вначале лидеры не только буржуазных, но и мелкобуржуазных партий боялись выходить к восставшему народу: а вдруг революция будет подавлена? «Должен сознаться,— рассказывал корреспонденту кадетской газеты товарищ председателя Петроградского Совета меньшевик Скобелев,— что, когда я в самом начале революции вышел на крыльцо Таврического дворца, чтобы встретить кучку солдат, пришедших первыми в Государственную думу, и обратился к ним с речью, я был почти убежден, что говорю одну из последних своих речей, что пролетит несколько дней и я буду расстрелян или повешен...»[89]

Но народ победил, Скобелев и иже с ним оказались в седле революции. Они считали, что будут контролировать буржуазное Временное правительство.

5. «КОРОЛЬ ОКАЗАЛСЯ ГОЛЫМ»

Одержимый идеей фикс ничего не изменять и ни в чем не уступать до приезда в Царское Село, Николай Романов (эта идея в значительной степени была навязана ему супругой) поздно вечером 27 февраля, после получения телеграммы от царицы с просьбой срочно приехать ввиду «неспокойной» обстановки, отдал распо-

ряжение немедленно готовить литерные поезда к отъезду.

Напомним события, которые произошли перед этим. Кроме приведенной ранее кричащей последней телеграммы Родзянки, зарегистрированной в Могилеве в первой половине дня 27 февраля, царь вечером получил телеграмму от председателя Совета министров Голицына, в которой сообщалось, что правительство не имеет сил восстановить положение в столице, а потому просит его распустить и создать новое. Вслед за ней пришла просьба военного министра Беляева о посылке новых, надежных частей для подавления восстания. Одновременно с этим начальник штаба генерал Алексеев передал царю просьбу великого князя Михаила Александровича, высказанную под давлением Родзянки, о даровании правительства* во главе с представителем оппозиции князем Г. Е. Львовым [90].

Мы не располагаем документами, которые фиксировали бы весь ход мысли российского императора в последние дни его пребывания на троне, об этом можно только догадываться. Но некоторые высказывания царя имеются. Главное же в том, что известны действия и его, и окружавших его людей. Царь принял решение оружием бороться за сохранение своей власти, сделать главной базой этой борьбы не Ставку Верховного главнокомандующего в Могилеве, которая имела в своем распоряжении все войска огромного фронта, а привычное и удобное ему Царское Село. Оно было близко от столицы, от правительства, его охраняли наиболее стойкие гвардейские полки. Именно отсюда он хотел руководить снаряженной по его приказу экспедицией генерала Н. И. Иванова, которому поставлена задача «водворить порядок» [91], т. е. подавить революцию. Здесь могла ему помочь кое в чем царица Александра Федоровна.

27 февраля Николай послал в Царское Село письмо и телеграмму. «После вчерашних известий из города,— писал он царице,— я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необхо-

* Уже в дороге, 28 февраля, Николай II получил также телеграмму от 22 членов Государственного совета. Ее подписали Гучков, Гримм, кн. Друцкой-Соколовский, Меллер-Закомельский, кн. Трубецкой и др. В ней также содержалась просьба дать новое правительство, созвать законодательные палаты. Она заканчивалась словами: «Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедами» (Утро России. 1917. 2 марта; Февральская революция 1917 г. Документы Ставки...// Красный архив. 1927. Т. 2. С. 26).

димо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо. Беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал. Удивляюсь, что делает Павел? Он должен был бы держать их в руках». Так он писал до получения письма от царицы, а вечером телеграфировал: «Выезжаю завтра 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода в город (Петроград.— *Л. С.*)» [92].

В советской литературе подробно освещен замысел карательной экспедиции генерала Иванова, назначенного царем главнокомандующим Петроградским военным округом «с чрезвычайными полномочиями». Из нее явствует, что генерал во главе батальона георгиевских кавалеров 28 февраля выехал из Могилева курсом на Царское Село, куда должно было прибыть значительное число воинских частей с фронта; что генерал Алексеев, а также командующие фронтами (Северным — генерал Рузский, Западным — генерал Эверт, Юго-Западным — генерал Брусилов) принимали все меры, чтобы Иванов получил вовремя надежных солдат и офицеров. Но затея эта потерпела крах. Иванов 1 марта прибыл в Царское Село; сюда должен был в это же время явиться и Николай II. Но никаких войск с фронта генерал не получил, а царь вообще не доехал до Царского Села. Революция опрокинула все планы реакции. Случилось это несколько позже.

А рано утром, в 4 и 5 часов, 28 февраля из Могилева отошли два литерных поезда — свитский и царский. Сутки они двигались беспрепятственно. Казалось бы, ничто не напоминало, что в столице уже новая власть. На некоторых станциях находившиеся здесь воинские эшелоны выстраивали даже почетные караулы, офицеры и солдаты кричали царю «ура». 28 февраля в 3 часа дня из Вязьмы Николай дал телеграмму в Царское Село, в которой были и такие слова: «Много войск послано с фронта» [93].

Но чем ближе поезда подходили к Петрограду, тем больше менялась обстановка и тревожнее становился путь: сказывалось дыхание революции.

Ранним утром 1 марта Николая разбудили и сообщили, что путь впереди перекрыт восставшими. Отдав указание двигаться на Псков, где находился штаб Северного фронта, он прибыл сюда российским императором, а через сутки выехал полковником Романовым. В Пскове царь понял, что у него нет никакой поддер-

жки в армии. Генерал Алексеев и все командующие фронтами, лучше информированные, чем Николай, о событиях в Петрограде, о создании там Временного комитета Государственной думы, в один голос заявили о необходимости и безотлагательности даровать ответственное министерство. На этот раз царь уступил, думая, что этим все кончится. В Царское Село он телеграфировал: «Надеюсь, что здоровье у всех лучше, что скоро увидимся. Господь с вами. Крепко обнимаю»[94]. Это была последняя телеграмма российского императора в Царское Село. После этого он давал их как частное лицо.

Его согласие на образование ответственного перед Думой, а не перед царем министерства никакого значения уже не имело. Это был пройденный этап. И это хорошо понимали в Петрограде. Ни лидеров буржуазных партий, ни членов Временного комитета Думы персона Николая II теперь не устраивала, ибо «настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко»,— заявил Родзянко по телеграфу генералу Рузскому. Председатель Государственной думы изложил генералу идею буржуазных партий об отречении царя в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Рузский немедленно передал царю разговор с Родзянко[95].

Спасая монархию, в Псков выехали представители Временного комитета Думы глава октябристов Гучков и глава националистов Шульгин. Первый лично недолюбливал царя, второй же посчитал, что отречение монарха должен принять монархист. А тем временем генерал Алексеев направил телеграммы всем командующим фронтами, чтобы те высказали свое мнение по поводу отречения Николая II.

К двум часам дня 2 марта Алексеев получил ответы. По содержанию они были однозначны: царь должен уступить трон. Узнав об этом, Николай дал согласие на отречение, но затем потребовал задержать сообщение об этом до приезда Гучкова и Шульгина. У него появилась мысль отречься и за сына, в пользу великого князя Михаила Александровича.

В этот день царица написала два письма Николаю, и, поскольку Царское Село было уже изолировано от внешнего мира, она их направила тайно, со своими людьми. В первом говорилось: «Все отвратительно, и события развиваются с колоссальной быстротой... Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мной прежде, чем ты подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в

этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный как мышь в западню, что ты можешь сделать?» Вселяя надежду, царица писала: «Если придется покориться обстоятельствам, то бог поможет освободиться от них». Второе письмо почти повторяло первое. 3 марта царица уже знала об отречении Николая. «Можно лишиться рассудка, но мы не лишимся»,— писала она мужу в этот день[96].

Эпизод отречения российского императора описан во множестве книг. О нем сообщали непосредственные участники акции и те, которые были только в поезде царя и просто на станции, а также те, которые там вовсе не были, но слышали об этом от участников событий прямо или через вторые и третьи лица. Наконец, пишут и те, которые работали и работают «по источникам», переписывая их вкось и вкривь,— это буржуазные историки. В последнее время вернулись к этой теме советские исследователи. Наибольшую разработку она получила в трудах Г. З. Иоффе и Э. Н. Бурджалова.

Пожалуй, свидетельства очевидцев, которые сами непосредственно видели или участвовали в этом событии и отразили его тогда же, являются более полными и объективными.

Вот что рассказал по свежим следам о поездке в Псков Шульгин. Он и Гучков с готовым текстом отречения выехали из столицы в 3 часа дня 2 марта и прибыли к месту пребывания царя в 10 часов вечера. (Заметим, что привезенный текст отречения не был использован.) Оба тут же попали в салон-вагон Николая. «Мне было все-таки неловко, что я явился к царю в пиджачке, грязный, немытый, четыре дня не бритый, с лицом каторжника, выпущенного из только что сожженных тюрем»,— добавлял Шульгин. При отречении, по словам рассказчика, кроме него присутствовали генерал Рузский, министр двора граф Фредерикс, Гучков и еще один генерал, который все записывал. (Этим генералом был начальник военно-походной канцелярии А. А. Нарышкин.)

Гучков, опустив голову вниз, произнес длинную речь о положении в стране, о необходимости отречения в пользу Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Царь (в форме полковника одного из кавказских полков) заявил, что он отрекается за себя и за сына в пользу брата Михаила Александровича.

Николай II ушел к себе и через четверть часа вернулся, держа в руках три листочка бумаги. Это был

акт об отречении*. Время показывало без 12 минут 12 часов ночи 2 марта 1917 г. Начался разговор в 11 часов вечера. Шульгин отметил, что Николай был внешне спокоен. Вежливо попрощался [97].

Но перед этим Николай Романов подписал указ правительствующему сенату о назначении председателем Совета министров князя Г. Е. Львова, который уже исполнял эту должность. Этот жест был сделан для того, чтобы создать видимость преемственности, законности власти Временного правительства.

Итак, никто не заступился за царя, никто не возвысил свой голос за него. «Буквально нам никто не противодействует, буквально никто не поддерживает царя...— сообщал Гучков.— Вокруг трона была абсолютная пустота» [98]. Запись Николая Романова, сделанная в этот день в дневнике, гласит: «Кругом измена, и трусость, и обман» [99]. «Абсолютная пустота», охарактеризованная бывшим царем, наблюдалась не только в штабах фронтов, в Ставке, в Пскове, в непосредственном окружении царя, но и в Петрограде и в других местах.

За сутки до отречения Николая, 1 марта,в Таврический дворец приехал, сообщала на следующий день газета «Русское слово», великий князь Кирилл Владимирович в сопровождении командующего гвардейским экипажем и эскорта из нижних чинов.

— Имею честь явиться к вашему высокопревосходительству,— заявил он Родзянке.— Я нахожусь в вашем распоряжении, как весь народ. Я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий, и теперь я могу заявить, что весь гвардейский флотский экипаж в полном распоряжении Государственной думы.

Родзянко тепло благодарил великого князя. А царица, узнав об этом, писала Николаю: «Кирилл совсем ошалел». Но на этом дело не кончилось. В тот же день в Таврический дворец приезжали засвидетельствовать свое почтение великий князь Николай Михайлович и великая княгиня Елизавета Маврикиевна.

А 10 марта совет Объединенных дворянских обществ призвал всех русских людей, в том числе и дворян, отложить всякие разногласия и сплотиться вокруг Временного правительства «как единственной в России законной власти, поставившей себе целью защи-

* Этот текст отречения был составлен в Ставке и получен царем 2 марта. 15 минут Николай использовал для того, чтобы внести в него дополнение об отречении за сына и передаче трона брату.

ту государственности и порядка и доведение войны до победоносного конца»,— поведала 11 марта кадетская «Речь».

Как же реагировал народ, и прежде всего рабочие, на попытку буржуазных партий спасти в России монархию, заменив одного царя другим? Можно ответить: с негодованием!

Выступая 2 марта в Таврическом дворце перед солдатами и рабочими (это было еще до отречения Николая), Милюков говорил: «Вы спрашиваете о династии. Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я скажу. Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен (аплодисменты). Власть перейдет к регенту — великому князю Михаилу Александровичу (продолжительные, негодующие крики, возгласы: «Да здравствует республика!», «Долой династию!» Жидкие аплодисменты, заглушенные новым взрывом негодования). Наследником будет Алексей (крики: «Это старая династия»)» [100]. Гучков чуть было не поплатился головой, когда, приехав из Пскова в Петроград, он на митинге в железнодорожных мастерских провозгласил: «Да здравствует император Михаил!» Рабочие немедленно арестовали его и грозили расстрелять.

Несмотря на огромное сопротивление народа попыткам буржуазных партий оставить в России монархию, отрицательное отношение к акту ее возврата мелкобуржуазных партий (2 марта газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» писала: «Династия Романовых ныне свержена... к ней возврата быть не должно»), лидеры буржуазных партий, как и члены Временного комитета Думы и Временного правительства, 3 марта явились к Михаилу Романову решать вопрос о династии.

Родзянко обрисовал великому князю положение и предложил дать ответ теперь же. Михаил Романов попросил разрешения поговорить наедине с Родзянко и Львовым. Ему разрешили. Когда он вышел с отречением, Керенский высокопарно заявил: «Ваше высочество! Ваш поступок оценит история, ибо он дышит благородством. Он высокопатриотичен и обнаруживает большую любовь к родине» [101].

Что было дальше с Николаем Романовым и его семьей, общеизвестно. Но некоторые детали стоит напомнить. Из Пскова бывший император 3 марта отправился в Могилев. Заметим, кстати, что ни Гучков, ни Шульгин не возражали против этого. Он снова

остановился в доме губернатора, но на свои обычные прогулки больше не выходил. Разумеется, официальные отношения со всеми, в том числе и со штабом, прекратились. Только Алексеев на короткое время заходил к нему. 4 марта в Могилев приехала мать царя, Мария Федоровна; остановилась в своем поезде на станции. Сын и мать долго беседовали наедине. По словам членов свиты (в Могилеве свита бывшего царя еще существовала, хотя и в уменьшенном составе), Николай Романов внешне оставался спокойным, кроме одного случая, о котором мы вспомним ниже.

Между тем волна революции, начавшись в Петрограде, докатилась и до Могилева. 5 марта в городе состоялась большая демонстрация. Солдаты гарнизона с оркестром, игравшим «Марсельезу» и марши, с красными знаменами, на которых особо выделялось слово «Свобода», с красными флажками на штыках прошли весь город по Днепровскому проспекту, мимо дворца, в котором обитал бывший царь. Через полтора месяца представитель Ставки расскажет на фронтовом съезде солдат и офицеров в Минске, что царь во время демонстрации украдкой смотрел в окно и плакал. Об этом поведает 11 апреля 1917 г. буржуазная газета «Новое Варшавское утро».

И вот ведь сюрприз истории. Среди демонстрантов находился георгиевский батальон, тот самый, который был направлен на подавление революции в Петрограде, а затем, после краха авантюры генерала Иванова, прибыл обратно в Ставку. Солдаты батальона ничем не отличались от других. Они, как и все, приветствовали революцию. А ведь только три с половиной года назад Россия гремела салютами и военными маршами, отмечая трехсотлетие династии Романовых. И всего неделю назад георгиевский батальон беспрекословно сел в вагоны, чтобы выполнить приказ царя.

После демонстрации солдаты собрались на Сенной площади. Перед ними выступил генерал Алексеев, который, сообщив официальные сведения об отречении царя и Михаила, призвал солдат поддержать новое правительство, довести войну до победы. «300 лет назад,— писал монархист Шульгин,— народ кричал: «Давай царя!» Теперь кричит: «Долой царя!» »

Временное правительство 7 марта приняло решение о лишении свободы Николая и Александры Романовых. Бывшего царя под охраной должны были доставить в Царское Село. А на другой день командующий войсками Петроградского военного округа генерал Корнилов явился в царскосельский Александровский дворец и

объявил бывшей царице, что она лишена свободы. Александра Романова осталась в занимаемых ею покоях, но ко дворцу, телефону и телеграфу была поставлена стража. Николай узнал об этом 8 марта из разговора с женой по телефону. Вот тогда он и разволновался.

Почти одновременно, т. е. 8 марта, в Могилев прибыли комиссары Временного правительства, чтобы объявить Николаю Романову о лишении свободы и о доставке его в Царское Село. Бывший царь в это время находился на вокзале в вагоне матери. Здесь же ему зачитали решение правительства. После этого Николай прямо от матери, перейдя только платформу, сел в предназначенный ему вагон. Передавая этот эпизод, газета «Речь» отмечала, что все это произошло при гробовом молчании находившейся на вокзале свиты бывшего царя и собравшейся публики. Мария Федоровна долго смотрела на сына из окна своего вагона. Первый раз в жизни бывший самодержец не поехал, а его повезли.

Поезд 9 марта прибыл в Царское Село. Никто из дворца не встречал Николая. Подали автомобиль и снова повезли, правда во дворец, под стражу стрелкового полка [102].

Временное правительство проявляло заботливый интерес к бывшей царской семье. Министр юстиции Керенский (которого месяц назад царица требовала повесить за антиправительственные речи в Думе) 21 марта посетил Царское Село. Вначале он осведомился о том, как охраняются чета Романовых и их чада, говорил с новым комендантом подполковником Коровченко. При обходе помещений объяснения о режиме бывшей царской семьи давали ему бывший обергофмаршал двора граф Бенкендорф и князь Долгоруков. Затем министр правительства, правда Временного, «лично осведомился у бывшего царя и членов его семьи об их здоровье и времяпровождении, на что им были получены вполне удовлетворительные ответы» [103].

Но вот Керенский прошел в помещение госпожи Вырубовой и строгим тоном распорядился немедленно изолировать ее. На другой день бывшую фрейлину царицы Анну Вырубову доставили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

Народ возмущался тем, что бывший царь продолжал находиться во дворце с прислугой, располагая большими материальными средствами. Один военный полушутя предложил: полковника Николая Романова «для успокоения умов» отправить в отставку без пенсии и без мундира. Рабочие требовали строгого открытого

суда над бывшим царем. Он должен был ответить за свои многолетние тяжкие преступления. Но Временное правительство молчало. Ему невыгодно было судить царя.

Рабочая секция Петроградского Совета уже совершенно серьезно постановила перевести бывшую царскую семью в Кронштадтскую крепость под охрану моряков. Но Романовы продолжали оставаться в Царскосельском дворце.

Зато около трех десятков человек из высших царских сановников уже в марте оказались в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, где они давали показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Корреспонденту кадетской «Речи» в виде большого исключения разрешили посетить место заключенных и «тайно», через тюремный глазок, посмотреть на людей, которые еще вчера вместе с царем вершили судьбы людей и всей страны, были столпами режима.

Ни одному из смертных, писал корреспондент, не удавалось раньше проникнуть в эту страшную тюрьму в качестве зрителя. Сюда попадали только те, которые живыми отсюда никогда не выходили. Они сидели в этом каменном мешке, «ожидая часа жестокой расправы». Сейчас здесь все было по-другому. С арестованными обращались вежливо, у них был солдатский харч: в 7 часов утра им выдавали кипяток с хлебом, в 12 часов — обед (щи и каша), в 4 часа — кипяток, в 7 часов вечера — ужин (каша). В сутки каждый получал по три-четыре фунта черного хлеба и полфунта белого. Заключенные сами убирали камеры. Им разрешали прогулки.

Разумеется, в считанные минуты одним глазом трудно рассмотреть заключенного в одиночной камере человека. И все же. Сухомлинов (быший военный министр) производит тягостное впечатление, делился своими впечатлениями корреспондент. Это исхудавший старик с седой бородой, клочками торчащей в разные стороны; он мутным взором уставился в узкий «глазок», проделанный в двери, через который на него смотрели. Штюрмер, сгорбившись, сидел на кровати, спиной к двери. Анна Вырубова крестилась. Около нее куча икон и костыль. Без костыля она не могла ходить, хотя после аварии на железной дороге, в которую она попала, прошло два года. Протопопов ходил из угла в угол по камере, не обращая никакого внимания на то, что делается за дверями. Здесь сидел также тот, кто раньше вешал узников. Это жандарм Собщанский. Он

пластом лежал на кровати, окутанный клубом табачного дыма.

Да, удручающая картинка. Но, как говорят, получили по заслугам.

6. «ПЕТРОГРАД РАЗБУДИЛ РОССИЮ»

Вслед за столицей революция совершилась в Москве, в других крупных городах, а затем во всей стране. Поведение классов, политических партий и групп было в целом таким же, как и в Петрограде, но имелись и свои особенности. Они отражали специфику края или национальных отношений (прежде всего классовый состав населения) и в значительной мере зависели от того, были ли там местные партийные организации общероссийских партий или национальные партии, от соотношения сил между партиями. Особое значение имели наличие и численность большевистских организаций, а также левых отрядов мелкобуржуазных партий. Разумеется, что на ход событий оказывала влияние и позиция местных гражданских и военных властей.

На местах, в том числе и в Москве, революция началась тогда, когда она фактически кончилась в Петрограде. И это понятно. Царские власти принимали все меры, чтобы сведения из столицы не распространялись по стране, да и революцию заранее никто на конец февраля 1917 г. не планировал.

В Москве она началась 28 февраля, когда забастовали почти все заводы и фабрики и произошла мощная демонстрация рабочих и студентов. Застрельщиками, как и в Петрограде, являлись большевики. Их организация (около 600 человек в городе и 200 — в уездах губернии) была самой сильной из всех существовавших во второй столице революционных партий [104]. В листовке московские большевики призывали всех поддержать Петроград, солдатам присоединиться к рабочим, выбирать Советы рабочих депутатов. «Наша задача,— говорилось в ней,— создать временное революционное правительство для созыва Учредительного собрания» [105]. В тот же день к населению обратилась московская организация эсеров. Поддержав восстание в столице, она предлагала избрать Совет рабочих депутатов, но без требования революционного правительства. Эсеры делали ставку на раздел власти между Советом и буржуазией [106]. Всеобщая забастовка 1 марта переросла в вооруженное выступление, к которому присоединились солдаты. Командующий военным округом генерал

Морозовский, градоначальник Шебенко, руководитель московских черносотенцев-монархистов Орлов были арестованы. Революция в Москве победила малой кровью. Несколько человек, среди них рабочие, были убиты или ранены.

В Москве, как и в Петрограде, образовались две власти: революционно-демократическая — Совет рабочих депутатов и буржуазная — Комитет общественных организаций, во главе которого встал видный кадетский деятель Н. М. Кишкин. Но в отличие от столицы, где буржуазное Временное правительство было фактически однородным (за исключением Керенского), здесь буржуазная власть включила в себя самые разнородные классовые и партийные элементы, в том числе рабочих, представителей Совета, эсеров, меньшевиков и т. д.

Политическое лицо революционно-демократической власти характеризовалось ее партийным составом. В Московском Совете было 205 большевиков, 172 меньшевика, 110 эсеров, несколько десятков бундовцев, анархистов и представителей еще 9 партий. Используя свое большинство в Совете, мелкобуржуазные партии признали Комитет общественных организаций полноправным органом и вначале приступили с ним к совместной работе, а затем добровольно передали ему власть. Сказалась мелкобуржуазная идеология значительной части московских рабочих, которые более тесно были связаны с деревней, с землей, нежели питерские пролетарии.

В отличие от столицы в Москве отдельно образовался Совет солдатских депутатов, где мелкобуржуазные партии, особенно эсеры, имели преобладающее влияние. Это говорило о недостаточном влиянии рабочих на солдат и явилось серьезным тормозом в дальнейшем развитии революционного процесса.

Сроки свержения старой власти на местах, размах и глубина революционных действий народа в решающей степени определялись тем, какой класс, какая партия или партии брали верх, руководили народом и направляли его действия, каково было соотношение партийных сил в Советах, а также между Советами и буржуазными органами власти, степень влияния рабочих на солдат. Разумеется, что немалую роль играл здесь факт времени получения известий о революции в Петрограде.

В Иваново-Вознесенске, где был мощный отряд рабочего класса, закаленная в классовых и партийных боях большевистская организация, образовавшийся 2 марта Совет имел в своем составе 65 большевиков из 113 членов. Председателем его стал большевик

В. П. Кузнецов [107]. Совет располагал большими преимуществами перед созданным 3 марта буржуазным органом власти — так называемым Революционным комитетом общественной безопасности. Опираясь на рабочих и солдат местного гарнизона, Совет решительно ломал сопротивление старой власти; 15 его представителей участвовали в работе буржуазного органа власти [108].

Образованный 4 марта Совет рабочих депутатов Перми (из 16 членов организационного комитета 6 были большевиками), объявивший себя Уральским Советом рабочих и солдатских депутатов, с первых же дней вступил в конфронтацию с буржуазным Комитетом общественной безопасности, подталкивая его на более решительные меры по слому старого аппарата власти [109].

Активно действовали Советы Самары, Красноярска, Харькова, Екатеринослава, Николаева, Минска и многих других городов России.

Сложнее складывалась обстановка в непромышленных или малопромышленных городах, где меньше было рабочих, где буржуазные партии занимали более сильные позиции в сравнении с большевистской организацией, а среди эсеров и меньшевиков обычно преобладали оборонцы, левые элементы мелкобуржуазной демократии были очень слабыми.

Вот как совершилась, например, победа Февральской революции в Саратове. Это типичный случай для многих подобных городов. 28 февраля там получили разосланную по линии железных дорог телеграмму комиссара Министерства путей сообщения Временного комитета Думы кадета А. А. Бубликова об образовании в Петрограде новой власти. По указанию губернатора ее немедленно изъяли, но слух о ней пошел. Переписанный текст телеграммы стали распространять по городу, среди рабочих, добавляя слова: «Ура! Царя сшибли...» И все же многое оставалось неясным.

Кроме местных царских властей лучше всех были информированы о событиях в столице буржуазные органы городского управления — Саратовская городская управа, а значит, и кадеты. Вот почему уже в 5 часов вечера 1 марта состоялось частное совещание городской думы с обсуждением текущих событий, в том числе образования Временного комитета Государственной думы. Явившийся на совещание губернатор потребовал, «чтобы ликование не было вынесено на улицы», и заявил, что употребит все меры к пресечению беспорядков. В заключение губернатор провозгла-

сил «ура» за армию и ее вождя, т. е. царя, которое, как сообщил 2 марта «Саратовский листок», было дружно подхвачено «отцами» города[110]. Заметим, что на совещании нелегально присутствовал руководитель саратовских большевиков М. Н. Васильев-Южин.

Совещание городской думы еще не закончилось, а большевики Саратова уже начали собрание актива рабочих организаций, которое вынесло решение произвести 2 марта выборы в Совет, избрать временный рабочий комитет как представительство рабочих, выпустить воззвание к солдатам. Вечером 1 марта на втором собрании городской думы уже официально присутствовали представители совещания рабочего актива большевики М. Н. Васильев-Южин, В. П. Милютин и др. В противовес думцам, высказавшимся в поддержку буржуазной власти в Петрограде, рабочие-большевики потребовали направить приветствие столичному пролетариату и принять все меры к тому, чтобы быстрее и до конца уничтожить местный аппарат старой власти, разоружить полицию и создать специальный орган для управления жизнью города.

Революция в Саратове совершилась 2—3 марта. К этому времени в городе легально существовала только одна партийная организация, отдел Союза русского народа, и выпускалась монархическая газета «Вече». Отдел был малочислен и в первые же дни революции развалился. На полулегальном положении находились кадеты, их было немного, но им сочувствовала бóльшая часть буржуазии. Из революционных партий первое место заняла организация большевиков, насчитывавшая 60 членов. Далее шли меньшевики, эсеры, народные социалисты. Эсеры действовали главным образом в кооперации. Мелкобуржуазные партии были слабыми, но после переворота стали быстро расти.

Благодаря новым сведениям, полученным из Петрограда, 2 марта весь город, кроме солдат, запертых в казармах, точно знал, что в столице произошла революция. Первыми поднялись рабочие.

В подобных условиях местные старые власти, не получая никаких указаний сверху, вынуждены были выжидать, лавировать, кое-как успокаивать население, не применяя против него активных действий. Эта тактика, которой вынужденно придерживалось большинство губернаторов и военных начальников, была для них наиболее безопасной в очень сложной и невероятно быстро меняющейся обстановке того времени, да и полиции было явно недостаточно, а солдаты не вызывали доверия. Так, саратовский губернатор полу-

чил отказ на свой запрос у местного командования полка выделить солдат в свое распоряжение.

В Саратове, как и повсюду, где были гарнизоны, победа в конечном счете зависела от того, поддержат ли солдаты рабочих и другие слои населения или нет. Вот почему все партии, общественные органы местного управления, общественные организации устремили свои взоры на солдат, но каждая в своих классовых и политических целях.

Буржуазия и ее партии пытались использовать солдат для охраны созданных ими органов власти, для замены одних людей другими, для минимального слома старого аппарата, который буржуазия намеревалась приспособить к своим интересам. Для революционных партий, и прежде всего большевиков, поддержка со стороны солдат была необходима не только для достижения победы над старой администрацией, кардинальной ломки старого аппарата власти, но и для проведения радикальных преобразований в обществе.

В Саратове 2 марта создаются Совет рабочих депутатов (с 6 марта — Совет рабочих и солдатских депутатов) и буржуазный орган власти — Общественный городской исполнительный комитет. Заметим, что исполком Саратовского Совета состоял из 4 большевиков, 3 меньшевиков и 1 эсера. Председателем стал большевик Милютин. Это определило преобладающее влияние в Совете партии рабочего класса. В Общественный городской исполнительный комитет вошли 6 кадетов, 4 народных социалиста, 2 меньшевика и 2 большевика [111].

На сторону революции 2 марта перешли первые военные части, а 3 марта на улицу вышел весь 60-тысячный гарнизон. В этом была огромная заслуга рабочих, большевиков. По приказу Общественного комитета были арестованы 5 высших чинов старого строя, в том числе губернатор, а солдаты по распоряжению своего Временного военного комитета, руководимого большевиком В. Н. Соколовым, арестовали еще около 300 жандармов и полицейских. Войска заняли почту, телеграф, полицейские участки, освободили политических заключенных из тюрьмы.

В Саратове, как и в подавляющем большинстве городов, Февральская революция победила бескровно [112].

В своеобразной, сложной обстановке происходила победа буржуазно-демократической революции в городах казачьих областей. Здесь царские власти пытались опереться на верхушку казачества, памятуя, что рань-

ше казаки были одной из главных опор самодержавия и использовались как военный кулак в подавлении революционного движения.

В Оренбурге, центре Оренбургского казачьего войска, о событиях в Петрограде узнали 28 февраля от начальника железнодорожного телеграфа, получившего известия из столицы. Оренбургский губернатор, он же и наказной атаман Оренбургского казачьего войска, генерал Тюленин наложил запрет на телеграмму. Монархисты города обратились в Ташкент к генералу Куропаткину прислать карательные отряды, подавлявшие восстание казахов в 1916 г., но из этого ничего не получилось. Провалилась и затея использовать казачий полк.

О свержении самодержавия оренбуржцы узнали 2 марта от члена оренбургской организации большевиков профессионального революционера П. А. Кобозева, находившегося в Петрограде. 3 марта в городе были получены официальные известия из столицы, состоялся большой митинг солдат и казаков, на котором выступали большевики и представители других партий, предлагавшие создать новые органы власти в лице Советов и общественных комитетов. Одновременно с этим прошел митинг в железнодорожных мастерских, на котором рабочие требовали заключения под стражу представителей старых властей. Были арестованы наказной атаман, начальник гарнизона, начальник жандармерии, разоружены полицейские.

Выборы Оренбургского Совета рабочих депутатов состоялись 3—5 марта, большинство мест в нем заняли меньшевики и эсеры. Но другим было соотношение партийных сил в исполкоме Совета: 8 большевиков, 6 меньшевиков, 2 эсера, 3 беспартийных. Председателем Совета стал большевик А. А. Коростелев. 8 марта солдаты на митинге избрали Совет солдатских депутатов, который целый месяц существовал отдельно. Эсеры и меньшевики повсюду мешали объединению Советов, понимая, что в объединенных органах власти влияние их уменьшится.

В это же время верхушка казачества создала свой, буржуазный орган власти — Временный войсковой комитет Оренбургского казачьего войска, который пытался ограничиться небольшими изменениями в старой, фактически феодальной войсковой системе: назначенные атаманы были заменены выборными и т. д. Новые органы власти были образованы и в других городах губернии [113].

На примере с Оренбургом очевидно, что даже среди

казачества царизм не нашел поддержки: так огромна была демократическая сила, разбуженная революцией.

При общих закономерностях имелись свои особенности в свержении царских властей в национальных районах, где классовая и партийная борьба переплеталась с национальной. Существовавшие в них буржуазные и мелкобуржуазные партии пытались использовать национальный фактор в своих интересах, обособить его, противопоставить общероссийскому, даже сделать вид, что им не все понятно, что делает русский народ. Так, латышская буржуазная партийная газета «Подсека» сокрушалась: как так — за два дня до войны русские строили баррикады, началась война — несли портреты царя, а в феврале сбросили его? В объяснение приводились слова поэта: «Умом Россию не понять...» [114] Но и в национальных районах главное содержание борьбы определялось тем, какие политические силы руководили движением масс.

После свержения самодержавия в ряде мест случилось так, что образовавшиеся Советы не только послали своих представителей в буржуазные органы власти, но и явились инициаторами их создания. Ярким примером тому являлось Закавказье. В Тифлисе, например, исполком Совета рабочих депутатов 6 марта, т. е. на второй день после своего образования, сформировал новый орган власти — Тифлисский исполнительный комитет, в который вошли наряду с представителями от Советов рабочих и солдатских депутатов члены городской думы, мелкобуржуазных партий, офицерских организаций. Этому органу и была передана власть в городе. Аналогично развивались события в Ереване, Кутаиси, Баку, Елизаветполе, Поти и других местах. Но этим дело не ограничилось. Тифлисский Совет рабочих депутатов, в котором верховодили меньшевики, обратился к Временному правительству с предложением создать в крае особый орган власти. 9 марта он был учрежден под названием Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМа) в составе членов Государственной думы кадетов В. Харламова, М. Пападжанова, М. Джафарова, П. Переверзева и социалиста-федералиста К. Абашидзе.

Любопытно, что в краевой буржуазный орган власти вначале не ввели ни одного меньшевика, чем был очень недоволен председатель исполкома Тифлисского Совета рабочих депутатов, лидер закавказских меньшевиков Н. Жордания. Но все уладилось вступлением в ОЗАКОМ члена исполкома Совета меньшевика А. Чхенкели.

Факт участия меньшевиков и эсеров в местных буржуазных органах власти, а чаще всего одновременно одних и тех же лиц и в Советах не мог не оказать серьезное влияние на взаимоотношения этих двух органов власти, на сковывание революционной энергии масс, на поддержку буржуазии, на умаление роли Советов. Это было не что иное, как коалиционная власть на местах — прообраз будущей коалиционной власти в центре.

Некоторые специфические черты победы Февральской революции наблюдались в частях действующей армии и флота. В ряде мест, где особенно обострились отношения между рядовой массой и офицерским составом, произошли бурные события. В Кронштадте матросы убили ненавистных им военного губернатора адмирала Вирена и командующего Балтийским флотом адмирала Непенина и сами выбрали нового командующего. Им стал вице-адмирал Максимов. В местах базирования флота возникли Советы рабочих и солдатских депутатов.

Большую роль сыграло распространение в армии приказа Петроградского Совета № 1 (принят 1 марта) о создании в войсках солдатских комитетов, заложивших новую организацию в армии.

В течение марта Февральская революция победила в основных пунктах страны.

Февральская революция, первая победная народная революция эпохи империализма, была закономерным явлением и обусловлена экономическими, социальными, политическими и психологическими факторами. При наличии объективных условий (определенного уровня социально-экономического развития страны, без которого невозможна никакая революция) огромную роль сыграл субъективный фактор — политические партии, роль которых сильно возросла в эпоху империализма. Закономерным явилось и поведение в революции классов и партий, их место и роль в свержении самодержавия.

Политические партии России, возникшие в начале века, уже в годы первой российской революции показали, что в них в концентрированном виде отражается классовая борьба; каждая из них раскрыла свое подлинное классовое лицо. Последующее затем время, и прежде всего империалистическая война, явилось суровым испытанием для каждой из них, проверкой их идейных, программных и политических установок. Не все они выдержали это испытание и с разными показателями пришли к Февральской революции. Наибольший

урон, как уже отмечалось, понесли мелкобуржуазные демократы, занимавшие промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом, страдавшие слабой организацией и оппортунизмом в идеологии. Но во время революции они ожили. Их мелкобуржуазная идеология очень импонировала массам, особенно солдатам, и широкие слои населения пошли за ними.

Наиболее подготовленными оказались партии буржуазии и партия пролетариата. Партии господствующего класса ввиду полной экономической, социальной и политической деградации самого класса, утратившего всякую перспективу, а также неумелой политики самодержавия полностью разоблачили себя перед народом и по своей численности и влиянию на общество фактически никакой силы уже не представляли. Они к Февралю 1917 г. оказались в полном смысле слова дутой величиной, лопнувшей при первом напоре революции.

Руководителем, гегемоном революции стал пролетариат и его политический авангард — партия большевиков, которая сознательно расширяла стихийно возникшее движение, направляла его на достижение главной цели — свержение самодержавия. «Наша партия,— указывал Ленин,— оказалась с массами, с революционным пролетариатом...»[115]

В связи с этим становится несостоятельным утверждение лидеров непролетарских партий России, а сейчас буржуазных и реформистских идеологов за рубежом о стихийности Февральской революции в целом[116]. В ней присутствовали одновременно и стихийные, и сознательные элементы, как в любой революции, если она действительно народная.

Стихийной она была потому, что во многих местах движением, казалось, никто не руководил, люди действовали больше по классовому инстинкту, не было единого строго установленного центра, целостности целевой программы и средств ее достижения. Все сходилось главным образом на общем лозунге: «Долой прогнивший старый строй, долой царя!» Многие рабочие являлись носителями «беспартийной революционности». Сознательной она была потому, что самая активная масса восставших прислушивалась к голосу тех партий, которые отвергали компромиссы и звали к свержению царизма, и прежде всего к лозунгам большевистской партии, которая больше всего сделала для подготовки народа к революции.

«При том, что восстание в общем направлялось питерской организацией большевиков,— вспоминал позже член ПК РСДРП А. А. Андреев,— нельзя сказать,

что все делалось по заранее намеченному плану. Инициатива рождалась в борьбе на улицах. Внезапно выдвигались руководители и ораторы, которых еще вчера никто не знал. Смелые революционные действия предпринимались восставшими рабочими и солдатами на месте. В борьбе рождались отважные руководители из большевиков и беспартийных. Массы питерских рабочих, подготовленных длительной агитационной и организационной работой большевиков, сами знали, что и где надо делать»[117].

Существенную роль в революции сыграли левые, интернационалистские отряды мелкобуржуазной демократии, которые во многих случаях выступали вместе с большевиками. Несмотря на их колебания между большевиками и буржуазными партиями, на попытки последних подчинить рабочее движение своему капиталистическому влиянию, партии российских эсеров, меньшевиков и их национальных собратьев безусловно способствовали победе Февральской революции.

Объективно, против их воли, в поражении царизма участвовали и контрреволюционные буржуазные партии, которые своей критикой правительства расшатывали старый строй. Пролетариат, большевики и раньше, и в Февральской революции использовали конфликты между царизмом и буржуазией, между черносотенно-монархическими и либеральными партиями. «Революционные рабочие,— указывал Ленин,— разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до основания гнусную царскую *монархию*, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К° *за смену* одного монарха *другим монархом* и тоже предпочтительно Романовым!»[118]

Таким образом, получилось так, что экономические и социально-политические интересы узкого слоя реакционных помещиков, которые по-прежнему продолжали защищать царя и его правительство, пришли в той или иной мере в противоречие с интересами остальных классов и слоев российского общества, в том числе и частью господствующего класса — обуржуазившихся дворян. Политически это выразилось в том, что Николаю II, придворной камарилье, помещичье-монархическим партиям противостояли или были в оппозиции все остальные партии и находившиеся под их влиянием общественные организации и большинство органов местного управления. Это определило и позицию армии, офицерский корпус которой за время войны и в среднем,

и особенно в низшем звене сильно демократизировался, а солдаты не хотели больше терпеть унижений и оскорблений от начальства и нести тяготы войны. Не случайно после 2 марта ни один офицер царской армии не заявил, что он покидает армию в знак протеста против свержения императора.

«Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — радикально,— писал Ленин в «Письмах из далека»,— то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления» [119].

Февральская революция, подведя черту под царизмом, закончила важный этап исторического развития России, борьбы политических партий. Была уничтожена политическая надстройка, закреплявшая, с одной стороны, бесправие миллионных масс народа и всевластие, жестокость небольшой кучки господствующего класса — с другой. Рухнули помещичье-монархические партии — важнейший политический оплот самодержавия, оплот мракобесия и национальной ненависти.

Несмотря на то что революция не провела ряд важных буржуазно-демократических преобразований и этим самым не удовлетворила нужды народа, она в значительной степени расчистила путь для дальнейшего развития и углубления классовой и партийной борьбы. И этот путь народ использовал уже в своих интересах.

Как революция 1905—1907 годов подготовила победу Февраля, так и Февральская революция подготовила победу Великого Октября — победу пролетарской революции.

Однако лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий России по-другому расценили роль и место классов и партий в буржуазно-демократической революции 1917 г. Они считали, что в ней в одинаковой мере участвовали все классы и все партии, кроме помещичье-монархических. Особо подчеркивалось значение кадетов, а также созданного и руководимого ими Временного комитета Государственной думы. Кадеты же, выделяя роль трудовиков и эсеров, прежде всего Керенского, сознательно замалчивали значение партии большевиков. По-другому и быть не могло: классово-партийный подход ко всему и классово-партийная оценка всех событий революции присущи были всем лидерам непролетарских партий.

Подобную позицию выработали, позаимствовав опыт своих предшественников, современные буржуазные и реформистские историки Запада [120]. Однако в последнее время появляются работы, в которых наряду со старыми точками зрения высказываются и некоторые новые мысли, навеянные, как нам представляется, более глубокими исследованиями советских ученых, проведенными в конце 60-х — в 70-е годы [121]. Эти работы зарубежных авторов, по утверждению буржуазного рецензента Лоренса Лейнтжера, «помогли историкам добиться лучшего понимания кризиса самодержавия и успеха большевиков», они разъяснили, «что события 1917 года были радикальным ответом на политику самодержавия и на переворот городской и сельской жизни, вызванный индустриализацией, войной и аграрной экономикой», «что царизм представлял собой безнадежный строй, который не выжил бы даже и без драматических событий войны» [122].

Автор одной из самых последних работ о революциях 1917 г. в России, профессор истории Техасского университета в Остине Ш. Фицпатрик пишет: «Трудности первой мировой войны, а также, безусловно, сами личности Николая II и его жены, трагедия их семьи — гемофилия у их сына — все это способствовало тому, что русское самодержавие отживало свой век, а Николай II явился не олицетворением самодержавия, а карикатурой на него. «Министерская чехарда» некомпетентных фаворитов в кабинете министров, неистовая вера невежественному крестьянину-исцелителю при дворе, тайная связь высшего дворянства со смертью Распутина, почти эпическая поэма о том, как Распутин упорно сопротивлялся смерти, будучи отравленный ядом, застреленный и утопленный; все это может показаться странным, причудливым и несообразным с реальностью XX века — воинскими эшелонами, траншеями и массовой мобилизацией. В России были не только образованные люди, которые осознавали это, но были созданы такие учреждения, как Дума, существовали политические партии, земства и военно-промышленный комитет предпринимателей — все это было необходимыми факторами перехода от старого режима к новому» [123].

Ну что же, простим буржуазному профессору забывчивость: о том, что в России существовал еще самый передовой в мире рабочий класс, совершивший уже одну революцию и приобревший в ней огромный опыт политической борьбы, без которого нельзя было бы победить в феврале 1917 г., что у этого класса

имелась самая революционная партия, кровно заинтересованная в свержении царизма.

Фицпатрик делает вывод о закономерности революции, отмечая одновременно, что «изменения могли бы быть менее существенными в других условиях, а последствия менее радикальными, чем это было в 1917 году». Нельзя не согласиться со словами американского историка, что самодержавие полностью исчерпало себя и в моральном отношении. «Когда начались поражения,— пишет автор,— общество не сплотилось вокруг правительства для возобновления борьбы (нормальная реакция, как это было в 1812 г. и вновь повторилось в 1941—1942 гг., когда враг начал захватывать родную землю)— вместо этого народ обратил свое оружие против правительства, обвиняя его презрительно, с чувством морального превосходства в неумении и неспособности» [124]. Вместе с тем приведенное высказывание говорит о том, что автор совершенно не понимает принципиальной разницы между освободительными войнами 1812, 1941—1945 годов и захватнической, империалистической войной 1914—1918 годов.

Однако наряду с зарубежной литературой, авторы которой пытаются сохранить «объективизм» в исследовании (разумеется, классовый, буржуазный, со всеми вытекающими отсюда последствиями), продолжается, а порой и усиливается поток явно антисоветских книжонок, где наряду с антинаучной методологией подтасовываются факты, делаются ложные выводы. Это значит, что события Февральской революции в России и ныне являются предметом политической борьбы.

Часть II

БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ

Главной особенностью политической жизни России после свержения самодержавия явилось установление двоевластия — власти буржуазии в лице Временного правительства и власти пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских депутатов. «...Получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, *переплетение того и другого*,— подчеркивал В. И. Ленин.— Существует рядом, вместе, в одно и то же время *и* господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова) *и* революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, *добровольно* отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее»[1].

Причем власть была разделена между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами, между буржуазными партиями и партиями, которые называли себя социалистическими. Такое положение не могло существовать долго. Между буржуазной и революционно-демократической властью неизбежна была борьба, которая могла закончиться только победой одной из сторон.

Двоевластие заключало в себе главное политическое противоречие эпохи. Борьба за устранение двоевластия явилась движущей силой политического развития страны в 1917 г. Вначале оно не было ярко выражено. Буржуазия и ее партии, возглавившие правительство, рассчитывали на то, что им удастся полностью подчинить себе Советы, использовать их как ширму в своей политической борьбе, а со временем изжить их, свести на нет. Но ликвидировать Советы «мирным» путем буржуазии не удалось, и она перешла к открытой с ними борьбе, ставя перед собой конечную цель полного уничтожения их силой.

Кроме главного — политического противоречия существовали и другие, в том числе в самих революционных органах власти. В Советах не было ни буржуазии, ни помещиков, ни их партий. Но в них наряду с рабочим классом и его политическим авангардом состо-

яли представители различных слоев самого многочисленного в России класса мелкой буржуазии — крестьян, ремесленников, мелких служащих и их партий. В отличие от антагонистических противоречий между партией большевиков и буржуазными партиями противоречия между партией рабочего класса и мелкобуржуазными партиями в своем существе не являются непримиримыми. Таковыми они могут стать только в определенных, исключительных условиях, главным образом на этапе социалистической революции при открытом переходе мелкобуржуазных партий на сторону ее врагов. Острота противоречий всецело зависит от отношения мелкобуржуазной демократии к буржуазии и ее партиям, с одной стороны, к пролетариату и его политическому авангарду — с другой. Чем податливее она на посулы буржуазных партий, тем глубже их отрыв от коммунистов. Имелись противоречия и в самом правительстве. Они вспыхивали как между представителями самих буржуазных партий, так и между ними и социалистами.

Отмеченные явления могут служить ключом к пониманию политической истории России периода двоевластия вообще, истории борьбы партий в особенности.

После победы Февральской революции в стране остались три типа партий: партия рабочего класса (большевики), партии мелкой буржуазии и партии буржуазии. Последние из оппозиционных превратились в правящие, как бы сменив лопнувшие монархическо-помещичьи организации. Партии мелкой буржуазии из революционных превратились в оппозиционные, готовые пойти уже на правительственное соглашение с буржуазией. Революционной партией осталась только большевистская. Существо происшедших изменений в жизни партий В. И. Ленин выразил так: «Кадеты заняли место монархии. Церетели и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место *действительно* революционной демократии» [2].

Характерной чертой развития буржуазных, а особенно мелкобуржуазных партий в 1917 г. является отпочкование от общероссийских партий национальных организаций. Этот процесс отражал рост национального самосознания.

Основная борьба развернулась между буржуазными партиями (прежде всего кадетами) и политическим авангардом рабочего класса, выражавшими интересы главных классов капиталистического общества. От исхода этой борьбы зависела судьба России.

1. КАДЕТ ПАВЕЛ МИЛЮКОВ И ДРУГИЕ

После победы Февральской революции из всех буржуазных партий одни кадеты сохранили накопленный за время конфронтации с царизмом политический багаж. Правда, цена на него упала.

Что касается октябристов и других консервативных буржуазных партий, которые в период первой российской революции и годы реакции открыто поддерживали самодержавие и считались правительственными партиями, то они в 1917 г. вступили в полосу жестокого кризиса, потребовавшего полного переформирования этих партий. Такое же положение наблюдалось с консервативными национальными буржуазными партиями.

В силу этого кадеты и их национальные собратья сразу после свержения царя заняли ведущее, теперь уже никем не оспариваемое место в буржуазном обществе*. Объявив «восьмым чудом света»[3] революцию, которую раньше боялись и всячески поносили, они захлебывались от восторга в своих панегириках. Им вторили другие буржуазные партии.

«Утро России» 4 марта восклицало: «Свершается... свершилось... пробудилась русская земля, восстала народная мощь, сбросила с себя вековое ярмо старого режима, страшнейшего и смертельного врага народа. Великий, незабвенный час!» «Русская воля» 6 марта писала: «Сейчас мы только что пережили такое счастливое мгновенье и воистину можем, имеем право, должны сказать ему, как Фауст: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»»** Газета латышской буржуазии «Lidums» 4 марта в передовице, озаглавленной «Восходит солнце России», после славословия революции призывала: «Заключим перемирие по всем делам, отложим в сторону все бессмысленные слухи, будем слушать только голос, идущий со стороны Временного

* Процесс складывания общероссийской буржуазной партии так и не закончился, хотя он начался со времен первой революции. Вначале этот процесс тормозился тем, что по отношению к самодержавию кроме общего у каждой партии существовало немало своего, специфического. После свержения царизма у буржуазных партий стало больше общего, в том числе неприкрытая ненависть к надвигающейся социалистической революции, к большевикам. Формального объединения общероссийских буржуазных партий не произошло, как нам представляется, главным образом из-за тактических соображений, из-за опасения сузить возможность политического лавирования буржуазии при преобразованиях правительства и при выработке взаимоотношений с другими непролетарскими партиями.

** В газете дан другой перевод из трагедии Гёте: «Прекрасно ты! Не проходи!»

правительства, вокруг которого группируются все силы, которые хотят возрождения России».

Буржуазия и ее партии ликовали. Сбылась их вековая мечта, правда своеобразно, но это не все улавливали: они создали свое правительство, имели своих министров, на места послали своих комиссаров, сменивших губернаторов*. Им казалось, что все было налицо для образования буржуазной республики по типу западных стран, что в России установится порядок, при котором будет процветать капитал, что войну доведут до победного конца, т. е. разобьют немцев и захватят проливы и новые земли.

Буржуазные министры, казалось, прочно заняли места царских министров. В самих министерствах почти ничего не изменилось, только осторожно вынесли портреты царя. И это после того, когда на улицах рабочие и солдаты везде сорвали царские гербы и разбили статуи Николая II.

Вот как 7 марта «Речь» описала вступление три дня назад кадета А. И. Шингарева в управление министерством земледелия. Когда Шингарев приехал в министерство, его встретил почетный караул из солдат. Команда взяла ружья на караул. В ответ на приветствие министра солдаты ответили:

— Здравия желаем, господин министр!

— Благодарю вас,— ответил Шингарев.

— Рады стараться, господин министр!

Все чины старого министерства были на местах. Никто не отказался работать с новым начальством. Поразительно легко служащие разных ведомств, в том числе и Министерства внутренних дел, приспосабливались к новому строю.

«Не нашлось, кажется, ни одного человека,— продолжала газета,— который заявил бы, что он по своим убеждениям не может остаться на службе после всего происшедшего. Наоборот, все стараются уверить, что они чуть ли не с пеленок мечтали о революции и о низвержении старого строя».

Но это в полной мере относится и к самим кадетам,

* Комиссарами Временного правительства были: в Кронштадте — В. Н. Пепеляев (будущий министр внутренних дел, а затем премьер-министр у адмирала А. В. Колчака в Сибири), в Томске и Красноярске — Е. Л. Зубашев, в Одессе — Л. А. Велихов, по Финляндии — Ф. И. Родичев, в Тверской губернии — Н. Н. Богданов, в Тургайской области — Алихан Букейхан. Во главе Особого Закавказского комитета стоял В. А. Харламов, Особого Туркестанского комитета — Н. Н. Щепкин и т. д. Кадеты первоначально не могли осмыслить, что фактически власть находится не у них. Это придет позже. В марте 1917 г. они верили в свое бесконечное процветание.

раньше поносившим революцию, а сейчас превратившимся в ее сторонников.

Все дело завершил святейший Синод. В нем 4 марта выступил новый обер-прокурор В. Н. Львов. Иерархи приветствовали гостя. После его речи из зала заседания вынесли царское кресло. Синод отдал распоряжение, чтобы на богослужениях не упоминать имени бывшего царя и особ царствовавшего дома, а слова молитвы «благочестивейшего, самодержавнейшего» и т. д. заменить троекратным пением «господи, помилуй».

Скоро Синод обратился с особым посланием к верующим, в котором приветствовал новую власть, превозносил заслуги людей, установивших ее, в резких выражениях говорил о притеснении церкви в прошлом. По этому поводу 25 марта газета «Речь» не без ехидства поместила историческую справку, указывая в ней, что столь же энергичные выражения святейший Синод употребил, восхваляя дворцовый переворот, произведенный Елизаветой Петровной, свергшей Иоанна Антоновича и Анну Леопольдовну.

Позиции власть предержащих вполне объяснимы. Да, изменился политический строй России, вместо полуфеодальной монархии стала буржуазная республика, вместо обращения «ваше благородие» начали употреблять слова «господин», «гражданин», формально перед законом все политически стали равными, но экономическая основа страны, ее базис остались почти без изменения. Фабрики и заводы продолжали находиться в руках капиталистов, земли — во владении помещиков. Богатые остались богатыми, бедные — бедными.

Вот почему Февральскую революцию поддержали широкие слои буржуазного общества и его партии. По этой же причине ее вынуждены были принять и церковники, являвшиеся ранее наиболее прочной идеологической опорой самодержавия.

И только немногие представители буржуазных партий понимали, что народ России на этом не остановится, как только поймет, что существенных изменений не произошло. Он пойдет дальше, одной свободы ему мало, рабочие не смирятся с капиталом, крестьяне — с помещиками, солдаты — с войной. Слишком глубокими оставались классовые противоречия в стране, слишком велика была ненависть угнетенных к угнетателям, слишком разительны контрасты между бедными и богатыми.

«Официально торжествовали,— писал позже трудовик В. Б. Станкевич,— славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя красными

бантами и ходили под красными знаменами... Дамы устраивали для солдат питательные пункты. Все говорили «мы», «наша» революция, «наша» победа и «наша» свобода. Но в душе, в разговорах наедине — ужасались, содрогались и чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем.. Никогда не забудется фигура Родзянко, этого грузного барина и знатной персоны, когда, сохраняя величавое достоинство, но с застывшим на бледном лице выражением глубокого страдания и отчаяния, он проходил через толпу распоясанных солдат по коридорам Таврического дворца. Официально значилось, что «солдаты пришли поддержать Думу в ее борьбе с правительством», а фактически Дума оказалась упраздненной с первых же дней. И то же выражение было на лицах всех членов Временного комитета Думы и тех кругов, которые стояли около них. Говорят, представители Прогрессивного блока плакали по домам в истерике от бессильного отчаяния»[4]. Подобные настроения скрывались, об этом не говорили и не писали. Большинство же думало по-другому.

Прозрение настанет несколько позже, а пока, в марте — апреле, кадеты были на коне. Их партия стала пополняться людьми, было проведено несколько партийных конференций. Временное правительство фактически выполняло волю кадетской партии. Это красноречиво подтверждает деятельность созданного в марте Юридического совещания, которое направляло законодательную деятельность буржуазного правительства (из 7 его членов 5 были кадетами).

Апофеозом кадетской партии явился VII съезд, проходивший 25 — 27 марта в Михайловском театре в Петрограде*. Открывший его князь П. Д. Долгоруков заявил: «Мы первые из политических партий провозгласили, что стоим за продолжение войны до полной, окончательной победы над врагом». Приветствовавший съезд от московских кадетов М. Л. Мандельштам, сообщала 26 марта «Речь», под бурные аплодисменты добавил: «Никакое двоевластие в настоящий момент недопустимо. Всякое двоевластие чревато злыми последствиями как для народа, так и для его свободы и

* На съезде присутствовало 425 делегатов: 275 — с мест и 150 — представители ЦК партии, члены Думы и др. (Речь. 1917. 26 марта). Вначале намечалось обсудить те пункты программы, которые касались форм правления в России и аграрных отношений, а также рассмотреть тактические вопросы и переизбрать ЦК. Однако решение аграрного вопроса было перенесено на следующий съезд (см. Вестник партии народной свободы. 1917 № 1 С 15 Из протоколов пленарного заседания ЦК 10—13 марта 1917 г)

для независимости и целостности государства». На этом съезд можно было бы и закрыть, вписав эти слова в резолюцию и дополнив ее решениями о переименовании партии, государственном строе России, о тактике партии, ибо ничего существенно нового по сравнению с этим больше никто не сказал. Но такой вариант не устраивал кадетов. Им нужен был длительный и приятный разговор о прошлом партии, о том, какими государственно-мудрыми являются кадеты, какой большой вклад внесли они в победу над царизмом, каким умником предстает их лидер Павел Милюков и как они хорошо подготовлены к управлению Россией.

С 1906 г. (со II съезда этой партии; I был в 1905 г.) кадеты назывались Конституционно-демократической партией народной свободы, а это означало, что они стояли за парламентарную монархию. Теперь монархия рухнула, и кадеты объявили себя республиканцами. «В войне старая форма за царя и отечество разбилась,— говорил на VII съезде главный докладчик Ф. Ф. Кокошкин.— Оказалось, что нельзя быть за царя и отечество, так как монархия стала против отечества». «Война была экзаменом и для монарха, и для народа. Народ выдержал этот экзамен, монархия его не выдержала»[5]. Кадеты не понимали, что дело не только и не столько в войне: прогнил весь самодержавный строй.

Отбросив из названия партии первые слова, кадеты именуют ее Партией народной свободы, но стереть старое название «кадеты», конституционные демократы, они так и не смогли — оно осталось.

Кадеты объявили себя республиканцами, а Россию — «демократической парламентарной республикой» с разделением законодательной и исполнительной власти, оговорив, что окончательно этот вопрос, как и все остальные (в этом содержалась суть кадетской тактики), решит Учредительное собрание. Кадеты ориентировались на поддержку мелкобуржуазных партий, поскольку остальные буржуазные партии не представляли сколько-нибудь значительной силы, и одновременно — на борьбу «со всякого рода максимализмом и большевизмом».

Все остальное на съезде было славословием. Особенно превозносился П. Н. Милюков за мудрость, гибкость, дальновидность, огромную роль, сыгранную им в Февральской революции. Пройдет всего два с половиной года, и сам лидер 20 октября 1919 г. в письме к «патриарху русского либерализма» И. И. Петрункевичу напишет: «Революция 27 февраля совершилась не нами и против нашей воли»[6].

Что же представлял собой глава самой большой буржуазной партии в России? Оговоримся, что нами комментируются сведения, взятые о нем из архивных материалов департамента полиции (папка «Дело о П. Н. Милюкове»), составленных перед самой войной[7]. Обращение к подобным источникам помогает, с одной стороны, лучше понять, что о нем думали слуги самодержавия, а с другой — показать истинное значение некоторых деталей биографии кадетского лидера, которые тот усиленно раздувал, чтобы причислить себя почти к революционерам.

В 1917 г. Павлу Николаевичу Милюкову было 58 лет. Благообразный на вид (видимо, из-за своей седины), энергичный, блестяще образованный профессор русской истории, он был, что называется, политиком «с головы до пят». Именно о таких людях говорят: прошел огонь, воду и медные трубы.

С 1881 по 1886 г. он учился в Московском университете, считался неблагонадежным, за ним велось нелегальное наблюдение. После завершения учебы и защиты диссертации в звании доцента русской истории преподавал в Московском университете, но за лекции «тенденциозного содержания», прочитанные им в декабре 1894 г. в Нижнем Новгороде, ему запретили преподавательскую работу.

Через восемь лет, в июне 1902 г., Милюков (опять же за недозволенные высказывания) приговаривается к 6 месяцам тюремного заключения, однако через два месяца по указу царя его освободили. Далее поездки за границу, участие в съездах революционных и оппозиционных деятелей, и снова тюремное заключение в России на срок... до одного месяца. Летом 1905 г. либерал Милюков «привлекался к дознанию», что помешало ему пройти депутатом в I и II Государственные думы. Но он, говорится в архивном документе, «не пропускал почти ни одного думского заседания, оказывая влияние на думскую фракцию кадетской партии».

А далее: «В мае 1907 г. Милюков выехал в Лондон, где под фамилией Александрова принимал участие в V съезде РСДРП»[8]. И полицейский сыск причислил его к революционерам; сам Милюков ни в коей мере не хотел, чтобы его числили в «бунтарях». Он прошел депутатом в III и IV Думы. Перед войной признанный лидер «оппозиции его величества» посетил Болгарию, его принимали царь Фердинанд и министры. Когда он увидел, как там важные люди подходили к нему мелкими шажками, понял, какую «важность придают его телесному и духовному существу».

Началась мировая война, и Милюков становится олицетворением новых захватов и завоеваний царизма. Не изменил он своей позиции о продолжении войны (как и вся кадетская партия) и после Февральской революции, только действовать стал изощреннее. Об этом говорит данное ему прозвище — Милюков-Дарданелльский, которое так часто произносили в 1917 г.

Газета «Речь» 30 марта в передовой статье писала: «Съезд партии закончился при большом подъеме и высоком настроении. Сознание великого поворота истории человечества, нами переживаемого, огромной ответственности, лежащей на всех русских гражданах, сплотило всех участников съезда в эти дни...»

Но, как учит диалектика, вершина любого явления одновременно означает и начало спуска, ибо ничто не стоит на месте. Последующие съезды кадетов были совсем другими. Уже тогда, в марте 1917 г., дальновидные буржуазные политики начинали понимать: что-то неладное происходит в России, она идет не туда, куда хотят кадеты, а выбирает свой путь. Автор передовицы, помещенной 26 марта в газете «Речь», писал: «Надо прямо смотреть в глаза надвигающейся опасности: опасности германского натиска на столицу, дезорганизации, ослаблению труда и смуты, пытающихся охватить внутреннюю жизнь нашей страны».

Да, Россия пошла не по тому пути, который предначертали ей кадеты.

С едкой критикой съезда главной буржуазной партии выступили эсеры и меньшевики. «Они,— писала о кадетах 22 марта газета «Дело народа» — главный орган партии социалистов-революционеров,— замирают в позе исторических героев, совершивших великую революцию и отныне ведущих новую Россию одновременно по двоякому пути — «порядка и свободы». Раньше партия народной свободы со всей увесистой научной аргументацией доказывала «левым ослам» и людям, шедшим под знаменем «красной тряпки», что революция противоречит всем законам божеским и человеческим, и что лишь благодетельная эволюция является единоспасительным путем общественного прогресса.

И вдруг в конце февраля случилось нечто такое, что заставило общественное мнение всего мира назвать это событие «великой русской революцией»... И партии конституционных демократов приходится теперь уже доказывать, что революция эта была вполне закономерна, своевременно необходима и что сама партия государственных мудрецов,— правда, немножко подталкива-

емая волынцами и пошедшими к ним навстречу «товарищами слева»,— с восторгом открыла ворота легальности в высшей степени нелегальному перевороту».

Классовую оценку кадетскому съезду дала большевистская «Правда». Она 31 марта констатировала шовинистическую свистопляску всех буржуазных партий, которая «отравляет воздух и заражает своим ядовитым дыханием».

Центральный орган большевиков 1 апреля посвятил передовую статью кадетскому съезду. «Во всех речах,— говорилось в газете,— красной нитью проходит контрреволюционный и противонародный характер кадетской программы и тактики». Приводились высказывания кадетов. Родичев, предлагая подождать с рабочим законодательством, заявил: «Кто стремится революционными актами отменить законы, с теми нам не по пути». «За земельной реформой путем революционным мы не пойдем»,— предупреждал князь Трубецкой. По мнению кадетов, сейчас возможно «единение всей страны, за исключением большевиков».

Между тем революция шла на подъем. Петроград, а за ним вся страна превратились в сплошной митинг.

В столице 19 и 20 марта состоялись манифестации солдат и работниц. Батальоны и полки с красными знаменами, с пением «Марсельезы» подходили к Таврическому дворцу. На плакатах слова: «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!», «Да здравствует Временное правительство!», «Война до конца!» Среди работниц революционерка-демократка В. Н. Фигнер и активная деятельница кадетской партии А. В. Тыркова. Они требовали равноправия женщин, защиты их интересов.

Но вот, сообщала кадетская «Речь», выступила одна работница и сказала совсем другое. «Мы,— заявила она,— несколько расходимся с женщинами буржуазных классов (бурные протесты и возгласы). У нас нет особых женских интересов. Наши интересы те же, как и интересы наших товарищей рабочих. Мы должны соединиться не в мужские и женские союзы, а в рабочие организации для осуществления целей, которые ставит себе российская социал-демократическая рабочая партия, как организация всего рабочего класса». Газета констатировала, что слова оратора-работницы были встречены бурными протестами, с одной стороны, и громкими возгласами одобрения — с другой[9].

В Петрограде 23 марта снова огромные манифестации. На Марсовом поле хоронили павших в дни Фев-

ральской революции. Это были в основном рабочие и солдаты.

Народ восторженно приветствовал прибывших на Марсово поле бывших шлиссельбуржцев: Веру Засулич, Веру Фигнер, Германа Лопатина. Растроганная, в порыве набежавших на нее чувств, Засулич сказала: «Второе издание русской революции много лучше первого». Как эти слова перекликались с фразой Плеханова: «Не надо было браться за оружие», сказанной им более десяти лет назад по поводу революции 1905—1907 гг. И они были далеки от истины.

Впервые на Руси обряд совершался без попов. Хоронили под оркестр, с красными знаменами. Провожали товарищей в их последний путь стройные колонны рабочих, солдат, служащих города. Огромное впечатление даже на кадетов производили, по признанию официоза «Речь», «стройные ряды рабочей милиции или, как ее называют, «Красной гвардии». Милиционеры-рабочие проходят в образцовом строевом порядке с винтовками на плечах»[10]. Запомним эти слова.

На Марсовом поле было опущено в землю около 200 гробов — жертвы первой победившей революции в России. Над могилами развевались знамена, с которыми пришли демонстранты. Символичными были изображения на них: рабочие и солдаты, идущие в едином союзе; фигура рабочего-кузнеца, кующего победу революции.

Красочные митинги и демонстрации прошли в крупных городах России. 9 апреля огромная и разноликая манифестация состоялась в прифронтовом Минске по случаю первого съезда представителей Западного фронта. В ней участвовали главнокомандующий фронтом со своим штабом, бывшие члены Государственной думы Родзянко, Родичев, Шмяков, Масленников, делегаты съезда, различные политические партии и группы. Корреспондент одной из буржуазных газет писал: «Тут были «Бунд» с пятью знаменами с надписями на русском и еврейском языках; Минская группа РСДРП; Минская организация С.-Р. (социалистов-революционеров) со стягом «Земля и воля»; сионисты с бело-голубыми знаменами, распевающие «Гатикво»; стройный хор украинцев с красивыми желто-зелеными знаменами «Хай живе вільна Україна»; белорусы с белым стягом «Вольна Беларусь»; и обращала на себя внимание группа сартов во главе с офицером сартом, с двумя знаменами: красным и белым. Вся эта масса двигалась стройными рядами под звуки «Марсельезы», национальных и революционных гимнов»[11].

А что тогда только не писали и не печатали.

Цензуры никакой не было. Всякий мог говорить, писать, печатать, распространять почти все что угодно. Особенно много выпускалось афиш, воззваний, плакатов, обращений, приказов и просто объявлений от Временного правительства, Советов, военных властей, милиции, градоначальников, различных комитетов, съездов, конференций, партий, политических групп, профсоюзов, фабзавкомов, различных клубов и т. д. и т. п.

Весь Петроград был обклеен афишами и объявлениями:

— Записывайтесь в партию народной свободы.

— Товарищи полотеры, идите на собрание.

— Социалисты-революционеры, собирайтесь под знамя «Земля и воля»!

— Товарищи по игле, объединяйтесь!

— Товарищи лакеи и кухарки, создавайте свои свободные организации!

И тут же:

— Освобожденные трудящиеся!

В эти великие дни вспомните трудящуюся лошадь.

Встаньте на защиту животных.

Выпускалась масса партийных и «внепартийных» газет (бумаги пока хватало). Каждая из них излагала свою программу, свои идеи, методы и способы достижения целей. Ежедневно проходили партийные митинги и собрания, на которых выступали, опровергая друг друга, самые разные ораторы. Это тоже все попадало в периодическую печать*. Трудно было разобраться во всем этом мало подготовленному или совсем не подготовленному, часто малограмотному или совсем неграмотному человеку. Требовались время и практический опыт классовой и партийной борьбы.

И вот в обстановке, когда классовое размежевание в условиях победы Февральской буржуазно-демократической революции по-настоящему только начиналось, когда Партия народной свободы, будучи правительственной, располагала большими возможностями в дальнейшей борьбе за единовластие, она предприняла важный шаг в реализации своей главной цели — довести захватническую войну до победного конца.

Еще на VII съезде кадеты открыто ратовали за это. Теперь же они решили свои взгляды на войну сделать

* Газеты и журналы, выходившие в 1917 г. без цензуры, являются богатейшим источником информации и поэтому так широко используются в настоящей книге.

официальными взглядами буржуазного Временного правительства.

Война являлась самым жгучим вопросом того времени. Каждая политическая партия должна была дать на него ответ. Это сделали также меньшевики, эсеры и их национальные партии. Исходя из понимания, что после свержения царизма характер войны якобы коренным образом изменился (она-де из империалистической превратилась в революционную), они заняли позицию «революционного оборончества». Дальнейшее ведение войны оправдывалось теперь защитой революции. Выдвинув лозунг «Война для свободы», эсеро-меньшевистский Петроградский Совет опубликовал 14 марта составленное исполкомом Совета обращение «К народам всего мира». Оно было так «революционно» написано и так проклинало чудовищную войну, что простые люди были почти не в состоянии разобраться в сути этого обращения, ведь в нем говорилось о заключении мира без аннексий и контрибуций. Народы мира призывались «начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран; наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» [12].

Кроме того, это было не обращение какой-либо одной партии, а всего Петросовета — революционного органа власти рабочих и крестьян, пользовавшегося огромным авторитетом. Ему верили. Вот почему «революционное оборончество» широко распространилось в народе, захватив на время и часть рабочих. Поднявшаяся на поверхность мелкобуржуазная стихия, психология мелкого хозяйчика, и здесь дала о себе знать.

Только большевики дали правильную, марксистскую оценку продолжавшейся войне, остававшейся и после Февраля империалистической по своей сути. Полное прекращение войны — вот лозунг большевиков.

Временное правительство под нажимом Петросовета 27 марта вынуждено было опубликовать декларацию об отношении к войне, которая оказалась в основном перепевом обращения «К народам всего мира». В ней говорилось «о защите завоеваний революции», об утверждении «прочного мира на основе самоопределения народов», отрицались захватнические цели войны, подчеркивалась верность союзникам [13].

Кадетов подобный документ не устраивал. Милюков, как министр иностранных дел, на три недели задержал его отправление союзным державам. Только 18 апреля декларация Временного правительства была направлена союзникам вместе с объяснением к этому

документу, получившим название ноты Милюкова. Лидер кадетов, фактически дезавуировав акт Временного правительства, поставил точки над «i», заявив, что после Февраля «стремление довести войну до решительной победы лишь усилилось», что правительство «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников»[14], признал, что грабительский, империалистический характер ее не изменился.

Ноту Милюкова одобрили министры Временного правительства, в их числе и Керенский. 20 апреля она была опубликована в газетах и произвела впечатление разорвавшейся бомбы, в том числе и на руководителей Петроградского Совета. Одни (рабочие) увидели в ней хищное лицо империализма, другие (главным образом солдаты) были глубоко оскорблены в своих «революционно-оборонческих» чувствах, ибо *«почувствовали*— они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обмануты»[15]. Нота сильно ударила по соглашательским партиям эсеров и меньшевиков, амбициозно уверявшим, что они через Совет контролируют действия Временного правительства. В 6 часов вечера Петроградский Совет направил телеграмму в воинские части, на заводы и фабрики с указанием воздержаться от демонстрации и ждать решения Совета, но во многие места она пришла с опозданием.

Первой политической партией, которая дала принципиальную и непримиримую оценку ноте Милюкова, была РСДРП(б). ЦК большевиков уже 20 апреля вынес специальную резолюцию «О кризисе в связи с нотой Временного правительства от 18 апреля (1 мая) 1917 г.», в которой с марксистско-ленинских позиций анализировалось ее содержание.

В резолюции говорилось, что нота Милюкова косвенно подтвердила правильность позиции, занятой большевиками. Все обещания Временного правительства, насквозь империалистического, связанного по рукам и ногам англо-французским и русским капиталом, о мире являются обманом, что по своей природе оно не может отказаться от аннексий, что политика мелкой буржуазии и ее партий, «состоящая в поддержке обманчивых надежд на возможность «исправить» «мерами воздействия» капиталистов (т. е. Временное правительство), еще и еще раз разоблачена этой нотой».

Далее ЦК большевистской партии указывал, что дело не в личном составе буржуазного правительства, а в его классовой сути, и никакие перетряски в нем (отставка Милюкова и т. д.) не изменят положения до тех пор, пока государственная власть не перейдет в

руки пролетариата, который «совместно с революционными солдатами, в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии быстро закончить войну истинно демократическим миром»[16].

«Речь» 21 апреля опубликовала воззвание партии кадетов к населению. Россия переживает страшный час, вопили кадеты, стоит на краю пропасти, подняла голову анархия, которая объявила Милюкова «врагом отечества», потребовала его отставки, хотя известно, «что все правительство с ним согласно». Граждане, взывали кадеты, проявляйте свою волю, выражайте одобрение правительству, спасите страну от анархии. Желание разжечь в стране гражданскую войну было очевидным. Эсеры и меньшевики расценили воззвание кадетов как провокацию.

Центральный орган социалистов-революционеров газета «Дело народа» в передовой статье 20 апреля писала, что в ноте Милюкова нет и намека призвать союзные державы примкнуть к акту Временного правительства о целях войны. Наоборот, в ней говорится о необязательности союзников следовать России, а вот Россия обязательно поддержит союзные государства в доведении войны до победного конца.

На другой день эсеровский орган, сообщив, что Временное правительство и Петроградский Совет вступили в конфликт по вопросу о войне и что Совет отказал в поддержке правительству, высказывает пожелание: «Мы надеемся, что великий конфликт разрешится в интересах революционной России и всемирного социализма. Мы хотим верить, что Временное правительство поймет, какую оно берет ответственность на себя...»

Более твердую позицию (по крайней мере на словах) заняли меньшевики. «Мы решительно восстали против разжигания гражданской войны последователями Ленина,— писал их центральный орган.— Но теперь сигнал к гражданской войне дают уже не последователи Ленина, а Временное правительство, опубликовывая акт, являющийся издевательством над стремлением демократии. Это поистине безумный шаг, и нужны немедленные решительные действия со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы предотвратить его ужасные последствия»[17].

Относительно кадетов меньшевики были близки к истине, но линию поведения партии пролетариата они совершенно исказили. Не «разжигание» гражданской

войны, а мирный путь развития революции предлагал в то время политический авангард рабочего класса, ибо буржуазия и ее партии в данный период не применяли в государственном масштабе насилия над народом. Большевики «объявили центром тяжести всей работы,— подчеркивал В. И. Ленин 21 апреля 1917 г.,— *терпеливое разъяснение* пролетарской линии...»[18]. Поэтому, когда часть петроградских большевиков во главе с С. Я. Богдатьевым во время апрельского кризиса (исходя из того, что ноту Милюкова одобрили все министры) выдвинула лозунг свержения Временного правительства, ЦК РСДРП(б) осудил это как авантюристический шаг.

Тактику большевиков, направленную на мирное развитие революции, изложила 21 апреля на заседании Петроградского Совета А. М. Коллонтай, огласив основные положения резолюции ЦК РСДРП(б), принятой утром в тот же день: «...чтобы узнать волю большинства населения в Петрограде... необходимо тотчас устроить народное голосование по всем районам Петрограда и его окрестностям по вопросу об отношении к ноте правительства, о поддержке той или иной партии, о желательности того или иного Временного правительства...

Все партийные агитаторы на заводах, в полках, на улицах и т. д. должны выступать с пропагандой этих взглядов и этого предложения путем *мирной* дискуссии и мирных демонстраций, а также митингов повсюду»[19].

Поместив выступление Коллонтай 22 апреля на своих страницах, кадетская «Речь», больше и громче всех кричавшая о развязывании большевиками гражданской войны, видимо, не заметила, что оказалась в положении унтер-офицерской вдовы, которая «сама себя высекла».

Между тем в солдатских казармах, на заводах и фабриках столицы, а затем на ее улицах стихийно развернулась первая после Февраля мощная классовая и партийная битва. 20—21 апреля в демонстрациях участвовало более 100 тыс. рабочих и солдат. Начавшиеся 20 апреля выступления солдат (ибо нота Милюкова провоцировала их отправку на фронт) были гневны, но малосознательны и противоречивы. Прежде всего они пошли к Мариинскому дворцу, где находилось Временное правительство. Здесь же, на площади, они приняли резолюцию: «Ознакомившись с нотой Милюкова о целях войны, выражая свое негодование по поводу столь беззастенчивого выступления, явно противоречащего обращению Совета рабочих и солдатских депута-

тов к народам всего мира и декларации самого Временного правительства, мы требуем немедленной отставки Милюкова» *.

Вместе с лозунгом «Долой Милюкова!» солдаты несли и другие лозунги: «Да здравствует демократическая республика!»; эсеровский — «В борьбе обретешь ты право свое!»; социал-демократический — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Вся власть крестьянам!» Перед демонстрантами выступили товарищ председателя Петроградского Совета меньшевик Скобелев, член исполкома Совета эсер Гоц, командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов. Первый и второй заверяли, что Совет стоит на страже демократии и вместе с солдатами будет отстаивать намеченный путь (им похлопали); третий заявил, что стоит вне политики, и призвал солдат к спокойствию и порядку, «при которых только и возможно осуществить требования русской демократии» (ему не хлопали, но молчали). Не получив удовлетворения, солдаты под гром оркестров, исполнявших все время «Марсельезу», подчеркивая этим необычность шествия, двинулись на Невский проспект.

Здесь они повстречали совсем другую демонстрацию, защищавшую то, что солдаты гневно отрицали. Небольшая, почти исключительно из штатских, она напоминала, по выражению эсеровской газеты, «патриотическую демонстрацию старых времен»[20]. Впереди несли плакат с надписью «Да здравствует Милюков!». Этого солдаты стерпеть не могли: они выхватили плакат, в клочья разорвали его и бесцеремонно разогнали демонстрантов. Долго еще на Невском можно было видеть людей в котелках и форменных картузах, кричащих: «Насилие! Произвол!»

А солдаты шли дальше, останавливались, слушали речи большевиков, эсеров, меньшевиков. Один из ораторов призывал: «Товарищи, раз так, то мир!»

— Мир! — восторженно отвечали ему.

Другой звал продолжать войну, но без аннексий и контрибуций, на условиях декларации Петроградского Совета. Его тоже приветствовали, но менее энергично.

Скоро солдаты ушли в казармы. А на Мариинской площади события продолжались. Там росла толпа

* Резолюция была принята солдатами 180-го запасного пехотного полка и запасного батальона Финляндского полка. На Мариинской площади кроме них во время демонстрации находились запасной батальон Московского полка, 2-й Балтийский флотский экипаж, отдельные маршевые роты, а также солдаты Измайловского, Кексгольмского и других полков.

людей, она заполнила все пространство. В разных концах начались митинги. В одном месте кричали «ура», в другом — «долой». Стали требовать, чтобы выступил кто-нибудь поавторитетнее. Послали за Керенским, но он сказался больным. Вечером на автомобиле подъехали министры буржуазного правительства. Первым выступил обер-прокурор Синода Львов, затем кадеты Некрасов и Шингарев. Они уверяли, что верны клятве стоять на страже свободы, и просили поддерживать порядок и спокойствие, а Учредительное собрание появится и все-де решит.

Наконец выступил Милюков:

— Я видел сегодня плакаты с надписью: «Долой Милюкова!» — начал он.— Но я знаю, что защищаю интересы народа и не уйду до тех пор, пока не выполню своего долга и погибну.

Далее глава кадетов говорил о святости обязанностей перед союзниками, о том, что попытка старой власти нарушить их привела к падению ее.

— Это я,— спекульнул Милюков,— назвал в Государственной думе изменником Штюрмера, и сам быть изменником не хочу[21].

К счастью для Милюкова, на Мариинской площади в это время уже не было солдат. Основную массу публики составляли обыватели, но были и рабочие.

С утра 20 апреля в рабочих районах начались гневные митинги протеста. На них, как и в Февральские дни, выступали большевики, эсеры, меньшевики, ораторы других общероссийских и национальных мелкобуржуазных партий. Но если большевики разоблачали классовую суть ноты Милюкова и всей политики Временного правительства, то прочие больше возмущались двурушничеством буржуазии и ее партий.

Рабочие выступили с поддержкой Петроградского Совета, а некоторые требовали передачи ему власти. «Мы, рабочие завода «Русский Рено»,— говорилось в одной из резолюций,— на экстренном общем собрании 20 апреля в 4 часа дня, обсудив данный политический момент, вызванный нотой Временного правительства, признающей империалистическую политику, требуем самым категорическим образом немедленной передачи власти Временным правительством Совету рабочих и солдатских депутатов и заявляем, что такую власть будем поддерживать всеми силами»[22].

Рабочие принимали активное участие и в митингах, и в демонстрациях против политики Временного правительства.

Главная классовая и партийная схватка произошла

21 апреля, когда на улицы вышла масса рабочих, а одновременно с этим и основные силы буржуазного общества, мобилизованные кадетской партией. Солдат в этот день было мало. Большинство из них посчитали, что они сделали свое дело, что Милюков уйдет. Кроме того, солдаты не могли игнорировать указание Совета о неучастии в демонстрациях.

21 апреля, собираясь на новые демонстрации, рабочие уже знали оценку событиям со стороны партии большевиков. Это придавало им силы и решительность. «1) Мы, рабочие завода «Новый Лесснер»,— говорилось в постановлении общего собрания завода 21 апреля,— присоединяемся к резолюции ЦК РСДРП от 20 апреля.

2) Мы требуем немедленного перевода из Царского Села Николая II и заключения его в Петропавловскую крепость.

3) Предлагаем Совету р. и с. д. немедленно объявить себя Временным революционным правительством. Только Совет р. и с. д. может выражать нашу волю и защищать наши интересы». Резолюцию ЦК РСДРП(б) одобрили также рабочие заводов «Новый Айваз», «Динамо», «Старый Лесснер», «Экваль»[23].

Рабочие несли лозунги: «Вся власть Совету Р. и С. Д.!», «Мы за немедленный мир без аннексий и контрибуций!», «Долой Временное правительство!» С панелей злобно кричали: «Долой Ленина!» Рабочие отвечали: «Да здравствует товарищ Ленин!»[24] «Большевики,— вспоминал позже активный участник событий М. Г. Рошаль,— проводили все время до поздней ночи на демонстрациях и на бесчисленных митингах, активно вступая в борьбу с противниками нашей партии»[25].

Буржуазная публика, восприняв обращение кадетской партии, звавшее ее на улицу, тоже приготовилась к бою.

Столкновение произошло 21 апреля во второй половине дня на Невском проспекте и прилегающих к нему улицах. Сюда с окраин пришли многотысячные массы рабочих. Они, так же как вчера солдаты, увидели здесь других демонстрантов, но в значительно большем количестве. Много учащихся средних учебных заведений, представителей «чистого общества», офицеров и даже вызывавших подозрение солдат, которые вместо воинских удостоверений предъявляли паспорта. Реяли транспаранты с надписями: «Да здравствует Временное правительство!», «Да здравствует П. Н. Милюков!» «На некоторых плакатах,— отмечал корреспондент «Правды»,— были надписи: «Долой Ленина!», «Арестовать Ленина!» и прочие, имя Ленина раздавалось во всех

падежах по Невскому проспекту. Слышались даже призывы идти немедленно к Мариинскому дворцу и требовать от Временного правительства указа об аресте Ленина, того самого Ленина, которого столько раз арестовывало и ссылало правительство Николая Кровавого»[26].

Но вот две враждебные демонстрации подошли друг к другу. Шедшие впереди толпы защитников буржуазного правительства офицер и сестра милосердия бросились на рабочих, вырвали у них знамя с надписью «Долой Временное правительство!» и разорвали его. Одновременно прозвучали выстрелы в демонстрацию пролетариев. Три человека были тяжело ранены. Началась свалка. Рабочие давали должный отпор своим врагам.

Вечером 22 апреля пролетарии после работы снова прошли по Невскому проспекту. Теперь их охраняла рабочая Красная гвардия. Враги не посмели ни стрелять в демонстрантов, ни рвать знамена и транспаранты, среди которых преобладали большевистские лозунги.

События 20—21 апреля представляли собой взрыв революции и контрреволюции «вместе», поставившие страну «на волосок от гражданской войны»[27]. Так расценил апрельский кризис В. И. Ленин.

Контрреволюционные действия буржуазного Временного правительства и реакция на них рабочих и солдат Петрограда всколыхнули всю страну, ускорили движение всех партий. 21 и 22 апреля огромные демонстрации прошли в Москве. Они, как и в столице, проходили под лозунгом «Долой Милюкова!», а в некоторых местах — под лозунгом «Долой Временное правительство!». Рабочие и солдаты выступали в поддержку Советов. Но активно действовали и буржуазные партии, имелись попытки применить насилие над рабочими, выступавшими под большевистскими лозунгами. Когда 22 апреля по Тверской улице шли демонстранты с транспарантом «Долой войну!», буржуазная публика вырвала у «ленинцев» знамя, а их задержала[28].

Московские эсеры и меньшевики, как и петроградские, колебались между пролетариатом и буржуазией, между большевиками и кадетами, а в конце концов поддержали Временное правительство.

Демонстрации протеста состоялись в Иваново-Вознесенске, Твери, Самаре, Екатеринбурге, Одессе, Минске, Киеве и многих других городах. И везде позиция большевиков не импонировала российским и

национальным мелкобуржуазным и буржуазным партиям.

Начавшееся вечером 20 апреля в Мариинском дворце совещание правительства, исполкома Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы по устранению кризиса власти в связи с нотой Милюкова дало свои результаты только через сутки. 21 апреля Временное правительство представило разъяснение, по существу отписку, и исполком Совета признал его удовлетворительным, а инцидент исчерпанным.

Член ЦК большевистской партии И. В. Сталин, присутствовавший на этом совещании как член исполкома Совета, так описал содержание речей министров и лидеров различных партий.

Гучков, обосновывая свои империалистические взгляды, напирал на то, что Февральскую революцию следует рассматривать как средство для «войны до конца». Милюков стращал, что отказ от аннексий чреват опасностями, ибо союзники этого не поймут. Шингарев жаловался, что крестьяне самовольно распахивают помещичьи земли. И все требовали к себе доверия, в противном случае грозились уйти.

Архиимпериалистические и контрреволюционные речи буржуазных лидеров, подчеркивал Сталин, не встретили отпора со стороны представителя большинства исполкома Совета Церетели. Перепуганный угрозой министров, он «стал упрашивать их пойти на возможную еще уступку, издав «разъяснение» ноты в желательном духе, хотя бы для «внутреннего употребления»». «Демократия,— уверял Церетели,— всей энергией будет поддерживать Временное правительство, если оно пойдет на такую в сущности словесную уступку»[29].

Большевики (заканчивал свою статью Сталин) словами Каменева высказали мнение, что выход из тупика — в переходе власти в руки другого класса[30].

Центральный Комитет большевистской партии, подводя 22 апреля итоги политического кризиса, отмечал: «Мелкобуржуазная масса колебнулась сначала *от* капиталистов, возмущенная ими, *к* рабочим; а через день она снова пошла за меньшевистскими и народническими вождями, проводящими «доверие» к капиталистам и «соглашательство» с ними»[31].

Большевики указывали, что лидеры мелкобуржуазных партий сдали все свои позиции, удовлетворившись пустейшими, чисто словесными оговорочками капиталистов. Но причины кризиса не устранены, и повторение подобных кризисов неизбежно.

Подводили итог буржуазия и ее партии Мнения были противоречивыми. Газеты «Речь» и «Русские ведомости», делая хорошую мину при плохой игре, утверждали: «Весь Петроград проснулся, вышел на улицу и громко и торжественно заявил, что он верит Временному правительству»[32] (это, однако, совершенно не соответствовало действительности). «Правда» немедленно полностью разоблачила выдумку кадетской газеты[33].

А вот «Московские ведомости» прокомментировали апрельский кризис на свой лад. «Петроградские события,— писала газета 24 апреля,— наглядно показали нам, как зло сорганизовано и сильно: по первому знаку на улицу выступают стройные ряды манифестаций, является «Красная гвардия», отлично вооруженная, кем-то раздаются по телефону распоряжения о забастовках, и эти распоряжения принимаются даже без проверки. Боевой материал для нового государственного переворота оказывается в полной готовности. Если на прошлой неделе была только пробная стрельба, то что же будет, когда начнется стрельба настоящая?»

Из «кризиса власти» буржуазные партии вышли со значительными потерями. В правительстве не оказалось двух лидеров. Из него ушел Гучков и «ушли» Милюкова. Последний, по определению эсеров, оказался слишком тяжелой гирей на ногах правительства и «перешел в первобытное состояние», отдавшись целиком руководству Партией народной свободы и ее центральным органом — газетой «Речь». Гучков же занялся перестройкой партии октябристов.

Что касается мелкобуржуазных партий и руководимого ими Петроградского Совета, то перед ними снова, как и в начале марта, встал вопрос об участии в правительстве. Тогда они полностью передали власть буржуазии и ее партиям, ибо считали, что цензовая (буржуазная) Россия обладала привилегией организованности. Еще при царе, в разных формах принимая участие «в фактическом заведовании делами общественной и государственной важности», она сразу могла создать «кабинет». Трудовая демократия не была подготовлена к управлению и потому сознательно устранилась от участия во власти. Керенский вошел в правительство сам, «на свой риск и страх», как говорил он, официально не представляя никакой партии, играя, по его выражению, «роль соединительного звена» между буржуазией и трудовыми массами народа.

Теперь будто бы положение изменилось. Эсеры и меньшевики уже «кое-чему научились». И свою глав-

ную задачу они усматривали в создании для буржуазного Временного правительства более широкой социальной и политической базы. По их мнению, следовало всеми мерами поддержать Временное правительство, иначе оно не справится со своими обязанностями. «Вместо условной поддержки, основанной на договоре трудовой России с Россией цензовой,— писал в передовице 26 апреля главный орган партии социалистов-революционеров «Дело народа»,— встает неизмеримо более трудная задача: организационный дуализм заменить организационным монизмом». Подобной точки зрения придерживались все народнические партии. Так, представитель Трудовой группы в Петроградском Совете поручик Станкевич в заседании 20 апреля говорил, что Совет может свергнуть правительство, «но скороспелое решение может только осложнить дело. В настоящее время бремя власти не радует, а давит, а потому брать власть в свои руки преждевременно и опасно» [34]. Поэтому надо разделить власть в правительстве.

Меньшевики же через свой Организационный комитет 25 апреля признали нецелесообразным участие в правительстве социалистических партий. В резолюции ОК о коалиционном министерстве содержатся красноречивые высказывания по поводу вхождения в правительство. Совет, спаявшись с правительством, утверждали меньшевики, «потеряет свое обаяние», утратит свое значение, станет частью правительственного аппарата, и массы станут к нему в оппозицию. «Участие социалистических представителей или представителей Совета Р. и С. Д. в правительстве при указанных условиях,— делался вывод в резолюции,— создает крайне неустойчивое положение, способное развязать анархию слева и справа, и может привести к неминуемому распаду власти, результатом которого будет либо победа новой революции, либо диктатура пролетариата, заранее обреченная сейчас на неудачу» [35].

Осудила вхождение в коалиционное правительство и Петроградская общегородская конференция меньшевиков (проходила 3—13 мая), на которой преобладали интернационалистские элементы. Эту позицию поддержала и полуменьшевистская газета «Новая жизнь».

Но законы классовой и партийной борьбы все ставили на свои места. Встав на путь соглашения с буржуазией, меньшевики вынуждены были все больше и больше поддерживать ее. Чем острее становилась политическая борьба, тем труднее было мелкобуржуазным партиям лавировать по своему иллюзорному промежуточному третьему пути: между буржуазией и

пролетариатом. Они все больше сближались с классом капитала. Состоявшаяся 7—11 мая Всероссийская конференция меньшевиков вынесла решение о вхождении в коалиционное правительство[36]. К этому пришли и новожизненцы, и другие социал-демократические партии. Теоретизируя, мелкобуржуазные демократы цеплялись за любые аргументы. «Изжила ли себя русская буржуазия в процессе двухмесячной революции до конца и настало ли уже на самом деле время, «чтобы у власти стал другой класс», как пишет «Правда»?» — спрашивали эсеры. И с упорством твердили: «Культурная отсталость и состояние производительных сил страны — явный противопоказатель социально-политической гегемонии рабочего класса России. Даже процесс самоорганизации демократии, за время революции сделавший сказочные успехи, далеко еще нельзя считать законченным настолько, чтобы трудовая демократия возложила только на свои плечи задачи устройства России»[37].

«Новая жизнь», поместив 21 апреля передовицу Н. Суханова, вовсю ругавшего буржуазное Временное правительство (особенно за ноту Милюкова), заключила: «Отказываясь терпеть далее внешнюю политику Временного правительства, мы полагаем, что это еще совершенно не предрешает необходимости перехода власти в руки представителей другого класса».

Мелкобуржуазные партии, прикрываясь авторитетом Петроградского Совета, окончательно заявили, что Совет не может взять власть в свои руки. Их куцые объяснения сводились к тому, что иначе широкие круги населения, которые сейчас идут вместе с революционной демократией, оттолкнутся от революции и бросятся в объятия сторонников старого режима. А с другой стороны, эсеры и меньшевики приходили к выводу, что нельзя оставлять власть в руках «цензовых элементов», неспособных «собственными силами справиться с задачами»[38].

Надо, поучала 2 мая газета «День», исправить ненормальное положение, сложившееся в стране, когда на долю Совета все в большей и большей мере достается сила без ответственности, а на долю правительства — ответственность без силы. Газета предлагает трудовой демократии спасти власть от бессилия: или молчать и не вредить власти, или создать коалиционное правительство.

Поторговавшись с буржуазией, мелкобуржуазные партии пытались показать некую «самостоятельность». Эсеры, например, заявили, что они войдут не в коалиционное правительство, каковые существуют во Фран-

ции, Англии, Италии, а в революционное и чтобы «не мишурой быть там, а занять главные места»[39].

Эсеровская фракция в Петроградском Совете приняла решение «добиваться максимума влияния введением лучших сил на более ответственные политические посты»[40]. Специальные условия вхождения в буржуазное Временное правительство, выработанные партией социалистов-революционеров, широковещательные и многошумящие, практически ни к чему эсеров не обязывали. Невразумительными выглядели такие, например, пункты, как: «Решительная аграрная политика, выражающаяся в ряде мероприятий, которые должны подготовить переход всей земли в руки трудящихся»; «Всесторонняя защита труда» и пр.

Ничего нового не обещало и одно из главных условий вхождения в правительство: «Деятельная внешняя политика, направленная к скорейшему созыву совещания правительств всех союзных стран для установления и проведения платформы демократического мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения национальностей».

Но одно условие любопытно: «Подотчетность и ответственность социалистических министров перед организованной демократией в лице Совета Р. и С. Д. и перед делегировавшими их партиями»[41]. На основе эсеровского документа были выработаны общие условия соглашательских партий о вхождении во Временное правительство.

Подработала свои требования и Партия народной свободы. Их всего четыре (вместо одиннадцати эсеровских и восьми общесоглашательских), но как они классово четки:

«1. Законодательная и исполнительная власть осуществляется только Временным правительством. Необходимо, чтобы Совет Р. и С. Д. не издавал никаких распоряжений, имеющих характер правительственных актов или отменяющих, либо изменяющих акты Временного правительства. В частности, необходимо, чтобы Совет Р. и С. Д. отказался от всех своих распорядительных действий по армии [и] по петроградскому гарнизону.

2. Ведение войны должно быть подчинено военно-стратегическим требованиям, с развитием для обеспечения ее успеха наступательных действий. Совет Р. и С. Д. должен оказать правительству полную моральную поддержку в деле восстановления дисциплины и боеспособности армии.

3. Во внешней политике должно быть поддержива-

емо тесное единение с союзниками. Мир может быть заключен лишь в согласии с ними.

4. Правительство должно принимать энергичные меры для установления порядка, не останавливаясь перед применением мер принуждения, вплоть до употребления силы против анархических действий и против неправомерных и насильственных актов»[42].

Более контрреволюционного политического документа для того времени, чем этот — кадетский, трудно придумать. А он не только обсуждался в правительстве и Совете, но важнейшие положения его были приняты и составили основу деятельности первого коалиционного правительства России.

1 мая исполком Петроградского Совета большинством в 44 голоса против 9 и при 2 воздержавшихся решил вопрос об участии в коалиционном правительстве. Проголосовав против, большевики, меньшевики-интернационалисты, левые эсеры высказались за переход власти к Советам[43].

«Партия пролетариата заявляет,— говорилось в принятой за несколько дней до этого события резолюции Апрельской конференции РСДРП(б),— всякий, кто войдет в министерство, ведущее империалистическую войну, независимо от своих добрых желаний, станет соучастником империалистической политики капиталистов...

Партия пролетариата, на основании всего этого, высказывается самым решительным образом против посылки Советами рабочих и солдатских депутатов своих представителей в коалиционное министерство»[44].

3 мая на совместном заседании Временного правительства, исполкома Государственной думы, Петроградского Совета князь Львов огласил декларацию нового правительства. Он сказал, что главным условием правительства является «необходимость выработки Советом Р. и С. Д. категорического и определенного заявления о полном доверии правительству». Перечислив восемь пунктов декларации[45], князь заявил, что правительство «примет самые энергичные меры против всяких контрреволюционных попыток и против анархических и вообще всяких насильственных действий...»[46]. Это была прямая угроза тем, кто боролся за дальнейшее развитие революции, прежде всего большевикам.

5 мая Петроградский Совет одобрил соглашение о введении его представителей в буржуазное Временное правительство. Так образовался первый коалиционный кабинет. 6 мая был объявлен его состав. В правительство вошли 15 человек. Из них 7 принадлежали к

буржуазным партиям (4 кадета, 2 октябриста, 1 прогрессист), 2 — к беспартийным, промышленным кругам, 6 — к мелкобуржуазным партиям (2 эсера, 2 меньшевика, 1 трудовик, 1 народный социалист)*. Четыре министра-социалиста являлись одновременно товарищами председателя Петроградского Совета.

Буржуазные и мелкобуржуазные партии одобрили состав коалиционного правительства. Гучков от имени октябристов заявил: «...мы все обязаны всеми силами поддерживать ту правительственную власть, которая таким долгим и мучительным путем вновь сконструировалась». Весьма определенно высказался кадет Милюков: «...я считаю, что в общем появление этого кабинета есть акт положительный, что он во всяком случае даст возможность надеяться на достижение двух главных целей настоящего момента, а именно — усиления власти и перелома настроения в армии». А монархист Шульгин заверил: «...если эта социалистическая демократия борется за руль социалистического корабля для того, чтобы спасти Россию, я хотел бы, чтобы она знала, что у нее не два врага, как об этом всегда твердилось: один — на фронте, а другой — в тылу — буржуазия, я бы хотел, чтобы она знала... буржуазия ей удара в спину не нанесет»[47].

ЦК Партии народной свободы в специально принятом документе о новом правительстве советовал Временному правительству в основном придерживаться старой политики, но проводить ее более гибко. Что же касается борьбы за власть, за порядок, «против анархических элементов», то здесь «необходима настойчивая борьба, не ограничивающаяся увещеваниями, не останавливающаяся перед применением всех находящихся в распоряжении государства мер принуждения»[48].

* Министр-председатель и министр внутренних дел — князь Г. Е. Львов (беспартийный, близкий к кадетам), военный и морской министр, одновременно товарищ председателя Петроградского Совета — А. Ф Керенский (эсер); министры: юстиции — П. Н. Переверзев (трудовик), иностранных дел — М. И. Терещенко (беспартийный, промышленник), путей сообщения — Н. В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности — А. И. Коновалов (прогрессист), народного просвещения — А. А. Мануйлов (кадет), финансов — А. И. Шингарев (кадет), земледелия (товарищ председателя Совета) — В. М. Чернов (эсер), почт и телеграфа (товарищ председателя Совета) — И. Г Церетели (меньшевик), труда (товарищ председателя Совета) — М. И. Скобелев (меньшевик), продовольствия — А. В. Пешехонов (народный социалист), государственного призрения — князь Д. И. Шаховской (кадет), обер-прокурор святейшего Синода — В. Н. Львов (центр), государственный контролер — И. В. Годнев (октябрист) (Вестник Временного правительства. 1917 6(19) мая; *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. М , 1968. С. 335—336).

Подобные оценки коалиционного Временного правительства, советы ему небезосновательны. Буржуазия совершила искусный маневр. ««Наши» почти социалистические министры,— отмечал В. И. Ленин,— оказались именно в таком положении, что буржуазия стала загребать жар *их* руками, стала делать *через них* то, чего бы она никогда не смогла сделать без них»[49]. Вхождение в правительство он квалифицировал как «великий отход вождей меньшевизма и народничества *от* революции»[50].

Оценивая ситуацию, Ленин писал: «Шестое мая было выигрышным днем для буржуазии. Ее правительство стояло на краю гибели. Массы были заведомо и безусловно, горячо и непримиримо против него. Одного слова народнических и меньшевистских вождей Совета было достаточно, чтобы правительство беспрекословно сдало свою власть, и Львов на заседании в Мариинском дворце вынужден был открыто признать это»[51].

Апрельский кризис показал, что широкие массы народа, особенно солдаты, стали разочаровываться во Временном правительстве. Их уже не устраивала политика соглашательства, политика оборончества. Они качнулись в сторону пролетариата. Но уговоры и прямой обман эсеров и меньшевиков сделали свое дело. Солдаты поверили, что если в правительство войдут представители социалистических партий, то буржуазию еще можно контролировать, а при надобности и прижать. Это были беспочвенные иллюзии, и их предстояло развеять большевикам. Необходимо было разоблачить эсеров и меньшевиков в новом качестве, а именно в их стремлении помочь эксплуататорским классам, их партиям удержаться у власти.

Соглашение Петроградского Совета, т. е. членов мелкобуржуазных партий и поддерживавших их депутатов, с Временным правительством о создании коалиционной власти с участием социалистов способствовало устранению на определенное время кризиса власти. Первый важный этап революции, и прежде всего борьбы политических партий, завершился. Наступила новая историческая полоса в их развитии[52].

Как каждое общественно-политическое явление, рассматриваемое с позиций материалистической диалектики, создание коалиционного правительства содержало в себе положительные и негативные моменты для его участников.

Буржуазные партии, как правительственные, были спасены, остались у власти. Но теперь власть эту им пришлось в какой-то мере делить с «социалистически-

ми» партиями, также ставшими правительственными. В правительстве (не говоря уже о Совете) буржуазные деятели испытывали известное противодействие представителей мелкобуржуазных партий. Между ними были и оставались немалые и существенные противоречия. Неоднократно эсеры и меньшевики мешали принятию законов, предлагаемых буржуазией, а кадеты, октябристы и прогрессисты в свою очередь тормозили утверждение законов, выносимых на обсуждение мелкобуржуазными партиями. Трения между блоками правительственных партий неизбежно должны были привести и привели к дальнейшему падению авторитета буржуазной власти.

Вместе с тем вхождение партий эсеров и меньшевиков в буржуазное Временное правительство усилило разброд в них, способствовало интенсивному выделению левых течений, которые, как отмечалось, выступали против этого акта, требовали перехода власти к Советам. Так, при обсуждении эсерами своей резолюции об условиях вхождения в коалиционное правительство Л. Б. Камков от имени левых эсеров предложил резолюцию, которая гласила: «Считая, что единственно возможным выходом из критического положения, в которое поставил страну старый строй и двусмысленная политика Временного правительства, может быть лишь создание истинной революционной власти, организованной социальной демократией в лице Совета Р.С. и Кр. Д.; что только таковая власть может рассчитывать на активную поддержку всей трудовой России... мы высказываемся против коалиционного министерства и вхождения в него членов партии социалистов-революционеров»[53]. Однако резолюция была отклонена.

Что касается буржуазных партий, прежде всего кадетов, то они, используя правительственную поддержку мелкобуржуазной демократии в центре и на местах, сделали попытку перейти в новое наступление на революционные силы, главным образом на большевиков. Для этого использовалось все: печать, правительство, его органы, партийные съезды, общественные организации и т. д. и т. п.

Без преувеличения можно констатировать, что апрельский кризис явился поворотным пунктом прежде всего в истории кадетской партии. Она не только изменила свою тактику, но стала перестраиваться и психологически. Партия народной свободы по-прежнему продолжала трубить, что является партией всех классов, сословий и национальностей, а потому-де проводит внеклассовую, надпартийную политику (чего,

разумеется, никогда не было). На деле она в силу объективных и субъективных факторов, и прежде всего углубления классовых противоречий, классовой дифференциации общества, а также деятельности большевистской партии, систематически разоблачавшей перед народом контрреволюционность кадетов, неизбежно должна была превратиться и скоро действительно превратилась в главный оплот всех реакционных сил, которые были в России.

Это неизбежно отразилось на поведении кадетов, на изменении состава самой партии. Если первоначально в нее шли «мартовские» кадеты (сравнительно либерально настроенные буржуа), то позже полезли все реакционеры, в том числе из разогнанных помещичье-монархических организаций.

Более дальновидные кадетские лидеры осознавали, что последует неминуемое разоблачение перед народом не только политики партии, но и ее состава. Однако чего-либо существенного они предложить не могли.

Советские историки в последнее время немало потрудились над изучением социального и численного состава кадетской партии[54]. Суммируя их выводы, можно сказать, что руководящие органы Партии народной свободы (члены ЦК, которых было около 70 человек, председатели губернских и уездных комитетов, члены городских дум и др.) состояли больше чем наполовину из высших слоев интеллигенции (профессора, доценты, журналисты, архитекторы, художники, юристы, нотариусы, судьи, директора и инспектора высших и средних учебных заведений, инженеры, техники, врачи); примерно одну треть составляли средние чиновники и средняя интеллигенция и лишь одну пятую — представители собственно буржуазного класса: промышленники, банковские и биржевые деятели, обуржуазившиеся помещики, коммерсанты, домовладельцы, хозяева магазинов.

Повсеместно бóльшая часть крупной буржуазии формально оставалась вне политических партий, предпочитая сословные или другого вида организации. Но подобное обстоятельство вовсе не означало, что капиталисты вообще игнорировали политические партии. Напротив, они поддерживали (тайно, не вступая в партии) те из них, которые наиболее рьяно защищали их интересы.

В России именно кадеты и их интеллектуальная верхушка наиболее полно выражали интересы буржуазии как класса в целом, в то время как другие буржуазные партии являлись адвокатами или отдель-

ных слоев российской буржуазии, или ее национальных отрядов.

Революционный процесс сказался и на социальном составе кадетской партии, и на ее численности. Состав этой партии по сравнению с годами первой российской революции существенно изменился. Тогда в ней было больше представителей среднего сословия, в том числе и средней интеллигенции. В 1917 г. этот слой общества в массе своей примкнул к эсерам и меньшевикам. И чем более углублялась революция, тем сильнее шла дифференциация в Партии народной свободы: из нее выходили средние слои и вступали в нее представители эксплуататорских классов, высшей, буржуазной интеллигенции, высшего и среднего военного командного состава, юнкера. В партии не было ни рабочих, ни трудящихся крестьян. В небольшом числе имелись лишь представители деревенской буржуазии.

В литературе приводятся разные цифры численности кадетов в 1917 г. — от 60 до 80 тыс. В 1905—1907 гг. их насчитывалось 70—100 тыс. Неправомерно утверждение В. А. Кувшинова о том, что численность кадетской партии росла почти до самой победы Октябрьской революции. Он опирается на тот факт, что в сентябре — первой половине октября 1917 г. число местных организаций кадетов увеличилось на 20 и составило около 400[35]. Однако нельзя на этом основании делать вывод, что общая численность членов партии за указанные полтора месяца возросла. Число «отходивших» в это время от партии не покрывалось количеством вновь вступивших. Многочисленные документы свидетельствуют: в сентябре — октябре рабочие и солдаты во многих местах разгоняли кадетские собрания, а их участников иногда даже поколачивали. Многие теперь просто боялись вступать в организацию, носящую громкое название — Партия народной свободы. Но это стало осенью, а в конце весны и летом кадеты еще были в фаворе. Вокруг этой партии постоянно группировалась и объединялась вся контрреволюция.

Партия кадетов как по своей идеологии и политике, так и по составу была полностью буржуазной. В этом состояла ее известная сила, ибо делала ее монолитной, но в этом отрыве от трудящихся была и ее огромная слабость.

После апрельского кризиса кадеты вместе с другими буржуазными партиями активизировали борьбу с Советами. Так, в виде средств давления были использованы торжественное заседание по случаю 11-й годовщины со дня начала работы I Думы, а затем частные совещания

членов Государственной думы, которые, по мнению их участников, призваны были давать указания, «как надо вести государственный корабль», определить, «какие опасности ему грозят и что может быть предотвращено»[56].

Буржуазия, ее политические организации с большой помпой открыли 27 апреля в Белом зале Таврического дворца заседание членов всех четырех Государственных дум. В дипломатической ложе находились французский министр-социалист Альберт Тома, английский посол Джордж Бьюкенен, американский — Давид Френсис, итальянский — маркиз Карлотти, много посланников. Присутствовали все члены Временного правительства; они занимали места в первом ряду. Все хоры зала были заполнены публикой (около 1200 человек).

Под гром аплодисментов Родзянко заявил: «Война должна быть доведена всеми усилиями русского народа совместно со своими доблестными союзниками до решительной и полной победы над врагом!» (И это было сказано после апрельского кризиса.) Почему буржуазия и ее партии так упорствовали в продолжении войны, когда народ, солдаты все решительнее выступали против нее? К старым причинам захвата и ограбления теперь прибавились новые. Кадеты, например, считали, что ведение войны может укрепить буржуазное правительство и отдалить новую революцию. «Если нам действительно удастся наступать,— говорил кадет Маклаков под одобрение своих коллег,— и вести войну не только резолюциями, не только речами на митингах, знаменами, которые носят по городу, а вести войну так же серьезно, как мы вели ее раньше, тогда очень скоро наступит полное оздоровление России. Тогда оправдается и укрепится наша власть...»[57]

Кадеты страшились, что с окончанием войны миллионы солдат побегут домой, дезорганизуют всю жизнь. А потом, при войне, легче установить военную диктатуру, о которой так мечтала буржуазия.

На совещании царило полное единодушие с союзниками, которых стоя приветствовали члены Государственных дум. Поздравительные телеграммы прислали главнокомандующий генерал Алексеев, совет Союза казачьих войск, юнкерские училища, многочисленные организации кадетской партии.

Своего рода дискуссия состоялась между националистом-монархистом Шульгиным и меньшевиком, а теперь еще товарищем председателя Петроградского Совета Церетели.

Шульгин: «Сегодня два месяца с тех пор, как случился переворот. И я не могу скрыть, что тяжелые сомнения обуревают многих. За эти два месяца большие завоевания получила Россия, получили различные народы, ее населяющие, но является и другая мысль, являются опасения того, не заработала ли на этих двух месяцах и Германия? (голос: очень много).

Отчего это: что то правительство, которое сейчас занимает скамьи перед вами, то правительство, которое мы считаем честным и даровитым, то правительство, которое мы хотели бы видеть облеченное всею полнотою власти, на самом деле ею не облечено, потому что оно, так сказать, взято под подозрение.

Оно находится, конечно, не в таком положении, как старая власть, которая сидит в Петропавловской крепости, но, я бы сказал, оно как бы сидит под домашним арестом (голоса: верно). К нему в некотором роде как бы поставлен часовой, которому сказано: «Видишь, они буржуи! А потому зорко смотри за ними и в случае чего — знай службу!»

Господа, 20 числа* вы могли убедиться, что часовой службу знает и исполняет честно свои обязанности, но, господа, является большой вопрос: правильно ли поступили те, которые поставили часового?»

Церетели: «Я знаю, господа, в тех кругах, к которым принадлежит Шульгин, раздаются обвинения не только против Петроградской стороны**, раздаются обвинения против органа, олицетворяющего российскую революцию,— против Совета рабочих и солдатских депутатов. Этот Совет стоит за контроль действий правительства, потому что является могучей демократической организацией, он выражает чаяния широких слоев населения, пролетариата, революционной армии и крестьянства. Положение Временного правительства было бы глубоко затруднительно, и в момент революции оно не справилось бы со своей обязанностью, если бы не было этого контроля, если бы не было контакта с демократическими элементами.

Член Думы Шульгин сказал: «Вы говорите народу: вот буржуи, держите их под подозрением». В этой фразе есть доля правды. Мы говорим народу: вот буржуи, вот ответственный орган буржуазии—

* Речь идет о демонстрации солдат и рабочих в Петрограде, 20 апреля выступивших против ноты Милюкова, против захватнической политики Временного правительства.

** Петроградская сторона, как и Выборгская, с большим числом рабочих, была символом революционности, большевистского влияния.

Временное правительство, но мы добавляем: это тот орган буржуазии, представители той буржуазии, которые на общей демократической платформе условились отстаивать русскую свободу со всей демократией и в этой борьбе решили идти с демократией (шумные аплодисменты)»[58].

Мысли монархиста Шульгина мог высказать и кадет, и октябрист, и прогрессист, а также представитель любой буржуазной национальной партии. К словам Церетели могли присоединиться не только все меньшевики, но и эсеры, члены национальных мелкобуржуазных партий. Это был разговор представителя класса капиталистов и обуржуазившихся помещиков с мелким буржуа, облеченным государственной властью. Первый хотел полностью сбросить надеваемую на него узду, второй старался ее закрепить, но так, чтобы она не очень мешала движению. Однако оба не понимали, что концы узды находятся не в их руках.

Корреспондент газеты «Новое время», присутствовавший на заседании, поведал затем, что выступление Шульгина очень хвалили. Одним из первых к нему с поздравлениями подбежал Петр Струве. Комментируя это сообщение 29 апреля, «Новая жизнь» добавляла, что нововременцы успели уже сообщить гадость о своем новом друге — Струве.

Торжественное заседание депутатов всех Государственных дум скоро сменилось постоянными частными совещаниями членов IV Государственной думы. В первый же день нового совещания кадет Маклаков сделал злопыхательское заявление: «Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала»[59]. (В. И. Ленин по поводу этих слов писал: «Читай: крестьяне и рабочие не удовлетворили гг. Маклаковых. Они хотят, чтобы Черновы и Церетели «помирили» массы с Маклаковыми. Не удастся!»[60]) А октябрист Гучков высказал пожелание о создании «сильной власти», иначе «крушение неминуемо»[61].

Через месяц прогрессист Бубликов, бывший комиссар Временного комитета Государственной думы, характеризуя революционный народ, негодовал: «Вылез из всех нор в русскую жизнь наглец и бесстыдник»[62]. Одновременно кадет Маклаков от имени всех буржуазных партий дает совет государственной власти: «Опереться на одно течение, чтобы, опираясь на него, беспощадно бороться с другими» — и поясняет: «против ленинцев и циммервальдцев»[63].

Выступления ораторов на частных совещаниях членов Государственной думы явились яркой иллюстра-

цией к ленинскому наблюдению, сделанному еще в мае: «Кадеты объединяют всех правых, всю контрреволюцию, всех помещиков и капиталистов»[64]. По мере развития революции реакционные силы все теснее смыкались с кадетами, а буржуазные партии все решительнее выступали против двоевластия, против Советов.

«...Партия народной свободы,— вещал Пуришкевич,— получит и свои голоса и всех тех, кто идет правее: ведь я — человек правых убеждений, монархист, как вы знаете, подаю свои голоса за членов Партии народной свободы, и так делают все, кто понимает, что разбиваться на мелкие партии невозможно»[65]. Пуришкевич отразил осознанную представителями эксплуататорских классов необходимость объединения различных всероссийских буржуазных партий вокруг наиболее сильной из них, отстаивавшей классовые основы буржуазии и обуржуазившихся помещиков в целом. В 1917 г. в процессе острейшей политической борьбы, усиливавшейся поляризации общества все больше и больше стирались различия между слоями российской буржуазии, а в связи с этим и между буржуазными общероссийскими партиями.

Естественно, что с арены политической борьбы сходили прежде всего те партии, которые были связаны с наиболее отсталыми, реакционными слоями буржуазии, представлявшими главным образом домонополистический капитал и применявшими наиболее варварские формы эксплуатации. В политическом отношении они были консервативными, на определенных исторических этапах поддерживали самодержавие, а потому после Февральской революции окончательно растеряли былой авторитет.

Пуришкевич же выболтал и тайные думы буржуазии. Он заявил, что Петроградский Совет преступно взял власть над Временным правительством. «До тех пор, пока Петроград не будет оздоровлен, пока Совет рабочих и солдатских депутатов не будет поставлен на свое место, до тех пор, пока голос Временного правительства не будет раздаваться грозно и властно, до тех пор, господа, нельзя ожидать ничего в будущем. У Временного правительства нет власти». И далее: «Временное правительство ни разу не подняло своего голоса для того, чтобы властно разговаривать с чернью»[66]. Пуришкевич призывал залить кровью армию, которая, как он выражался, взбунтовалась и не хочет воевать.

Ни одна из непролетарских партий России не проявляла в 1917 г. такой бурной политической деятельности,

как кадеты. Через каждый месяц они устраивали съезды.

9 мая в Петрограде открылся VIII съезд Партии народной свободы, считавшийся самым важным из всех четырех, состоявшихся в 1917 г.* Накануне кадетская газета «Речь» писала, что изменение обстановки по сравнению с мартовским съездом выразилось в том, что «великие и прекрасные зовы революционной зари затуманились тяжелыми призраками большевизма, наживы, усталости, анархии», и восклицала: «Как в этих условиях сохранить единое государство и национальную жизнь — вот главная задача момента!»

Съезд рассматривал два вопроса: аграрный и национальный, именовавшийся «местное самоуправление и автономия». В общеполитическом докладе Милюков признавал, что теперь все изменилось: «Левые социалистические партии занялись за это время энергичной организацией и пропагандой. Течения более умеренные за ними не поспевали, а по самому существу своих взглядов более радикальные партии могли рассчитывать на более быстрый рост своих приверженцев. Особое внимание они обратили на деревню и на армию»[67]. Последнее замечание лидера главной партии российской буржуазии было по существу.

Успех борьбы любой партии или блока партий за власть определялся прежде всего тем, за кем пойдут армия и крестьяне, кого они поддержат в решении главного вопроса революции. А поскольку армия состояла в основном из крестьян, то последнее слово оставалось за деревней.

Вот почему кадеты придавали такое большое значение аграрному вопросу, с которым были тесно связаны местное самоуправление и национальные отношения.

В своем политическом докладе Милюков с большой тревогой отмечал «разложение», которое наблюдалось везде: в деревне — захват помещичьих земель; в армии — братание, нежелание воевать за «буржуев»; в городе — отказ рабочих трудиться на оборону. При этом «особенно активно действовали ленинцы».

Милюков выделил три течения в политической жизни России: контрреволюционное — возврат к цариз-

* Съезд продолжался до 12 мая. На нем присутствовало 336 делегатов от 50 губерний и областей страны: 46 — от ЦК, 31 — от Государственной думы всех созывов, 2 — от Государственного совета, 42 — от Петрограда, 34 — от Москвы, 155 — от других районов страны, 4 — от армии, 5 — от литовских групп, 17 — от студенческих групп (IX съезд Партии народной свободы состоялся в июле, X — в октябре 1917 г.)

му; консервативное — не идти дальше Учредительного собрания (носителями его являлись кадеты и Временное правительство) и третье — «революция продолжается». Лидер партии, именуемой народной свободой, на этот раз не стал расшифровывать, какие силы принадлежали к третьему течению. Но мы знаем, что кадеты относили к нему прежде всего большевиков, провозгласивших курс на социалистическую революцию. К нему они относили и мелкобуржуазные социалистические партии, которые считали, что буржуазная революция еще не кончилась, а должна продолжаться до полной победы. Только после этого пролетариат, став большинством в стране и подготовив себя к управлению ею, совершит социалистическую революцию.

Свое выступление Милюков закончил заверениями, что партия кадетов не отказывается от «тесного и неразрывного единения с союзниками».

Съезд расценил вхождение социалистов в правительство как событие, которое приведет к концу двоевластия, и принял резолюцию «оказывать полную поддержку новому Временному правительству во всех его начинаниях»[69].

Оживленные прения развернулись по докладу об аграрном вопросе. Разные точки зрения свидетельствовали, что в партии кадетов продолжали оставаться левые, правые и центр. Представители провинции предлагали пойти на более существенные изменения аграрной программы, чтобы завоевать на свою сторону богатых крестьян. Кадетские киты, упорствуя, не шли на уступки. Выражая мнение правого крыла, член ЦК князь Е. Н. Трубецкой выговаривал съезду: «Мы являемся как бы демагогами с перепугу. Мы как будто боимся конфискации земли, и для того, чтобы предупредить ужасы, которые может вызвать эта конфискация, мы делаем уступку за уступкой и стараемся как бы надавать больше обещаний»[70].

В конце концов съезд, оставив существо аграрной программы, пошел на модификацию, придав ей более демократический характер. «Земли сельскохозяйственного пользования,— гласил главный тезис измененной программы,— должны принадлежать трудовому земледельческому населению». Частновладельческие земли подлежали принудительному отчуждению за выкуп. А поскольку большинство помещичьих земель было заложено в банках, то и капиталисты от этого ничего не теряли.

Революция заставила кадетов пойти еще дальше. Модный в то время эсеровский лозунг о наделении

землей по трудовой норме не смогли игнорировать и кадеты, записав его в свою программу. В то же время они решительно возразили против принудительного отчуждения земель, занятых усадьбами и садами, а также принадлежавших фабрикам и заводам. Разумеется, съезд записал, что окончательное решение земельного вопроса, как и всех остальных, откладывается до Учредительного собрания.

С докладом по национальному вопросу выступил член ЦК кадетской партии Ф. Ф. Кокошкин. Эта проблема в революции приобрела настолько большое значение, что «Речь» вскоре посвятила ей (13 мая) передовую статью. Докладчик выразил «огромное опасение» по поводу того, что Финляндия «ставит вопрос о полном отделении», что Литва «претендует на решение национального вопроса в таком же объеме, как и Польша», что Украина поговаривает «о государственной автономии». «Брошенные» в печати в то время лозунги «федерализма», «федеративной республики» приведут к полному распаду России как единого государства. Теоретики Партии народной свободы не указывали авторов этих идей, но несомненно имели в виду прежде всего напечатанную 2 мая в «Правде» статью В. И. Ленина «Финляндия и Россия», в которой излагалась национальная программа большевиков, признавшая свободу отделения от России угнетавшихся царизмом наций и одновременно ратовавшая за добровольный союз всех народов России.

Вскрывая политику капиталистов, буржуазии, в том числе и партии кадетов, Ленин писал, что они «никогда не признавали политического самоопределения наций, т. е. *свободы отделения* их от России». И указывал: «Не насилием надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительно добровольным, действительно свободным соглашением, *невозможным* без свободы отделения» [71]. Эти же мысли он развивал в статьях «Внешняя политика русской революции», «Украина и поражение правящих партий России» [72]. Именно в 1917 г. Ленин впервые высказал мысль о федеративном устройстве России (до этого большевики придерживались принципа автономии).

Кокошкин в своем довольно путаном выступлении все время противопоставлял большевистскому лозунгу (не называя его) самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств или объединения их на базе федерации территориальную, или, как он именовал, провинциальную, культурную, автономию наподобие земского самоуправления.

Оно отличалось от прежнего земства лишь тем, что могло издавать не только местные постановления, но и местные законы, обязательно исходящие из общегосударственных. Такая автономия по-кадетски признавала не национальный, а территориальный признак, т. е. нравы и обычаи, которые якобы были присущи всем народам того или иного региона. «Высшим территориальным самоуправляющим союзам (губернским и областным земствам) должны быть предоставлены права провинциальной автономии (издания местных законов) в определенных сферах местной хозяйственной, культурной и национально-культурной жизни...» — передавала слова кадетского оратора «Речь» 13 мая.

Подобное решение национального вопроса, уповали кадеты, будет способствовать привлечению в партию новых членов, расширению круга сочувствующих ей.

Впервые на съезде в основном единодушной буржуазной партии поднял «бунт» член ЦК, левый кадет Некрасов. Он критиковал руководство партии фактически по всем пунктам, и прежде всего за непонимание того, что революция, хотят того кадеты или нет, развивается и остановить ее нельзя, на что Милюков при одобрении участников съезда ответствовал: «...можно попытаться ее и остановить...»[73] Некрасов оказался белой вороной на съезде, его фактически никто не поддержал, и он скоро отошел от кадетов, вступив во вновь образованную республиканско-демократическую партию. А кадеты избрали новый и последний ЦК*.

* В состав Центрального комитета Партии народной свободы, избранного на VIII съезде в мае 1917 г., вошли 66 делегатов (фамилии даны в порядке большинства голосов): В. И. Вернадский, М. М. Винавер, Д. Д. Гримм, Ф. Ф. Кокошкин, П. Н. Милюков, К. К. Черносвитов, М. С. Аджемов, С. В. Востротин, П. П. Гронский, князь П. Д. Долгоруков, А. А. Мануйлов, В. Д. Набоков, Н. В. Тесленко, Н. Н. Черненков, А. И. Шингарев, Н. И. Астров, А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов, Ф. И. Родичев, Ф. А. Головин, князь Д. И. Шаховской, П. В. Герасимов, Н. М. Кишкин, В. А. Маклаков, М. Г. Комиссаров, П. И. Новгородцев, Д. Н. Григорович-Барский, Н. Н. Щепкин, А. В. Васильев, Н. К. Волков, В. А. Степанов, князь В. А. Оболенский, А. Г. Хрущев, А. В. Тыркова, З. Г. Френкель, Н. П. Василенко, П. П. Юренев, А. И. Макушин, Д. Д. Протопопов, И. П. Демидов, А. А. Добровольский, Е. М. Ещин, Я. К. Имшенецкий, Н. Н. Глебов, С. А. Левицкий, С. Ф. Ольденбург, барон Ф. Р. Штейнгель, А. Н. Букейхан, М. В. Сабашников, А. С. Изгоев, Н. В. Некрасов, Д. С. Зернов, графиня С. В. Панина, А. Н. Рутцен, В. А. Харламов, П. А. Садырин, В. А. Виноградов, В. М. Овчинников, Г. Б. Быховский, А. К. Парамонов, М. Д. Кулагин, А. А. Свечин, С. А. Иванов, А. А. Шахматов, А. К. Дживилегов, Г. М. Туманов (Резолюция VIII делегатского съезда Партии народной свободы (9—12 мая 1917 г. в Петрограде). Пг., 1917. С. 13—14).

На что рассчитывали кадеты, внося поправки в важнейшие пункты своей программы? Могли ли они привлечь на свою сторону новые массы крестьян и народов нерусской национальности?

Кадеты начали бороться за привлечение деревни на свою сторону с момента образования партии. Но в годы первой российской революции они проиграли битву за крестьян, которые пошли не за ними, а за партиями революционного лагеря, и прежде всего народническими. В 1917 г. главная схватка за крестьянство проходила между большевиками и эсерами. От ее исхода зависели дальнейшее развитие и победа революции. На поддержку основных масс крестьянства могли рассчитывать только большевики и русские и национальные эсеры, которые требовали конфискации помещичьих земель без всякого выкупа, а также отмены частной собственности на землю.

Что касается кадетов, стоящих повсюду за сохранение частной собственности, то они делали ставку на богатых крестьян, хуторян, отрубников, имевших частные земли и угодья. За счет такого контингента кадеты намеревались пополнить ряды своей партии. Но на практике противоречия между помещиками, интересы которых в 1917 г. защищали партия кадетов и Союз земельных собственников, и крестьянами (в том числе и богатыми) были настолько глубоки, что примирить их не могла ни одна политическая организация. Вот почему даже кулаки охотнее поддерживали правых эсеров, чем буржуазные партии.

Еще труднее приходилось кадетам при рассмотрении национального вопроса. Здесь Партия народной свободы и аналогичные национальные партии не находили точек соприкосновения. Противоречия эти отражали, как уже отмечалось, рост самосознания народов страны, в том числе и буржуазной их части; развивавшиеся в стране центробежные силы ослабляли центральную власть.

К середине 1917 г. кадеты успели поссориться со многими национальными буржуазными партиями, в том числе с финляндскими и украинскими, по вопросу национальных отношений, заявившими на VIII съезде Партии народной свободы, что если кадеты не признáют их национальные требования, то они отвернутся от них. Серьезные требования предъявляла и белорусская буржуазия. Газета «Новое варшавское утро» 23 апреля сообщала, что делегация белорусских общественных деятелей представила князю Львову записку о проведении неотложных реформ. Речь шла об образовании

федеративной республики в России и о предоставлении федеративной автономии Белоруссии. Подобные запросы предъявила буржуазия Прибалтики. Что касается мелкобуржуазных национальных партий, то их требования были еще резче.

Но если на почве национальных отношений между кадетами и их собратьями на окраинах возникали серьезные трения, то по другим вопросам, касающимся классовых интересов различных отрядов российской буржуазии, они были едины. Здесь у них существовал один фронт борьбы с пролетариатом и его политическим авангардом. Это полностью относилось и к тем национальным буржуазным партиям, которые возникли в 1917 г.

Главная латышская буржуазная партия Крестьянский союз в своем органе «Lidums» 22 апреля поместила передовую статью, в которой, выступая против создания Советов, видела свою опору в организованности сельских хозяев, являвшихся «надежнейшим средством против всех большевистских и ленинских дезорганизационных намерений». Вот где национальная буржуазия искала опору для борьбы с русским и своим рабочим классом, с РСДРП(б) и Социал-демократией Латвии, идущей по ленинскому пути.

Остановимся несколько подробнее на создании латышского Крестьянского союза, являвшегося типичной для сельской буржуазии партией, тесно связанной с кадетами. Прибалтика, особенно Латвия, с ее высоким уровнем развития капитализма стала питательной средой возникновения значительного числа буржуазных партий. Крестьянский союз был конституирован 29 апреля 1917 г. на учредительном съезде в Валке. Заседало 200 участников, представлявших более 1500 членов буржуазно-кулацкой партии. Съезд открыл будущий диктатор Латвии, а тогда только агроном Карл Ульманис.

Он заявил: «Мы ни у кого и ничего не должны просить, но требовать и взять. Мы сами должны быть господами своей земли». Развивая свою демагогию, оратор говорил о том, что Союз будет бороться за интересы всех слоев общества, ибо их партия, как и кадетов, имеет «внеклассовый характер». В программе союза фиксируется конфискация помещичьих земель за выкуп, сдача земель в аренду, насаждение в деревне буржуазной кооперации, всяческое развитие и поощрение частнособственнических интересов. «Чтобы крестьян не сбили с пути большевики — вот главная политическая задача союза»,— говорили делегаты съезда[74]. Речь

на нем шла об американском, фермерском, капиталистическом пути развития сельского хозяйства.

Нужно отметить, что латышский Крестьянский союз, являясь своеобразной модификацией кадетской партии, ее специфическим проявлением в особых условиях Латвии (организация претендовала на Лифляндию, Курляндию и Латгалию), оказался стратегически и тактически более гибким, а значит, и более жизненным, чем Партия народной свободы. Разумеется, в основном здесь сказалось то, что союз этот объединял только одну национальность, и прежде всего деревенскую буржуазию.

Программа латышского Крестьянского союза предусматривала предоставление Латвии автономии в Российской демократической федеративной республике, своего сейма, издающего свои местные законы. «Рабочее время, а также отношения предпринимателей и рабочих должны регулироваться,— говорилось в его программе,— в соответствии с законами западных стран»[75]. Предусматривалась веротерпимость, отделение церкви от государства, школы от церкви. Союз полностью поддерживал Временное правительство. Основными его лозунгами являлись: «Крестьянский союз — выразитель мыслей латышей!», «Крестьянский союз будет бороться только культурными средствами!», «Крестьянство не является классом, а потому Крестьянский союз не будет проповедовать классовой борьбы!» *

Латышский Крестьянский союз имел благоприятную почву для своего роста и оказался наиболее боеспособной национальной буржуазной организацией. На состоявшемся в середине июля II съезде было заявлено, что союз насчитывал 177 местных организаций, объединявших более 20 тыс. членов **. Он развернул устную и печатную пропагандистскую деятельность: двадцатитысячным тиражом отпечатал программу и устав, выпускал воззвания, открыл в Валке, Риге, Бирже курсы пропагандистов. В отличие от финских партий, игнорировавших Всероссийское учредительное собрание, Крестьянский союз придавал ему большое значение, рассматривая его как высшую законодательную и исполнительную власть[76].

* В правление латышского Крестьянского союза были избраны К. Ульманис, А. Бремерс, П. Сиеценикс, К. Гульбис, Я. Павлович (Lidums. 1917. 2 мая).

** На II съезде Крестьянского союза присутствовало 302 делегата от 163 местных отделений; 14 отделений не прислали своих представителей (Lidums. 1917. 16 июля). К концу 1917 г. численность Крестьянского союза достигла 30 тыс. человек.

Любопытна такая деталь. После захвата 21 августа 1917 г. немцами Риги газета «Lidums» 23 августа вышла с таким аншлагом: «Не бежать. Латышам нужно оставаться на своей земле, что бы там ни было!» И это был не случайный призыв. Значительная часть руководства Крестьянского союза склонялась к сотрудничеству с Германией и впоследствии это осуществила.

Кроме латышского Крестьянского союза в Прибалтике в 1917 г. возникло значительное число других буржуазных партий кадетского типа, игравших там примерно такую же роль, как в России Партия народной свободы. У этих центров местной контрреволюции были, разумеется, и свои отличия, вызванные историческими, экономическими, культурными, национальными, религиозными и другими особенностями, но классовая суть была едина.

В Литве в 1917 г. образовалась новая буржуазная Партия национального прогресса («Пажанга») правокадетского толка, в Эстонии — Эстонский союз земледельцев («Маамийт») и Радикально-демократическая партия.

Характерная особенность политического развития Прибалтики в 1917 г заключалась в том, что там в силу классовой дифференциации, наличия большого слоя деревенской буржуазии наиболее многочисленными и сильными оказались буржуазные, а не мелкобуржуазные партии, что не могло не отразиться на ходе, методах и формах классовой и партийной борьбы как в период Великой Октябрьской социалистической революции, так и позже, в годы гражданской войны на исходе ее.

Кроме вновь возникших в Прибалтике после Февральской революции партий возродились и ранее существовавшие Наиболее значительными являлись. в Латвии — Латышская народная партия (лидер Ф Вейнберг), Республиканская партия (лидеры Ф. Гросвалд А. Краскалн), в Эстонии — Эстонская народная партия прогрессистов (во главе с Л. Тыниссоном)

По-иному протекал процесс образования новых и возрождения старых буржуазных партий на Украине, в Белоруссии Закавказье и Туркестане (современные четыре республики Средней Азии и Казахстан). На Украине и в Белоруссии в силу ряда социально-экономических и чисто национальных причин (наибольшей близости к русскому народу) своих буржуазных партий вообще имелось мало и они были малочисленны Многие украинцы и белорусы состояли в общероссийских партиях

На Украине, например, возродились Украинская радикально-демократическая партия, образовалась Украинская демократическая хлеборобская партия, но сколько-нибудь существенного значения они не имели. Еще слабее были вновь созданные Белорусская христианская демократия и Белорусская народная партия.

В Азербайджане наиболее влиятельной оставалась националистическая партия Мусават («Равенство»), возникшая в 1911 г. В основе своей буржуазная, она ввиду слабой классовой дифференциации населения (кроме Баку) несла на себе отпечаток мелкобуржуазных и религиозных (панисламизм, пантюркизм) догм. Состав ее также был очень разнородный: сюда входили представители крупной, средней и мелкой буржуазии, интеллигенция, мусульманское духовенство, крестьяне, часть рабочих. В октябре 1917 г. мусаватисты, объединившись с буржуазной азербайджанской партией федералистов, образовали Тюркскую демократическую партию федералистов-мусаватистов, причем сильно поправели.

В Армении и Грузии наряду со старыми возникли Армянская народная партия (во главе с М. Пападжановым и С. Арутюняном), Грузинская национально-демократическая партия (лидеры С. Кедия, Г. Гвазава).

В противовес сравнительно слабым буржуазным национальным украинским, белорусским, закавказским партиям в этих регионах возникли многочисленные, довольно сильные мелкобуржуазные партии, оказывавшие значительное влияние на население. Местным отрядам рабочего класса и большевикам предстояла упорная и длительная борьба за завоевание их на сторону пролетарской революции.

Еще сложнее с образованием партий и ведением политической борьбы обстояло дело в Туркестане. Там национальных непролетарских политических партий в полном смысле этого слова фактически не существовало. О них можно говорить только условно. Известно, что политические партии, являясь детищем капитализма, прежде всего создаются буржуазией, и только затем, по мере роста сознательности и уяснения своей противоположности капитализму, их образует пролетариат. Одновременно возникают и мелкобуржуазные партии.

В современном понимании политическая партия — это соответствующим образом оформленная самая активная часть того или иного класса или слоя класса, призванная вести политическую борьбу за интересы данного класса. Партия имеет программу, устав, центральный руководящий орган, местные организации,

чаще всего свою газету или журнал. Цель ее состоит в ведении борьбы за изменение общественного строя или, наоборот, за сохранение старого. В теоретических и программных положениях буржуазных партий, в их идеологии могут присутствовать религиозные моменты, иногда в значительной степени, но одна религия не может быть идеологией партии, иначе это уже не политическая партия, а что-то другое. Не может быть партии и при феодальных, тем более при дофеодальных отношениях, которые составляли основу национальной жизни большинства населения Туркестана.

Вот если с этих позиций подойти к тем политическим формированиям, которые существовали и создавались в 1917 г. в Туркестане, то их, повторяем, только условно, с большой оговоркой можно назвать партиями. Партии Туркестана образовались на базе мусульманства и буржуазных течений, главным образом джадидизма. Наиболее значительными из них были Шуроисламия (Совет исламистов, образовался в марте 1917 г. с лидерами М. К. Абдурашидхановым и М. Чокаевым) и отколовшаяся от нее в июне наиболее правая, феодально-религиозная партия Шуро-улема (Совет духовенства). И та и другая состояли из представителей мусульманского духовенства, местной буржуазии, чиновничества, баев.

Существенным образом от вышеуказанных организаций отличалась партия Алаш. Она более других приближалась к понятиям буржуазной партии кадетского типа. Лидеры ее состояли ранее членами общероссийской Конституционно-демократической партии народной свободы. В этой партии эклектически сочетались кадетские, народническо-эсеровские идеи с панисламизмом и пантюркизмом.

Процесс консолидации национальной буржуазии наблюдался и в таких отсталых районах Средней Азии, как Бухарский эмират и Хивинское ханство. Здесь на базе джадидизма противники эмирской власти, состоявшие почти из всех слоев наиболее образованной части общества, и прежде всего его буржуазных слоев, стали формировать партии младохивинцев и младобухарцев. Процесс этот оказался длительным и сложным [77].

Несмотря на большое разнообразие, а порой и неизбежные трудности, обусловленные прежде всего противоречиями между русской и национальной буржуазией из-за получения прибылей и привилегий грабить местных рабочих и крестьян, а также в связи с национальными и религиозными моментами по всей России развернулся процесс ускоренного образования

национальных партий. Все они в своей основе были партиями кадетского типа и шли в фарватере ее политики. Объединяло их главное: признание буржуазной частной собственности на средства производства и распределения, поддержка Временного правительства, доведение войны до победного конца, решительная борьба с социалистической революцией[78].

Картину буржуазного партийно-политического лагеря наряду с Партией народной свободы и ее национальными сателлитами дополняют Союз земельных собственников, октябристы, прогрессисты и пр. Их участие в общественно-политическом процессе было однозначным — они выступали против интересов трудящихся.

1—8 июля 1917 г. в «русской палате» гостиницы «Славянский базар» в Москве состоялся съезд Всероссийского союза земельных собственников. По словам газеты «Русское слово», на нем присутствовали «представители дворянства, помещичьего и в сравнительно небольшом количестве — крестьянского землевладения», всего 400 делегатов.

Председателем съезда избрали крупного помещика-монархиста барона В. В. Меллер-Закомельского. Были получены приветственные телеграммы от коннозаводчиков, сельскохозяйственной палаты. В своем выступлении князь К. Н. Кропоткин призывал земельных собственников «к борьбе с опасными лозунгами, провозглашаемыми в деревне», а также «занимать места в земельных и продовольственных комитетах, во всех организациях на местах, чтобы их голос звучал повсюду».

— Нас не пускают,— кричали ему в ответ делегаты.

— Пусть не пускают, но вы должны все-таки всем и везде говорить правду,— не унимался князь.

Горячо проходило обсуждение посылки приветственных телеграмм. Предлагалось послать их Львову, Керенскому, Брусилову, Родзянке.

— Чернову не надо,— кричали делегаты.

— Чернову мы и не предлагали,— ответствовал председатель.

— Не надо и Львову!..

Один из делегатов предложил послать не приветствие, а требование о прекращении тех «нестерпимого вида» ограничений, которым сейчас подвергаются земельные собственники в купле-продаже и закладке земли. Этот «вопль души» делегаты поддержали хором:

— Мы не желаем кланяться и благодарить за то, что нас грабят[79].

Так воспринимали летом 1917 г. реакционеры требо-

вания крестьян, земельных комитетов о разделе помещичьих земель, а одновременно и ублюдочные постановления, состряпанные министром-социалистом Черновым по аграрному вопросу.

Многие делегаты лелеяли надежду, что земельный вопрос еще можно переиграть. Решение его еще впереди. «Даже министры-социалисты,— говорил представитель тверского дворянства Лихарев,— начинают как будто исправляться». Он призвал делегатов действовать более осторожно, чтобы не давать лишних поводов газетам называть съезд «организацией реакционной». После этого все приветственные телеграммы были приняты.

Но как только делегаты перешли к сообщениям, характеризующим положение на местах, настроение их вновь упало, да уж больше и не поднималось.

«Почти все сообщения,— писала газета «Русское слово» 4 июля,— рисовали картины полного хаоса в земельных отношениях на местах. Много говорилось о захвате помещичьих земель, о разгроме имений... Раздавались жалобы на волостные земельные и другие комитеты, подвергшиеся, по мнению делегатов, засилью левых элементов, главным образом большевиков». В телеграмме князю Львову съезд требовал «твердой рукой охранять имущество граждан от незаконных на него поползновений».

Съезд направил в Петроград своих представителей для переговоров с Временным правительством. «Русское слово» 5 июля 1917 г. сообщало о том, что князь Львов посоветовал им самим «сорганизовываться на местах... защищать свои интересы». Что касается министра земледелия эсера Чернова, то беседы с ним, как заявили делегаты, не получилось. Он неотрывно «висел» на телефоне, расспрашивая о конце июльской демонстрации. Один из делегатов, раздраженный невниманием Чернова, крикнул тому:

— Уходи!

— Я бы с удовольствием,— ответствовал Чернов,— да вот только, к сожалению, заменить меня некому.

— Найдем, пусть уходит,— бодро закричали участники съезда.

Но народ решал земельный вопрос по-своему.

Съезд внес некоторые поправки в свой устав, принятый в ноябре 1916 г. Речь шла прежде всего о расширении частного землевладения крестьян, точнее, кулаков. Землевладельцы соглашались на частичное отчуждение помещичьих земель, разумеется, за выкуп «по добросовестной, соответствующей их действитель-

ной стоимости оценке», но лишь после распределения между крестьянами казенных и удельных земель, если последних не хватит. При этом особо подчеркивалось, что передаваемая крестьянам земля поступает в частную собственность.

Ни на съезде Всероссийского союза земельных собственников, ни после него лидеры не называли численности своей организации (на местах союз имел 300 отделений). По примерным подсчетам, в нем состояло около 50 тыс. человек. Однако влияние его не могло быть сколько-нибудь значительным: члены союза были распылены почти по всей стране и тонули в массе политических организаций. Крестьяне же открыто считали его помещичьей организацией и относились к нему в большинстве случаев враждебно. О незначительном влиянии этой партии говорит тот факт, что на выборах в Учредительное собрание она получила всего 250 тыс. голосов, т. е. 0,5%. Членство в союзе не спасло помещичьи имения от разгрома. Противоречия между помещиками и крестьянами были непримиримы.

Землевладельцы и их политические организации неоднократно обращались к буржуазным правительственным органам для защиты своего состояния, начиная от судов над крестьянами и кончая использованием карательных отрядов войск[80].

Борьба партий, по определению В. И. Ленина, является самым полным, самым концентрированным выражением политической борьбы классов[81]. Чтобы выглядеть более респектабельно, ряд наиболее правых партий, прежде всего октябристов, весной и летом 1917 г. переформировались, изменили (больше формально) свое обличье. На базе октябристов в Петрограде образовались Либеральная республиканская партия во главе со своими старыми лидерами Гучковым и Родзянкой, а прогрессисты преобразовались в Радикальную демократическую партию, выпускавшую газеты «Отечество» (в Петрограде) и «Свободное слово» (в Москве). В ней наряду со старыми появились и новые руководители. «Эта, никому не известная, партия,— отозвался Ленин,— явно тоже капиталистическая... — нечто вроде переряженных кадетов»[82]. Даже эсеры писали о ней: «Серая, тусклая, не существующая»[83]. Продержалась эта партия недолго. Осенью она слилась с тоже вновь созданной Республиканской демократической партией, лидерами которой явились промышленник-финансист А. И. Путилов и помещик И. И. Дмитрюков.

Еще больше новых и переформированных старых буржуазных партий появилось на окраинах России, что

свидетельствовало о политической активизации национальной буржуазии. В Прибалтике было создано 5 партий, 2 — в Средней Азии, 2 — в Закавказье[84]. Даже в далекой и отсталой Якутии образовался Союз федералистов. Всех их роднило отстаивание права на частную собственность, на орудия и средства производства; цель их состояла в образовании парламентарной буржуазной республики в стране и местной территориальной автономии. Почти все, как у кадетов. Лишь некоторая разница в рассмотрении национального вопроса.

Таким образом, характерной чертой для развития всех буржуазных партий в России являлись фактическая поляризация политических сил общероссийских партий вокруг кадетов и создание кадетского типа буржуазных национальных партий. Появление центробежных сил в стране в политических организациях господствующего класса обусловливалось единым диалектически противоречивым процессом.

2. В РОССИЮ ВЕРНУЛСЯ ЛЕНИН

О революции в России Владимир Ильич Ленин узнал 2 марта 1917 г. С этого дня все изменилось в его жизни. Получая скудные, запоздалые, а подчас и искаженные сведения, он тем не менее стремился полнее разобраться в событиях, происходящих в России, помогал питерским товарищам по партии выработать правильную линию действий. Все его помыслы были направлены на возвращение в Петроград, чтобы принять непосредственное участие в продолжавшейся революции.

«Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по ночам строились самые невероятные планы,— вспоминала друг, жена и соратница Ленина Н. К. Крупская.— Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана. Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа: швед вызовет меньше всего подозрений. Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка. Может быть, немого? Но легко проговориться. «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация»,— смеялась я»[85].

Вначале свои мысли о революции Ленин изложил в корреспонденциях 3 и 4 марта в Осло к А. М. Коллон-

тай, через которую проходила связь заграничной части ЦК с большевиками России. Но как только в Петрограде с 5 марта стала выходить «Правда», Ленин немедленно начал посылать туда свои знаменитые письма, получившие название «Письма из далека» *. В них он отвечал на самые животрепещущие вопросы, вставшие перед пролетариатом России и его партией: определил характер революции, движущие силы ее, отношение к Временному правительству, к новым революционным органам власти — Советам, к войне и миру, наметил перспективу развития революционного процесса.

Поскольку Англия и Франция препятствовали возвращению в Россию политических эмигрантов, выступавших против войны, Ленину пришлось ехать через Германию. Проезду помогли швейцарские социалисты, особенно секретарь Социал-демократической партии Швейцарии Фриц Платтен, лично сопровождавший Ленина и его спутников до Швеции. Идея этого пути принадлежала меньшевику-интернационалисту Л. Мартову, но реализовали ее большевики, хотя и понимали в связи с этим возможность будущих осложнений.

27 марта из Швейцарии вместе с Лениным и Крупской выехало 30 политических эмигрантов, в том числе 19 большевиков, 6 бундовцев, а также меньшевики, анархисты и члены других мелкобуржуазных партий. Со взрослыми были и дети. Эмигранты ехали в специальном вагоне, в котором три двери из четырех были запломбированы. Одно из купе занимали два немецких офицера. Сношения с офицерами и внешним миром мог вести только Ф. Платтен. 30 марта вечером Ленин и его товарищи пароходом из Германии прибыли в Швецию; 31 марта — поездом в ее столицу Стокгольм, где их тепло встретили большевики-эмигранты и шведские левые социал-демократы. В этот же день вечером Ленин и его спутники выехали в Россию.

В Финляндии на станциях увидели русских солдат, своих, близких. «Усиевич, ехавший вместе с Лениным, в порыве радости,— вспоминала Н. К. Крупская,— высунулся в окно. «Да здравствует мировая революция!» — крикнул. Недоуменно посмотрели на него сол-

* Первое письмо было опубликовано (не полностью) в «Правде» 21 и 22 марта 1917 г., а затем в таком же виде перепечатано до приезда Ленина в Россию (3 апреля) в эстонской газете «Kiir», в московской — «Социал-демократ», в киевской — «Голос социал-демократа», в кронштадтской — «Голос правды», в харьковской — «Пролетарий», в казанской — «Рабочий» (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. Март — октябрь 1917 г. М., 1973. С. 34, 37, 40, 41, 46, 53).

даты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и, когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения — был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица»[86].

3 апреля вечером поезд прибыл в Белоостров — на первую русскую станцию. Здесь Ленина, Крупскую и их товарищей встретили Мария Ильинична, члены Русского Бюро ЦК, ПК РСДРП(б), представители редакции «Правды» (Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, И. В. Сталин, А. Г. Шляпников и др.).

Рабочие со знаменами подошли к вагону, в котором находился Ленин, подхватили на руки вышедшего вождя и внесли в вокзал. Ленин сказал краткую приветственную речь. Он снова после десятилетней разлуки выступал перед пролетариями России, был очень взволнован и радостен.

На Финляндский вокзал поезд прибыл ночью с 3 на 4 апреля. По распоряжению исполкома Петроградского Совета на перроне был выстроен почетный караул. Когда Ленин вышел из вагона, военный оркестр заиграл «Марсельезу», начальник караула отдал рапорт. Ленин от неожиданности смутился, взял под козырек. Очень обрадовался, увидя ряды рабочей милиции.

Под горячие аплодисменты и возгласы одобрения хорошо знакомый Ленину по Франции Чугурин от имени Выборгского райкома РСДРП(б) вручил создателю пролетарской партии членский билет № 600 большевистской организации Выборгской стороны Петрограда. В бывших царских покоях Ленина ожидали Чхеидзе и другие представители Совета. Председатель исполкома Совета выразил надежду на правильное понимание лидером большевиков задач момента.

Скоро Ленин вышел из вокзала. Площадь гудела. Рабочие и матросы подняли своего вождя на руки и поставили на броневик. В свете прожекторов, разрезавших ночную мглу, с протянутой вперед рукой, Ленин казался гигантом. Он кончил свою речь призывом идти к заветной мечте человечества, выразив это словами: «Да здравствует социалистическая революция!»

Вместе с встречавшими Ленин на броневике направился в бывший дворец Кшесинской, где помещались ЦК и ПК РСДРП(б), несколько раз выступал на

митинге, слушал речи других ораторов, долго беседовал со своими единомышленниками.

«В речах всех ораторов,— подчеркивала газета «Правда» 5 апреля,— отмечалась надежда и уверенность в том, что тот вождь революционной с.-д., который ни при каких мрачных условиях не сходил со своей революционной позиции, поведет теперь русский пролетариат смело и твердо по пути дальнейших завоеваний вплоть до социальной революции».

В те же дни буржуазные газеты коротко, но многозначительно писали: «Приехал сам Ленин». А «Речь» добавляла, что вождь большевиков закончил свое первое выступление словами: «Да здравствует социалистическая революция!»

Утром 4 апреля Ленин с Надеждой Константиновной Крупской прибыл на квартиру своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой, в которой прожил более трех месяцев, до ухода в начале июля в подполье.

Сразу же по прибытии в Петроград Владимир Ильич посетил Волковское кладбище, где были похоронены мать Мария Александровна и сестра Ольга Ильинична Ульяновы.

День 4 апреля 1917 г. вошел в историю большевистской партии и России как новая веха, оказавшая затем неизгладимое влияние на весь мир. В этот день был оглашен документ величайшего значения. Цивилизованное человечество знает не много документов переломного периода, провозгласивших переход общества из одного качественного состояния в другое. Среди них особое место принадлежит Апрельским тезисам, с которыми Ленин 4 апреля дважды выступил в Таврическом дворце. Это был знаменитый план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической *.

«Своеобразие текущего момента в России,— говорил он,— состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [87].

Касаясь формы новой власти, Ленин, исходя из опыта Парижской коммуны и уроков российской революции 1905—1907 гг., заявил: «Не парламентарная республика,— возвращение к ней от С.Р Д. было бы шагом

* Основа тезисов была написана Лениным до приезда в Россию Однако окончательный их текст дает основание предположить, что отдельные места тезисов были написаны и уточнены уже в России, т е. утром 4 апреля.

назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»[88].

Это было творческое развитие марксизма на основе учета расстановки классовых и партийных сил в России и на международной арене, на базе революционной практики российской и всемирной революции, которые Ленин рассматривал как единое и нераздельное целое.

Экономическая платформа Апрельских тезисов, развивая и конкретизируя программу партии, принятую в 1903 г. на II съезде партии, предусматривала проведение практически назревших мер: национализацию земли при конфискации помещичьих земель и передачу ее в распоряжение местных Советов; создание образцовых хозяйств на базе помещичьих имений; объединение всех банков в один общегосударственный банк и осуществление над ними контроля со стороны Советов; установление рабочего контроля над производством и распределением продуктов. Эти установки были важными и необходимыми шагами к социализму.

Апрельские тезисы, говорится в «Биографии» вождя, являются выдающимся документом творческого марксизма. Они ориентировали партию на новый, подлинно марксистский революционный курс, вооружили ее новыми программными и тактическими лозунгами огромной мобилизующей силы. Своими тезисами Ленин выводил пролетариат и его партию на широкую дорогу последовательной классовой борьбы за победу социалистической революции. Гениальное положение о возможности победы социализма первоначально в немногих капиталистических странах или даже в одной стране зиждилось на убеждении Ленина в том, что фронт империализма может и будет прорван победоносной социалистической революцией в нашей стране — в России[89].

Даже враги социализма — кадеты вынуждены были признать силу ленинских идей. «Ленин,— отмечала 6 апреля передовая статья их газеты «Речь»,— последовательно и не останавливаясь ни перед какими выводами, довел до конца все идеи большевизма и показал, какова должна быть практическая политика, на этих идеях основанная». Сейчас это признают многие советологи Запада*.

* Реформистский английский историк Т. Клифф в четырехтомной политической биографии В. И. Ленина пишет, что в апреле 1917 г. вождь российской революции, создав стройную концепцию социалистической революции, постоянно развивал и совершенствовал ее на основе положений марксистской теории (*Cliff T.* Lenin. Vol. I—IV. London, 1976—1978. Vol. II. P. 378).

Значение Апрельских тезисов вождя российской революции особенно ярко предстает в сравнении с теми ориентирами, которые действовали в революционной России до приезда Ленина.

Большевики, руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, партийными документами, работами Ленина, историческим опытом революции 1905—1907 годов, в основном правильно определили политическую линию партии в феврале—марте 1917 г. Особенно это относилось к Русскому бюро ЦК, который сразу же квалифицировал Временное правительство как контрреволюционное, а продолжавшуюся войну — как империалистическую. Однако на ряд важных вопросов ни Русское Бюро ЦК, ни тем более Петербургский и Московский комитеты партии, не говоря уже о местных комитетах, не смогли дать ответа, соответствующего новым условиям развития революционного процесса, и придерживались старых понятий.

«Слишком часто бывало,— указывал Ленин,— что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории»[90].

Большинство руководящих деятелей не поняли вначале, например, значения Советов как новых органов власти, отдавая предпочтение старому требованию создания революционно-демократического правительства. Не было полной ясности и в том, как вести себя по отношению к Временному правительству, Советам, войне. Петербургский и некоторые другие комитеты высказывались за контроль над правительством, за давление на него, за условную поддержку Подобной позиции придерживались и некоторые члены ЦК (Каменев, Сталин). Не случайно первое ленинское письмо из серии «Письма из далека», напечатанное 21 и 22 марта в «Правде», давалось с сокращениями* Не все еще могли правильно воспринять ленинские выводы и оценки[91].

Но революция развивалась, и все яснее становилось, что нужны новые подходы к анализу событий, к определению перспектив общественного развития И в этом отношении к апрелю 1917 г в большевистской партии произошли существенные сдвиги. Однако до

* Впервые полностью ленинское письмо было напечатано в 1949 г (*Ленин В И* Собр соч. 4-е изд Т 23)

возвращения в Россию Ленина никто не смог осмыслить главный вопрос революционного процесса — переход ее к новому этапу — социалистическому. Не хватало главного стержня, вокруг которого можно было бы объединить все события, а значит, и не было целостной, законченной системы развития революции, существовали только отдельные звенья ее.

На заседаниях Петербургского комитета большевиков, а затем проходившей с 14 по 22 апреля 1-й Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) большинство делегатов поддержало тезисы Ленина и вынесло решение голосовать за них на предстоящей Всероссийской партийной конференции. Их значение для партии, революции ярко выразили слова: «По приезде Ленина подул точно ветер свежий». Тезисы Ленина «лишь ясное и точное изложение того, что в запутанном виде в жизнь проводится нами». (Первая фраза принадлежит Л. Н. Сталь, вторая — Н. К. Антипову[92].)

В отличие от многих политических партий России, которые провели свои съезды весной — в начале лета 1917 г., РСДРП(б) вместо съезда провела 24—29 апреля VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию. Для этого были свои причины. Одна из них состояла в том, что весной 1917 г. определенная часть членов РСДРП(б) поддерживала объединительные тенденции. Свое выражение они находили в существовании партийных организаций, в которых состояли и большевики, и меньшевики. Чаще всего такие организации возникали сразу после выхода из подполья. Но бывало и так, что, образовавшись, раздельно, они затем объединялись (например, в Самаре). Эта же причина оказала влияние и на меньшевистскую партию, которая сумела собрать свой съезд только в августе.

Но по своему историческому значению Апрельская конференция РСДРП(б) сыграла роль партийного съезда. После многих лет гонений, когда съезды и конференции большевистской партии происходили в глубоком подполье или за границей, в неказистых помещениях, а последний, V съезд заседал в 1907 г. в маленькой церкви Лондона, Апрельская конференция проходила в лучших помещениях столицы: Женском медицинском институте, на Высших женских курсах. В ней принял участие 151 делегат, представлявший 80 тыс. членов партии.

После долгой разлуки встретились недавно прибывшие из ссылки, тюрем, каторги активисты самой революционной партии не только России, но и всего

мира. Многие делегаты — исхудалые, больные, в потрепанной одежде, но как горели их глаза, сколько энтузиазма и энергии было в их словах и действиях. Как горячо они обнимали друг друга. Все вместе стояли в длинной очереди за чаем. И среди них В. И. Ленин. В руках у него тоже жестяная кружка. Отличался он от других только тем, что вокруг него всегда были люди: спрашивали, что-то доказывали, а чаще только здоровались и просто смотрели, ибо многие раньше не видели его.

Впервые в партийной практике большевиков делегаты конференции громко и горячо приветствовали Ленина аплодисментами. Это говорило о всеобщем признании Ленина как вождя партии, его заслугах перед ней, о необычайной важности предстоящей классовой и партийной борьбы[93].

Большинство вопросов, стоявших в повестке дня, были те же, что и на съездах других партий: отношение к войне, Временному правительству, Советам, аграрный и национальный вопросы. Были и свои специфические: положение в Интернационале и задачи РСДРП(б), о пересмотре партийной программы. Но решались они совершенно по-другому.

Партия большевиков была единственной из всех политических партий России, которая на своей Апрельской конференции заявила, что она начинает практическую борьбу за победу новой — социалистической — революции в России, не откладывая эту борьбу ни на один день. Это было не только смелое, но и дерзкое заявление. Но она (революция) не имела ничего общего с перепрыгиванием через буржуазно-демократический этап. Речь шла о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Концепцию этого перерастания создал Ленин, гигантски обогатив этим марксистскую теорию.

К революциям в России привыкли. Недаром одна английская леди по поводу России высказалась: это страна, «где всегда или холера, или революция». Но что теперь Россия уже практически готова к пролетарской революции, было новым даже для многих большевиков.

Что касается меньшевиков и эсеров, то те продолжали свой рефрен о невозможности социализма в России ввиду ее отсталости и малочисленности рабочего класса.

Часть членов большевистской партии, в том числе и руководящего ядра, оказались не подготовленными к восприятию новых лозунгов. Это проявилось еще раньше, при обсуждении Апрельских тезисов в городских и

других партийных организациях, в том числе в Петрограде, Киеве.

Напомним, что Апрельские тезисы Ленина были напечатаны в «Правде» 7 апреля под названием «О задачах пролетариата в данной революции». Затем, до открытия VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) (до 22 апреля включительно), на которой они обсуждались, их перепечатали в латышской газете «Циня» (Петроград), в московской — «Социал-демократ», в харьковской — «Пролетарий», в красноярской — «Красноярский рабочий», в казанской — «Рабочий», в эстонской — «Kiir», в уфимской — «Вперед!», в литовской — «Tiesa» (Петроград), в бакинской — «Бакинский рабочий». Кроме того, тезисы были обсуждены и легли в основу решений партийных организаций Иваново-Вознесенска, 13-й конференции Социал-демократии Латышского края и латышских групп РСДРП(б) (Москва), Московского комитета РСДРП(б), Царицына, Воронежа, Твери.

Значит, с Апрельскими тезисами Ленина были заранее ознакомлены самые широкие круги партии. Непонимание их в ряде мест происходило потому, что одни коммунисты не были подготовлены к таким теоретическим и политическим оценкам, над другими довлел груз оппортунизма и догматизма, старых представлений в мышлении. Образовалась оппозиция ленинским взглядам. Возглавил ее член ЦК РСДРП(б) Л. Б. Каменев. Он неоднократно выступал в «Правде» против Апрельских тезисов Ленина.

Еще до конференции Ленин, полемизируя с Каменевым на страницах «Правды», писал об опасности догматизма и необходимости творческого развития марксизма. «...Необходимо усвоить себе ту бесспорную истину,— подчеркивал он,— что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни.

«Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»» *[94].

На VII Всероссийской конференции дискуссия продолжалась. Каменев, Рыков и их сторонники выступили против перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, оперируя фактически мень-

* В. И. Ленин приводит здесь слова Мефистофеля из трагедии Гёте «Фауст».

шевистскими положениями о незрелости России. Возражали они и против ленинских лозунгов «Никакой поддержки Временному правительству!», «Вся власть Советам!», противопоставив им уже изжившие себя на практике прежние требования давления на Временное правительство и контроля над ним со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов.

Исход дискуссии приобретал особое значение, ибо речь шла о новом курсе партии, от которого зависела судьба страны: оставаться России капиталистической или быть социалистической. Речь шла о выборе пути общественного развития пока еще одной страны, но от этого огромная важность вопроса нисколько не уменьшалась. Выбор социалистического направления стоял тогда остро, ибо социализм был спасением для России от язв империализма и войны. Другой альтернативы история не дала стране. Теперь, в наше время, когда человечество подошло к критической черте своего развития — к возможности ядерной катастрофы, которую мировой империализм, и прежде всего реакционные круги Соединенных Штатов Америки, могут превратить в реальность, — социалистический путь является спасением для всего человечества. Социализм и гуманизм неразделимы.

Ленинская концепция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую базировалась на объективных и субъективных факторах. Россия социально-экономически и политически созрела для победы социализма. Одним из важнейших условий этой победы являлось наличие революционной партии — партии большевиков. Апрельская конференция была призвана вооружить партию новым теоретическим, политическим и тактическим оружием, соответствующим эпохе и ее задачам. Основы этого оружия были заложены в ленинских Апрельских тезисах, развиты и взяты на вооружение VII Всероссийской конференцией РСДРП(б).

Противники Ленина — как справа, так и слева (левацкие ошибки Богдатьева и троцкистский лозунг «Без царя, а правительство рабочее») — потерпели поражение.

Решив практически важнейший вопрос выбора пути — к социалистической революции, — большевики особое внимание уделяют новой расстановке классовых и партийных сил в стране. При этом определяются основные слои общества, способные развивать революцию дальше; рассматриваются и анализируются способы, средства и методы политической борьбы.

Если до победы буржуазно-демократической революции главной общественной силой, двигавшей революционный процесс, был союз пролетариата с трудящимися классами общества, прежде всего крестьянством, то в социалистической революции такой силой мог стать только союз рабочего класса и низших слоев общества, прежде всего бедняцкого крестьянства. Средние слои общества, середняк в деревне во время пролетарской революции колеблются. Их предстояло нейтрализовать, а затем уже завоевать на сторону рабочего класса.

Большое внимание Ленин уделял деятельности большевиков, направленной на перегруппировку классовых сил, на дальнейшую классовую и партийную дифференциацию общества, ибо в задачи партии рабочего класса входили не только строгий учет состояния этих важнейших факторов революционного процесса, но и сознательное воздействие на их развитие. Все усилия партии по линии Советов, фабзавкомов, профсоюзов, всех общественных, военных организаций направлялись на отделение пролетарской линии от мелкобуржуазной, интернационалистской от оборонческой, революционной от оппортунистической, на организацию и вооружение рабочих, на подготовку их сил к следующему этапу революции. Партии большевиков предстояла длительная, систематическая и кропотливая работа по прояснению классового сознания пролетариата, по сплочению рабочих и бедняков деревни против колебаний мелкой буржуазии и одновременному подталкиванию ее вперед по пути расширения и углубления революции[95].

Коренным образом менялось решение вопроса о партийных союзниках и попутчиках, о политических компромиссах. Ввиду открытой, хотя и условной, поддержки мелкобуржуазными партиями империалистической политики буржуазного Временного правительства, и прежде всего ведения войны, никакие соглашения с ними стали окончательно невозможны. Существование объединенных организаций большевиков и меньшевиков стало невозможным. Апрельская конференция потребовала их решительного и окончательного размежевания в объединенных партийных организациях: изгнания из них меньшевиков или выделения большевиков в самостоятельные организации. РСДРП(б) — пролетарская партия нового типа — не могла терпеть в своих рядах ни правого, ни левого оппортунизма.

Но это вовсе не означало, что большевики восприняли сектантский путь. Напротив, ни одна партия не проводила такой гибкой тактики по отношению к

мелкобуржуазным политическим организациям, как большевики. Но одновременно они придерживались строго принципиальной политической линии. Апрельская конференция, обратив особое внимание на объединение интернационалистов, узаконила единственно правильную для того времени, проверенную революционной практикой тактику по отношению к мелкобуржуазной демократии. Решительно отвергая совместные действия с эсерами и меньшевиками, стоявшими на позициях оборончества, соглашения с буржуазией, большевики считали вполне возможным, а во многих случаях и желательным идти на компромиссы с левыми отрядами партий, придерживающихся интернационалистских позиций. Конференция постановила: «Признать сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма, необходимыми на основе разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму»[96].

Апрельская конференция определила и формы борьбы за социалистическую революцию. В отличие от свержения царизма вооруженным путем большевики провозгласили мирный путь развития революции. Не насильственное свержение Временного правительства, которое поддерживали Советы, а его изоляция. Революционные органы власти — Советы, лишив буржуазию своей поддержки, забирают власть в свои руки. Эта форма борьбы в рамках капиталистического общества являлась начальной ступенью практической борьбы за социализм в России. Она была более понятной, а значит, и более приемлемой в то время для широких масс народа, когда классовые противоречия не достигли еще большой остроты, когда трудящиеся массы еще надеялись на достижение договоренности с буржуазией[97]. Партия большевиков, вырабатывая свою тактику, никогда не игнорировала факторы социальной психологии масс, а строго учитывала их.

Тактика (но не стратегия!) была продиктована реальной обстановкой, сложившейся как в самих Советах, так и в буржуазном правительстве, а соответствующим образом и в партиях, которые контролировали положение в тех и других органах власти.

Ленину принадлежит особая заслуга не только в разработке нового курса партии, но и в привлечении, в объединении вокруг него подавляющего большинства членов РСДРП(б). Почти все резолюции, а их было 11, были написаны им. Он выступал около 30 раз, убеждая партийцев в правильности новых лозунгов, доказывая их научную обоснованность[98]. Именно в этот перелом-

ный период, приведший затем к изменению хода всего исторического процесса России, с необычайной силой раскрылся гений Ленина как теоретика, политика и организатора партии, наиболее ярко проявилась основная черта его характера, которую А. М. Горький определил «воинствующим оптимизмом материалиста»[99].

Апрельская конференция закончилась избранием тайным голосованием руководящего органа партии — Центрального Комитета РСДРП(б). В него вошли: В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. П. Милютин, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов, И. Т. Смилга, И. В. Сталин, Г. Ф. Федоров.

Определяя стратегический курс своего движения вперед, партия большевиков обязана была прежде всего укрепить большевистские организации как главный рычаг развития революции; своими действиями завоевать активное большинство народа, что необходимо для создания политической армии социалистической революции.

Прежде всего назрела необходимость покончить с объединенческими тенденциями, провести организационные разъединения с меньшевиками. Меньшевики, ратовавшие за объединение, стремились растворить революционную марксистскую партию в «объединенной РСДРП», т. е. пытались свести на нет решение VI (Пражской) конференции об изгнании из партии меньшевиков-ликвидаторов, а главное, отстранить от руководства в ней большевиков, и прежде всего Ленина. Объединенческие идеи были больше всего распространены на окраинах России, где отряд рабочих был малочислен (в сельскохозяйственных районах Украины, в Закавказье, Сибири, на Дальнем Востоке). В Закавказье, например, объединенные организации, существовавшие в Тбилиси, Елисаветполе, Александрополе и даже в Баку, считали, что «после свержения самодержавия уже не было основания для фракционной борьбы в социал-демократической партии, что в строительстве новой власти надо действовать в полном согласии»[100]. Объединительные иллюзии распространились и на некоторые промышленные центры. Даже в Москве определенное время в трех районах существовали смешанные большевистско-меньшевистские организации. Правда, скоро они распались. Но все это свидетельствовало о сложности решения проблемы непреодоленных еще объединительных тенденциях.

К концу апреля в стране имелось более 440 большевистских организаций (80 тыс. членов) и свыше 150

объединенных, в которых насчитывалось примерно 14 тыс. большевиков [101].

После Апрельской конференции начался ускоренный процесс распада объединенных организаций. Дальнейшее развитие революции, дифференциация классовых и партийных сил, все большее разоблачение меньшевиков, как пособников буржуазии и ее партий, помогали этому. Так, 4 июня общегородское собрание большевиков Тифлиса вынесло решение «разорвать с меньшевистской организацией, стоящей на точке зрения революционного оборончества, отозвать оттуда всех наших единомышленников-большевиков и создать отдельную социал-демократическую организацию, стоящую на точке зрения революционной социал-демократии» [102]. «Случилось то, что должно было случиться,— писала по этому поводу газета грузинских меньшевиков «Ертоба» 9 июня.— По приказу Ленина большевики откололись от местной социал-демократической организации и создали отдельную фракционную группу». Разорвали с меньшевиками и большевики Баку. Но в ряде мест размежевание осложнялось колебаниями не только меньшевиков, но и части большевиков. Например, в Харькове некоторые большевики выступали за объединение не только с левой частью меньшевиков, стоящих на интернационалистских позициях, но и с оборонцами. Линию большинства, стоявшего за немедленное осуществление требований Апрельской конференции, изложил Сурик (А. В. Емельянов). Он напомнил об интересах пролетарского движения в целом, о строгой партийной дисциплине и сказал: «Нет необходимости строить новую партию там, где существует полная жизненных сил и способностей старая» [103].

В большинстве мест размежевание между большевиками и меньшевиками произошло в конце весны — начале лета. Большевистские организации признавали своими руководящими органами ЦК РСДРП(б) и газету «Правда», меньшевистские — ОК и «Рабочую газету». Кое-где разрыв затянулся до осени (например, в Уфе), что не могло не сказаться отрицательно на боеспособности местных партийных организаций*. К октябрю процесс этот полностью закончился. Тем самым была

* В вышедшей за последнее время советской литературе вопрос об объединенных организациях наиболее детально разработан Н. В. Рубаном (Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.). М., 1968); П. И. Соболевой (Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968); Х. М. Астраханом (Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973).

решена одна из главных задач подготовки РСДРП(б) к социалистической революции.

Очищая свои ряды от носителей оппортунизма, партия большевиков, согласно решениям Апрельской конференции, одновременно принимала практические шаги к привлечению всего лучшего, революционного, что было в социал-демократии. Речь шла не только о совместных действиях против буржуазии и ее партий, о тесном сближении с левыми социал-демократами, занимавшими промежуточное положение между большевиками и меньшевиками, все более склонявшимися в сторону первых, но и о принятии их в большевистскую партию.

Прежде всего укреплялись контакты с наиболее активными представителями Межрайонной петроградской организации, численность которой летом 1917 г. значительно выросла. Рядовые члены ее быстро революционизировались. Это не могло не повлиять и на руководителей организации. «Правда» 18 мая в статье «К вопросу об объединении интернационалистов» сообщала, что Ленин и некоторые члены ЦК РСДРП(б) сделали межрайонцам предложение об объединении (межрайонцы, порвавшие с оборонцами, в свою очередь выразили готовность к объединению). Далее говорилось, что ЦК партии одобрил это и поддержал также «идею об объединении со сторонниками Мартова, если они порвут с оборонцами».

Таким образом, в партии одновременно проходили два диалектически связанных и взаимно обусловленных процесса: окончательный разрыв с оппортунизмом и намечавшееся объединение с некоторыми социал-демократами на принципах большевизма. В начальный период подготовки социалистической революции главное внимание было обращено на первую часть процесса. Но когда партия была очищена от соглашателей и ленинизм одержал решительную победу, когда потребовалось сплочение всех революционных сил для решающей схватки с капиталом, тогда партия протянула руку тем, кто решил свои колебания сменить на действительную борьбу за социализм.

Большевикам предстояло решить еще одну комплексную проблему гигантской важности, связанную с партийным строительством и идеологической деятельностью. Такая проблема стояла перед каждой политической партией и в большой степени определяла ее силу и авторитет в обществе. Известно, что роль той или иной политической партии в обществе обусловливалась следующими факторами: местом в процессе произ-

водства и распределения того класса, интересы которого она представляет, соответствием теоретических и политических положений ее программы потребностям общественного развития, численностью самой партии, ее организованностью, опытностью руководящего ядра, умением работать с миллионными массами народа, убеждать их в своей правоте, налаживать правильные отношения с другими классами и партиями (союзы, соглашения, компромиссы). Короче говоря, необходимо было выяснить, насколько сложившиеся социально-экономические условия победы социалистической революции подкреплялись состоянием самой большевистской партии, ибо, согласно ленинскому учению, успех революции возможен только тогда, когда в обществе устанавливается необходимое соответствие между объективными условиями его развития и состоянием субъективного фактора [104].

Сразу же после победы Февральской революции большевики, как и все другие партии, стали энергично вербовать новых членов. Вот одно из типичных объявлений того времени, составленное большевиками Киева и обнародованное газетой «Голос социал-демократа» 14 апреля: «Товарищи рабочие, если вам дороги завоевания и дальнейшее развитие революции в своих классовых интересах, вступайте в ряды партии. Мы кровью нашей проложили себе путь к свободному строительству организации, к беспрепятственному развитию нашей классовой борьбы за наши пролетарские цели».

Большевики являлись одной из самых многочисленных политических партий России в 1917 г. (лишь одна превосходила их в этом отношении — эсеры). В отличие от других политических организаций рост большевиков неуклонно продолжался в течение всего года, в то время как основные буржуазные и мелкобуржуазные партии, испытав наивысший подъем летом 1917 г., дальше пошли на убыль. Это говорило о многом.

Из всех крупных партий только большевики лучше всех знали численность своих организаций на различных этапах подготовки социалистической революции, в том числе в октябре 1917 г., когда в партии состояло от 350 до 400 тыс. человек.

По заявлению секретаря ЦК РСДРП(б) Я. М. Свердлова на заседании ЦК 16 октября 1917 г., который в то время больше, чем кто-либо, располагал сведениями о составе партии, она в октябре 1917 г. насчитывала 400 тыс. членов. По подсчетам авторского коллектива третьего тома «Истории КПСС», численность партии в то время составляла 350 тыс. К

сожалению, не раскрыта примененная методика подсчета [105].

Партийным учетом, видимо, занимались и меньшевики. Членство своих организаций они исчисляли около 200 тыс. Но (в отличие от большевиков) количество меньшевистских организаций (кроме Закавказья) с осени 1917 г. стало быстро падать. Причина такого явления заключалась в том, что партию меньшевиков все чаще покидали сознательные рабочие. В ее рядах оставались лишь те, кто сравнительно недавно пришел из деревни, еще не успел избавиться от мелкобуржуазной идеологии. Основная масса меньшевиков состояла не из рабочих (хотя и они были в этой партии), а из мелкобуржуазных элементов (служащие, средний инженерно-технический персонал, мастера, подмастерья и т. д.).

Имея формально одну программу и один устав, большевики и меньшевики расходились в главном: большевики боролись за проведение социалистической революции, выступали против Временного правительства, против оборончества и продолжения войны; меньшевики все это отвергали.

Многие рабочие еще не до конца понимали глубину расхождений тех и других. Но чем ближе дело подходило к совершению социалистической революции, чем больше обострялись разногласия между двумя партиями, претендовавшими на представительство рабочего класса, тем большее число рабочих становилось приверженцами идей большевистской партии.

Анализ социального состава большевистских партийных организаций, проведенный советскими историками, свидетельствует, что в партии к октябрю 1917 г., примерно две трети составляли рабочие, а в крупных промышленных центрах процент рабочих был еще выше. Можно согласиться с предположением Х. М. Астрахана, что в Петрограде примерно 80% членов партии составляли рабочие [106]. Значит, РСДРП(б) являлась не только по названию, но и по своему существу сознательным политическим авангардом рабочего класса всей России независимо от национального состава. За рабочими по численности шли солдаты и матросы, далее — представители интеллигенции и служащих, затем — крестьяне.

В 1917 г., особенно в его начале, не было единых правил приема в большевистскую партию. В Петрограде, например, после выхода партии из подполья прием в нее первое время был облегчен: отменили рекомендации, снизили размеры членских взносов и т. д. Все это

дало возможность в течение марта — апреля увеличить численность членов партии с 2 до почти 15 тыс.[107] Но затем все чаще требовались две рекомендации от лиц, уже состоящих в организации, или от самого партийного комитета. Во всяком случае списками («гуртом») в РСДРП(б) принимали сравнительно редко, другие же партии, например эсеры, записывали в свой актив целые учреждения или деревни. Однажды в эсеры записался весь охранный персонал тюрьмы — от начальника до смотрителя. Единообразная система приема в РСДРП(б) стала распространяться только после VI съезда партии, обязательность рекомендаций вводилась строго и повсеместно. Вступающих спрашивали об основных положениях Программы партии, о текущих событиях, о главных лозунгах партии.

Особенно быстро росла численность большевистских организаций в важнейших хозяйственно-политических центрах страны и на фронтах, т. е. там, где прежде всего решалась судьба социалистической революции[108] (см. табл.).

Большевистские организации	Численность, тыс. (в 1917 г.)		
	Апрель	Июль	Осень
Петроградская	16	36 (и 4 межрайонца)	60*
Московская	7	15	
Центральнопромышленного района	23	50	70**
Урала	16	25	35
Донецко-Криворожского бассейна	10	16	
Северного фронта			30***
Западного фронта			30****

* Вместе с губернией
** Вместе с Москвой
*** Вместе с Балтийским флотом, Прибалтикой и русскими войсками в Финляндии.
**** Вместе с Белоруссией

Рост большевистской партии замедлился в целом только в июле — августе 1917 г., в период острейшей реакции в стране, наисильнейшего гонения на РСДРП(б). Но и в этих условиях в Петрограде с 1 по 26 июля партийные организации выросли на 5 тыс. членов (вышли из партии несколько сотен членов)[109]. В высшей степени это знаменательно: колыбель пролетарской революции всегда и во всем шла впереди. В сентябре — октябре большевистская партия снова стала быстро расширяться. За два месяца в нее влилось более 100 тыс. членов.

Хотя численность играла большую роль, но не этот фактор был решающим, определявшим силу и роль партии в обществе, в революционном процессе. Так, в партии социалистов-революционеров, например, состояло около полумиллиона*, но недисциплинированная, аморфная масса плохо знала решения верхов или просто их не выполняла. Однажды записавшись в эсеры, многие только числились в партии, не выполняли никаких партийных поручений, редко посещали собрания, еще реже участвовали в общемассовых мероприятиях, проводимых местными организациями. ЦК партии социалистов-революционеров раздирался внутренними противоречиями, в нем, как и в партии в целом, существовали фракции, группы. Каждый мог высказывать все, что ему «влезет в голову», после уже принятых решений, противореча установкам партии. Зачастую нижестоящие организации не подчинялись указаниям руководства, а оно не отменяло решения низов, идущие вразрез с решениями центральных органов партии.

Почти так же обстояли дела в партии меньшевиков и в большинстве других мелкобуржуазных партий. Они дискредитировали себя перед массами, что и было причиной их упадка, а затем гибели.

Единственной партией в России, которая строилась, развивалась и функционировала на совсем другой основе, чем все остальные, являлась партия большевиков. Главным принципом ее построения был демократический централизм, цементировавший партию снизу доверху, придававший ей необычайную силу. И, несмотря на то что в особых условиях 1917 г. этот принцип не мог действовать во всем своем объеме, как после победы Великого Октября, по своей организованности, сплочению рядов, монолитности с большевиками не могла сравниться ни одна другая партия. 350 тыс. членов РСДРП(б) стоили миллионов представителей других партий.

И еще. Ни у одной из партий не было присущего только коммунистам качества, так ярко и полно проявившегося у большевиков,— неразрывной, органической связи с массами, и прежде всего с передовым классом современного общества — пролетариатом. В основе этого лежало программное положение марксизма-

* Эсеры часто печатали сведения о численности своих организаций, но они были очень противоречивыми и чаще всего завышенными (700—800 тыс.). Руководство партии точно не знало численности и официально не сообщало об этом. Однако это не мешало некоторым лидерам говорить, что их партия — миллионная.

ленинизма, что именно пролетариат и его политический авангард выражают главные тенденции и потребности развития современного общества, подавляющего большинства населения. Но одно дело признавать это теоретически, записать в партийных документах, другое — практически претворить в жизнь, находя каждый раз конкретные, наиболее действенные, соответствующие обстановке приемы и способы борьбы за достижение своих целей, будь то победа пролетарской революции, строительство социалистического общества или его совершенствование. В жизни все обстояло гораздо сложнее.

Одним из самых главных вопросов в функционировании любой политической партии является борьба за массы народа. Эта часть деятельности партии всегда была наиважнейшей, а во время революции — решающей. Теоретическая, политическая, тактическая и практическая работа партии со времени ее создания не упускалась из виду никогда. В 1917 г. партийно-политическая борьба приобрела архиострейший характер, ибо это была непосредственная борьба за обладание политической властью. Такое обострение Ленин предвидел еще раньше. Он писал в 1908 г.: «...это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу»[110].

Трудность состояла в том, что в первые месяцы после Февральской революции не только огромные массы солдат и крестьян шли за меньшевиками и эсерами, но и значительная часть рабочих или доверяла им, или колебалась между большевиками и мелкобуржуазными партиями.

По подсчетам Х. М. Астрахана, в марте — апреле 1917 г. политическая ориентация рабочих на 94 крупнейших заводах и фабриках Петрограда, насчитывавших 356 тыс. человек, выглядела так: 14,6% поддерживали партию большевиков, 10,2% — меньшевиков и эсеров, 69,5% не определили своего отношения к партиям, но рассматривали все партии Петросовета как социалистические, т. е. не видели еще большой разницы между пролетарской партией и мелкобуржуазными партиями, 5,7% рабочих не выявили своей партийной позиции[111]. Какие убедительные мотивы предстояло активизиро-

вать большевикам, чтобы изменить обстановку в свою пользу, выполнить свою роль, роль субъективного фактора, в изменении расстановки классовых и партийных сил! А ведь в орбиту политической жизни были вовлечены, как никогда, все слои российского общества, все классы и все партии. Это было время, когда Ленин говорил: «Мы сейчас в меньшинстве, массы нам пока не верят. Мы сумеем ждать: они будут переходить на нашу сторону, когда правительство им себя покажет» [112].

Неопровержимая правда большевиков состояла в том, что они в своей массово-политической работе все и вся подчиняли решению главнейшей своей задачи — подготовке и победе социалистической революции. Изо дня в день они разъясняли трудовому люду: пока у власти находится буржуазия, до тех пор рабочие, солдаты, крестьяне, подвергаясь эксплуатации, будут так же нуждаться, как и раньше, а капиталисты и помещики — по-прежнему набивать свою мошну. Кончить войну, дать крестьянам землю, установить 8-часовой рабочий день, ввести рабочий контроль на производстве можно только тогда, когда власть перейдет в руки Советов.

Все это могли осуществить только большевики, и ни одна другая партия. Широкая пропаганда большевиков разоблачала болтовню и посулы прочих партий. Они говорили рабочим, крестьянам, солдатам: не ждите Учредительного собрания, созыв которого буржуазные партии и поддерживавшие их меньшевики и эсеры сознательно оттягивают, а берите у помещиков сейчас, немедленно, но организованно, землю; братайтесь с немецкими солдатами и заключайте с ними перемирие, а затем мир; вводите 8-часовой рабочий день, никого не спрашивая; не давайте капиталистам закрывать фабрики и заводы; берите производство под свой контроль; не слушайте меньшевиков и эсеров, которые все больше продаются буржуазии; перевыбирайте Советы и вместо меньшевиков и эсеров посылайте туда большевиков, которые только одни являются истинными борцами за ваши интересы, могут защитить их.

Эффективность такой пропаганды буржуазные партии того времени оценивали по существу. Известная буржуазная газета «Lidums» 16 мая в статье «Штаб латышских большевиков переместился в Ригу» отмечала, что большевистская газета «Циня» «последовательно проводит подрывную политику, которая ведет к гражданской войне», имея в виду обращение «Цини» к пролетариату о воспитании революционной сознатель-

ности в массах, о направлении борьбы пролетариата против существующего строя, частной собственности. Современные апологеты буржуазного строя в своих писаниях не расходятся со своими предшественниками: ««Вся власть Советам!» — один из лозунгов Апрельских тезисов Ленина,— пишет американка Ш. Фицпатрик,— на самом деле призывал к классовой борьбе. Другой апрельский лозунг Ленина — «Мира, земли, хлеба!» — также имел революционный смысл. «Мир» в ленинской трактовке — это не только выход из империалистической войны, но и признание, что такой выход «невозможен... без низвержения капитала». «Земля» означала конфискацию владений помещиков и распределение между крестьянами... Неудивительно, что меньшевики обвинили Ленина в «водружении знамени гражданской войны в центр революционной демократии»»[113].

Первое соответствовало действительности. Приведенные большевистские лозунги в высшей степени способствовали революционизированию трудящихся масс, развитию их самодеятельности, творчества, инициативы, повышению классовой сознательности, лучшему и наибыстрейшему пониманию, что между буржуями и их партиями, с одной стороны, пролетариатом и его политическим авангардом — с другой, не может быть никакого примирения. А кто хотел этого примирения, кто шел на соглашения с капиталистами, прикрывая это самыми «революционными» фразами, кто оттягивал социалистическую революцию, тот предавал интересы рабочего класса. Что касается разжигания большевиками гражданской войны, то известно, что это была меньшевистская выдумка.

Анализ партийных документов того времени, практической деятельности большевистских организаций приводит к выводу, что до июльских событий острие идеологической и политической борьбы РСДРП(б) было направлено главным образом против буржуазных партий, т. е. против своего главного политического врага. Но при этом велась, и очень энергично, активная борьба с мелкобуржуазными партиями.

С июльских событий, а именно с перехода эсеров, меньшевиков и их национальных собратьев на позиции полной поддержки насильнических действий буржуазии и ее партий (т. е. с того момента, когда они стали полностью контрреволюционными и буржуазия могла держаться у власти только при их полной поддержке), большевики, не прекращая разоблачения буржуазных партий, основной огонь критики перенесли на мелкобуржуазные партии. Окончательная дискредитация их пе-

ред трудовым народом лишала буржуазию поддержки.

Никакая другая партия не могла так говорить с народом. Силу печатной и устной пропаганды коммунистов отмечали раньше и отмечают сейчас и наши политические противники. Английский историк Р. Петибридж в одной из своих книг об Октябрьской революции в России подчеркивал, что в руках большевиков печать являлась «могущественным инструментом» *. Он особо выделяет пропагандистское искусство Ленина и его соратников. «Русская революция,— продолжает англичанин,— была одним из первых политических феноменов, в котором современная техника была использована в широком масштабе с пропагандистскими целями» [114].

Большевики обладали огромными организаторскими навыками как в партийной работе, так и в деятельности с массами. Ленин все время повторял, что у большевистской партии имеются три главных рычага: организация, организация и еще раз организация. Ни одна партия, ни буржуазная, ни мелкобуржуазная, не шла ни в какое сравнение с искусством большевиков организовывать и себя, т. е. партию, и массы. Первостепенная роль при этом отводилась устной и печатной пропаганде и агитации. Члены Центрального Комитета РСДРП(б) за апрель — июнь выступили перед рабочими и солдатами столицы более 300 раз, и более всех В. И. Ленин. При ЦК РСДРП(б) находился специальный орган уполномоченных, который сам вел эту работу и распределял коммунистов по местам. Разъездные агенты состояли при Петербургском и Московском областных комитетах. В июне 1917 г. существовало 10 окружных и областных подразделений и не менее 300 районных и подрайонных групп, которые вели массово-политическую работу [115].

Все партии выпускали много газет, журналов, листовок. Мелкобуржуазные и буржуазные партии издавали многие сотни газет (только меньшевики-оборонцы располагали почти 60 газетами и журналами [116]). К октябрю 1917 г. большевики уже имели 85 периодических изданий, в том числе 26 ежедневных, общим тиражом около 3,5 млн экземпляров в неделю. Кроме того, печаталось несколько десятков советских, профсоюзных и других газет пробольшевистского характера [117].

* Кроме печати к «инструментам революции», которые якобы определили ход событий, английский историк относил еще железные дороги, продовольственное дело, снабжение населения промышленными товарами.

Действенность пропаганды и агитации большевистских газет была исключительно велика, ибо они отражали правду жизни, интересы низов общества — десятков миллионов тружеников. Политика, неоднократно подчеркивал Ленин, только там, где участвуют миллионы. Корреспонденции и статьи большевистских газет, написанные простым, ясным языком, были доступны для широких масс народа. Многие корреспонденции присылали сами рабочие и крестьяне. Рабочие, солдаты, сознательные крестьяне считали большевистские газеты «своими».

Советские историки давно подметили необыкновенную мобильность большевистской устной и печатной информации. О приезде Ленина из-за границы в ночь на 4 марта большевики Петрограда узнали очень поздно. В их распоряжении оставалось всего несколько часов. И за это короткое время они смогли оповестить об этом не только многих рабочих и солдат столицы, но и моряков Кронштадта. В результате тысячи и тысячи грудящихся приветствовали своего вождя.

Или. Только в 2 часа ночи 10 июня ЦК РСДРП(б) принимает решение об отмене демонстрации, которая должна состояться в тот день. Большевистские агитаторы всю ночь и утро выступали на заводских и фабричных митингах с информацией об этом решении. Утром его напечатала «Правда». Демонстрация не состоялась.

Важнейшие решения ЦК большевиков, все открытые выступления Ленина, его статьи, письма немедленно направлялись в партийные комитеты, публиковались в центральном органе партии, в местных партийных газетах. Так, письмо ЦК РСДРП(б) о мобилизации сил на борьбу с корниловщиной было разослано в 70 партийных организаций[118]. Знаменитую резолюцию Петроградского Совета от 25 октября напечатала 31 газета, Декрет о мире — 98 газет, Декрет о земле — 91 газета[119].

Особый интерес для рассматриваемой нами проблемы имеет публикация в большевистской печати сведений о непролетарских партиях, и прежде всего об их практических действиях, тактике, составе, численности, влиянии на массы. Представляя собой богатый исторический источник для исследования, они содержали важные теоретические и политические оценки и несли в себе методологические указания, как надо изучать политических противников большевиков. В этом плане особое значение приобретают выступления делегатов на VI съезде РСДРП(б). Вот, например, что говорил о партиях в Минске большевик А. Ф. Мясников: «Прежде

мы работали вместе с оборонцами. Дней 20—25 тому мы отделились от оборонцев, все-таки у нас уже числится свыше 500—600 членов. Ввиду близости к фронту наша организация по существу военная. Крепких связей с рабочими нет. У меньшевиков 400—500 членов, это, главным образом, интеллигентская партия. Сильнее организация бундовцев (около 1000 чел.). Существуют и польские организации: и ППС и ПСД. Партия эсеров опирается на местное мещанство. Совет находился и находится в руках большевиков.

Фронтовой комитет разделился пополам на эсеровскую и с[оциал]-д[емократическую] фракции, причем среди с[оциал]-д[емократов] большинство интернационалистов»[120].

Материалы о непролетарских партиях, представляемые большевиками, свидетельствуют о том, что ленинская партия систематически, с огромной серьезностью изучала своих политических противников, не преуменьшая и не преувеличивая их значение. Исторически правдивые материалы о кадетах, эсерах, меньшевиках, национальных партиях и партийно-классовая оценка их сущности помогали лучше узнавать, бороться с ними. Именно на основании изучения огромного фактического материала Ленин назвал эсеров и меньшевиков героями фразы, рыцарями «революционного краснобайства», предавшими затем революцию[121].

Особое значение уделялось изучению того, как изменялась расстановка классовых и партийных сил как во всей стране, так и в ее отдельных регионах. С этой целью большевики сами активно участвовали в проведении избирательных кампаний, одновременно обстоятельно изучали их результаты. Речь идет о выборах в местные органы власти (городские думы) и Всероссийское учредительное собрание. «ЦК РСДРП(б),— читаем мы в одном из сообщений,— поручил комиссии по выборам в Учредительное собрание представить доклад с точным указанием шансов большевистской партии в различных избирательных округах»[122].

Большевистская партия не только вела систематическое и активное идеологическое наступление на своих врагов, но и развернула действенную контрпропаганду против непролетарских организаций. Это была очень трудная часть политической борьбы, ибо враги не брезговали никакими средствами, прибегая часто к прямым провокациям, не говоря уже о подтасовках фактов и извращении документов. Начали и возглавили эту кампанию кадеты сразу же после свержения царя. 11 марта «Речь» опубликовала список провокаторов,

работавших на охранку. На первом месте стоял Мирон Черномазов, «работавший» под кличкой «Москвич». Кадеты разъясняли, что он был членом ЦК РСДРП и одним из руководителей «Правды», ежемесячно получал от охранки 200 руб. Далее шли фамилии провокаторов от самых разных партий: эсеров, меньшевиков, анархистов и т. д.

Общеизвестно, что царская администрация изначально широко использовала провокаторов. Ни одна партия, боровшаяся против самодержавия, не была гарантирована от проникновения в ее среду подобных субъектов. Одним из них был Азеф, пробравшийся в самое сердце своей партии. Черные дела провокаторов неоднократно разоблачались. Кадеты все это знали, но им нужен был повод, чтобы атаковать большевистскую газету, которая с первого дня после легального выхода «пошла не в ногу» с буржуазной и мелкобуржуазной печатью.

На другой день (12 марта) «Речь» посвятила провокаторам целую передовицу, в которой главное место опять отводилось Черномазову, а точнее, «Правде». Но ослиные уши, как их ни прячь, все равно выдают их владельца. Начав с провокаторов, кадеты вскоре забыли о них и открыто обрушились на современную «Правду», ругая ее на все лады за то, что большевики призывают к братанию на фронте, к «анархии», разоблачают буржуазное правительство и т. д. и т. п.

Чтобы придать подобие объективности своей информации, показать свое усердие «в разоблачении прошлого», «Речь» вслед напечатала фамилии лиц, получавших при царе из секретного фонда большие деньги на издание черносотенных газет, а также за выступления «против крамолы». Фамилии эти нам знакомы: Замысловский (получил 25 тыс. руб.), Пуришкевич (20 тыс.), Марков 2-й (11 тыс.), Дубровин (20 тыс.), Манасевич-Мануйлов (2 тыс.) и т. д.[123]

В июне буржуазные и мелкобуржуазные партии стали раздувать дело провокатора Романа Малиновского, занимавшего в большевистской партии видные посты (в 1912 г. он был избран членом ЦК РСДРП и депутатом IV Государственной думы). По делу Малиновского Ленину, Крупской, Зиновьеву и другим большевикам пришлось давать показания в следственной комиссии[124].

С приездом Ленина в Россию и принятием большевиками курса на социалистическую революцию буржуазные партии всю свою ненависть сосредоточили на вожде пролетариата. Вначале был поставлен под сомне-

ние его проезд через Германию, хотя другого пути не существовало, и это все знали. Клеветников не смутило и то, что вместе с большевиками ехали представители многих других партий.

Далее объявили об утопичности ленинского плана развития России. «Один Ленин остался вне революции». Эти слова подхватили все партии. Но когда увидели, что Ленин убедил всю партию большевиков, что все больше рабочих и солдат поддерживают его лозунги, буржуазные партии, и прежде всего кадеты, прибегли к гнусным инсинуациям, направленным против «Правды», большевиков, Ленина.

Большевики не защищались, а сами перешли в решительное наступление, дав блестящие образцы политической публицистики. Вот один из многочисленных примеров, разоблачавших лживую и погромную агитацию буржуазных фальсификаторов. 9 апреля министр правительства капиталистов Некрасов выступил на Московском собрании партии кадетов с клеветнической речью против большевиков. 12 апреля «Правда» опубликовала статью В. И. Ленина «Бесстыдная ложь капиталистов». Разоблачая слова Некрасова «Страшна та проповедь насилия, которая ныне раздается на Каменноостровском проспекте», Ленин отвечал: «Господин министр, подражая «Русской Воле», бессовестно лжет, обманывает народ, помогает погромщикам, прячась за спину их и не решаясь назвать прямо ни одного имени, ни газеты, ни оратора, ни партии.

Господин министр предпочитает темные намеки — авось, кто-нибудь не поймет!

Но все политически грамотные люди поймут: г. министр говорит об органе ЦК Российской СДРП «Правде» и ее единомышленниках.

Вы лжете, г. министр, г. член партии «народной свободы». Проповедь насилия ведет г. Гучков, грозя карами солдатам за смещение властей. Проповедь насилия ведет дружественная вам «Русская Воля», погромная газета погромных «республиканцев»»[125].

Чего стоят одни заголовки ленинской публицистики, взятые только за апрель — май 1917 г.: «Союз лжи», «Важное разоблачение», «Как они себя привязали к капиталистам», «Безумные капиталисты или недоумки социал-демократии?». Ленин в полном смысле этого слова пригвождал врагов пролетариата, врагов большевиков к позорному столбу[126].

И все это в условиях, когда против партии большевиков фактически ополчились все другие — и буржуазные, и мелкобуржуазные — партии, образовав единый

фронт. Исполнительная комиссия Совета солдатских депутатов 15 апреля голосами эсеров и меньшевиков приняла резолюцию, объявлявшую пропаганду Ленина «...не менее вредной, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа, признавая в то же время невозможным принимать репрессивные меры против пропаганды, пока она остается лишь пропагандой» [127].

Ленин дает достойный и уничижающий ответ на «несообразную» резолюцию. В статье «Наши взгляды» он вновь подтвердил позицию коммунистов по всем животрепещущим вопросам современности, в том числе по самому жгучему вопросу истории человечества — о войне и мире, осветив его с единственно правильной, классовой и одновременно научной точки зрения. «Мы советуем народам, всем без исключения,— писал он,— кончить эту войну не насильническим, т.е. истинно демократическим, миром, дающим свободу всем без изъятия народам и народностям. Мы хотим доказать народу, что для окончания войны действительно не насильническим миром необходим переход государственной власти всецело и исключительно в руки Советов рабочих и солдатских депутатов» [128].

Так Ленин органически связывал решение вопроса войны и мира с решением главных социальных вопросов всего человеческого общества, указывая этим самым путь подхода к нему на все времена и для всех народов. Так Коммунистическая партия Советского Союза решает его сейчас, связывая борьбу против ядерной войны с борьбой против военно-промышленного комплекса, транснациональных корпораций, мирового империализма.

Огромным успехом пользовались выступления вождя большевиков среди рабочих, солдат, крестьян на собраниях, митингах, съездах. Даже эсеровская газета «Дело народа» вынуждена была признать, что выступления В. И. Ленина аудитория воспринимала с большим энтузиазмом. Описывая душевное состояние делегатов I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов после выступления на нем В. И. Ленина 22 мая, она сообщала: «С большим трудом удалось председателю восстановить тишину в взволнованном после доклада Ленина собрании» [129]. «Большевики — нужно отдать им в этом справедливость,— констатировал видный член эсеровского ЦК В. Зензинов,— всегда чутко прислушивались к жизни» [130]. Это знаменательно. Ничего подобного социалисты-революционеры не высказывали о своих союзниках по блоку — меньшевиках.

Теоретическая, идеологическая, а особенно полити-

ческая борьба между партиями обострялась из месяца в месяц. В первый период после Февраля эсеры и меньшевики еще иногда «огрызались» против кадетов, критиковали российский и международный империализм, войну (ведь говорил же однажды теоретик эсеров В. Чернов: «Или эта революция съест войну, или война съест революцию»)[131]. В большой статье под названием «Ленин» Чернов писал: «У Ленина есть импонирующая цельность. Он весь — как из одного куска гранита... У Ленина есть преданность революционному делу, пропитывающая все его существо... Ленин — человек безусловно чистый, и все грязные намеки мещанской прессы на немецкие деньги, по случаю проезда его через Германию, надо раз навсегда с отвращением отшвырнуть ногою с дороги».

Но дальше лидер эсеров уже несет такую околесицу, что трудно поверить, что статью писал один человек. Статья кончается словами: «...антихрист ныне явился. Этот антихрист — Ленин»[132].

Кадеты, например, были очень недовольны выступлением Церетели в Думе 4 мая, который якобы взял под защиту Ленина. Между тем лидер меньшевиков сказал только о том, что обвинения против Ленина «есть клевета», что тот «ведет идейную принципиальную пропаганду»[133].

Настоящую поддержку вождю большевиков в трудные для него дни оказали прежде всего члены партии, сознательные пролетарии. На страницах большевистских газет печатались приветствия Ленину. «Собравшиеся на Уральскую областную конференцию делегаты в количестве 65 человек от 43 организаций, объединяющих 16 тысяч членов партии, единогласно постановили приветствовать ЦК партии и единого вождя российской революционной социал-демократии товарища Ленина»,— говорилось в одной из таких телеграмм, помещенных в «Правде» 3 мая (20 апреля). Собрание членов РСДРП(б) Городского района Москвы, гласило другое послание, «горячо приветствует дорогого, близкого всякой пролетарской душе, тов. Ленина, как творца той революционной тактики социал-демократии, которая в момент великой российской революции получила свое блестящее оправдание»[134].

В июне 1917 г. произошло событие большой политической важности для всех партий. Почти весь месяц (с 3 по 24 июня) заседал I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов — высший орган революционной власти в стране. До этого времени фактически им был Петроградский Совет. Все ждали, что

скажет Всероссийский Совет, куда пойдет. Правда, составы местных Советов были известны. Это давало основание судить и о работе центрального органа. Ясно было и то, что основные массы трудящихся поддерживали в Советах мелкобуржуазные партии, а не большевиков*. И все же было очень важно вскрыть на примере Всероссийского Совета расстановку классовых и партийных сил в стране, ее изменение после первого кризиса власти, отношение Совета к коалиционному правительству, к самым жгучим вопросам современности, которые не были решены, а оттягивались до Учредительного собрания (к войне, в том числе к наступлению на фронте, к земле, к локаутам и саботажу капиталистов и т.д.).

Каждая представленная в Совете партия хотела узнать, выявить свое положение, отношение к ней других партий и ее к ним, еще и еще раз продумать вопрос о союзниках, о блоках, укрепить существующие соглашения.

Буржуазные партии не были представлены на этом съезде. Но они не остались безучастными и всемерно противодействовали этому органу власти, организовывали против него буржуазную публику, усиливали поддержку Временного правительства, укрепляли власть буржуазии, еще и еще раз пытались совершить передвижку власти вправо.

Вот почему июнь и начало июля (как продолжение июньских событий) стали самым горячим временем в развитии российской революции после апрельских событий. Борьба началась мирными методами. На съезде по нескольку раз выступили лидеры политических партий, излагая свои взгляды на текущие вопросы и способы их решения. Они впервые после Февральской революции говорили во всероссийской аудитории, поэтому речи их приобретали особое значение.

От большевиков дважды выступил Ленин: 4 и 9 июня. Первое выступление было посвящено отношению к Временному правительству, к Советам, второе — к войне. Он говорил, что именно факт существования наряду с Советами других учреждений власти вызывает во всем застой, движение назад, позволяет готовить империалистическое наступление на фронте. Остро вставал вопрос: «быть или не быть» Советам? «Продол-

* Из 777 делегатов съезда, давших сведения о партийности (всего присутствовало 1090 участников съезда), было 285 эсеров, 248 меньшевиков, 105 большевиков, 73 внефракционных социалиста (Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. М.; Л., 1930. С. XXVII; Т. 2. С. 10).

жать существовать так, как они существуют теперь, Советы не могут»,— предостерегал В. И. Ленин [135]. Они прекратят свое существование, как только начнется наступление на фронте, ибо это есть перелом всей политики русской революции. Что касается коалиционного правительства, то оно, заявил оратор, ничего не сделало и не может сделать для народа: продолжается война, хищничество капиталистов. Войну можно прекратить «только дальнейшим развитием революции» [136].

В ответ на слова министра почт и телеграфа Церетели, что в России сейчас нет партии, которая бы смогла взять власть в свои руки, на всю Россию твердо прозвучало: «Есть!» «Ни одна партия от этого отказаться не может,— заявил Ленин,— и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком» * [137].

«Наступила пора перелома во всей истории русской революции»,— говорил Ленин. Он призвал делегатов сказать свое веское слово о переходе власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства [138].

После Ленина сразу же выступил Керенский. «Вся его речь,— вспоминала участница событий тех дней большевичка Е. А. Гилярова,— была истерической полемикой с Лениным, с программой большевиков. Один из делегатов, не удержавшись, иронически заметил с места:

— И это речь министра-социалиста!

Керенский утверждал, что «мы еще не созрели для идеальной программы», поэтому нам необходима коалиция с буржуазией. Ухватившись за фразу Ленина о временном аресте нескольких капиталистов, Керенский клеветнически утверждал, будто бы программа большевиков состоит из требований «арестовать, разгромить, убить».

Блестящий отпор Керенскому дал Анатолий Васильевич Луначарский, состоявший тогда в группе социал-демократов межрайонцев — союзников большевиков» [139].

Съезд, прозаседав еще три дня, 8 июня вынес резолюцию доверия Временному правительству, хотя

* Важно отметить, что в последнее время некоторые советологи стали отмечать правоту ленинского заявления. «Для большинства делегатов,— пишет Ш. Фицпатрик,— прозвучавшая фраза была больше похожа на браваду, чем на серьезное заявление. Тем не менее это было так, потому что к тому времени партия большевиков получила широкую поддержку со стороны народа, а коалиция социалистов ее потеряла» (*Fitzpatrick Sheila.* The Russian Revolution. 1917—1932. P. 45).

имел полную возможность мирным путем взять власть[140].

Вот в таких условиях РСДРП(б) сделала попытку еще раз воздействовать на съезд, поддержав безудержный революционный порыв солдат и рабочих Петрограда. Их выступлению необходимо было придать организованный характер, необходимо было показать, что революция в Петрограде ушла дальше, что рабочие и солдаты столицы не доверяют коалиционному правительству, считают его буржуазным. Большевики призвали 10 июня провести демонстрацию. Но Всероссийский съезд Советов высказался против этого решения и, обратившись к населению Петрограда с воззванием не участвовать в демонстрации, запретил на три дня любые выступления. «Кто будет призывать к нарушению постановления, тот враг революции»,— говорилось в резолюции съезда[141]. Большевики подчинились власти, которую признавали.

Ленин позже так оценил положение: «Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой, в данный момент, против объединенных кадетов, эсеров и меньшевиков»[142]. Да, обстановка «в данный момент» сложилась не в пользу революции, и необходимо было проявить большую гибкость, умело, вовремя и организованно отступить, чтобы накопить силы на будущее.

Противники большевиков, воспользовавшись случаем, развязали оголтелую пропаганду против истинных революционеров. Как и прежде, первыми перешли в наступление буржуазные партии, и прежде всего кадеты, усилившие борьбу за единовластие буржуазного Временного правительства.

В день открытия I Всероссийского съезда Советов, 3 июня, состоялось совещание членов Государственной думы, на котором обсуждались те же главные вопросы, что и на съезде,— о войне и внутреннем положении. Это не случайное совпадение. Власти Советов противопоставлялась власть буржуазии. Доклад делал Милюков. Он потребовал ареста Ленина и Троцкого, которые, как он выразился, «вносят заразу в русское общество и в русскую армию»[143].

Преувеличивать значение всевозможных буржуазных совещаний, в том числе и бывших деятелей Государственной думы, разумеется, не следует: слишком мал размах у них. Эсеровское «Дело народа» поместило 8 июня на своих страницах довольно меткое четверостишие, неплохо выражавшее суть таких собраний:

И неслось их слово дикое:
— Горе, горе нам великое:
Погибает все отечество,
Где же наше молодечество?

Но и преуменьшать старания буржуазных лидеров тоже не следовало. Понимая, что за ними стояли очень немногочисленные слои народа, «люди с крепкими нервами» — буржуазия и ее партии — собирали под свое крыло всех оппозиционеров. Так, они использовали для своих целей открывшийся в это время казачий съезд. Настраивая его делегатов против тех, кто стоял за продолжение революции, Родзянко взывал: «В те времена (то есть свержения самодержавия.— *Л. С.*) казаки явились помощниками Государственной думы, сделавшей дело свободы не классовым, не партийным и не интернациональным, а национально-русским». Гучков подпевал: «В этом съезде я вижу важный поворотный пункт в революции»[144]. Призыв Керенского о помощи был встречен с воодушевлением. Главу Временного правительства, как сообщали газеты, казаки пронесли на руках через весь зал. Милюков в свою очередь все разговоры о прекращении войны объявил «младенческим бредом», а на вопрос об отношении к «ленинцам» ответил: «Пора с этими господами кончать»[145]. Точки над «i» поставила «Маленькая газета» — рупор самых реакционных кругов буржуазии: «Пусть князь Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство победы. Колчак сумеет грозно поднять русское оружие над головой немца, и — кончится война. Настанет долгожданный мир»[146].

Наступление буржуазных партий против большевиков подхватили эсеры и меньшевики. Никогда еще они не были так едины. 11 и 13 июня главный эсер В. Чернов разразился в центральном органе партии двумя статьями: «Игра с огнем» и «Анархиствующий бланкизм». Он резво «расправлялся», свалив все в одну кучу, и с анархистами, и с ленинцами, требовал «возвращения народу» захваченной анархистами типографии буржуазной газеты «Русская Воля», очищения дачи бывшего царского министра Дурново, экспроприированной анархистами, и пр. Большевизм представлялся лидером эсеров как анархизм в новых, огромных масштабах, призвавшим рабочих и солдат на улицу, но «потерпевшего крах», совершившего «политическое самоубийство»[147].

Меньшевики требовали «заклеймить большевиков как предателей»[148], обвиняя их в выступлении не только против правительства, но и против Петроградского

Совета и Всероссийского съезда, в развязывании гражданской войны.

«Мы решительно протестуем против самого вызова рабочих масс на улицу именно теперь,— негодовала «Новая жизнь».— Когда и перед кем вы призываете манифестировать петербургский пролетариат?— вопрошала большевиков газета.— Перед съездом Советов только что своей резолюцией отказавшимся от принятия всей власти в свои руки? Вы хотите подкрепить голос левого крыла съезда манифестацией своего влияния на петербургский пролетариат?

Вы полагаете, что съезд принятием резолюции о доверии Временному правительству в лице его министров-социалистов сделал непоправимую ошибку?»[149] На эти и другие сакраментальные вопросы ответила сама жизнь.

18 июня по постановлению I Всероссийского съезда Советов в Петрограде и во многих крупных городах страны состоялись массовые демонстрации памяти жертв революции. По мысли инициаторов, эти манифестации призваны были показать влияние эсеро-меньшевистского блока и руководимых им Советов на трудящиеся массы.

В воскресенье 18 июня действительно вся трудовая страна вышла на улицу. Все советские партии, а за ними и народ шли со своими лозунгами. Это был смотр партийно-политических сил страны, входящих в состав Советов.

Основная идея мелкобуржуазных партий состояла в том, чтобы показать единство сил революционной демократии в общей борьбе с контрреволюцией. Такой демонстрацией внешнего единства эсеров, меньшевиков, большевиков и всех других народнических и социал-демократических партий мелкобуржуазные лидеры пытались скрыть, закамуфлировать классовую и партийную борьбу в советском лагере. В этом демарше они выискивали помощь не только себе, но и поддерживаемому ими буржуазному Временному правительству. Демонстрация была приурочена к первому дню наступления русских войск на фронте.

Но все произошло иначе. Революция зашла слишком далеко, чтобы ее можно было остановить. Большевики не шли на уступки в принципиальных вопросах, классовые позиции они отстаивали твердо.

В столице на демонстрацию вышло полмиллиона трудящихся. Буржуазная публика не принимала участия, она отсиживалась в квартирах или наблюдала, стоя на тротуарах. Рабочие и солдаты с транспарантами

шли на Марсово поле. Преобладали большевистские лозунги, провозглашенные в газетах «Правда» и «Солдатская правда»: «Долой министров-капиталистов!», «Да здравствует Интернационал!», «Мы требуем перемирия на всем фронте!», «Вся власть Советам!»

Только Бунд и плехановская группа Единство выдвинули лозунги доверия Временному правительству. Шедшие под их знаменами несколько сот человек были освистаны остальными демонстрантами.

Между тем на Марсовом поле у братских могил, как бы принимая парад, стояли руководители Советов, лидеры соглашательских партий. Среди них был и Г. В. Плеханов. Два с половиной месяца назад он, после сорокалетнего отсутствия, вернулся в Россию.

31 марта в первом часу ночи многотысячная толпа встречала его на Финляндском вокзале. Много было солдат, интеллигенции, но мало рабочих, представителей Красной гвардии. Лидеры Петроградского Совета говорили речи, оркестр играл «Марсельезу». В ответной речи Плеханов призвал к единению всех революционных партий и закончил свое выступление словами: «Будем тверды, будем укреплять дело свободы внутри страны и всеми силами отражать внешнего врага»[150]. Плеханова на руках донесли до автомобиля, и он отправился в Народный дом на заседание Петроградского Совета, где выступил с большой речью, вполне созвучной с идеями соглашателей.

Плеханов, когда-то стоявший на самых передовых теоретических позициях (на его трудах воспиталось целое поколение революционеров-марксистов), теперь переживал глубочайший кризис. Его имя использовала буржуазия. От него все больше отворачивались революционеры. Созданная им и другими в 1917 г. оппортунистическая группа Единство насчитывала всего несколько тысяч человек.

И вот теперь, 18 июня 1917 г., Плеханов в своей обычной позе, скрестив руки на груди, стоял на Марсовом поле. «Что он думает в эту минуту,— писал видевший его в то время большевик М. Я. Лацис,— когда бесконечной вереницей мимо него тянутся большевистские отряды, встречаемые солдатами и делегациями, стоявшими у могилы, криками «Ура!»? Отец русской революции не опознает своего творения. Время оставило его позади»[151].

ЦК партии эсеров 20 июня опубликовал в «Деле народа» специальное сообщение, что якобы во время шествия «были вопиющие нарушения», разорвали знамена Совета, Бунда, в ряде мест устраивались свалки,

демонстранты шли с оружием, анархисты освободили из тюрьмы часть заключенных и т.д. и т.п. Да, действительно, политическая борьба вылилась кое-где в столкновения. Несомненно, события 18 июня явились началом перелома в социальной психологии масс, показали рост влияния большевиков, падение престижа соглашательских партий, несоответствие настроения революционной столицы с решениями Петроградского Совета и I Всероссийского съезда Советов.

Большие митинги 18 июня состоялись и в Москве. Здесь, так же как и в Петрограде, каждая партия получила полную свободу выставлять свои лозунги, но с обязательным указанием на знаменах, «к какой партии они принадлежат»[152]. Во второй столице большинство рабочих и сознательных солдат несли большевистские лозунги. Так было во многих промышленных городах страны.

События 10 и 18 июня, составившие главное содержание июньского кризиса, «вскрыли остроту политического положения в стране, высокий накал классовой борьбы. Свой гнев и возмущение политикой буржуазии массы адресовали непосредственно Временному правительству. Властное требование революционных масс «Вся власть Советам!» воочию показало шаткость кадетско-меньшевистско-эсеровского правительства»[153].

Июньские события положили начало целой кризисной полосе, которая закончилась в начале июля, завершив качественно новый виток истории российской революции[154]. Сбывалось ленинское предсказание, что кризисы будут повторяться, ибо не устранены их причины. К началу июля экономическое положение страны ухудшилось еще больше. Сократился отпуск продовольствия по карточкам, капиталисты не шли на уступки рабочим. Обострялись политические отношения между классами и партиями, урезывались завоевания солдат.

Особо остро реагировали солдатские массы на решения Временного правительства относительно подготовки наступления на фронте и против мер буржуазии и ее партий (при поддержке эсеров и меньшевиков) по «наведению порядка» в частях действующей армии.

Кризис 18 июня в значительной степени был ослаблен начавшимся в этот день наступлением на фронтах, которое было санкционировано решением I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Буржуазия и ее партии устроили в столице и ряде городов «патриотические» демонстрации в его поддержку. Они рассчитывали в случае победоносного наступ-

ления «приостановить» революцию, «прижать большевиков», «успокоить» население, а при его неудаче все свалить на анархию и большевиков.

Большевики также изменили тактику. Они, ни на минуту не прекращая своей агитационной работы, временно отказались от активных наступательных действий. Нужно было переждать новый шовинистический угар буржуазной и значительной части мелкобуржуазной публики.

Более чем кто-либо большевики понимали, что буржуазное Временное правительство еще в состоянии заставить солдат воевать, но победить — нет. Армия на практике убеждалась в том, что ее обманывают, она революционизировалась изо дня в день. Хотя эсеры и меньшевики занимали еще сильные позиции, влияние большевиков неуклонно возрастало.

Тактику партии выразил И. В. Сталин на VI съезде РСДРП(б): «У нас было решено переждать момент наступления на фронте, дать наступлению окончательно провалить себя в глазах масс, не поддаваться на провокацию и, пока идет наступление, ни в коем случае не выступать, выжидать и дать Временному правительству исчерпать себя»[155].

На фронте буржуазное командование расформировывает ряд полков, отказавшихся идти в наступление, применяет к ним репрессии. Нависла угроза над петроградским гарнизоном. От одного из самых революционных и мощных по своему оружию полков — 1-го пулеметного — потребовали сдать для фронта 350 пулеметов. В Петрограде стало известно о готовящейся посылке на фронт маршевых рот, что еще больше встревожило солдат. С фронта в столицу прибывали делегации от репрессированных полков, которые рассказывали о насилиях, производимых в армии. Поползли слухи о том, что наступление на фронте провалилось. Все это к началу июля накалило атмосферу в Петрограде до предела. Анархисты, которых количественно было немного, «подливали масла в огонь». Можно предположить, что они не насчитывали и 10 тыс. человек во всей России, причем основная масса их находилась в Петрограде и Москве. Анархисты стояли за «безгосударственный» социализм, который якобы установится после революции и исключит всякое принуждение. Он будет представлять совокупность автономных коммун при коллективном труде и коллективной собственности[156].

Анархизм — идеология определенных слоев мелкой буржуазии, сильно потрепанных жизнью, «невзгодами»

капитализма: разорившихся ремесленников, кустарей, крестьян, деклассированной интеллигенции, безработных, люмпен-пролетариата. По своему положению в обществе они во главу угла ставили не обобществление средств производства, а свое приобщение к распределению продуктов производства, продуктов потребления. Не признавая Советы органами власти, они рассматривали их только как силу для разрушения старого мира.

В русском анархизме существовали два главных направления: анархисты-коммунисты и анархисты-синдикалисты. Первые являлись более многочисленными и «агрессивными», вторые проводили свою линию главным образом через профсоюзы и другие рабочие организации.

Большевики осуществляли по отношению к анархистам дальновидную тактику. Не прекращая идейно-теоретической борьбы с анархизмом как чуждым научному марксизму явлением (известно, какие острые столкновения были в свое время в I Интернационале между Марксом, Энгельсом и Бакуниным), они одновременно рассматривали сторонников безвластия как временных попутчиков в подготовке и проведении социалистической революции, находили с ними определенные точки соприкосновения в практических вопросах. К анархистам больше чем к кому-либо относятся ленинские слова об использовании коммунистами в борьбе с главным врагом «всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного»[157]. Вместе участвуя в демонстрациях, выступая на митингах и собраниях рабочих и солдат, большевики никогда до конца не доверяли и не могли доверять анархистам. От лиц, выступавших за безвластие, в том числе против диктатуры пролетариата, всего можно было ожидать, начиная от необдуманных, вредных для пролетариата и выгодных для буржуазии действий до выпадов, граничащих с провокациями. По отношению к анархистам большевики употребляли свой проверенный революционной практикой опыт: идти врозь, вместе бить врага, не спуская глаз со своего временного попутчика[158]. Так, Петербургский комитет большевиков рекомендовал местным организациям наряду с продолжением идейной борьбы против анархистов вступать с ними в деловые контакты и добиваться того, чтобы они шли за коммунистами[159]. Практика показала, что это была правильная тактика: часть анархистов, особенно из Кронштадта, все больше и больше прислушивались к большевикам, а наиболее

сознательные из них позже вступили в Коммунистическую партию.

Наряду с анархистами действовала еще одна экстремистская организация — Союз социалистов-революционеров максималистов, — отколовшаяся еще в 1906 г. от партии эсеров. Максималисты в отличие от анархистов проводили в 1917 г. свою идею о немедленном совершении социального переворота, при этом признавали необходимость государственной организации в виде «трудовой республики» (основанной на групповой собственности и децентрализации). Они ратовали в основном за «прямые действия»: вооруженное восстание, захват, акты экспроприации. Большевики Петрограда, Самары, Иваново-Вознесенска и некоторых других городов сотрудничали с эсерами-максималистами.

Первые организации анархистов и максималистов, возродившись в марте — апреле 1917 г. в Петрограде и Кронштадте, окончательно оформились в объединения в начале лета. В июне появился Петроградский союз анархистов-синдикалистов; состоялась конференция максималистов, принявшая «Устав союза социалистов-революционеров максималистов». Создали свою федерацию и анархисты-коммунисты. Аналогично складывались подобные организации во многих крупных городах России. 18—22 июня в Харькове прошла конференция анархистов, на которой были представлены все существовавшие течения анархизма. Но попытка созвать съезд и объединить разные направления анархизма не удалась. Максималисты же в октябре 1917 г. на своей второй Всероссийской конференции завершили создание Союза социалистов-революционеров максималистов [160].

Анархисты и максималисты, исходя из своей доктрины «подталкивания» революции, игнорируя тот факт, что буржуазное правительство поддерживают Советы, за которыми шло большинство народа, уже в апреле выдвинули лозунг свержения Временного правительства путем вооруженного восстания. Летом они попытались еще больше активизировать повстанческие действия.

Следует серьезно оговориться, что наряду с идейными анархистами и максималистами, которые искренне верили в свои доктрины (хотя и явно ошибочные), было немало прочих, ставших экстремистами совершенно из других побуждений. Эти готовы были «половить рыбку в мутной воде». Большевики всегда отличали первых от вторых.

В России ни анархисты, ни максималисты никогда не пользовались сколько-нибудь серьезным влиянием, особенно среди рабочих, но их «ультрареволюционные» лозунги в накаленной атмосфере могли подействовать на доведенных до отчаяния войной и разрухой людей Так случилось и в начале июля. Взбудораженные решением Временного правительства выселить анархистов из их главного идейного и военного штаба, экспроприированной ими дачи Дурново, они 2 июля на совместном совещании с максималистами приняли решение о вооруженном восстании. 3 июля анархисты и максималисты активно выступали на митингах солдат 1-го пулеметного полка в Петрограде и моряков Кронштадта с призывом к немедленному насильственному свержению Временного правительства. На фабриках и заводах появились делегации от солдат. Требуя немедленного выступления, экстремисты совершенно игнорировали расстановку классовых и партийных сил в стране. Дальше столицы агитировавшие ничего не хотели видеть. Подталкивание рабочих и солдат на преждевременную вооруженную борьбу с правительством граничило с провокацией. Ленин расценивал такие действия как «величайшее преступление, как дезорганизацию»[161]. Это имеет прямое отношение и к современному экстремизму, действия которого так созвучны «работе» анархистов и максималистов в 1917 г. И сейчас «архилевые», дезорганизуя рабочий класс, подбивая его и других трудящихся на неподготовленные вооруженные выступления, тем самым заранее обрекают их на поражения, дают возможность буржуазии и ее партиям расправиться с недовольными.

Между тем события в первых числах июля 1917 г. развивались молниеносно.

Буржуазные партии, и прежде всего кадеты, яростно добивавшиеся продолжения войны, эсеры и меньшевики, поддерживавшие их, исключительно болезненно реагировали на провал июньского наступления русских войск на фронте, стоившего 60 тыс. убитых и огромного количества раненых солдат и офицеров. В поражении на фронте кадеты обвиняли не только большевиков, якобы разложивших армию, но и эсеров и меньшевиков (в том числе и Керенского), которые недостаточно, по их мнению, помогали укреплять армию, обеспечить наступление. Решив «попугать» министров-социалистов, кадеты 2 июля (накануне опубликования в печати сообщения о провале наступления на фронте) вышли из состава правительства. Создав новый кризис власти, они формально заявили, что не согласны

с решением правительства по украинскому вопросу (согласно которому Украина получала автономию до рассмотрения этого вопроса Учредительным собранием).

Уход кадетов из правительства, разумеется, осложнил обстановку в столице, еще больше накалил ее, дал новый козырь рабочим и солдатам в их требовании передачи власти Советам. В наэлектризованной обстановке вечером 3 июля выступили рабочие ряда крупных предприятий, главным образом Выборгского района. Вслед за ними на улицу вышел 1-й пулеметный полк. Солдаты несли лозунги: «Вся власть Советам!», «Мир без аннексий!», «Помни, капитализм, булат и пулемет уничтожат тебя!» Пулеметчиков поддержали солдаты Московского и гренадерского полков. Огромные массы людей двинулись ко дворцу Кшесинской, где в это время проходила 2-я Петроградская конференция большевиков.

Делегации рабочих и солдат потребовали, чтобы большевики возглавили демонстрацию. М. И. Калинин, В. И. Невский, Н. И. Подвойский, Я. М. Свердлов (В. И. Ленин не присутствовал на этой конференции) пытались объяснить преждевременность вооруженного выступления, предлагали отложить демонстрацию, но вынуждены были уступить возбужденной массе людей. Руководители большевиков приняли решение сделать все возможное, чтобы придать выступлению организованный характер. Нельзя было оставить народ без организации, без руководства в острейший момент классовой борьбы. Солдатам и рабочим было предложено избрать делегатов и заявить через них о своих требованиях Временному правительству, т. е. о передаче власти Советам. Такое решение руководителей большевиков было оглашено собравшемуся народу с балкона дворца Кшесинской [162].

3 июля (примерно в 10 часов вечера) расширенное совещание членов ЦК, ПК РСДРП(б), делегатов Петроградской конференции, представителей рабочих и солдат окончательно сформулировало свое отношение к выступлению. «...Создавшийся кризис власти не будет разрешен в интересах народа,— говорилось в принятом решении,— если революционный пролетариат и гарнизон твердо, определенно и немедленно не заявят о том, что они за переход власти к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С этой целью рекомендуется: немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли» [163]. Чтобы оперативнее руководить событи-

ями, члены ЦК РСДРП(б) перешли в Таврический дворец (сюда 4 июля прибыл и Ленин).

3 июля поздно вечером (в половине одиннадцатого) все пространство около дворца с прилегающими к нему улицами было заполнено рабочими (в основном с заводов и фабрик Выборгской стороны, Путиловского и многих других заводов), солдатами 1-го пулеметного, 150-го, Московского полков и «стариками» (так называли 40-летних солдат, состоявших на особом учете). Пулеметчики послали делегацию для переговоров с исполкомом Петроградского Совета, а у здания собрался огромный митинг. Вместо Чхеидзе (у него болело горло) выступил меньшевик Войтинский. Он сообщил, что исполком Совета беспрерывно заседает и завтра разберет требование демонстрантов о взятии Советом власти в свои руки.

Такое заявление никого не могло удовлетворить, и митинг продолжался. Выступали большевики, эсеры, меньшевики, представители других партий. Большевики, отметила на следующий день эсеровская газета, говорили, что рабочие и солдаты показали силу, предъявив свои требования о взятии власти Советами [164].

Напуганная реакция (вчерашние и настоящие черносотенцы, военные, подкупленные обыватели, члены всевозможных правых гражданских и военизированных организаций) исподволь готовила отпор демонстрантам. Вооруженное столкновение произошло на Невском проспекте между солдатами гренадерского полка и казаками. Там же стреляли по солдатам 186-го полка. В 12 часов ночи произошла стрельба между пулеметчиками и охраной манежа, в котором находились бронеавтомобили.

«Многие рабочие,— писала 4 июля газета «Дело народа»,— оставались всю ночь на Невском проспекте, в галереях Гостиного двора и т. п. Представителям Совета Р. и С.Д., разъезжавшим на автомобилях и призывавшим демонстрантов расходиться, они заявляли, что будут ждать на улице до утра, требуя к утру осуществить передачу власти Совету Р. и С.Д.».

Бурные события в ночь с 3-го на 4 июля продолжались. В половине двенадцатого в Таврическом дворце открылось объединенное заседание исполкомов Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов. Заседание все время прерывалось, ибо депутаты постоянно отвлекались на разговоры с демонстрантами. Как заявил выступивший первым меньшевик Дан, исполкомам «предстоит выполнить возложенную на них задачу, предстоит или выпол-

нить свой долг, или признать себя бессильными»[165].

Почти одновременно в Таврическом дворце состоялось экстренное заседание рабочей секции Петроградского Совета, где ленинцы имели большинство. Констатировав, что контрреволюция во главе с кадетами поднимает голову, они потребовали распустить Временный комитет Государственной думы, прекратить частные совещания бывших депутатов Думы, разобрать вопрос «о разгрузке Петрограда» (Временное правительство, эсеры и меньшевики хотели «разгрузить» столицу от революционных войск). Большевиков поддержали интернационалисты и анархисты. Анархист Блейхман кричал: «Место Временному правительству в Петропавловской крепости». Троцкий, затягивая ситуацию, призвал секцию объединиться и созвать комиссию из 25 человек. «Ввиду кризиса власти рабочая секция,— говорилось в принятом документе,— считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский Совет Р.С. и К.Д. взял власть в свои руки. Рабочая секция обязуется содействовать этому всеми силами, надеясь найти в этом полную поддержку со стороны солдатской секции»[166]. Перед голосованием эсеры и меньшевики покинули зал заседания секции. Это был первый случай, когда так решительно в официальном документе ведущая секция столичного Совета изложила требование о взятии власти Советами в стране.

Но солдатская секция Петросовета, находившаяся в то время под влиянием эсеров и меньшевиков, не поддержала резолюцию рабочих. Такая позиция была отражением настроения большинства солдат петроградского гарнизона.

Если 3 июля демонстрация началась стихийно и в значительной мере так проходила, то 4 июля ее подготовили и ею руководили большевики. Разумеется, что далеко не все проходило так, как они хотели бы. Стихийные эксцессы были неизбежны. Особую остроту движению в этот день придали 8—10 тыс. матросов и солдат, прибывших по зову большевиков во второй половине дня из Кронштадта. Среди них было много анархистов.

«Под черным знаменем шла группа анархистов во главе с портным Ярчуком,— писал в воспоминаниях американский революционер Альберт Рис Вильямс.— Изнурительный труд наложил на него свой отпечаток. Всю жизнь просидел он, согнувшись, с иглой над своей работой, и это задержало его рост. Теперь вместо иглы он орудует револьвером, видя в нем средство избавления от рабства и иглы.

— Каковы ваши политические требования? — спросил его Гамберг*.

— Наши политические требования?.. — замялся Ярчук.

— К чертовой матери капиталистов, — вмешался огромного роста матрос. — А другие наши политические требования, — добавил он, — долой войну вместе с проклятым правительством!» [167]

Матросы после митинга у дворца Кшесинской двинулись к Таврическому дворцу и заняли все входы и выходы из него, т. е. взяли под свой контроль. К ним присоединились рабочие Путиловского и Балтийского заводов. Путиловцы потребовали выхода Церетели, заявив, что, если он не выйдет, они «его уведут». Церетели пришлось объясняться с рабочими. Делегаты пулеметчиков в свою очередь хотели, чтобы «к ним вышел президиум в полном составе».

Вечером страсти несколько улеглись. Меньшевики и эсеры выпросили у военного ведомства воинские части для охраны Таврического дворца. Прибыли броневики и солдаты. Матросы покинули дворец и отбыли в Кронштадт. А в это время в центре города реакционные силы опять спровоцировали стрельбу в демонстрантов. На их разгон направлялись казаки, юнкера, некоторые пехотные полки. Были убитые и раненые. Один из пронырливых корреспондентов сообщал 11 мая в «Русском слове»: Гнев народа заставил дрожать тех, которые раньше правили Россией (теперь они находились под стражей в Петропавловской крепости и под охраной в Царскосельском дворце). Узники боялись, что матросы увезут их в Кронштадт. Бывший председатель Совета министров Штюрмер от страха впал в бессознательное состояние, а супружеская чета (Николай и Александра) отказалась выходить из дворца на прогулки. Прежний царь просил даже свидания с председателем Царскосельского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, но тот наотрез отказался от встречи.

Да, бывшие властители боялись возмездия за все содеянное. Только на этот раз все обошлось. Расплата была впереди.

Положение эсеров и меньшевиков в правительстве с уходом кадетов весьма осложнилось. До этого они многое сваливали на буржуазию, ее партии. Теперь же министры-социалисты оказывались лицом к лицу с народом, которого они боялись пуще всего и нужды

* Гамберг — переводчик Вильямса.

которого не могли удовлетворить. Кадеты, прекрасно понимая, что мелкобуржуазные партии без них не смогут обойтись, решили сделать новый сильный нажим на «социалистов», урвать у них, точнее, у Советов побольше власти. Вовлекая эсеров и меньшевиков в решительную борьбу против большевиков и других левых партий и организаций, кадеты и иже с ними таким образом стремились не только обуздать революцию, но и покончить с двоевластием. Буржуазия и ее партии на сей раз не просчитались.

На местах события развивались примерно по типовому сценарию.

Приведем некоторые выдержки из заявлений мелкой буржуазии и ее партий для того, чтобы лучше понять смысл их политики, стратегии и тактики в развивающихся событиях, в их стремлении определить и оправдать свой иллюзорный «третий путь» в революции, а в конечном счете их бессилие и полную обреченность. «Снова кризис власти и снова в связи с поведением партии, как будто в насмешку над русской революцией, называвшейся партией народной свободы,— иронизировал в передовой статье главный печатный орган меньшевиков.— То, что начал г. Милюков, продолжали его товарищи по партии. Они чувствовали себя скверно в демократическом правительстве. Они остались в надежде проводить ту внешнюю политику, за которую г. Милюков вылетел из кабинета». Далее в газете резко критиковалась политика Министерства торговли и промышленности, направленная «против народного хозяйства и против рабочих», политика Министерства просвещения (обоими ведомствами руководили кадеты) и пр. И в то же время меньшевики, верные своим принципам (далеким от нужд народа), писали: «Мы считаем необходимым добиваться всеми силами коалиции в министерстве с представителями буржуазии. Но с какими? С теми левыми элементами буржуазии, которые искренне сами стремятся к общей работе с нами, которые понимают требования революции, которые идут им навстречу» [168].

Ничего несостоятельнее, ничего неуклюжее меньшевики не могли придумать. Они и раньше твердили, что с хорошими буржуями можно и надо сотрудничать, а от плохих следует оберегать рабочих. Это была пародия на марксизм.

«Но с кадетами нам, очевидно, не по дороге,— продолжала газета.— Вся контрреволюция видит в них сейчас своих защитников и заступников. Нет сейчас никаких правых партий, они все исчезли, они все видят

сейчас в партии народной свободы своего представителя. Октябристы, правые, явные черносотенцы — все идут на выборах за кадетами». Ну что ж, с последним утверждением можно вполне согласиться.

Эсеры не выражали так резко своих эмоций по отношению к кадетам, но были явно недовольны их поведением. Общую позицию всех мелкобуржуазных партий по отношению к кадетам выразили «Известия С.Р. и С.Д.»: «Украинский вопрос — это частность; и без украинского вопроса кадеты ушли бы из министерства, ибо они против дальнейших завоеваний революции, против ее расширения, ибо они не хотят помогать делу революции, не хотят участвовать ни в ее неудачах, ни в ее победах.

И постольку, поскольку уход кадетов окончательно выявляет эту линию нашей империалистической буржуазии, кадеты сами решительно и бесповоротно отбросили себя в лагерь врагов революции.

Революции не страшен открытый разрыв с кадетами и с империалистами всех оттенков» [169].

Все разговоры о контрреволюционности кадетов, о разрыве с ними потребовались меньшевикам и эсерам лишь для того, чтобы со всей силой обрушиться на левые партии, и прежде всего на большевиков.

Меньшевики в том же номере «Рабочей газеты», где ругали кадетов, поместили статью «Удар в спину». Когда армия пошла в наступление, говорилось в ней, темные силы на фронте, руководствуясь указаниями «Правды» и «Солдатской правды», развернули агитацию не подчиняться боевым приказам, стали подстрекать солдат, особенно против военного министра Керенского. «Если ленинцы,— грозила статья,— не примут немедленно самых решительных и энергичных мер, чтобы раз навсегда, и не только на словах, но на деле, отмежеваться от той предательской работы на фронте, которая становится все наглее и беззастенчивее, то вся тяжесть за последствия ляжет на них» [170].

Последующие практические шаги эсеров и меньшевиков полностью разоблачали их болтовню о буржуазии, о кадетах и подтвердили реальность их слов по отношению к большевикам. Мелкобуржуазные партии во всем уступили буржуазии, ее партиям, военщине. Уступили не только кадетам, но и другим партиям эксплуататорских классов, т. е. отдались полностью и до конца им на откуп.

Партии эсеров и меньшевиков и руководимые ими Советы обратились к солдатам и рабочим Петрограда с призывом поддержать ЦИК Всероссийского съезда

Советов рабочих и солдатских депутатов и прекратить всякие выступления против Временного правительства. «Довольно манифестаций! Довольно дикой смуты! Довольно праздного и неосмысленного хождения по улицам!» — писала эсеровская газета 5 июля 1917 г.

Эсеро-меньшевистский ЦИК Советов принял решение оставить всю полноту власти в руках Временного правительства, которое должно быть пополнено в ближайшее время.

Временное правительство развернуло разнузданную кампанию травли большевиков. 5 июля юнкера разгромили редакцию газеты «Правда». 6 июля были учинены погромы в особняке Кшесинской, во время которых была уничтожена часть документов и имущества ЦК и ПК РСДРП(б), Военной организации большевиков. Рабочего-большевика И. А. Воинова убили только за то, что он распространял «Листок «Правды»», заменивший газету «Правда». Многие большевики были арестованы и заключены в тюрьмы (в их числе руководители кронштадтцев Ф. Раскольников и С. Рошаль). В. И. Ленин вынужден был уйти в подполье. Преследовались и мелкобуржуазные левые организации. Межрайонца Троцкого посадили в «Кресты». Временное правительство разоружило революционные полки, принимавшие активное участие в выступлениях 3—4 июля.

ЦК партии социалистов-революционеров в своей резолюции, опубликованной в «Деле народа» 8 июля, заявил, что «вполне одобряет меры, принятые Временным правительством», и призвал членов партии «оказать Временному правительству в эти кризисные минуты самую решительную и полную поддержку». Позиция весьма откровенная.

По-другому вели себя в Петрограде и провинции левые эсеры. Они протестовали против наступления реакции, во многом солидаризировались с большевиками. Так, руководитель харьковских левых эсеров В. А. Алгасов 16 июля на заседании Совета, как сообщала 30 июля большевистская газета «Пролетарий», заявил под гром аплодисментов: «Петроград, вернее центральные органы демократии (речь идет о Советах.— *Л. С.*), перестал улавливать верное настроение провинции. Фронт пошел своим путем. Тем же путем пошли и массы, не поддавшиеся оппортунизму... Большевики и отношение к большевикам — вот тот оселок, которым можно испытывать революционное настроение масс. А это настроение — опора революции. Спасти революцию может сам народ в лице своих центров и очагов революции — Советов».

Июльские события подвели черту под большим периодом развития революции, характеризовавшимся тем, что она развивалась мирным путем. Теперь мирный этап революции кончился. Буржуазия, ее партии при прямой поддержке эсеров и меньшевиков применили силу оружия, чтобы окончить спор в свою пользу. Временно им удалось это сделать. «...Эсеры и меньшевики, выдав большевиков,— говорил Сталин на VI съезде РСДРП(б) об июльских событиях,— выдали и самих себя, выдали революцию, развязав и разнуздав силы контрреволюции» [171]. Власть фактически перешла к буржуазии и ее партиям, к военщине. Меньшевики и эсеры не только сделали новую огромную уступку эксплуататорским классам, но по существу сдали власть, превратив руководимые ими Советы в придаток буржуазного Временного правительства. После этого мирный переход власти к Советам, за что боролись большевики, стал уже невозможен. РСДРП(б) должна была изменить свою тактику в борьбе за победу социалистической революции в России.

В борьбе политических партий за власть начинался новый исторический этап. Судьба революции решалась теперь уже силой оружия.

24 июля было образовано новое, второе коалиционное Временное правительство. В него вошли 3 эсера, 2 меньшевика, 4 кадета, 2 сочувствующих кадетам, 2 представителя трудовой народно-социалистической партии, 1 прогрессист и 1 представитель республиканско-демократической партии*. Таким образом, больше половины постов (8) опять заняли представители буржуазных партий, из них 6 — кадеты и им сочувствующие. В свете этого чего стоят вопли эсеров и меньшевиков о контрреволюционности кадетской пар-

* Состав второго коалиционного правительства: министр-председатель, военный и морской министр — А. Ф. Керенский (эсер), заместитель министра-председателя и министр финансов — Н.В.Некрасов (бывший кадет, а теперь представитель республиканско-демократической партии), министр внутренних дел — Н. Д. Авксентьев (эсер), министр иностранных дел — М. И. Терещенко (беспартийный, близкий к кадетам), министр юстиции — А. С. Зарудный (представитель Трудовой народно-социалистической партии), министр просвещения — С. Ф. Ольденбург (кадет), министр торговли и промышленности — С. Н. Прокопович (беспартийный, близкий к кадетам), министр земледелия — В. М. Чернов (эсер), министр почт и телеграфа — А. М. Никитин (меньшевик), министр труда — М. И. Скобелев (меньшевик), министр продовольствия — А. В. Пешехонов (представитель Трудовой народно-социалистической партии), министр государственного призрения — И. Н. Ефремов (прогрессист), министр путей сообщения — П. П. Юренев (кадет), обер-прокурор Синода — А. В. Карташев (кадет), государственный контролер — Ф. Ф. Кокошкин (кадет) (Вестник Временного правительства. 1917. 25 июля).

тии, когда они сами пригласили их представителей в новое правительство?!

Эхо июльских событий в Петрограде раскатилось по всей стране, отразилось во всех классах и партиях. С 4 по 14 июля в 34 городах страны в революционном движении участвовало до полумиллиона человек, из которых две трети составляли рабочие[172]. Демонстрации в большинстве случаев проходили под лозунгом «Вся власть Советам!». В Москве группа руководящих большевиков (А. С. Бубнов, А. Ломов, И. Н. Стуков и др.) взяла настолько «левее», что это граничило с волюнтаризмом. Предложение этих руководителей захватить власть в условиях, когда вторая столица совсем не была готова к решительным действиям, просто было нереальным. Большинство московских большевиков заняло правильную позицию и организовало демонстрацию солидарности с рабочими и солдатами Петрограда[173]. Так же как и в Петрограде и Москве, в национальных районах буржуазные партии при поддержке российских и своих меньшевиков и эсеров переходили в наступление.

Много было причин, обусловивших поражение мирного, но вооруженного движения в Петрограде, а за ним и во всей стране. Одна из главных заключалась в том, что мелкобуржуазные массы, прежде всего многие солдаты, еще не осознали полной необходимости перехода всей полноты власти в руки Советов, продолжали еще верить посулам мелкобуржуазных партий.

Сыграла свою роль и угроза со стороны эсеро-меньшевистского Бюро ВЦИКа Совета Р. и С.Д. и исполкома Совета крестьянских депутатов, переданная 3 июля в виде обращения по телефону во все воинские части петроградского гарнизона. 4 июля газеты предупредили о строгом наказании за выступление с оружием. «Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни,— говорилось в обращении, помещенном 4 июля в «Деле народа»,— мы объявляем изменниками и врагами революции. К исполнению настоящего постановления будут приняты все меры, находящиеся в нашем распоряжении». Не случайно именно 3—4 июля большинство полков Петрограда не вышло на улицу, а некоторые из них буржуазия, эсеры и меньшевики использовали для подавления демонстрации. Разумеется, что были и другие важные объективные и субъективные причины.

Но при этом очень важно отметить, что классовый и партийный характер событий 3—4 июля был намного ярче выражен, чем в период апрельского и июньского

кризисов. Это говорило о росте сознательности масс, о дальнейшей социальной дифференциации общества.

В сложнейших условиях, когда лидерам партии большевиков угрожал арест и суд за «государственную измену в организации мятежа», в большевистской газете «Рабочий и солдат» 26 июля 1917 г. появилось объявление о регистрации в Таврическом дворце и на Выборгской стороне делегатов, приехавших на VI съезд РСДРП(б). Это было более чем дерзко. Так могла действовать только партия, верящая в свои силы и в огромную поддержку рабочего класса столицы. Для большей предосторожности устроители съезда лишь меняли места его заседаний.

Съезд начал свою работу вечером 26 июля и закончил ее 3 августа. В его работе приняли участие 267 делегатов, представлявших около 240 тыс. членов партии. В. И. Ленин находился в подполье и помогал высшему форуму партии своими письмами и устными советами через связных. Его труды «Политическое положение», «К лозунгам» и другие, вышедшие в июле 1917 г., давали ориентировку делегатам съезда.

Старейший член партии М. С. Ольминский открыл съезд. В президиуме находились А. Ломов, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, К. К. Юренев. Повестка работы съезда включала следующие вопросы: доклад организационного бюро; доклад ЦК РСДРП(б); отчеты с мест; текущий момент; пересмотр программы; организационный вопрос; выборы в Учредительное собрание; Интернационал; объединение партии; профессиональное движение; выборы.

С докладом о работе Оргбюро выступил Свердлов, о политической деятельности ЦК после Апрельской конференции — Сталин. Особое внимание было уделено сообщениям делегатов с мест, раскрывших огромную политическую и организационную работу, которую проводили областные, губернские, городские партийные организации большевиков, они содержали оценки других политических партий и организаций, раскрывали отношение к ним местных большевиков.

С кратким сообщением об истории межрайонной организации РСДРП выступил К. К. Юренев. Он же сделал доклад «Об объединении партии». «Исходя из признания необходимости полного и бесповоротного раскола с меньшевиками-империалистами,— говорилось в принятой резолюции,— съезд высказывается самым решительным образом против таких попыток.

Противопоставляя опасному лозунгу единства всех, социал-демократия выдвигает классово-революционный

лозунг единства всех интернационалистов, порвавших на деле с меньшевиками-империалистами.

Полагая такое единство необходимым и неизбежным, съезд призывает все революционные элементы социал-демократии немедля порвать организационную связь с оборонцами и объединиться вокруг РСДРП»[174]. Отвергнув письмо Мартова об объединении большевиков с меньшевиками, считавшими себя интернационалистами, но не порвавшими с оборонцами, а также затею новожизненцев созвать «объединительный съезд», высший форум РСДРП(б) принял в партию только межрайонцев, которые, являясь союзниками большевиков, все больше переходили на их сторону. Многие из них затем прочно встали на позиции ленинизма и честно служили партии, внеся большой вклад в победу Великого Октября, гражданской войны, а затем в социалистическое строительство. В. И. Ленин отмечал, что одной из причин победы пролетарской революции было то, что большевики объединили тогда вокруг себя все лучшее, что было в революционной России[175]. В ряды борющегося пролетариата влились представители многих левых течений мелкобуржуазных партий. Как упоминалось, межрайонцев принимали в РСДРП(б) всех без исключения. Был принят и один из их руководителей Л. Д. Троцкий. И все же встает вопрос: почему в партию большевиков попал человек, которого В. И. Ленин до этого называл «Иудушкой Троцким», «мерзавцем», «интриганом» и многими другими весьма нелестными эпитетами за его политическую линию «и вашим и нашим»? Троцкий никогда не был большевиком ни теоретически, ни идеологически, ни политически, от него всегда отдавало авантюризмом, хотя известно, что Ленин отмечал: нельзя ставить Троцкому в вину лично его небольшевизм.

А. М. Горький вспоминает о разговоре с В. И. Лениным: «Я был очень удивлен его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого. Владимир Ильич подметил мое удивление.— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных спецов.

Помолчав, он добавил тише и невесело: — А все-таки не наш! С нами, а — не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее от Лассаля»[176].

Советские историки, как правило, обходят этот нелегкий вопрос. В самых общих чертах высвечиваются следующие его очертания.

До 1917 г. влияние Троцкого было ничтожным.

Между тем когда этот властолюбивый и высокомерный человек прибыл весной 1917 г. из-за границы в Россию, он понял, что ему и небольшой кучке людей, идущих за ним, в России нет опоры (хотя в 1905 г. он одно время возглавлял столичный Совет). Между тем Троцкий был блестящим оратором, неплохим политическим организатором, он быстро стал наживать себе политический капитал. Для этого имелись и объективные причины: быстрое революционизирование народа, острота классовых и партийных противоречий создавали удобную трибуну для выступлений Троцкого. Попытка Троцкого затем подменить ленинизм троцкизмом не только полностью разоблачила его, но и привела в стан врагов. Однако это было позже.

Значение решений VI съезда РСДРП(б) было огромным. Тактика, выработанная большевиками, имела определяющее влияние на весь дальнейший революционный процесс.

В политическом отчете ЦК Сталин проанализировал значение трех пережитых страной кризисов, дав им классовую оценку, раскрыл политическую деятельность руководящего органа партии в последние три месяца*. Докладчик подчеркнул: «Наша партия была единственной партией, остававшейся с массами в их борьбе с контрреволюцией, и мы сделали все, чтобы выйти с честью из создавшегося положения»[177]. По вопросу о явке или неявке «на суд» В. И. Ленина была принята резолюция, в которой категорически отвергались выдвинутые против вождя партии обвинения и обосновывалась позиция о неявке Ленина на буржуазный суд.

Главное политическое решение съезда констатировало: «В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема»[178].

Мирный период развития революции кончился. VI съезд РСДРП(б) временно снимал лозунг «Вся власть Советам!». На повестку дня ставился вопрос о насиль-

* Вместе с тем в докладе Сталина были допущены неточные формулировки по некоторым вопросам.

ственном свержении власти диктатуры буржуазии. Все это означало, что стратегическая линия партии на борьбу за победу социалистической революции, принятая VII (Апрельской) конференцией, оставалась, менялась только тактика партии. VI съезд РСДРП(б) вошел в историю большевизма как съезд подготовки вооруженного восстания. Он закончил важный исторический период в развитии партии, революции, открыл новые перспективы. VI съезд РСДРП(б) избрал Центральный Комитет партии из 21 члена и 10 кандидатов, расширив его состав более чем вдвое по сравнению с предыдущим *.

3. ЭСЕР АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ И ПРОЧИЕ

Керенский никогда не был лидером эсеровской партии, да и вступил в нее только в 1917 г. Не занимался он и теорией, в том числе и народнической, когда был трудовиком. Прежде всего он — политик, практик, представитель класса мелкой буржуазии, подавляющего большинства тогдашнего населения России. Никто так не аккумулировал в себе общие, наиболее характерные черты лидеров мелкобуржуазных партий, как Керенский (при сохранении народнических идеалов), эту популярную личность знали все и всюду в стране. С восторгом воспринимали «душку»-Керенского курсистки, гимназистки, одаривая кумира букетами цветов после каждого выступления. На «патриотических» демонстрациях его поклонники несли портреты «народного вождя», на митингах, как правило, горячо приветствовали. Мелкобуржуазные партии поддерживали большинство его начинаний.

Кадровые рабочие с самого начала восприняли Керенского настороженно и скоро прозвали болтуном, поняв, что это типичный мелкобуржуазный соглашатель. Большевики всегда относились к этому деятелю отрицательно. Характеризуя Керенского, они иронизи-

* В ЦК РСДРП(б) вошли: членами — В. И. Ленин, Я. А. Берзин, Н. И. Бухарин, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, Н. Н. Крестинский, В. П. Милютин, М. К. Муранов, В. П. Ногин, А. И. Рыков, Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев (Артем), И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий, С. Г. Шаумян; кандидатами — П. А. Джапаридзе, А. А. Иоффе, А. С. Киселев, А. Ломов, Е. А. Преображенский, Н. А. Скрыпник, Е. Д. Стасова, В. Н. Яковлева. Съезд принял также решение о создании Ревизионной комиссии.

ровали: «Плачет, смеется, в любви клянется, но кто поверит, тот ошибется...» Еще до приезда в Россию, 6 марта, в телеграмме большевикам, отъезжавшим в Россию, В. И. Ленин предупреждал: «Керенского особенно подозреваем»[179].

Революционное фразерство Керенского вводило в заблуждение крестьян, и они до поры до времени сочувственно относились к нему. Слушая или читая «пронзительно революционные» речи эсеровского министра, неискушенные обычно выражали свое восхищение словами: «Силен, сукин сын». Буржуазия и ее партии по-разному оценивали этого политического деятеля соответственно обстоятельствам — начали с больших похвал, а кончили большим негодованием.

Кто же был этот человек, ставший 24 июля 1917 г. первым официальным лицом России, и что представляла партия социалистов-революционеров, в которую он вошел?

Александру Федоровичу Керенскому в 1917 г. исполнилось 36 лет. По образованию и профессии — юрист. Выступая адвокатом во многих политических процессах, приобрел большую известность. В 1912 г. был избран в IV Государственную думу от трудовиков. Оппозиционные речи в Думе, особенно в конце 1916 — начале 1917 г., сделали имя Керенского еще более известным. После победы Февральской революции вопреки решению Петроградского Совета (занимал пост товарища председателя Совета) он в качестве «заложника демократии» вошел в первый состав буржуазного Временного правительства, а затем во все остальные. Его эмоциональные выступления часто переходили в истеричность, а громкие «революционные» фразы повисали в воздухе, не переходя в дела.

Нарицательное наименование «керенщина» общеизвестно. Но это была политика не одного только человека, а квинтэссенция политики представителей огромного мелкобуржуазного класса, его партии эсеров, и не только ее, а многих подобных партий. Не будь Керенского, такую, в общих чертах, линию проводил бы кто-то другой, даже не эсер, а может быть, меньшевик (скажем, Церетели — наиболее эффектный на внешность и в манерах). Это была политика лавирования, балансирования между силами революции, которые надо было «сдерживать», и силами контрреволюции, у которых необходимо было «подрезать когти» для большей безопасности. Это была политика уступок то одной, то другой стороне, соглашений с ними, стремление использовать то контрреволюцию для борьбы с

революцией, то наоборот. Потенциально она содержала элементы бонапартизма, которые позже нашли применение. Много лет спустя Керенский заявлял: «Я всю жизнь боролся с представителями контрреволюции справа и слева, и всю жизнь они меня били, то врозь, то вместе».

В политическую спираль Керенского вовлекли кадеты, и весь период от Февраля до Октября он поднимался с одного витка на другой. Милюков сообщает, что после свержения царя стали формировать правительство, он позвонил по телефону Керенскому и предложил пост министра. Тот охотно согласился. Нужды кадетов и властолюбивые мысли нового «революционного» министра совместились.

Этого человека порой было трудно понять, но еще труднее верить ему. Без сомнения, он являл собой тип позера. Когда в апреле широкой рекой вылились наружу классовые и партийные раздоры, Керенский патетически воскликнул: «Как жаль, что я не умер в первые три дня революции!»[180] Эти слова подхватили все газеты. Они сыграли свою роль. Но и конфузы случались, особенно когда он стал военным и морским министром. Пустили анекдот, будто вечно угрюмый фельдмаршал Гинденбург, услышав весть о назначении адвоката Керенского руководителем военного ведомства России, весело рассмеялся, развеселившись так всего второй раз в жизни (первый случился, когда у него умерла теща).

Керенский изо всех сил старался, чтобы подготовить наступление на фронте. Проводил он все очень своеобразно. Министр-социалист, например, включил в приказ по армии и флоту резолюцию такого содержания: «Граждане-капиталисты! Будьте Миниными для своей Родины. Откройте свои сокровища и спешите нести свои деньги на нужды освобожденной России»[181]. (Речь шла о так называемом займе свободы.) Колеся по фронтам, выступая на многочисленных митингах, съездах, он уговаривал солдат к наступлению. На фронте его прозвали «главноуговаривающим». Приведем одно из характерных выступлений, сделанное им 14 мая на фронтовом съезде в Каменец-Подольском и застенографированное корреспондентом газеты «Русское слово»: «Я не хочу, товарищи офицеры и солдаты, как ваш министр, навязывать вам свои взгляды. Я хочу говорить как гражданин, который в самые темные моменты русской реакции рисковал говорить правду (Бурные аплодисменты. Крики: «Браво, Керенский!»)...

Вас смущают братанием. Я, как военный министр, говорю вам, что это недопустимо...

Мои товарищи социалисты-революционеры умирали один за другим в борьбе с самодержавием. Если вам предстоит почетная смерть на глазах всего мира, позовите меня. Я пойду с ружьем в руках впереди вас (Гром рукоплесканий).

Мы на карту поставили судьбы миллионов людей. Вперед, на борьбу за свободу, не на смерть, а на пир я зову вас! Мы, деятели революции, имеем право на смерть! (Гром аплодисментов)».

Далее Керенский, приблизившись к Брусилову, сказал:

«Перед вами, генерал, я преклоняюсь и благодарю! И еще кланяюсь той серой массе русского народа, который пóтом и кровью создавал страну.

Самая свободная армия в мире! Вы все имеете права. Вы имеете армейские, корпусные, дивизионные, полковые, ротные комитеты, Советы солдатских депутатов, пользующиеся моим глубочайшим уважением. Без них мы ни одной минуты работать не можем и не станем...

Я не могу поверить, чтобы Россия, свергшая проклятый царизм, могла умереть. Я верю в победу. А вы, главнокомандующий, будьте спокойны. Все пойдут туда, куда прикажете! (Бурные аплодисменты)».

Далее корреспондент добавил: «Взволнованный министр в изнеможении опустился на стул» [182].

6 июля Керенский, вернувшись с фронта (во время демонстрации в Петрограде 3—4 июля он находился в действующей армии), выступил перед солдатами на Дворцовой площади и потребовал жесткими мерами навести порядок в столице: «Я приказываю вам, солдаты и матросы, положить предел преступной борьбе с русской революцией в тылу» [183]. Военная верхушка была довольна такими мерами министра-председателя. Буржуазные партии также долгое время были довольны Керенским, особенно его ролью в первом коалиционном правительстве. Одновременно кадеты наставляли его «на путь истинный». «Речь» в своей передовице 18 мая давала понять, что сам факт присутствия социалистов в «буржуазном министерстве» обязывает его внести «соответствующие практические поправки в свое мировоззрение». Милюков подтверждал, что Керенский «сделал больше, чем от него можно было ожидать». Маклаков, выражая мнение большинства кадетской партии, 3 июня на частном совещании членов Государственной думы заявил: «Керенский вел и ведет ту

линию, за которую я рад здесь засвидетельствовать ему мое глубокое уважение». И продолжал: «Не только правительство, но даже руководители русской революции в настоящее время, как мы слышим, отмежевывают себя от крайних течений, принимают меры против ленинцев и циммервальдцев»[184]. Как говорится, «яснее ясного». Буржуазные партии надеялись, что эсер Керенский поможет им обуздать революцию. Казалось бы, июльские события подтвердили эти надежды. Но буржуазия жаждала большей крови, а Керенский опять заколебался. Милюков жалуется, что руководитель военного ведомства — штатский человек, а потому наступление на фронте провалилось. Кадеты наседают на председателя Совета министров, подталкивая его «к созданию сильной власти».

Что же представляла собой партия, в которую входил Керенский и на которую он больше всего опирался для ведения борьбы «справа и слева»? Партия социалистов-революционеров (эсеров) образовалась в конце 1901 г.[185] I съезд, на котором была принята ее программа, состоялся 29 декабря 1905 г.—4 января 1906 г. Эсеры считали себя продолжателями народников, пытались объединить всех трудовых людей (крестьян, рабочих, радикальную интеллигенцию, кустарей), но основную ставку делали на крестьян. Программа эсеров включала в себя в основном народнические постулаты, в том числе террор, рассматриваемый ими как одно из главных средств борьбы. Важная роль в переходе к социализму отводилась крестьянской общине. Кроме того, в нее вошли и анархистские теории; кое-что взято из марксизма, заимствовано у философов-идеалистов Запада. Говоря о классах, классовой борьбе, они были далеки от научного понимания этого процесса. Пролетариат и трудящиеся крестьяне представлялись эсерам как единый класс. Эклектика теоретических построений неминуемо приводила к колебаниям, неустойчивости воззрений членов партии социал-революционеров. Террористические акты боевиков, как и красивые лозунги (например, «В борьбе обретешь ты право свое»), сделали партию привлекательной для широких масс народа, особенно для крестьян. Должно было пройти определенное время, чтобы народ смог не по словам, а по реальным делам, сугубо практическим, будничным, увидеть истинное лицо эсеров, оценить их действия по существу.

Еще в 1902 г. В. И. Ленин указывал: «Социал-революционаризм есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуаз-

ной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну»[186].

В Москве с 25 мая по 4 июня проходил III съезд партии социалистов-революционеров*. Председатель съезда старейший эсер Ракитников вновь подтвердил позицию партии в отношении власти. Совет рабочих и солдатских депутатов «правильно сделал», уступив «ее правительству, вышедшему из четвертой Думы... Теперь раздаются голоса,— продолжал председатель,— не взять ли нам власть в свои руки? Это нам предстоит решить на съезде»[187]. Оговоримся сразу: эсеры на это не решились.

Общее политическое положение освещал Чернов. Назвав съезд «великим праздником партии», он заявил, что «события выдвинули партию на авансцену истории». Действительно, это было так. Они сами совершенно не ожидали такого успеха.

Высказывая отношение эсеровской партии к войне, к Временному правительству, Чернов говорил: «Война до того довела обострение всех противоречий, бывших в России, что последняя выскочила из колеи буржуазной жизни». Это утверждение, как и то, что внешняя политика находится в тесной связи с внутренней, было правильным. Но рассуждение о том, что «железная логика войны не позволяет нам выскочить из ада»[188], являлось чистейшим оппортунизмом, фактическим оправданием дальнейшего продолжения войны. Эсеровский теоретик тщился подвести «научную» базу под соглашательскую политику партии.

Позицию левого эсера Камкова, вскрывавшего захватнический характер войны, выступавшего против соглашения с буржуазией и ее партиями, поддержала лишь незначительная часть съезда.

* На III съезде партии эсеров присутствовало 306 делегатов с решающим голосом и 40 — с совещательным из 63 губерний России, с 6 фронтов и флотов. Эсеры летом 1917 г. имели 436 организаций, 312 комитетов и 124 группы. В повестке дня стояли 16 вопросов, в том числе: о состоянии партийной работы, текущий момент, отношение к Временному правительству, к войне, социально-экономические задачи, аграрный и национальный вопросы, международная политика и возрождение Интернационала, рабочий вопрос, отношение к другим социалистическим партиям, пересмотр устава, выборы в Учредительное собрание и т. д. В целях объединения всех течений в партии, как заявляли эсеры, они избрали в президиум представителей правого крыла (оборонцев), центра и левой части партии. В президиуме заседали Н. И. Ракитников (председатель), А. Р. Гоц, В. Руднев, Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов (секретарь), Б. Д. Камков, М. А. Натансон (Дело народа. 1917. 26 мая; Протоколы III съезда П.С.-Р., состоявшегося в Москве 25 мая — 4 июня 1917 г. (Стенографический отчет). Издание ЦК П.С.-Р., 1917).

«III съезд партии с.-р.,— говорилось в резолюции о войне,— настаивая на ведении со всей энергией борьбы за всеобщий мир, считает необходимым в то же время в интересах самой борьбы за мир, в интересах защиты русской революции и ее политических и социальных завоеваний от всяких посягательств как изнутри, так и извне, приведение армии в полную боевую готовность и создание из нее силы, способной к активным операциям во имя осуществления задач русской народной политики» [189]. Вот так витиевато, а точнее, сознательно запутанно формулировали эсеры тезис о продолжении войны. Полная, самая энергичная поддержка выражалась Временному правительству.

Что касается главенствующего для эсеровской программы — аграрного вопроса, то съезд формально повторил старые ее положения: всякая собственность на землю должна быть уничтожена, земля переходит в общенародное достояние (социализация земли) без выкупа для уравнительного трудового пользования. Но тут же оговаривалось, что основной закон о земле принимается Учредительным собранием, а до этого «всякие частные захваты земель» отвергались, т. е. эсеры по сути на длительное время отказывались от решения аграрного вопроса.

На третий день работы съезда уже в 11 часов вечера выступил сам Керенский. Позднее время должно было подчеркнуть, какой это занятый человек. «Как усталый путник приникает к живительному ключу,— начал он,— так после трудной работы прихожу я в товарищескую среду и пью здесь бодрость и трудолюбие». «Я пришел сюда,— театрально закончил свое выступление Керенский,— чтобы ваш съезд, товарищи, укрепил наши силы и веру в то, что мы сумеем справиться как с реакцией справа, так и с демагогией слева» [190].

В области государственного устройства и национальных отношений съезд высказался «за форму федеративной демократической республики, с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей...» [191].

III съезд партии социалистов-революционеров, отразив наивысший подъем эсеров, явился одновременно и началом заката их. Чернову и другим центристам не удалось замазать серьезные трещины, образовавшиеся в партии. Наметившийся раскол продолжался. Петроградский областной комитет эсеров в начале июля опубликовал в своей газете «Земля и воля» своего рода декларацию («Письмо в редакцию») «фракции левых», в которой открыто заявлялось о несогла-

сии с кардинальным направлением политики партии.

ЦК партии социалистов-революционеров отреагировал на это специальным постановлением, в котором говорилось о том, что за спиной партии, тайно, на ее III съезде образовалась «организация в организации» под именем «Организационного бюро левого крыла партии с.-р.». Группа эта, решив «сохранить за собой полную свободу выступлений», объявила в своей газете «Земля и воля», что она несогласна «подчиняться указаниям руководства большинства»[192]. Центральный комитет эсеровской партии осудил «фракционную деятельность левых эсеров и предложил прекратить ее»[193].

Лидеры левых эсеров (Б. Камков, М. Спиридонова, М. Натансон, П. Прошьян и др.), как нам представляется, струсили и не осмелились заявить об отколе от партии. Камков даже направил в ЦК П.С.-Р. своего рода покаянное письмо, в котором убеждал, что никакой «организации в организации не существует» и что никто не собирается ее создавать[194]. Нерешительность «раскольников», может быть даже некоторая хитрость их, ни в какой мере не опровергают наличия в партии левого течения, которое хотя и развивалось зигзагообразно, но ширилось и крепло с каждым днем.

Напомним, что Керенский принадлежал к правой части эсеровской партии, поддерживал и фактически направлял самую правую эсеровскую газету «Воля народа». Правительственная политика Керенского остро критиковалась левым крылом партии. Все это привело к тому, что министра-социалиста «прокатили» при выборах в ЦК партии социалистов-революционеров. Правда, чтобы быть избранным, ему не хватило всего трех голосов (за — 134, против — 136)[195]. Съезд избрал Центральный комитет П.С.-Р. из 21 члена и 5 кандидатов*.

III съезд эсеровской партии не способствовал тому, чтобы объединить существовавшие народнические партии, не говоря уже об объединении всех социалистических партий, хотя этот вопрос тоже неоднократно ставился. Еще до съезда эсеры говорили, что у всех

* В состав ЦК партии социалистов-революционеров, избранных III съездом, вошли: членами — А. Р. Гоц, Н. И. Ракитников, Н. С. Русанов, В. Г. Архангельский, В. М. Чернов, М. А. Веденяпин, Д. С. Фирсов (Розенблюм), М. А. Натансон, В. В. Лункевич, М. Я. Гендельман, В. Н. Рихтер, Л. Я. Герштейн, В. М. Зензинов, Якоби, Затонский (Батрак), Н. Д. Авксентьев, О. С. Минор, И. А. Рубанович, И. И. Бунаков, Д. Ф. Раков, И. А. Прилежаев; кандидатами — И. И. Тетеркин, Е. С. Берг, Ховрин, Н. Я. Быховский, В. Гуревич.

народнических партий (социалисты-революционеры, народные социалисты, трудовики) вопрос о земле, составлявший главную часть их программ, в основном решается на общей базе. И это — почва для объединения.

Но социалисты-революционеры вначале шли дальше. «...Вопрос сближения всех истинных, всех последовательных социалистов в обновляющейся, в революционной России есть вопрос ближайшего будущего,— писала газета «Дело народа» в редакционной статье,— а эсерам, несмотря на некоторые особенности их мировоззрения, могло бы быть с эсдеками (меньшевиками.— *Л.С.*) очень по пути»[196]. Такая постановка вопроса имела под собой серьезное обоснование. Ведь создали же эсеры и меньшевики практически единый политический блок в 1917 г. (правда, он не был оформлен), выступая вместе по всем важнейшим позициям, а после июльских событий вместе сдали власть буржуазии и ее партиям, превратившись в органический придаток контрреволюции.

Но разумеется, легче обстояло дело с однородными мелкобуржуазными партиями. Была попытка объединить все национальные социалистические (народнические) партии. Для этой цели создается специальный Совет национальных социалистических партий России, планируется в конце июля провести в Петрограде конференцию[197]. Но далее все застопорилось. А что касается общероссийских народнических партий, то здесь кое-что удалось совершить. 17 июня открылся Всероссийский съезд Партии народных социалистов. Их лидер В. А. Мякотин сделал небольшой доклад, ибо обсуждать было нечего. Эта партия, возникшая в 1906 г. в результате объединения правых эсеров и отошедшей от кадетов народнической интеллигенции, в годы реакции и войны фактически не действовала, а возродилась только после Февральской революции. Партия народных социалистов (энесы) отказалась от применения террора, была легальной, по многим вопросам смыкалась с кадетами, стояла за выкуп земли[198]. Она выражала интересы кулаков, средней интеллигенции, хотя и провозгласила девиз: «Все для народа, все через народ!». С вопросом об объединении с трудовой группой выступил представитель последней Н. В. Чайковский. Его решение облегчалось тем, что в Петроградском Совете уже существовала объединенная фракция народных социалистов и трудовиков.

Трудовая группа возникла в 1906 г. в I Государственной думе. Резолюция по земельному вопросу, принятая VI съездом Трудовой группы (проходившим

одновременно со съездом энесов), гласила: «Вся земля признается общенародным достоянием. Земельными фондами заведуют местные самоуправления, кроме земель общегосударственного значения. Земли кабинетские, удельные, церковные, казенные, частновладельческие передаются в общеземельный народный фонд. Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Землепользованием признается форма коллективного пользования (община и др.)»[199].

На VI съезде Трудовой группы присутствовало более 160 делегатов. Они также рассматривали вопрос об объединении. Основной доклад здесь делал Чайковский, а от народных социалистов выступил Мякотин.

21 июня после значительных споров произошло слияние двух партий. Были, в частности, трения по национальному вопросу. Народные социалисты стояли за единое государство, занимая позицию, близкую к кадетам. Трудовики поддерживали резолюцию исполкома Петроградского Совета о праве наций на самоопределение вплоть до отделения[200]. Но трудовики уступили, отказавшись от пункта о самоопределении наций (который в 1917 г. присутствовал во всех программах мелкобуржуазных партий, в том числе у эсеров), принятого III съездом. Объединенная партия стала называться Трудовой народно-социалистической партией. В ней состояло около 10,5 тыс. членов, из них свыше 4 тыс.— в Петрограде и Москве*.

На другой день, 22 июня, эсеровская газета «Дело народа», приветствуя акт объединения, выразила надежду, что новая партия из-за своей малочисленности, видимо, войдет в партию социалистов-революционеров. Но это может произойти только в случае полного признания Трудовой народно-социалистической партией аграрной программы эсеров. Других расхождений между двумя партиями не существовало.

Трудовые народные социалисты тут же выдвинули контрпредложение. Одним из условий объединения с эсерами должно быть отмежевание последних от своего левого крыла[201].

Представляют известный интерес оценки нового образования другими партиями. Меньшевик-интернационалист Н. Суханов назвал трудовых социалистов «микроскопическими и никчемными», «что называется,

* В состав ЦК Трудовой народно-социалистической партии вошли 48 членов (по 24 от каждой из партий) и 10 кандидатов. В президиуме были В. А. Мякотин (председатель), М. В. Бернштам, А. В. Пешехонов, А. А. Титов, М. Е. Березин, Л. М. Брамсон, С. Ф. Знаменский.

ни два, ни полтора»[202]. Кадеты же считали новую партию «благоразумнейшей из социалистических партий». И это понятно: она была самой правой из всех народнических партий. Из-за этого не произошло объединения с эсерами, которые побаивались урона от этого акта. Милюков же очень сожалел о том, что кадетам не удалось заключить блок с Трудовой народно-социалистической партией при выборах в местные органы и в Учредительное собрание[203]. Действительно, кадеты от этого много потеряли. Единственной из мелкобуржуазных общероссийских партий, которая на выборах в Учредительное собрание почти ни с кем не блокировалась, была партия трудовых социалистов.

Разумеется, объединение обеих партий несколько повысило их роль в обществе, но общее значение мелкобуржуазной народнической партии все равно было небольшим (она не смогла расширить своей социальной базы). На II съезде партии, состоявшемся в сентябре 1917 г., острые противоречия объединившихся вылезли наружу, показали бесперспективность партии. Однако представители ее тем не менее занимали видные места в государственных и общественных учреждениях, заседали во Временном правительстве, Главном земельном комитете, в Особом совещании по выборам в Учредительное собрание, выступали на Государственном совещании в Москве, на Демократическом совещании, входили в состав Совета республики (на выборах в Учредительное собрание получили менее одного процента голосов).

Дальше процесс объединения народнических партий не пошел, а III съезд эсеров официально заявил, что условия для этого еще не созданы. Заметим, что в резолюции съезда было сказано и о невозможности заключения блоков с другими социалистическими партиями при выборах в Учредительное собрание[204]. Это не везде соблюдалось.

Практические попытки объединения предпринимали и союзники эсеров по политическому блоку — меньшевики. После провала соединения с большевиками они стали носиться с идеей собрать под одну крышу всех социал-демократов небольшевиков, т.е. все течения в российском меньшевизме (крайних оборонцев, группировавшихся вокруг Потресова, революционных оборонцев во главе с Церетели, Даном, Либером, интернационалистов, руководимых Мартовым, новожизненцев), и часть национальных социал-демократических партий (Бунд и др.).

На состоявшейся 7—11 мая Всероссийской конфе-

ренции меньшевистских и объединенных организаций не удалось сделать что-либо существенное в этом направлении. Кроме того, плехановская группа Единство отмежевалась от меньшевистского Организационного комитета, заявив о своем самостоятельном существовании. Известно, что она стала полностью социал-шовинистической организацией[205].

Меньшевики возлагали особые надежды на Объединительный съезд РСДРП, призванный создать «Объединенную РСДРП». Он проходил 18—26 августа 1917 г. в Петрограде в здании Политехнического института. На съезде присутствовали 222 делегата с решающим голосом от 146 организаций, из которых 10 были объединенными. Они представляли 193 172 члена партии (по другим данным — 205 000), из них 17,5 тыс.— члены Бунда и 2600 человек — члены меньшевистской части Социал-демократии Латышского края[206]. На заседаниях разгорелась острая борьба между представителями четырех фракций. К концу съезда фактически остались две фракции: революционные оборонцы и интернационалисты, причем последние составляли более одной трети делегатов всего съезда. Однако меньшевики-интернационалисты, критикуя революционных оборонцев, не порывали с ними, а оставались в одной меньшевистской партии, которая после этого съезда стала называться РСДРП (объединенной). Но фактически съезд не достиг своей цели: от меньшевиков откололись крайне правые и крайне левые. Последние (петроградская группа во главе с Ю. Лариным) вступили в партию большевиков.

Даже только эти организационные вопросы российского меньшевизма свидетельствовали о том, что с развитием революции этот основной конкурент большевистской партии среди рабочих масс (главной силы революции) в отличие от нее не укреплялся, а, наоборот, все более и более слабел. Свидетельством тому было и то, что в 1917 г. стали образовываться национальные меньшевистские партии и откалываться от общероссийского меньшевизма.

Большое «неблагополучие» наблюдалось и в национальных меньшевистских организациях, в частности в Бунде. На 10-й конференции, состоявшейся в апреле, по утверждению активного деятеля этой партии и ее историка Рафеса, «не было ни одного «интернационалиста» в полном смысле этого слова, почти все признавали необходимость «революционной обороны» освобожденной страны». С мая в Бунде началась борьба между разными течениями, «и с июня месяца во всех местных

организациях «интернационалистское» ядро свило себе довольно прочное гнездо»[207].

Меньшевизм, как и эсерство, все больше раздирался внутренними противоречиями, хотя ведущей силой в партиях оставались те элементы, которые поддерживали буржуазное Временное правительство. После июльских событий меньшевики и правые эсеры становились все контрреволюционнее в своей политике, более активно поддерживали буржуазию и ее партии.

Влияние меньшевиков на рабочие массы неуклонно падало. На словах они стояли за 8-часовой рабочий день, охрану труда, страхование рабочих, повышение заработной платы, а на деле, используя примирительные камеры, часто предавали интересы трудящихся в споре между трудом и капиталом. Так было не только в столицах, но и на местах. Лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания был откровенен: «Объединение интересов промышленников и рабочего класса довольно трудно. Но все же мы должны всю нашу рабочую политику вести в этом направлении»[208]. Но проводить ее меньшевикам было все труднее, ибо они выступали против одного из главных и важнейших революционных лозунгов — установления рабочего контроля над производством.

Серьезное банкротство ожидало и их политику по национальному вопросу (до Октября 1917 г. меньшевики стояли за централизованную Российскую республику и культурно-национальную автономию), которому они первое время не придавали должного значения. Тот же Жордания в начале революции говорил: «В данный момент выдвигать национальный вопрос несвоевременно. Он может повредить делу революции»[209]. Но когда поняли, что национальный вопрос является важнейшей движущей силой развития революции, было уже поздно. (Большинство мелкобуржуазных партий в 1917 г. стояли на позициях федерализма, но были едины в том, что все части страны входят в состав демократической России.) Догматизм меньшевиков в национальном вопросе, как и в аграрном (они продолжали цепляться за муниципализацию земли), оттолкнул от них революционные массы[210]. Когда секретарь Одесского комитета меньшевиков спросил после июльских событий у одного из рабочих, депутата Совета, почему он раньше был за меньшевиков, а теперь голосует за большевиков, тот ответил: «Большевики все время говорят: власть должна принадлежать народу, Советам, а меньшевики только на словах за классовую борьбу, а на деле стоят на одном: власть должна быть у

буржуазии. Зачем же нам, рабочим, поддерживать тех, кто защищает буржуазию?»[211]

Вот эти и подобные им обанкротившиеся мелкобуржуазные партии были опорой Керенскому в его борьбе «направо и налево».

Но произошло совершенно непредвиденное для эсеровского министра-председателя событие (хотя и вполне закономерное для любой революции, особенно для революции 1917 г.), которое заставило его и мелкобуржуазные партии временно изменить свое поведение. Речь идет о контрреволюционном заговоре генерала Корнилова, открыто поддержанного реакционной частью военной верхушки и скрытно правыми кругами буржуазных партий, прежде всего кадетами и бывшими октябристами. Определенную роль в его возникновении сыграл и сам Керенский, пытавшийся насадить на русской почве бонапартизм, военной силой подавить революцию. Заговор явился результатом сложного переплетения военных и партийно-политических событий, контрреволюции и революции, а также «третьего пути» развития российского общества.

Именно корниловщина вскрыла всю несостоятельность лавирования Керенского и мелкобуржуазных партий между буржуазией и пролетариатом, между партиями эксплуататорских классов и политическим авангардом рабочего класса. Исторические события диктовали: либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата. Третьего не дано.

Одержав победу в июльские дни (эта победа, как показали дальнейшие события, оказалась «пирровой», временной, ненадежной), буржуазия, ее партии, военщина все интенсивнее подталкивали в свою сторону Керенского, его правительство, эсеров, меньшевиков. Готовилось установление военно-буржуазной диктатуры. Для этой цели было использовано состоявшееся в Большом театре в Москве 12—15 августа Государственное совещание. «Героем» его явился верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов.

«...Мы сильно опасаемся,— говорил на совещании Милюков,— что теперешний состав исполнителей (речь идет о правительстве Керенского.— *Л. С.*) не обеспечивает восстановления порядка и не дает гарантии восстановления личности и собственности»[212].

Было ясно, что «керенщина» больше не устраивала ни буржуазию, ни военную элиту. Московское совещание консолидировало реакционные силы. Их положение облегчалось бонапартистскими действиями Керенского. Последний фактически вступил в сговор с Корниловым.

Оба хотели подавить революцию, но разными путями. Однако в самую последнюю минуту между ними произошел разрыв — никто не хотел уступить власти.

Корнилов двинул на Петроград войска для разгрома Советов и революции. В своем обращении к населению он взывал: «Русские люди, великая родина наша умирает! Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри»[213]. Бывший царский генерал, а теперь Верховный главнокомандующий возглавил мятеж.

28 августа о контрреволюционном выступлении Корнилова оповестили все газеты. Министру-председателю ничего не оставалось, как обратиться за поддержкой к ЦИК Советов, исполкому Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В правительстве он потребовал себе диктаторских полномочий, создания «Директории». В ответ на это кадеты заявили о выходе из правительства (третий раз в 1917 г.).

Все мелкобуржуазные партии высказали доверие Временному правительству, прежде всего его главе. Лишь большевики, выступив против доверия, приняли самое активное участие в организации масс на борьбу с контрреволюционным генеральским заговором. Они послали своих представителей в созданный ЦИКом Советов Комитет народной борьбы с контрреволюцией. Строго отличая защиту революции от защиты буржуазного Временного правительства и его министра-председателя, большевики разоблачали как происки этого правительства, так и корниловщину как два метода контрреволюционной политики. Сейчас, говорили большевики, самым опасным для народа является корниловщина, поэтому все силы должны быть направлены на ее разгром. Но это совсем не значит, разъясняли ленинцы, что одна контрреволюционная диктатура сменит другую, надо полностью ликвидировать буржуазную контрреволюцию и осуществить переход власти в руки революционных рабочих, крестьян и солдат. Так писала большевистская газета «Рабочий» 28 августа 1917 г.

Эсеровское «Дело народа», меньшевистская «Рабочая газета», ругая кадетов за поддержку корниловщины, тоже призывали народ спасать революцию, но с Временным правительством[214].

По-иному вели себя буржуазные партии. Кадеты выказывали явное расположение к Корнилову, называли его патриотом, который призван спасти столицу от «большевистского бунта», «печалились» о недоразумении, возникшем между Керенским и Корниловым, призывали к примирению правительства и Ставки.

29 августа буржуазное «Русское слово» в передовой статье «Гражданская война» фактически выболтало то, что было на уме у всех буржуазных партий. «Ведь всем ходом неумолимых событий, падающих удар за ударом на грудь русского народа,— убеждала газета,— отчетливо и повелительно была поставлена на очередь неотвратимая задача образования твердой, мы бы сказали, диктаторской власти в стране, которая сковала бы тыл и фронт России в одно неразрывное целое и все подчинила бы единому требованию момента — требованию военной обороны страны. Уже на Государственном совещании под давлением «смертельной опасности» был ясно поставлен вопрос об организации власти на указанных началах...»

На второй странице этой же газеты аншлаг: «Генерал Корнилов и Временное правительство». Далее крупными буквами: «Воззвание А. Ф. Керенского к армии, флоту и железнодорожникам. Занятие Луги и Гатчины. Бои на станции Антропшино между правительственными и корниловскими войсками. Генералы Клембовский и Деникин перешли на сторону Корнилова». Ниже в одной из заметок преувеличенно перечислялись военные силы Верховного главнокомандующего, в другой сообщалось: «В Царском Селе усиленная охрана. Гарнизон отнесся с недоверием к объявлению Керенского об измене Корнилова и отправил в Петроград своих делегатов для выяснения вопроса».

А далее приводилось сообщение казачьей делегации о том, что Керенский отменил поездку казаков во главе с Дутовым к Корнилову для примирения. Казаки недовольны этим. Совет Союза казачьих войск в связи с этим вынес постановление, что он «слагает с себя всякую ответственность за дальнейшее развитие конфликта». Газета приводила «Ультиматум генерала Каледина», в котором казачий атаман полностью поддерживал действия Корнилова и требовал прекратить борьбу с ним.

За два дня до этого, т. е. перед самым мятежом, та же газета в передовице, озаглавленной «Полгода революции», писала: «Будем верить, что если революция привела Россию на край гибели и уничтожения, то Россия не только выйдет сама, но и выведет вместе с

собой и революцию на прямую дорогу национального возрождения»[215].

Между тем дела Керенского были плохи. Он подумывал об отставке. Метаясь от Советов, эсеров и меньшевиков к кадетам, от кадетов к военным, от военных снова к Советам, искал себе поддержку или замену. Министр-председатель предложил пост Верховного главнокомандующего генералу Алексееву, надеясь, что Корнилов с ним воевать не будет, но тот отказался, предложив Керенскому помириться с мятежником. Но для Керенского (с ярлыком немецкого агента) это было неприемлемо.

За спиной министра-председателя Милюков тайно договорился с Алексеевым, что тот при необходимости возглавит новое Временное правительство.

Как вспоминал позже Керенский, в ночь с 28 на 29 августа он почти один оставался в Зимнем дворце: «...не потому, что не хотел ни с кем вместе действовать. Просто создалась такая атмосфера кругом, что полагали более благоразумным быть подальше от гибельных мест... Я никогда не забуду мучительно долгие часы понедельника и особенно ночи на вторник»[216].

Но развернувшиеся события вновь вынесли на свой гребень социалиста министра-председателя. Мобилизованные, по указанию Совета, железнодорожники, трудящиеся столицы, прежде всего рабочие, получившие оружие, части петроградского гарнизона встали на защиту революции. Особую роль сыграли большевики, пославшие навстречу двигавшимся войскам своих агитаторов. Именно революционным словом, а не оружием был ликвидирован заговор Корнилова. До боев дело не дошло. Посланные мятежным генералом воинские части отказались подавлять революцию.

«Временное правительство распалось при первом же движении корниловской контрреволюции,— подводили итог большевики разгрому заговора.— Это правительство, которому часть демократии неоднократно выражала свое доверие, которому она вручала всю полноту власти,— это правительство оказалось не в состоянии исполнить свою первую и основную задачу — задавить в корне генеральско-буржуазную контрреволюцию. Поиски соглашения с буржуазией ослабили демократию, разожгли аппетиты буржуазии, дали ей смелость решиться на открытое восстание против революции, против народа». Об этом предостерегало воззвание ко всем трудящимся, рабочим и солдатам Петрограда, подписанное ЦК, ПК, Военной организацией РСДРП(б), Центральным Советом фабзавкомов и боль-

шевистской фракцией Петросовета. В воззвании говорилось о необходимости создания новой власти, которая удовлетворит нужды рабочих, солдат и крестьян[217].

В. И. Ленин, внимательно следивший по газетам о мятеже Корнилова, 30 августа в письме в ЦК отметил: «Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямотаки невероятно крутой поворот событий»[218].

Да, это был очень крутой поворот в развитии революции, положивший начало глубоких перемен в социальной психологии масс, новой расстановки классовых и партийных сил в стране. Выиграли от него большевики, проиграли все остальные партии, и прежде всего буржуазные, особенно кадеты, которых стали называть «корниловцами». Еще больше падает авторитет российских и национальных меньшевиков и эсеров. Снова ожили Советы, в которые рабочие и солдаты все больше посылают большевиков, отказывая в доверии мелкобуржуазным партиям, поддерживавшим обанкротившееся буржуазное Временное правительство и его главу Керенского. Авторитет последнего стремительно падал.

Главным доказательством роста влияния РСДРП(б) явилась большевизация Петроградского Совета (31 августа) и Московского Совета (1 сентября). Председателем Петросовета стал Л. Троцкий, Московского — В. Ногин. Процесс большевизации советов охватил всю страну. Россия вступала в новый этап кризиса, одним из свидетельств которого явилось падение влияния соглашателей в городе и в деревне.

Старейшая эсерка («бабушка русской революции») Е. К. Брешко-Брешковская с горечью вспоминает, как однажды отстранились от эсеров крестьяне и восприняли большевистский призыв. В конце лета она выступила в одном из уездов Курской губ., агитируя крестьян выбирать эсеров в Учредительное собрание. Крестьяне благосклонно слушали. Но вот, вспоминала она, выступил большевик. «Что такое Учредительное собрание? — сказал он.— Слова или вот этот лист, который разорву и брошу. Только и видели. А ты вот возьми своими руками (и он загребает в воздухе), тогда твое будет, тогда не выпустишь. Так-то надежнее». Потускнели лица бородачей, продолжает эсерка, нахмурились и вдруг оживились и с лукавой улыбкой, соблазненные, заговорили: «А и вправду, своими руками возьмешь — вернее будет». Автор приходит к правильному выводу: агитация большевиков все-таки делает «свое дело» и в деревне[219].

Часть III

ПАРТИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА РАБОЧЕГО КЛАССА БЕРЕТ ВЛАСТЬ

1. ПАРТИИ И АРМИЯ

У каждой политической партии, борющейся за власть,— две главные заповеди: завоевание на свою сторону народа и обеспечение поддержки вооруженных сил. Победу одерживают обычно те, которым удается соблюсти обе заповеди. О работе партий среди населения мы уже говорили. Теперь остановимся на их усилиях по привлечению на свою сторону существующей, старой армии и организации новых, своих вооруженных сил.

В России за армию боролись в той или иной мере почти все партии. Это была одна из важнейших форм классовой борьбы. А вот в создании своих, классово-партийных, боевых отрядов участвовали только некоторые, главным образом большевики. В этом состояло их огромное преимущество перед другими партиями, умножало во много раз их силы. Кроме того, никто, кроме большевиков, не имел научно обоснованной и проверенной в классовых боях двух российских революций военной программы*. Исторический опыт России и других стран учит, а современность подтверждает, что революционные партии, не имеющие военных программ, а значит, и вооруженных сил, обречены на поражение. События в Чили в начале 70-х годов нашего века — жестокий и печальный тому пример. Генеральный секретарь Компартии Чили Луис Корвалан отмечал, что коммунисты не имели военной программы,

* Некоторые советологи стараются принизить роль партии большевиков в создании вооруженных сил пролетарской революции. Так, американский историк Р. Уэйд в книге «Красная гвардия и рабочая милиция в русской революции» проводит мысль, что рабочие сами, стихийно, без всякого влияния партий создавали свои боевые отряды, а большевики, мол, их умело использовали (*Wade R.* Red Guards and Workers Militias in the Russian Revolution. Stanford, 1984).

революция оказалась не подготовленной к вооруженной борьбе, она фактически не завоевала на свою сторону армию[1].

В 1917 г. свои вооруженные отряды имели большевики и левые мелкобуржуазные партии (максималисты, анархисты, левые эсеры, некоторые национальные партии). Но только у большевиков в такие отряды входили члены партии и беспартийные, сочувствующие рабочие. РСДРП(б) располагала наиболее многочисленными и боеспособными вооруженными силами — отрядами Красной гвардии.

В «Письмах из далека» (в первом письме, 7 марта) В. И. Ленин писал, что гарантией свободы является вооружение пролетариата: «Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу — и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, республика обеспечена». Марксисты должны учить рабочих, продолжал Ленин, «полагаться только на *свои* силы, на *свою* организацию... на *свое* вооружение». Через десять дней в статье «О задачах РСДРП в русской революции» он вновь повторил: «...нужно *вооружение пролетариата* — единственная серьезная, реальная гарантия и против царизма и против стремления Гучковых и Милюковых восстановить монархию»[2].

Так же понимали этот вопрос и большевики в России. В первом номере газеты «Правда» (5 марта) наряду с призывами записываться в партию, создавать партийные организации читаем: «Создавайте кадры пролетарской и демократической гвардии». Но уже в дни Февральской революции большевики приступили к созданию отрядов рабочей милиции для борьбы со старой властью. После свержения самодержавия они охраняли общественный порядок. Буржуазные и мелкобуржуазные партии делали все, чтобы воспрепятствовать самостоятельному существованию рабочей милиции, пытались растворить ее в общей, «народной милиции», подчиненной Временному правительству. 7 марта исполком Петроградского Совета принял постановление о слиянии рабочей милиции с общегородской. Но во многих местах оно не выполнялось. Рабочая милиция продолжала существовать как одна из начальных форм массового вооружения пролетариата, его боевая сила.

В резолюции Русского Бюро ЦК РСДРП(б) о Временном правительстве (22 марта) говорилось, что важнейшей задачей Советов партия считает всеобщее вооружение народа, в том числе «немедленное создание рабочей Красной гвардии по всей стране»[3]. При созда-

нии вооруженных сил пролетариата большевики, как правило, действовали через Советы, реже — через фабрично-заводские комитеты. Меньшевики и эсеры, пользуясь своим большинством в Советах, пытались прибрать к своим рукам отряды Красной гвардии, но это им редко удавалось. С большевизацией Советов Красная гвардия уже официально становилась военной силой большевистской партии.

Первые отряды вооруженных рабочих (в форме рабочей милиции и Красной гвардии) после Февральской революции дали о себе знать уже во время апрельского кризиса, когда они охраняли демонстрации рабочих от нападения контрреволюционеров. Напомним, что рабочие располагали тогда значительным количеством оружия. Во время Февральской революции население столицы захватило на военных складах около 40 тыс. винтовок и 30 тыс. револьверов[4]. Значение вооруженных сил пролетариата возросло во время июньского и июльского кризисов, когда они также принимали участие в антиправительственных демонстрациях. В дни реакции, наступившей после 3—4 июля, когда Временное правительство при поддержке буржуазных и мелкобуржуазных партий пыталось уничтожить вооруженные отряды рабочих, руководимых большевиками, численность отрядов Красной гвардии и их роль заметно упали. Но во время борьбы с контрреволюционным заговором генерала Корнилова они вновь ожили и стали быстро расти, легализовав свое положение.

Отряды Красной гвардии наиболее многочисленными были в Петрограде, затем в Москве и в других крупных промышленных городах. В столице к началу Октябрьского вооруженного восстания численность отрядов Красной гвардии достигла почти 20 тыс. человек (в том числе почти 5 тыс. в Выборгском районе города); во всей стране — до 100 тыс. человек[5]. Такой огромной вооруженной силой и оперировала большевистская партия. Ни одна другая партия не имела подобной поддержки.

Большевики приложили много усилий, чтобы обучить рабочих строевой подготовке, искусству владения оружием. «На... полянах мы развертывали свои шеренги, рассыпались строем, делали перебежки, наступления, маршировали, упражнялись во владении оружием. Работа кипела вовсю. Целый день инструктировали мы сменяющиеся рабочие отряды, надрывались до хрипоты, наподобие унтеров в запасных батальонах»,— рассказывал впоследствии о Красной гвардии Выборг-

ского района активный ее организатор большевик В. Ф. Малаховский. Он поведал далее, как собирались конференции красногвардейцев, как они вырабатывали уставы, печатали и распространяли воззвания. «То обстоятельство,— продолжал автор воспоминаний,— что мы могли издавать такие листки, призывающие весьма недвусмысленно к организации для свержения ига капитализма и тиранов, делегаты Красной гвардии могли собираться открыто и печатать в газете отчеты о своих конференциях, а Красная гвардия обучаться на улицах города,— все это достаточно убедительно показывало всю слабость и беспочвенность Временного правительства и его движущих сил»[6].

Основная борьба между партиями развернулась и на фронте, и в тылу за влияние на армию — главную вооруженную силу страны, насчитывавшую около 10 млн. человек личного состава. Однако классовый характер партий подсказывал, где, среди каких слоев военнослужащих они могут добиться наибольшего успеха, куда им необходимо направить свои главные усилия.

Буржуазные партии, прежде всего кадеты, свое основное внимание сосредоточили на 100-тысячном офицерском корпусе, а точнее, на высшем и среднем командном составе и военном чиновничестве, состоявшем в основном из представителей эксплуататорских классов. Это совсем не означало, что буржуазные партии не пытались привлечь на свою сторону младший, низший командный состав и рядовых солдат. Но здесь чаще всего они не добивались успеха.

Мелкобуржуазным партиям, прежде всего эсерам и меньшевикам, не приходилось рассчитывать на понимание со стороны высших офицеров. Этот контингент часто разоблачался ими как сборище контрреволюционеров. Объектом их пропаганды были солдаты, средние и низшие офицеры.

Большевики основное внимание направили на солдат, привлекая на свою сторону также демократически настроенное офицерство, главным образом его низшие слои.

Для завоевания армии все крупные партии создали на фронте и в тыловых гарнизонах свои партийные организации; для руководства ими — специальные комиссии при центральных, а в ряде городов и при местных партийных комитетах, которые проводили конференции военных организаций, распространяли среди солдат и офицеров свою печатную продукцию.

Особое внимание большевики уделяли петроградскому гарнизону. В конце марта в столице уже существо-

вала военная большевистская организация, объединившая 48 партийных ячеек. Через месяц она была преобразована в Военную организацию при ЦК РСДРП(б) (Военка). В. И. Ленин придавал ей особое значение. В мае в столичном гарнизоне насчитывалось около 6 тыс. большевиков. К июлю имелись уже сведения о существовании большевистских военных организаций в 43 городах, а в 10 городах они объединились с подобными организациями меньшевиков. В 23 (о других нет сведений) состояло свыше 19 тыс. членов РСДРП(б), в том числе в Москве — более 2 тыс.[7]

На фронте большевики развернули активную деятельность на Балтийском флоте, в частях ближайших к столице фронтов — Северного и Западного. В Кронштадте к концу июля в большевистских организациях состояло 3400 матросов, солдат и рабочих, в Ревеле — около 3 тыс., в Гельсингфорсе (в середине июня) — 4 тыс.[8] Известно, какую огромную роль сыграли матросы Балтики в подготовке победы революции.

Некоторые полки и даже бригады Северного фронта уже в конце весны стали на сторону большевиков. Так было с латышами. Латышская буржуазия в 1915 г. добилась создания национальных полков для защиты от немцев, рассчитывая сделать их своей опорой. Но 17 мая 1917 г. латыши заявили о своей поддержке большевиков. Орган буржуазного латышского Крестьянского союза «Lidums» 25 мая в передовой статье «Латышские полки» писал, что стрелки стоят на низком политическом уровне, не способствуют борьбе за «латышские народные идеалы». Та же газета 27 мая уверяла, что «у латышских стрелков большевистский дурман пройдет, но своего прежнего значения они никогда уже не приобретут». И далее. Принятием большевистской резолюции полки «отказались от национальной (читай: буржуазной.— *Л. С.*) точки зрения», «поставили на карту все свое существование, и карта эта, как теперь смело можно сказать, бита». Ошиблись пророки: карта оказалась выигрышной.

Когда часть офицеров выразила желание покинуть большевизированные полки, буржуазная партия советовала этого не делать: «Не выход из состава полков, как полагают многие национально думающие и сочувствующие офицеры, а, оставаясь в латышских полках, всеми силами бороться за то, чтобы 17 мая вычеркнуть из истории латышских полков»[9]. Латышской буржуазии не удалось зачеркнуть 17 мая, но значительная часть офицеров перешла в стан контрреволюции, что было вполне закономерно.

Медленнее росли и малочисленнее были большевистские организации на удаленных от центра и промышленных районов страны Румынском и Кавказском фронтах, на Черноморском флоте. Там особенно большое преобладание имели эсеры, меньшевики, мелкобуржуазные национальные партии. Значительные трудности в строительстве военных большевистских организаций возникали из-за того, что до конца лета 1917 г. большинство партийных организаций (в масштабе армий) были объединенными. К октябрю размежевание произошло почти повсюду.

Важное значение в борьбе за армию имела состоявшаяся в Петрограде 16—23 июня Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б).

В резолюциях по докладам В. И. Ленина, П. В. Дашкевича, Н. В. Крыленко, В. И. Невского, И. В. Сталина конференция наметила главные задачи военных организаций в подготовке социалистической революции. В результате проделанной работы возросла численность большевистских организаций в армии, усилилось их влияние на солдатские массы. Перед Октябрем в армии и на флоте находилось 50 тыс. членов РСДРП(б)[10].

Свои военные организации создавали в армии и кадеты. При своем ЦК в начале июля они образовали военную комиссию. В ее задачу входило, писала 13 июля «Речь», «установление связи партии с солдатами, матросами, офицерами и военными чиновниками армии и флота, ознакомление лиц, сочувствующих партии, с ее взглядами на значение армии в жизни государства и проведение в жизнь армии здоровых начал, направленных к поднятию ее мощи». Именно через укрепленную армию, ее офицерский корпус, контрреволюционные военные и полувоенные организации кадеты пытались обуздать революцию, которая, по их словам, «сошла с рельсов» и скачет стихийно.

Партия народной свободы не сообщала ни числа своих организаций в армии, ни их численности, если не считать заявление на X съезде одного из руководителей Петроградского военного комитета кадетов, что к середине октября в армии и тыловых гарнизонах насчитывалось до 600 ячеек и фракций партии[11]. Видимо, речь шла не столько о партийных организациях, явно малочисленных, сколько о сочувствующих небольших группах офицеров, военных чиновников, вольнонаемных. Косвенные источники свидетельствуют, что чисто партийных организаций было мало. Кадеты

больше действовали через «беспартийные» офицерские объединения, как временные, так и постоянные, прежде всего через офицерские союзы и съезды, в некоторых случаях — через офицерские комитеты, советы офицерских депутатов, широко использовались также органы Всероссийского земского союза, союза городов, культурно-просветительные учреждения, а также разного рода правые военные объединения вроде союза спасения родины, военной лиги, союза георгиевских кавалеров. Разумеется, буржуазные партии для достижения своих целей в армии старались всячески использовать эсеров и меньшевиков. В известной мере вначале это им удавалось. Так, в свое время они хвалили военного министра Керенского, помогали ему. Но все это было до поры до времени.

Много трудились по демократизации армии, разумеется в своем особом понимании, по завоеванию ее на свою сторону мелкобуржуазные партии, особенно эсеры. По крайней мере до осени 1917 г. это им удавалось. Формально количество эсеровских организаций на фронте и численность их членов значительно превосходили не только большевистские, но, пожалуй, организации всех партий, вместе взятых. П. А. Голуб приводит, с ссылками на эсеровскую печать, такие данные: только в одной 12-й армии Северного фронта к октябрю 1917 г. числилось 150 эсеровских организаций с 60 тыс. членов партии. На Юго-Западном фронте функционировало 50 тыс. эсеров, на Румынском — более 100 тыс. Х. М. Астрахан подсчитал (тоже по эсеровским источникам), что из 700-тысячной эсеровской партии в тылу было примерно 300 тыс., остальные 400 тыс. — на фронте[12]. Это значит, что осенью 1917 г. только членов эсеровской партии на фронте было в 8 раз больше, чем большевиков. И тем не менее, имея такую численность, эсеры теряли влияние на армию, а 50 тыс. большевиков добились того, что в период совершения социалистической революции имели на своей стороне половину солдат. Напрашивается вывод, что никаких 400 тыс. членов партии социалистов-революционеров не было. Таковые числились только на бумаге. Многие из них, записавшись или сказав, что они эсеры, сразу забывали о принадлежности к этой партии.

В середине июня социалисты-революционеры провели в столице конференцию военных организаций. Открыл ее член ЦК эсеровской партии Герштейн. Была избрана специальная военная комиссия при Петроградском комитете партии эсеров, ставшая затем фактически комиссией при ее ЦК. Рекомендовалось

образовать военные комиссии и при районных комитетах эсеровской партии[13].

Меньшевики также стремились усилить свое влияние в армии. В июне они создали при ОК специальное бюро для организации и руководства военными организациями. Однако находившиеся в армии солдаты-рабочие шли главным образом за большевиками, а солдаты-крестьяне, не понимая аграрной программы меньшевиков, их не поддерживали. По документам августовского Объединительного съезда меньшевиков, делегаты от военных меньшевистских организаций представляли всего 3700 членов партии. Только на Кавказском фронте в определенной мере чувствовалось влияние этой партии. Меньшевистские организации в армии насчитывали около 23 тыс. членов[14].

Эсеры и меньшевики использовали в борьбе за армию и флот военные отделы Советов, в которых они превалировали. Главную роль здесь играл военный отдел Петроградского Совета, затем ЦИК. На фронт ехали их представители, направлялось огромное количество эсеро-меньшевистской партийной литературы. До августа на фронт было послано около 2300 тыс. разных газет («Известия», «Дело народа», «Рабочая газета», «Голос солдата»), 1,5 млн воззваний, более 0,5 млн брошюр. Кроме того, в самой армии эсеры и меньшевики издавали более десятка газет[15].

Налаживали свои организации в национальных частях армии и тыловых гарнизонах нерусские буржуазные и мелкобуржуазные партии (среди прибалтов, украинцев и других народов). Ситуация там складывалась примерно так же, как и в общероссийских партиях: самыми многочисленными оказывались военные организации эсеровского толка.

Проследим кратко, как практически проходила борьба за армию различных партий, как в связи с развитием революции и ведением партийно-политической работы в вооруженных силах менялась социальная психология солдат, матросов, офицеров, проходила классовая и партийная дифференциация.

В первые же дни после победы Февральской революции группа представителей буржуазных партий (главным образом членов Государственной думы) была направлена на фронт с информацией о событиях в Петрограде. В своем отчете посланцы сообщали, что их почти везде встречали хорошо, кое-где даже «носили на руках». Делегаты зачитывали приказ военного министра Гучкова о вежливом обращении с солдатами, и им кричали «ура». Согласно приказу № 1 Петроградского

Совета, на фронте началось создание комитетов. В некоторых полках солдаты и офицеры кое-как ладили, особенно там, где офицеры сразу же позволили снять портреты царя. Большинство же командного состава выказывало недовольство происшедшей революцией, приказом № 1.

— Неужели вы не могли спросить армию, прежде чем производить революцию? — вопрошали они депутатов.

— Так вышло, и вы сами, проснувшись, не узнали бы Петрограда,— отвечали те.

Но уже тогда посланцы нового правительства не могли не заметить, что во многих местах солдаты не доверяли офицерам, кое-где даже грозили расправиться с ними. Больше всего солдат беспокоил вопрос о земле. Об окончании войны в то время почти не было разговора: надо бить немца. Депутаты сделали заключение, что в целом на фронте нормально, создается «революционная армия», разумеется в буржуазном понимании [16].

Характерно высказывание одного из офицеров Юго-Западного фронта в письме к родственникам, написанном почти в то же время: «Между нами и ими (офицерами и солдатами.— *Л. С.*) — пропасть, которую нельзя перешагнуть. Как бы они ни относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами... В них говорят невымещенные обиды веков» [17].

Уже в апреле — мае солдаты не только не слушали представителей буржуазных партий, приезжавших на фронт, но просто прогоняли их. И те стали выступать вкупе с эсерами и меньшевиками только перед офицерами или на армейских съездах. Это был период, когда большинство солдат и офицеров (кроме высшего звена офицерского корпуса) шло за эсерами и меньшевиками, что подтверждают фронтовые съезды.

С 7 по 17 апреля в Минске проходил созванный по инициативе городского Совета первый съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта. Вот как представила 8 апреля его открытие местная буржуазная газета «Новое варшавское утро». С утра в городе необыкновенное оживление. Солдатские депутаты, встречаемые на улицах криками «ура», подъезжают к городскому театру на автомобилях-платформах. «Серые герои» (так раньше называли солдат) — теперь граждане республики.

В 2 часа дня открывался съезд. Городской театр переполнен; заняты все ярусы, эстрада, проходы, кулисы. Собралось свыше 1200 делегатов. Подавляющее

большинство делегатов съезда составляли солдаты. Они прислали своего представителя от каждого полка, в то время как офицеры — одного от дивизии. В фойе делегатов усиленно снабжали партийной литературой. При гробовом молчании съезд открывает председатель Минского Совета рабочих и солдатских депутатов Б. П. Позерн. На съезде присутствовали гости, среди них Родзянко, кадет Родичев, главнокомандующий армиями Западного фронта генерал Гурко, полковник французской армии Конжен, майор английской службы Торчинс. Характерная деталь: ни Родзянко, ни Родичев не осмелились выступить на съезде (слишком много было солдат и рабочих), зато с большой охотой они произнесли речи на улице, около театра, перед буржуазной публикой.

Позерн представился как социал-демократ, независимец (межрайонец) и заявил, что разделяет мнение петроградского совещания представителей Советов* о войне. Его, как представителя рабочих, большинством голосов избрали председателем съезда, товарищем председателя стал солдат эсер Сороколетов, вышедший на трибуну в полном снаряжении и под крики «ура». Выступивший с докладом член исполкома Петроградского Совета меньшевик К. А. Гвоздев заявил, что приказ № 1 относится к петроградскому гарнизону, а отнюдь не к фронту, как это неправильно поняли многие. Солдаты отрицательно реагировали на такое заявление, хотя в печати задолго до этого было опубликовано подобного рода разъяснение. Вопреки этому на фронте повсюду создавались комитеты как демократические органы власти. Офицеры поддержали Гвоздева.

Перед делегатами съезда «с успокоительными» разъяснениями выступили Чхеидзе, Церетели, Скобелев. Последний заявил, что ранее «аполитизированным» офицерам «революция продезинфицировала мозги» [18]. Выступления лидеров столичного Совета успокоили далеко не всех. Один генерал бросил упрек Чхеидзе, что тот «содействует розни между солдатами и офицерами». Съезд вскрыл глубокие противоречия, существовавшие в армии между солдатами и офицерами. Рядовые армии рассказали о контрреволюционной деятельности штабов армий, о реакционных настроениях высших командиров, с которыми они ведут борьбу.

* Речь идет о состоявшемся в столице в конце марта — начале апреля совещании представителей 80 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, семи армий и многих отдельных воинских частей.

Солдаты наступали, офицеры больше оборонялись, оправдывались.

Выступавшие на съезде большевики, их было немного, разъясняли суть происходящих событий. Представитель Московского Совета большевик В. П. Ногин раскрыл махинации бывшего командующего Западным фронтом генерала Эверта, пославшего во время Февральской революции во вторую столицу войска для подавления восставших. Он рассказал также о том, как буржуазная печать травит рабочих, совершивших революцию, науськивает на них солдат, что даже здесь, в Минске, распространяется литература с угрозами в адрес рабочих. Заметим, что в то время в городе находился монархист Пуришкевич, который пытался напечатать ряд контрреволюционных брошюр.

Каждая из партий пыталась использовать съезд в своих целях: большевики — для полной демократизации армии, развития в ней классовой борьбы, подготовки к социалистической революции; меньшевики и эсеры — для мелкобуржуазной демократизации армии, для устранения высшего контрреволюционного командного состава, для примирения солдат и офицеров, для продолжения буржуазно-демократической революции; буржуазные партии (хотя их представители на съезде не выступали) — для сохранения основ старой армии, чуть подновленной, чуть демократизованной, но полностью буржуазной, для полного подчинения солдат офицерам.

На съезде верх одержали эсеры и меньшевики. Большинство солдат, а значит, и крестьян шло тогда за партией социалистов-революционеров. Резолюции по главным вопросам того времени (о войне и мире, об отношении к Временному правительству) полностью повторили текст решений петроградского совещания Советов, составленный мелкобуржуазными партиями и перепевающий, с небольшими модификациями, известные нам документы Петроградского Совета.

Приведем одну из таких модификаций: «...съезд призывает революционную демократию России, организуясь и сплачивая свои силы вокруг Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, быть готовым дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств» [19].

Приноравливаясь к моменту, создатели постановления фронтового съезда о солдатском самоуправлении записали: «Все чины армии объединяются в одном звании солдата (солдат-рядовой, солдат-унтер-офицер,

солдат-прапорщик, солдат-генерал). Название «офицер» упраздняется». Выборными солдатскими организациями являются комитеты, которые дают письменные аттестации лицам командного состава. При отрицательной оценке командир отстраняется от должности. Выборные солдатские организации, подчеркивалось в постановлении, должны защищать интересы солдат-граждан, выражать их политическое настроение, повышать боеспособность армии[20].

Состав избранного фронтовым комитетом президиума характеризует соотношение партийных сил в армиях фронта. В него вошли пять социал-демократов (почти все меньшевики), четыре эсера. Из девяти человек: 3 солдата (один из них — председатель), 2 офицера, 2 военных врача и 2 рабочих[21].

На отдаленном от Петрограда и других промышленных центров страны Кавказском фронте положение было несколько иное. Здесь общероссийские и национальные буржуазные партии в апреле еще оказывали немалое влияние на армию. Солдаты отдавали полное предпочтение меньшевикам, эсерам, их национальным собратьям, а роль большевиков была значительно меньше, чем в армиях Западного и Северного фронтов. Однако революционные процессы хотя и медленно, с опозданием, но захватывали и Закавказье.

На открывшемся 23 апреля в Тифлисе Кавказском фронтовом съезде (присутствовало 1300 делегатов) выступали представители всех имевшихся в регионе партий. Наблюдалось явное преобладание меньшевиков. Их местные лидеры Жордания и Рамишвили выступили с основными докладами. «Опережать в революции — это авантюра, а отставание — ослабление революционных сил»,— вещал Жордания при открытии съезда. Он высказал надежду, что в решении главных проблем — войны и мира — делегаты пойдут за Петроградом и Западным фронтом. Так оно и случилось.

«Наши резолюции должны заключать в себе гармоническое соединение войны и революции... Будем поддерживать Временное правительство, пока оно выполняет наш приказ»,— говорил Рамишвили. «Победа на фронте,— продолжал представитель Петроградского Совета Чхенкели,— означает победу в тылу». Меньшевик Попов взял под защиту «прогрессивную» буржуазию, проповедовал классовый мир. «Нельзя обращаться к силе,— заявил он.— Надо все вопросы решать мирно, в согласии всех классов. Вредно предъявлять какие-либо требования до Учредительного собрания». Его полностью поддержал эсер Березин: «Буржуазия

везде господствует в мире, и свергать ее сейчас у нас нельзя, надо все делать постепенно». Дружный хор соглашателей дополнил представитель кадетов Амиров. Он уверял делегатов съезда, что «его партия всегда стояла за демократический строй», уговаривал солдат доверять офицерам. В прежних их грехах, витийствовал оратор, больше всего повинен старый режим. Нужно покончить с расколом в армии, в стране, «не время сейчас социализма — это убьет промышленность»,— стращал представитель буржуазии[22].

Большевики стойко и принципиально критиковали всех, кто шел за буржуазией, поддерживал политику Временного правительства. Горячую речь против продолжения войны произнес большевик Серго Кавтарадзе. «Пусть те платят за войну, в чьих интересах она ведется»,— сказал он в заключение[23].

Но большой перевес голосов, отданных меньшевикам и эсерам, отразил тогдашнее политическое состояние фронта. В результате съезд послал приветственную телеграмму буржуазному Временному правительству.

Апрельский кризис явился переломным моментом и в борьбе политических партий за армию. Буржуазные партии потерпели фиаско среди солдат. В какой-то мере утратили былое влияние на солдат и общероссийские мелкобуржуазные партии, тем не менее оно еще было значительным. Все более поднимался авторитет большевиков, особенно среди войск петроградского гарнизона.

Буржуазные партии стремились ослабить распространение влияния эсеров и меньшевиков на офицерство — последнюю свою опору. Офицерские съезды, состоявшиеся в конце весны — начале лета 1917 г., продемонстрировали перипетии борьбы за этот контингент. С 13 по 27 мая в Петрограде проходил Всероссийский съезд офицерских депутатов, на котором присутствовало 436 офицеров от действующей армии, 262 — от тыловых частей и 19 — от флота[24]. Выступали кроме самих делегатов съезда лидеры кадетов, меньшевиков, эсеров. Одна часть офицеров, полностью игнорируя Советы, требовала, чтобы армия подчинялась только правительству, другая стояла за поддержку Советов. Некий поручик Смирнов настолько резко отозвался о Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, что его лишили слова. Но именно он внес резолюцию о предоставлении армии в исключительное распоряжение Временного правительства.

За резолюцию о поддержке Совета, внесенную

эсерами, меньшевиками, группой Единство, проголосовали 265 делегатов, за резолюцию о поддержке правительства — 236 делегатов, 7 — воздержались. Примерно треть делегатов не присутствовала во время голосования[25].

26 мая среди делегатов произошел полный и окончательный раскол. Огласившие резолюцию с руганью в адрес Совета покинули заседание. Оставшиеся делегаты утвердили эсеро-меньшевистскую резолюцию, в которой признавалось тяжелое положение армии, отсутствие доверия солдат к офицерству, «которое в массе взято под подозрение», стремление солдат к миру. Офицеры призывались забыть все невзгоды, личные переживания и упорно работать над созданием «великой революционной армии», сознательной дисциплины. Одновременно резолюция предупреждала, что «неисполнение приказаний на фронте» нужно «объявить изменой родине», а провинившихся «приговаривать к расстрелу»[26]. Следует отметить, что эта резолюция была принята фактически меньшинством съезда, ибо большинство не принимавших участия в голосовании на деле бойкотировали работу офицерского форума. Высшая военная элита, отсутствовавшая на съезде, шла за буржуазными партиями.

Значительная часть средних и младших офицеров поддерживала эсеро-меньшевистские призывы. Кроме материалов съезда об этом свидетельствуют и другие источники. Характерно признание одного из офицеров Юго-Западного фронта. В июньском письме к своим родным он, твердо определив свое поведение, писал: «Считая из всех социалистических партий партию с.-р. наиболее разумной, особенно в том, что касается войны и поддержания престижа власти, и полагая, что солдаты непременно будут социалистами, я исподволь работаю над ротой, обращая ее в с.-р. Это лучшее средство против ленинизма и большевизма»[27].

Не следует при этом забывать о том, что среди младших офицеров военного времени имелись большевики и им сочувствующие. Было их немного, но вершили они большое дело.

Особые надежды буржуазные партии возлагали на казаков, прежде всего на офицерство, которому рядовой состав подчинялся более, чем в других армейских частях. Казачество раздирало два направления: «казаки с демократией», т. е. в основном с эсерами, и «казачество обособленное» с данными ему привилегиями, льнувшее к кадетам. На проходившем в середине июня Всероссийском казачьем съезде второе направление

взяло верх. Возглавлялось оно войсковым старшиной, председателем совета Союза казачьих войск А. И. Дутовым. Его девизом было: «Ни пяди земли наших предков не отдадим». «Учредительный казачий съезд,— говорилось в резолюции,— считает, что единственным средством добиться мира, столь нужного для правильного государственного строительства, является немедленный и решительный переход в наступление. Сепаратного мира быть не должно. Война должна быть доведена до победы, которая дает возможность заключать мир на основах полного самоопределения всех народностей без насильственных захватов и карательных контрибуций»[28].

Под кадетской программой прошел и открывшийся 7 мая в Ставке съезд офицеров армии и флота, который потребовал восстановить власть офицеров над солдатами, увещевания заменить суровым наказанием.

Между тем на фронте и в тылу продолжалась дальнейшая революционизация войск. Этот процесс активизировался в связи с подготовкой армий к наступлению, а затем с его провалом. Большевики умело использовали сложившуюся ситуацию. Они всемерно развивали революционный процесс в войсках, вносили свой вклад в разложение самой мощной опоры буржуазной власти — ее вооруженных сил. В июне солдаты в ряде мест не только отказывались идти в наступление, но прогоняли, а иногда и физически расправлялись с агитаторами тех партий, которые звали к продолжению войны. 20 июня солдаты 703-го Сурамского полка 10-й армии Юго-Западного фронта поколотили четырех эсеро-меньшевистских агитаторов — членов исполкома Петроградского Совета — за призыв к наступлению, приговаривая при этом, что в «Правде» ничего нет ни о наступлении юго-западных армий, ни о подчинении всероссийскому органу Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а делегаты-де — это «переодетые помещики и офицеры»[29]. Опять исторический парадокс: среди пострадавших оказался эсер Соколов, который являлся одним из авторов приказа № 1, дававшего большие права солдатам. Керенский, чтобы как-то смягчить неприятный инцидент, произвел Соколова в сенаторы.

Генерал Брусилов накануне июньского наступления на фронте признавал: «Какое, в самом деле, может быть значение такого наступления, когда во многих частях солдат приходится уговаривать идти в бой. Недавно я был восемь раз на митинге: когда с ними говоришь — согласны, когда уходишь — они опять не-

согласны. Они слушают охотно только социалистов, а буржуев слышать не хотят. Был случай, когда говорили о Керенском, который призывал идти в бой: это не настоящий Керенский, это фальшивый. Таким образом, вероятно, они приняли и Соколова за фальшивого Соколова и избили его»[30].

Сделаем выводы. К середине года буржуазные партии полностью обанкротились в армии (в тылу было то же самое). Их поддерживало только офицерство, и то далеко не все. В условиях развала дисциплины офицеры большой силы в борьбе с развивавшейся революцией не представляли. Сами буржуазные деятели, страшась солдат, верили только в «сильную власть», «которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга»[31].

Многие высшие офицеры армии и флота ненавидели солдат, матросов, рабочих, крестьян, совершивших революцию. Нелестно отзывались они и о новом правительстве, особенно о его «социалистической» части. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак в одном из приватных писем в конце апреля 1917 г. как бы суммирует настроение и мысли подобных ему: «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, я хотел бы дать родине вооруженную силу, как я ее понимаю, для решения тех задач, которые так или иначе, рано или поздно будут решены, но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий (и лишенный подобия), не способный выйти из психологии рабов народ этого не захотели»[32]. Но в то же самое время Колчак после беседы с Милюковым заявил в интервью корреспонденту кадетской газеты «Речь», что на Черноморском флоте устанавливаются лояльные отношения между офицерами и матросами, хотя отчужденность и существует, но нет вражды. И заканчивает: «Команды Черноморского флота вообще стоят на высокой ступени политической сознательности»[33]. Такое двурушничество было присуще многим офицерам.

Авторитет мелкобуржуазных партий среди солдат неминуемо клонился к закату. Обман эсеров и меньшевиков о войне раскрывался все больше и больше. Тысячи и тысячи новых жертв, поражение на фронте свидетельствовали о бесперспективности войны. «Фальшивый Керенский» и «фальшивый Соколов» говорили о том, что не таким людям доверяли солдаты. Вера в посулы лидеров эсеро-меньшевизма сильно пошатнулась. Солдаты все больше поворачивались к большевикам.

После июльских событий процесс демократизации

армии временно был как бы прерван. Введение смертной казни на фронте, репрессии по отношению к большевикам, к представителям левых партий сделали свое дело. Буржуазные партии во время корниловского мятежа пытались через офицерский состав науськать армию на революционные силы. Однако, как свидетельствует лидер эсеров Чернов, боявшийся во время генеральского мятежа «вместо Зимнего дворца очутиться в Петропавловке», «даже туземные дивизии отказались повиноваться приказам корниловского генералитета» [34].

Разгром корниловщины и проведение ряда мероприятий, связанных с борьбой против открытой буржуазной контрреволюции, а главное — большевизация Советов, и прежде всего Петроградского (последнее обстоятельство сыграло решающую роль в завоевании большевиками столичного гарнизона, а затем всей армии), создали новые условия для дальнейшей демократизации вооруженных сил, для деятельности в них политических партий.

Этот процесс все более активизируется. Влияние эсеров и меньшевиков катастрофически падало, а роль большевистской партии неуклонно возрастала. Падение престижа мелкобуржуазных партий наблюдалось и среди той части офицерства, которая в свое время их поддерживала или соблюдала нейтралитет. Всемерно увеличивается большевизация среднего и низшего звена солдатских комитетов.

2. РАССТАНОВКА ПАРТИЙНЫХ И ВОЕННЫХ СИЛ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Партия Ленина тщательно обдумывала и взвешивала все возможности осуществления вооруженного восстания. Но это совсем не означало, что после июльских событий окончательно исключался мирный путь развития революции. Обстановка была настолько неустойчивой, нестабильной, могла так круто измениться, что не исключался возврат к старой тактике. Так и произошло. Разгром контрреволюционного корниловского заговора усилил колебания мелкобуржуазных партий от буржуазии в сторону пролетариата. Вновь сложились условия, когда появилась возможность бороться за победу социалистической революции, не применяя вооруженной силы. Но это могло произойти при одном условии — отстранении от власти буржуазного Временного правительства и взятии власти Советами, т. е.

фактически меньшевиками и эсерами. В начале сентября Советы могли сделать это еще увереннее, чем во время апрельского и июньского кризисов. Все зависело от воли мелкобуржуазных партий.

Оценив обстановку, В. И. Ленин предложил меньшевикам и эсерам пойти на добровольный компромисс с большевиками. В статье «О компромиссах», написанной 1—3 сентября, он пояснял: «Только во имя этого мирного развития революции — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс»[35]. Большевики получили бы полную возможность агитировать за свои взгляды в Советах, добиваться изменения состава Советов, их большевизации, а через это и изменения состава правительства.

Но, написав основную часть работы 1 сентября, уже 3 сентября Ленин оговаривал, что возможность эта была очень короткой и, вероятно, уже миновала.

И действительно, эсеры и меньшевики не использовали данный им историей последний шанс на мирное развитие революции, не пошли на компромисс. Во вновь созданное коалиционное правительство вошли 10 министров-социалистов и 6 министров-капиталистов. Суть его осталась прежняя — буржуазная, сколь ни тщились эсеры и меньшевики приписать ему «демократичность». Ленин назвал новый сговор лидеров буржуазных и мелкобуржуазных партий вторым корниловским заговором[36].

В условиях развивавшегося общенационального кризиса большевики усилили подготовку к вооруженному восстанию, вернувшись в связи с большевизацией Советов снова к лозунгу «Вся власть Советам!». В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», в письмах о восстании, направленных в ЦК большевистской партии, ПК и МК РСДРП(б), В. И. Ленин развивает марксистское учение о восстании как науке и искусстве. В стране нарастало массовое, небывалое возмущение рабочих, участились восстания крестьян, выступления угнетенных национальностей, открыто выражалось всевозраставшее недовольство армии. Верховная власть слабела с каждым днем. Партия большевиков разрабатывает практические меры по подготовке восстания — его план, распределение сил, конкретные сроки проведения.

В связи с этим перед большевиками встал ряд

проблем огромной теоретической и практической значимости. Они и в настоящее время очень важны для всех стран, для всех коммунистических партий, встающих на путь свершения социалистической революции. Прежде всего это соотношение, так сказать, легальных, конституционных форм борьбы с сугубо революционными, не предусмотренными никакими правилами и законами, диктуемыми только интересами рабочего класса, его партии, задачами самой пролетарской революции.

Важнейшая среди них — проблема большинства в революции. Раньше она ни теоретически, ни практически партией не ставилась. Впервые Ленин сформулировал ее в середине сентября 1917 г. «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов,— указывал он в письме Центральному Комитету, ПК и МК РСДРП(б), написанном 12—14 сентября,— большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо *активное большинство* (курсив наш.— *Л.С.*) революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое совещание *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные *о большинстве революционных элементов* (курсив наш.— *Л. С.*), ведущих массы». И далее: «Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет»[37].

В. И. Ленин подчеркивает значимость не абсолютного, а относительного большинства народа. «Активное большинство», «революционное большинство», шедшее за РСДРП(б), захватив власть и удовлетворив насущ-

ные нужды народа, завоюет на свою сторону уже подавляющее большинство всех трудящихся. Они сейчас все больше и больше сочувствуют большевикам (об этом говорят сравнительные данные выборов в местные буржуазные органы власти — городские думы), но, находясь во власти инерции, предрассудков, еще не сумели преодолеть обман эсеров и меньшевиков и пока идут в своей массе за мелкобуржуазными партиями. Вот суть ленинских мыслей.

В написанной в конце сентября — 1 октября работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин развивает и обосновывает проблему большинства в революции. С новой силой он подчеркивает, что в революционных органах власти — Советах — большевики имеют на своей стороне большинство. Даже в церетелевской «булыгинской думе», т. е. пресловутом «Демократическом совещании», указывает Ленин, в куриях Советов за коалицию с буржуазией высказалось 185 депутатов, а против, т. е. за власть Советов,— 262 депутата[38]. «И по вопросу о коалиции с буржуазией и по вопросу о передаче немедленно помещичьей земли крестьянским комитетам большевики имеют уже сейчас *большинство* в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, *большинство народа,* большинство мелкой буржуазии»[39].

Анализируя настроение населения страны, и прежде всего мелкой сельской и городской буржуазии, Ленин писал: «Как раз теперь, после печального опыта «коалиции», пролетариат имеет на своей стороне *сочувствие* (курсив наш.— *Л. С.*) *большинства* народа. *Это* условие для удержания власти большевиками *есть* налицо»[40].

Завоевать власть можно только при помощи рабочих и беднейших крестьян, т. е. революционного большинства народа. Удержать ее возможно только тогда, когда самый последний трудовой человек увидит собственными глазами, а не прочитает из газет, что фабрики и банки переходят под контроль рабочих, земля — к крестьянам, что за укрывательство богатства их владельцев ждет кара, что продукты тунеядцев отдаются бедным, а квартиры богатых — бездомным. «...Тогда,— указывал Ленин,— никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, *она* победит весь мир...»[41]

Вопрос большинства с особой остротой встал в октябре, когда члены ЦК РСДРП(б) 10 и 16 октября

принимали решение о сроках вооруженного восстания. Как известно, Каменев и Зиновьев выступили против захвата власти партией пролетариата. Свою позицию они мотивировали в основном тем, что большевики не имели поддержки большинства населения страны. Ущербность построений оппортунистов вытекала из посылок о результатах выборов в городские органы самоуправления. Тенденция огромного роста влияния большевиков не бралась ими во внимание. Оппортунисты не поняли главной сути марксизма-ленинизма об условиях завоевания власти пролетариатом и его политическим авангардом. Вопрос о власти в социалистической революции решается не механическим голосованием всего населения, всех классов (в том числе буржуазии и идущих за нею слоев), а соотношением реальных сил пролетарской революции и буржуазной контрреволюции, активным революционным или активным контрреволюционным большинством.

Но Зиновьев и Каменев, как известно, встали на путь предательства пролетарской революции. Они разболтали в меньшевистской газете сроки восстания. Ленин заклеймил их как штрейкбрехеров.

Свои умозаключения о росте влияния большевиков и падении престижа эсеров и меньшевиков В. И. Ленин делал на основании многочисленных источников. Важнейшие из них — результаты выборов в городские думы двух столиц. В Петрограде первая муниципальная кампания состоялась в конце мая — начале июня, вторая — в августе 1917 г.; в Москве — соответственно в конце июня и в августе. Тщательно анализируя результаты выборов, сравнивая их, Ленин выявляет тенденцию политического процесса. Наиболее полно он сделал это в статье «Кризис назрел», написанной в конце сентября 1917 г.[42] Советские историки смогли полностью подтвердить достоверность фактического материала, которым пользовался Ленин.

В Петрограде количество голосов, поданных за большевиков, увеличилось с 20 до 33%, в Москве — с 12 до 52%; у эсеров и меньшевиков оно соответственно упало с 55 до 44 и с 70 до 15%. Что касается кадетов, то положение почти не изменилось: в Петрограде они получили оба раза чуть больше одной пятой всех голосов, а в Москве наблюдалось даже некоторое повышение — с 17 до 26%[43].

Большие изменения происходили в петроградском и московском гарнизонах, что было особенно важным. В. И. Ленин подчеркивал: в Москве августовская муниципальная кампания показала, что из 17 тыс. солдат

14 тыс. голосовали за большевиков[44]. Состояние армии вождь пролетариата анализировал самым тщательным образом, используя для этого разные источники. Изучая назревший в стране кризис, он писал: «Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный *откол* от правительства финляндских войск и Балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, небольшевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут*. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т. е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя»[45].

Состав революционных органов власти — Советов, сосредоточивших то революционное большинство, которое начинает революцию, являлся подлинным барометром политической погоды. Активно проходила большевизация Петроградского и Московского Советов, а к середине сентября этот процесс охватил и многие другие Советы промышленных центров страны. Сейчас известно, что к тому времени более 80 Советов высказались за переход к ним власти[46]. Большевизация Советов нарастала. Во главе многих из них стояли видные деятели большевистской партии**.

Нужно отметить, что, воспринимая критически выборы местных и государственных органов буржуазной власти, особенно в периоды больших потрясений (ибо эти выборы никогда не могут полностью отразить народную волю даже в такой демократической стране, какой в 1917 г. являлась Россия), отдавая предпочтение, подчеркиваем это еще раз, революционным методам борьбы, составу и действиям Советов, Ленин, большевики очень серьезно относились как к проведению выборов, так и к их результатам. Особое значение придавалось составу Учредительного собрания. Выборы делегатов в большинстве мест состоялись в ноябре 1917 г., и проводили их органы, созданные буржуазным Временным правительством (см. Приложение). Итоги

* Речь идет о выступлении 21 сентября на заседании Петроградского Совета приехавшего с фронта офицера Дубасова.

** Московский Совет возглавлял В. П. Ногин, Бакинский — С. Г. Шаумян, Иваново-Вознесенский — Ф. Н. Самойлов, Минский — К. И. Ландер, Самарский — В. В. Куйбышев, Томский — Н. Н. Яковлев, Шуйский — М. В. Фрунзе, Челябинский — С. М. Цвиллинг и т. д. (*Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. М., 1968. С. 832—833).

таких выборов не отражали истинного положения, которое в то время сложилось в стране. В частности, эсеровская партия раскололась, левые эсеры поддерживали Советскую власть, а списки этой партии в большинстве мест были едиными, отчего выигрывали противники большевиков. Наблюдались заведомые нарушения в пользу непролетарских партий.

Несмотря на все это, Ленин рассматривал данные выборов во Всероссийское учредительное собрание как ценный источник для изучения расстановки классовых и партийных сил в период проведения социалистической революции, причин ее победы. Он отметил, что результаты выборов, «если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе»[47]. В работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», напечатанной в декабре 1919 г.[48], В. И. Ленин дал блестящий пример анализа этого источника*. Следуя ленинской методологии и методике исследования, мы продолжили их изучение на базе более полных данных, которые удалось собрать в последнее время (см. Приложение).

Об огромной политической, и прежде всего партийной, активности населения России в период пролетарской революции говорит уже то, что на выборах в

* В. И. Ленин при анализе данных по выборам во Всероссийское учредительное собрание пользовался материалами, собранными эсером Н. В. Святицким (Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание (предисловие), опубликованы в сборнике статей «Год русской революции (1917—1918 гг.)». М., 1918). У Святицкого имелись обобщенные сведения по 54 избирательным округам из 79. В 60-х годах Е. Н. Городецкий продолжил исследование этого вопроса, введя в научный оборот часть новых обобщенных фактических данных, собранных в свое время сотрудниками редакции истории гражданской войны и отложившихся в фондах архива сектора истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (см.: *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965). В полном и обобщенном виде эти данные с фактическими поправками и коррективами были опубликованы в 1968 г. (см.: *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968). Часть материалов из этих документов (итоги голосования в армии и в тыловых гарнизонах) в обобщенном виде использовал П. А. Голуб, добавив к ним значительное число новых сведений. Однако из 79 избирательных округов полные данные выборов опубликованы менее чем по десяти округам. В настоящей книге впервые приводятся результаты выборов по всем избирательным спискам 68 округов (с рядом исправлений и дополнений). Учитывая, что в некоторых округах голосование вообще не состоялось, приведенные сведения близки к полным (см. Приложение). История подготовки и проведения самих выборов наиболее полно и квалифицированно освещена О. Н. Знаменским в монографии «Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения» (Л., 1976).

Учредительное собрание фигурировало около 220 избирательных списков. В них значились партии, партийные блоки, Советы, советско-партийные блоки, различного рода избирательные комитеты, профессиональные, сословные, религиозные, национальные организации, граждане отдельных уездов и волостей, отдельные лица и т. д. История не знала еще такого примера. Амплитуда колебаний стоящих за списками людей, как показали результаты выборов, была гигантской: от нескольких сот голосов до десятков миллионов. Исключительно неравномерным было и количество самих списков в избирательных округах: от 2—3 (Ферганский и Олонецкий округа) до 19 (Петроградский (город) и Харьковский округа).

В выборах участвовало более 50 политических партий. Почти все они имели свои собственные списки и одновременно выступали в блоках с другими партиями или с сочувствующими им организациями и группами лиц. Лишь отдельные из них выступали только в блоках. Из крупных партий меньше всех блокировались большевики. Они, баллотируясь в 62 округах (не выставляли свои списки в Олонецком, Тобольском, Семиреченском, Уральском, Тургайском и Ферганском округах), только в трех из них выступали вместе с меньшевиками-интернационалистами (в Алтайском, Иркутском и Пензенском) и в одном (Екатеринославском) — с местным Советом.

Мало блокировались кадеты. Больше всех заключали соглашения эсеры, главным образом с Советами крестьянских депутатов, что способствовало приобретению ими большого количества голосов в деревне.

В голосовании приняли участие 45,5 млн человек (округленно), что составляло примерно 60% занесенных в списки избирателей. Большинство из них голосовали за партийные списки. Остальных избирателей, зная их политическую ориентацию, мы с полным основанием можем причислить к той или другой группе партий. Получается такой результат: из трех групп политических партий большевики получили 22,5% всех голосов, мелкобуржуазные партии — 60,5 (из них более 55% — эсеры), буржуазно-помещичьи — 17% (данные округлены).

Если учесть, что главная борьба велась между пролетариатом и его политическим авангардом, с одной стороны, буржуазией и ее партиями — с другой, то станет ясно, какой большой перевес имели большевики над партиями прямой контрреволюции. Что касается партий мелкой буржуазии, то хотя они формально и

преобладали по количеству голосов, но самостоятельной политической силы как они сами, так и голосовавшие за них не представляли. Так, крестьяне, продолжая колебаться, выжидали, высматривали: правда ли, что большевики кончат войну, дадут им землю или ограничатся только посулами, как эсеры и меньшевики? Чтобы окончательно привлечь их на свою сторону, большевики стремились все обещанное воплотить в практику. Известно, что первыми законодательными актами Советской власти были Декрет о мире и Декрет о земле. Эти знаменательные акты воодушевили трудовых людей всего мира, а не только России. Сейчас, когда мировая атмосфера так насыщена ядерным оружием, человечество с особой благодарностью вспоминает Декрет о мире.

Нельзя забывать и то обстоятельство, что в больших промышленных городах, не говоря уже о Петрограде и Москве, соотношение партийных сил было совсем другим. Здесь большевики имели перевес над любым из партийных блоков; за ними шло примерно 36% всех избирателей, в то время как за мелкобуржуазными партиями — менее 30%, буржуазные партии также уступали большевикам.

В Петрограде и Москве — главных политических центрах страны, задававших тон всей России, большевики получили почти половину всех голосов; буржуазные партии — менее одной трети; партии мелкой буржуазии и все прочие — меньше одной пятой. В Центрально-промышленном районе за партией пролетариата шло 46%, в Северном районе — 36% избирателей.

В других, в основном сельскохозяйственных, регионах, далеко отстоящих от столиц, большевики получили от 11 до 18% голосов избирателей, в Сибири — 10, в Закавказье — менее 5%. Это отразилось на ходе социалистической революции в этих местах, но не могло повлиять на победу революции в целом, к которой была подготовлена вся страна.

Особое значение в победе Великого Октября имел фактор влияния большевиков на армию: почти половина ее на главных фронтах и флотах шла за политическим авангардом рабочего класса. На Северном фронте большевики получили 56%, на Западном — 70, на Балтийском флоте — 57, а с левыми эсерами, поддерживавшими Советскую власть, — 85% голосов избирателей. В тыловых гарнизонах положение революции было еще благоприятнее. В петроградском гарнизоне 77% солдат отдали свои голоса большевикам (около 10% — левым эсерам), в Москве — 50%. В целом в действующей

армии и на флоте большевики получили более 40% голосов, а в тыловых гарнизонах — 57% (последнее обстоятельство сыграло особенно важную роль). Ничего подобного не имела ни одна другая партия.

Говоря в сентябре — октябре 1917 г. о революционном, активном большинстве народа (а иногда и просто о «большинстве народа», не уточняя это понятие) на стороне революции, на стороне большевиков, В. И. Ленин, разумеется, не мог оперировать приведенными нами данными (он их получит только через два года). Предвидение Ленина основывалось на блестящем умении суммировать и использовать частичные, но характерные типичные факты, отражающие глубинные процессы развития революционного процесса.

Изучив осенью 1919 г. данные выборов в Учредительное собрание, проанализировав ход международного революционного процесса (особенно революции в Германии и Венгрии), события гражданской войны в России, вождь мирового пролетариата уточнил понятие «большинства в революции», создав целую концепцию этой важнейшей проблемы. «Только негодяи или дурачки могут думать,— писал он,— что пролетариат сначала должен завоевать большинство при голосованиях, производимых *под гнетом буржуазии,* под *гнетом наемного рабства,* а потом должен завоевывать власть. Это верх тупоумия или лицемерия, это — замена классовой борьбы и революции голосованиями при старом строе, при старой власти»[49].

«...Мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции:

пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся»[50].

Возвращаясь в 1922 г. к результатам выборов в Учредительное собрание, Ленин так определил силы, которые во время социалистической революции поддерживали большевиков: «...за большевиков было в конце октября и в ноябре 1917 года *большинство* пролетариата и *сознательного* (курсив наш.— *Л. С.*) крестьянства»[51].

Обвинения врагов большевизма в том, что будто бы коммунисты в период завоевания власти вели себя как бланкисты, полностью опровергается результатами выборов. О каком заговоре может идти речь, если около 11 млн человек открыто, еще до того, когда большинство народа осознало реальное значение декретов Со-

ветской власти, проголосовало за партию рабочего класса *.

Итак, социалистическая революция может и должна в условиях кризиса старой власти начаться тогда, когда имеет на своей стороне не простое большинство населения (механическое большинство), а активное, революционное большинство, готовое решительно, в том числе с оружием в руках, бороться против буржуазии, за социализм. В России это активное большинство представляло почти четверть населения. Оно состояло из большинства рабочих, половины армии, значительной части беднейшего крестьянства. Но роль этого большинства в революции, реальная сила были значительно выше процентного соотношения, ибо пролетариат всегда организованнее мелкобуржуазного крестьянства, а его политический авангард несравнимо активнее, действеннее мелкобуржуазных партий.

Социалистическая революция побеждает тогда (по опыту России, подтвержденному другими странами), когда она в нужный момент имеет перевес сил в главных стратегических пунктах (столице, армии, крупных промышленных районах, городах).

Однако активное большинство, начав революцию, сбросив буржуазию, не сможет удержать власть, если сразу же после захвата ее в центре не завоюет на свою сторону в процессе самой революции основную массу народа, используя для этого диктатуру пролетариата. Рабочий класс, его партия достигают этого путем удовлетворения самых насущных нужд народа (в России это было сделано кроме установления мира передачей земли крестьянам, уравнением в правах всех национальностей, экспроприацией части крупных фабрик и заводов и т. д.). Это произошло в течение нескольких месяцев после победы вооруженного восстания в Петрограде. Свидетельством тому — триумфальное шествие Советской власти по всей стране, закончившееся к середине февраля 1918 г.

«Триумфальное шествие власти Советов от берегов Балтики до Тихого океана показало, что Октябрьская революция — это самая народная по сравнению со всеми предшествующими революциями. Она подняла и

* Следует отметить, что в последнее время значительное число западных историков отошло от вульгарной точки зрения на завоевание большевиками власти. О «бланкизме» и «заговоре» сейчас редко кто говорит. Признают, что большевиков действительно поддерживали широкие, сознательные силы народа. К такому выводу пришел, например, известный английский советолог Д. Мандел (*Mandel D.* The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime. London, 1983. P. 180).

вовлекла в водоворот борьбы широчайшие слои трудящихся»[52]. Повторяем, большинство народа завоевывается на сторону коммунистов в процессе самой революции, в ходе острейшей классовой и партийной борьбы.

Главный ленинский методологический принцип в изучении проблемы большинства в социалистической революции состоит в глубоко диалектическом подходе к этому явлению, в учете всех факторов, влияющих на развитие революции, в анализе конкретно-исторических обстоятельств того времени, в правильном определении стратегии и тактики пролетариата к своим союзникам, и прежде всего к трудовым массам крестьянства, поддерживающим лозунги большевистской партии.

Октябрьские дни 1917 г.! После расширенного заседания ЦК РСДРП(б) 16 октября, создания затем партийного центра для руководства восстанием (в его состав вошли А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий) начался новый и последний этап подготовки большевиков к завоеванию власти. Был окончательно сформирован Военно-революционный комитет (ВРК) Петроградского Совета как аппарат для практического руководства восстанием и особый временный орган новой власти. В него кроме большевиков В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского, А. Д. Садовского и многих других вошли представители левых течений мелкобуржуазной демократии: левые эсеры П. Е. Лазимир (председатель ВРК), Г. Н. Сухарьков, некоторые анархисты.

В ходе подготовки восстания встретились значительные трудности, связанные с объективными и субъективными факторами. Каменев и Зиновьев открыто выступили против восстания, а некоторые руководящие деятели партии, в том числе из Военной организации, роль которой особенно возрастала, заколебались в сроках восстания, выражали сомнение в том, что оно уже подготовлено, что у большевиков достаточно военных сил для победы. Железная выдержка вождя партии, его непоколебимая уверенность в необходимости восстания теперь, немедленно, благотворно действовали на всех. Документы свидетельствуют о том, что именно благодаря настоянию Ленина восстание в Петрограде началось в самое благоприятное для революции время, когда растерянность в правительстве и поддерживавших его партиях была наивысшей, когда верхи действительно не могли уже больше управлять по-старому, а народ терпеть такое правительство дальше, когда колебания и метания в мелкобуржуазных партиях, поддержкой которых только и держалась

буржуазная власть, не только достигли наивысшего предела, но, как говорят, осточертели народу, когда революционное большинство не только созрело для последней, решительной схватки с капиталом, но и настоятельно требовало боя.

Величайшая заслуга Ленина как революционера-новатора, непревзойденного политика состоит и в том, что он убедил Центральный Комитет большевистской партии начать восстание до созыва II съезда Советов. Известно, что против этого выступал Троцкий, предлагая вначале путем голосования получить мандат от съезда на взятие власти Советами и только после этого пойти на восстание против Временного правительства. Это была не революционная, а полуменьшевистская, оппортунистическая точка зрения, ставящая победу социалистической революции в зависимость от голосования прежде всего крестьянских депутатов съезда, составлявших большинство; некоторые из них в любую минуту могли вновь колебнуться в сторону мелкобуржуазных партий. Этот троцкистский вариант завоевания власти пролетариатом и его партией путем голосования с мелкобуржуазными массами и их партиями был чреват огромными опасностями для социалистической революции *.

В ответ на это Ленин вечером 24 октября писал в ЦК партии: «Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их... Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно»[53]. Большевики начали восстание. Керенский утром 25 октября бежал из Петрограда на фронт.

В. И. Ленин не мыслил далее оставаться в подполье. 25 октября поздно вечером он прибыл в Смольный и встал у руля начавшейся революции. Все члены ЦК РСДРП(б) также находились в штабе восстания. Отряды Красной гвардии, революционные войска зани-

* Этот несостоятельный тезис поддерживался раньше и сейчас поддерживается многими западными советологами. Так, американец Сириани в недавно вышедшей книге «Рабочий контроль и социалистическая демократия. Советский опыт» обвиняет большевиков в том, что они взяли власть до II съезда Советов, игнорируя якобы этим волю других партий, представленных на съезде (*Sirianni C.* Workers Control and Socialist Democracy. The Soviet Experience. London, 1982. P. 268—271).

мали стратегические пункты города. Оставался не взятым только Зимний дворец, где находилось Временное правительство. Победа восстания была предрешена[54]. На открывшемся в ночь с 25 на 26 октября заседании Петроградского Совета Ленин имел полное основание сказать: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась»[55].

Открывшийся 26 октября II съезд Советов объявил себя высшей властью в стране. Большевики одни не составляли большинства на нем (их было 300 из 670 всех депутатов), но вместе с левыми эсерами (193) и меньшевиками-интернационалистами (14), которые их поддерживали, они составили подавляющее большинство, получив мандат на формирование Советского правительства. Правые эсеры и меньшевики, потерпев полное поражение, покинули съезд.

Окончилась крахом попытка Керенского сразу же сбросить новую власть при помощи казаков генерала Краснова, двинутых на столицу, и мятежа юнкеров внутри Петрограда: соотношение не только политических, но и военных сил было явно на стороне Советской власти. Великая революция делала первые, но решающие шаги в своем развитии.

3. ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Победа вооруженного восстания в Петрограде, образование Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным, установление Советской власти в крупнейших городах страны положили начало перелому в положении всех классов и партий России. Пролетариат и его политический авангард — большевики стали господствующей и правящей силой. Класс буржуазии, ее российские и национальные партии были отброшены от кормила власти и обречены на ликвидацию. Разумеется, что речь шла не о личностях, входивших в партии, а о самих политических объединениях. Специалистов в области науки, военного дела, хозяйственного строительства предполагалось использовать по назначению.

Мелкобуржуазные партии, входившие во Временное правительство и поддерживавшие его, также были отстранены от власти. Но положение их нельзя было считать безнадежным. Перед ними открылся реальный путь: оценив обстановку, признать переход власти к Советам, не уходить со II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, признать его

декреты, дать согласие войти в Совет Народных Комиссаров, работать вместе с большевиками (оставаясь, разумеется, в меньшинстве со всеми вытекающими отсюда последствиями). Плодотворность их дальнейшего сотрудничества всецело зависела от того, признают ли они социалистический характер революции и руководящую роль коммунистов как партии.

Большевики поддержали бы такую позицию эсеров и меньшевиков. Ленин говорил об этом. Он категорически выступил против «однородного социалистического правительства» (затея левых эсеров, с которой солидаризировались Каменев и Зиновьев) из-за опасения, что вчерашние соглашатели, получив посты в правительстве, похоронят завоевания социалистической революции. Взяв власть, коммунисты должны идти на то, чтобы затем растворить ее в государственных органах или общественных органах. Они неуклонно и последовательно проводят свой главный принцип — для упрочения победы революции, для строительства социализма, для предохранения от всяких случайностей необходимо иметь на своей стороне как минимум 51% состава законодательных и исполнительных органов при занятии ведущих постов. Взяв власть, большевики не исключали многопартийной ее формы (многопартийного правительства, многопартийных законодательных органов).

Однако многие мелкобуржуазные партии России избрали другой путь. Они не признали Советской власти и руководства большевиков, а объявили им войну, в которой и погибли.

На этом фоне выделялись левые отряды мелкобуржуазной демократии. Приняв участие в свержении буржуазного Временного правительства, значительная часть их стала сотрудничать с Советской властью. Представитель самого крупного такого отряда — партия левых эсеров-интернационалистов вступила в Советское правительство и стала правящей партией. Это был политический компромисс между большевиками и левой мелкобуржуазной партией. В. И. Ленин подчеркивал, что такая честная коалиция могла бы существовать долго, если бы левые эсеры признали социалистический характер Октябрьской революции. Но их колебания в этом вопросе так и не закончились [56].

Как же конкретно реагировали политические партии на свержение буржуазного Временного правительства и приход к власти большевиков? Их политика всегда определялась интересами тех классов, которые они представляли и защищали. В революции, когда сверга-

лись одни классы и к власти приходили другие, особенно рельефно проявлялось ленинское положение о том, что политика — это концентрированная экономика. Политика класса (а значит, и его партии) определялась вначале сознанием неизбежности изменения своего бытия, а затем реальным его изменением.

Разумеется, что социалистическая революция больше всего и прежде всего наносила урон буржуазии и ее партиям. «После первого серьезного поражения,— отмечал Ленин,— свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...). А за эксплуататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь... как наши меньшевики и эсеры»[57]. Это в полной мере скажется несколько позже, когда свергнутые, но еще окончательно не побежденные классы и остатки их партий развяжут при помощи мирового империализма гражданскую войну. Но началось это сразу после победы пролетарской революции.

Российские и национальные буржуазные партии, и прежде всего кадеты, затаившиеся до поры до времени монархисты видели свою главную цель в свержении любыми средствами власти рабочих и крестьян. Остальные партии эксплуататорских классов, прекратив свое существование вскоре после Октябрьской революции, полностью примкнули к кадетам. Если раньше те порой еще маскировались остатками либерализма, то теперь решительно отбросили все прочь, до конца открыв свое классовое лицо.

В воззвании к населению, опубликованном 27 октября, ЦК кадетской партии, обвинив большевиков в мятеже, призвал всех не признавать нового правительства и выступить против него. «Мы,— говорилось в воззвании,— приветствуем все учреждения и организации, объединяющиеся в борьбе против большевистского захвата, и призываем членов партии всеми силами содействовать этой борьбе»[58].

Кадеты решили использовать против большевиков военные и невоенные, мирные и немирные средства, отдавая предпочтение вооруженной борьбе. Такая тактика была определена 26 октября на заседании их Центрального комитета. «Гражданская война,— писал позже член ЦК Н. И. Астров,— казалась некоторым из них единственно возможным курсом»[59]. Пример подали Милюков, Родзянко и Гучков, бежав под защиту казачества для формирования военных сил контрреволюции (Добровольческой армии). Кадеты располагали там сильными позициями, имели своих представителей, пытались даже выдвинуть единый список с казаками для выборов в Учредительное собрание. Однако этот трюк не прошел.

Кадеты оказывали большое влияние на донское казачье войсковое правительство, глава которого атаман Каледин являлся в то время главной военной силой контрреволюции. В. И. Ленин ставил кадетов и калединцев на одну доску. Любопытный разговор по телеграфу произошел в первые дни мятежа казачьих верхов между представителем Каледина на казачьем съезде в Киеве и одним из членов совета Союза казачьих войск в Петрограде.

Из Киева передавали: «Войсковое правительство всю власть взяло в свои руки. Атаман Каледин орудует вовсю для подавления большевистского восстания. Тихий Дон таковым и остался; на Дону все благополучно, порядок полный... Передайте сию же минуту... Войсковое правительство требует от Керенского, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организации государственной власти на Дону. Дон предлагает все услуги для сконструирования этой власти...»

Петроград отвечал: «...при капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось. Он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем, в тылу он потерял всякое влияние. Взять его, конечно, к себе надо как наживу на удочку для известного сорта рыбы. Правительство должно быть организовано в Новочеркасске в контакте с московскими общественными деятелями. Это объективная логика событий и обстановки. Продолжайте пока быть верным Временному правительству»[60]. Как говорится, комментарии излишни.

Везде, где в первые месяцы существования Совета Народных Комиссаров образовывались очаги военного сопротивления, кадеты в той или иной мере прикладывали руку. Так было кроме Дона в Оренбурге, где

против Советской власти поднял мятеж бежавший сюда из Петрограда Дутов; в Забайкалье, где действовал Семенов; в Могилеве, в Ставке Верховного главнокомандующего, где сосредоточилась военная элита. Так было и в других местах, где военная контрреволюция при активном участии буржуазных партий подняла голову в первые месяцы после победы Великого Октября[61].

Но в России не нашлось ни военной, ни политической силы, которая могла бы остановить триумфальное шествие Советской власти по стране.

«Казачьи полки, возвращающиеся с фронта,— писал генерал Алексеев во французскую миссию в Киеве,— находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли подтверждение среди широких масс казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достояния. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов — буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть»[62].

«...Враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казачьи генералы,— говорилось в обращении Совета Народных Комиссаров к населению 25 ноября 1917 г.,— предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания... Политическим штабом этого восстания является Центральный комитет кадетской партии»[63].

На окраинах России, в национальных районах вместе с кадетами или самостоятельно выступили против Советской власти буржуазные националистические партии. В союзе с Дутовым действовали буржуазные националисты из казахской партии Алаш. Состоявшийся 5—13 декабря в Оренбурге под их руководством общеказахский (общекиргизский) съезд образовал свое автономное правительство — антисоветский временный народный совет — Алаш-орда. Во главе его встал бывший кадет, а теперь один из лидеров партии, Алаш Алихан Букейхан.

Буржуазные националисты Башкирии в декабре 1917 г. объявили о создании «Башкирской автономной республики», буржуазного правительства во главе с Ахметом-Захи Валидовым.

Азербайджанские буржуазные националисты, руко-

водимые председателем Бакинского ЦК объединенной партии Мусават Мамедом Эмином Расулзаде, сразу же после победы Октябрьской революции стали образовывать свои местные мусаватистские управления, войдя одновременно в антисоветский Закавказский комиссариат.

Лидеры буржуазно-националистической партии Шуроисламия в конце 1917 г. возглавили провозглашенный в Коканде (Ферганская обл.) Совет министров автономного Туркестана в противовес существовавшему уже в Ташкенте Советскому правительству. Кокандские автономисты, создав свои вооруженные силы, использовали их для борьбы с Советской властью.

Учитывая все это, Совет Народных Комиссаров 28 ноября 1917 г. объявил кадетов партией врагов народа и постановил арестовать их лидеров. Несколько десятков наиболее видных контрреволюционеров были взяты под стражу. Однако ввиду быстрого подавления военных мятежей они были освобождены, но использовали свою свободу во вред Советской власти.

Наряду с военно-политической контрреволюцией кадеты и их национальные собратья непосредственно возглавили экономический саботаж мероприятий Советской власти и политические диверсии. Действовали враги прежде всего через городские думы, общественные организации, а также через специально созданные для борьбы с Советской властью органы (Комитет спасения родины и революции, местные комитеты общественного спасения), через национальные «правительства», о которых уже упоминалось, периодическую печать. В своих газетах и листовках они открыли бешеную травлю большевиков, науськивая на них все классы и партии, обвиняя их во всех бедствиях, настоящих и особенно будущих (в «распаде России», в «повсеместных грабежах», в «насилиях» и т. п.).

В состав подпольного Временного правительства входили члены ЦК кадетской партии Д. Д. Гримм, графиня С. В. Панина, А. Г. Хрущев. Они координировали деятельность саботажников, готовились к переводу государственных средств в иностранные банки. Они финансировали саботажников и военных, дезорганизуя политическую и хозяйственную жизнь.

Рабоче-крестьянское правительство решительно выступает против саботажников. Были временно закрыты буржуазные газеты. С 26 октября по 7 ноября ни в Петрограде, ни в Москве они не выходили.

10 декабря состоялся один из первых открытых судов по пресечению саботажных действий. Он прохо-

дил в бывшем дворце великого князя Николая Николаевича над графиней Паниной. Судебный процесс собрал самую разнообразную публику. Кроме трудового люда в зале заседаний присутствовали и буржуазные адвокаты, и чиновники, и корреспонденты российских и заграничных газет, и просто обыватели. Шумели и кричали. Хмуро смотрели на них рабочие. Заседание открыл председатель Петроградского революционного трибунала рабочий, большевик, участник первой российской революции И. П. Жуков. Ему помогали шесть заседателей. Панина (бывший товарищ министра просвещения свергнутого правительства) обвинялась в утаивании 93 тыс. руб. народных денег, отчет о которых, как заявила подсудимая, она даст только Учредительному собранию.

К величайшему удивлению буржуазной публики, суд приговорил саботажницу к заключению до возврата удержанных ею денег, а за противодействие народной власти «ограничивается преданием гр-ки Паниной общественному порицанию». Через восемь дней деньги были внесены, и Панина оказалась на свободе. Советская власть проявила гуманность. Враги, не поняв, расценили это как слабость.

Поражение мятежа войск Керенского — Краснова, в подготовке которого эсеры и меньшевики принимали активное участие, крах деятельности возглавляемого эсером Авксентьевым Комитета спасения родины и революции по организации сопротивления Советской власти внесли хаос в правые мелкобуржуазные партии. Усилилось бегство из них рядовых членов. В конце 1917 г. эти партии еще легально устраивали съезды, конференции, заседания ЦК, но процесс их распада уже шел вовсю. Несбыточные свои надежды они связывали с Учредительным собранием. Многие лидеры эсеров и меньшевиков еще оставались в Советах, особенно крестьянских, некоторые вошли во ВЦИК. Однако серьезного значения это уже не имело.

26 ноября 1917 г. в Петрограде начал работу IV (и последний) съезд самой большой мелкобуржуазной партии — социалистов-революционеров, получившей на выборах в Учредительное собрание, главным образом за счет крестьян, 40% всех голосов, т. е. намного больше, чем какая-либо другая партия*. Эсеры по-

* IV съезд партии социалистов-революционеров закончился 5 декабря. На нем присутствовало 335 делегатов, в том числе 120 — с совещательным голосом. На заседаниях были рассмотрены вопросы: о текущем моменте, об отчете ЦК, о выборах в Учредительное собрание, доклады секций, организационные вопросы, выборы в ЦК и др.

разному объясняли свое поражение. Больше всего винили ЦК, его неумелое руководство, нерешительность, недальновидность, неспособность предотвратить раскол в партии (перед съездом ЦК исключил из партии левых эсеров).

«Если бы была взята правильная линия поведения после «корниловского» восстания,— сетовал главный докладчик Чернов,— и мы бы сделали все для сохранения единства партийного и демократического фронта, если бы не получилось натянутого решения, никого не удовлетворившего, за которое не было фактического большинства в партии социалистов-революционеров, может быть, мы дожили бы теперь до Учредительного собрания без гражданской войны»[64].

Откровеннее высказался член ЦК партии эсеров И. А. Прилежаев: «...когда жизнь потребовала ответа в области рабочего, аграрного вопроса и разрешения войны и мира, партия не могла дать ничего, имея лишь резолюцию и пустые карманы по вопросам социальным... Теперь мы переживаем,— резюмировал он,— крах съезда и крах партии»[65]. Но соответствующих выводов не последовало. Эсеры, уповая на Учредительное собрание, приняли открытые антисоветские резолюции по всем вопросам, грозили применить к большевикам террор.

После невероятных колебаний в выборе форм и методов борьбы с завоевавшими власть большевиками меньшевики (они, как и все другие непролетарские партии, не признали социалистической революции) собрали экстренный съезд партии (проходил в Петрограде с 30 ноября по 7 декабря 1917 г.). Он показал полную растерянность меньшевиков, которые, по словам М. И. Либера, «еще недостаточно освоились с мыслью, что большевики не являются партией, которая подлежит расстрелу, а, наоборот, властью, которая имеет силу расстреливать». И добавил, обращаясь к делегатам съезда: «Ведь не только на выборах в Учредительное собрание, но и в Петроградском Совете еще до переворота никто не голосовал за вас. К чему, в самом деле, большевики второго сорта, когда есть первосортные»[66]. Такие мысли высказывали почти все ораторы. Между тем меньшевики были одной из немногих непролетарских партий, которые в первые месяцы после установления Советской власти сохраняли большую общую численность. Несоответствия здесь не существовало. В промышленных районах меньшевистские организации ввиду ухода из них рабочих сильно поредели, но в других местах они даже выросли за счет мелкобуржу-

азных элементов. Вот почему на этом съезде были представлены делегаты от 143 тыс. членов партии (без Закавказья, где в Грузии их насчитывалось около 50 тыс.)[67].

Однако суть дела состояла не в численности партии, а в том, что массы ее уже не поддерживали. На выборах в Учредительное собрание меньшевики всех оттенков получили в двух столицах по 3% голосов, а во всей стране — 2,5%. Правда, в Закавказье за меньшевиков голосовало 37% избирателей.

Что касается тактики меньшевиков по отношению к большевикам, Советской власти, то по этому поводу высказывались самые разные точки зрения. Правый Потресов требовал немедленного свержения большевиков. «И неосновательна надежда,— возражал он центру и левым меньшевикам,— что большевизм можно причесать. Большевизм тем и характерен, что он никогда не позволял себя причесывать. Он непоколебим. Его можно сломить, но согнуть нельзя»[68]. Большинство высказывалось за то, чтобы ждать Учредительного собрания, которое «может организовать приемлемую страной власть»[69]. После съезда раздоры в партии и распад ее усилились.

Почти одновременно со съездами правых эсеров и меньшевиков проходил I съезд вновь образовавшейся партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) (с 19 по 28 ноября, в Петрограде). Лидерами ее были М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков, П. П. Прошьян, А. Л. Колегаев, В. А. Карелин; центральный печатный орган — газета «Знамя труда». Левые эсеры заявили о поддержке Советской власти. По их мнению, Учредительное собрание обязано было одобрить декреты II съезда Советов. В главном документе съезда говорилось, что трудящиеся классы должны держать в своих руках государственную власть, не разделяя ее ни с каким другим классом, что «переходные эпохи требуют диктатуры того класса, который хочет победить»[70]. Однако ни в одной резолюции съезда не упоминалось о диктатуре пролетариата, она заменялась «диктатурой демократии». Это означало, что левые эсеры не признавали пролетарского руководства крестьянами. Они, не выработав программы, продолжали колебаться между большевиками и правыми мелкобуржуазными партиями.

Положение, сложившееся в партиях эсеров и меньшевиков в первые месяцы Октябрьской революции, было характерным и для многих национальных партий тех районов, где победила Советская власть.

В ряде мест борьбу против установления власти рабочих и крестьян возглавили не буржуазные партии, которые были слабы, а прежде всего национальные собратья эсеров и меньшевиков, нажившие политический капитал на конфронтации с Временным правительством. Так было, например, на Правобережной Украине и в значительной мере в Закавказье.

Мелкобуржуазные националисты, ставя задачу отделения от России, создают в противовес Советской власти свои органы управления. Украинские меньшевики во главе с С. Петлюрой, В. Винниченко, эсеры, предводимые М. Грушевским, добились передачи власти Центральной раде, провозгласившей «независимую» Украинскую народную республику, которая повела тайные переговоры с кайзеровской Германией. В Белоруссии антисоветское знамя подняли националистические мелкобуржуазные партии — Белорусская социалистическая громада (И. Вороненко, Ф. Гриб), Бунд (Р. Абрамович, Ф. Вайнштейн, Э. Фрумкина), Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (Е. С. и С. С.)[71]. В Закавказье верховодили грузинские меньшевики, создав с другими партиями контрреволюционный Закавказский комиссариат. Характерно, что в развитии мелкобуржуазных националистических партий, как и в центре России, происходил (правда, с некоторым опозданием) процесс выделения левых течений, оформившихся затем в ряде мест в самостоятельные партии. Националистические партии, как и общероссийские, ждали созыва Всероссийского учредительного собрания, которое будто бы все решит.

И вот наконец 5 января 1918 г. в 4 часа дня в Таврическом дворце открылось первое заседание Учредительного собрания. Большевики пошли на это для того, чтобы народ, значительная часть которого еще продолжала верить в Учредительное собрание, воочию убедился в огромном преимуществе советской формы правления над буржуазно-парламентарной, что российский парламент изжил себя и представляет вчерашний день в политическом развитии страны. Если Учредительное собрание примет декреты Советской власти, что было маловероятно, то его представители займут соответствующее место в управлении страной, если нет, то оно полностью разоблачит себя как антинародное.

На заседании должны были присутствовать 715 избранных делегатов (из них 370 эсеров, 175 большевиков, 86 от национальных групп, 40 левых эсеров, 17 кадетов, 15 меньшевиков, 2 представителя Трудовой народно-социалистической партии, 1 не назвал своей

партийной принадлежности)[72]. Со времени выборов к январю 1918 г. в стране произошли колоссальные изменения. Советская власть установилась на огромной территории. Декреты ее стали известны в самых отдаленных уголках. Была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», изложившая программу Советской власти. Накануне открытия Учредительного собрания ВЦИК опубликовал постановление, в котором предупреждал, что всякая попытка присвоить власть, принадлежащую Советам, «будет рассматриваема как контрреволюционное действие» и всемерно подавляться. Буржуазные и мелкобуржуазные партии в день открытия Учредительного собрания организовали в Петрограде и других городах демонстрации, но производили они жалкое впечатление.

Собрание открыл старейший эсер С. П. Швецов. Появившийся в это время на трибуне председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов, отстранив его, вместо эсеровской повестки дня предложил Учредительному собранию одобрить декреты Советской власти. (Кроме Свердлова в зале присутствовали избранные делегатами большевики, среди которых был и В. И. Ленин.) Однако предложение Свердлова было отклонено. И председатель В. М. Чернов повел собрание по заранее разработанному плану (обсуждались заготовленные антинародные законопроекты). В ответ большевики зачитали написанную В. И. Лениным декларацию: «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»[73]. Они покинули заседание. Вскоре ушли и левые эсеры.

12 часов оставшиеся зачитывали и обсуждали подготовленные проекты законов. В 4 часа утра начальник караула анархист А. Г. Железняков объявил, что караул устал, и предложил прекратить заседание. «Работа» Учредительного собрания была перенесена на другой день. Но, когда утром контрреволюционная его часть пришла к Таврическому дворцу, на дверях его «висел замок». Никто не поднялся на защиту буржуазного парламента.

С роспуском Учредительного собрания кончился важный этап в развитии социалистической революции, в истории всех политических партий России. В стране полностью и окончательно установилось государство диктатуры пролетариата.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Великий Октябрь нанес сокрушительный удар по непролетарским партиям России, но не подвел еще черты под их историей. Это сделали гражданская война и интервенция в отношении монархической и буржуазной контрреволюции и первые годы нэпа в отношении мелкобуржуазной демократии. Именно в этот период непролетарские партии окончательно разоблачили себя перед народом, показав во всей своей неприглядности свою контрреволюционную сущность. Жизнеспособной оказалась только одна партия — партия большевиков, ибо только она на деле отстаивала интересы всех народов России.

1917 год наиболее ярко показал классовое лицо каждой партии, а последующие 1918—1920 гг. вскрыли их потенции и возможности в отстаивании интересов своего класса.

Известно, что гражданская война и интервенция начались в России летом 1918 г. под флагом демократической контрреволюции, т. е. мелкобуржуазных общероссийских и националистических партий. При помощи войск Четверного союза и Антанты, высадившихся на окраинах России, Советская власть была зажата в огненное кольцо фронтов. В некоторых регионах создавались свои эсеро-меньшевистские и националистические правительства. Кадеты, потерпев поражение в первые месяцы Советской власти, не выступали тогда под своим флагом, они прятались за ширмой демократической контрреволюции. Между ними, эсерами и меньшевиками фактически продолжался союз.

Этот новый виток исторического развития, казалось, складывался в пользу буржуазных партий. В конце 1918 г. кадеты Сибири во главе с В. Н. Пепеляевым возглавляют военный переворот. Эсеры Авксентьев, Зензинов, Роговский, Аргунов изгоняются из правительства, к власти приходит адмирал Колчак, которого объявляют верховным правителем России. То же самое происходит на Севере России, в Архангельске, где на смену бывшему лидеру Трудовой народно-социалистической партии Чайковскому приходит генерал Миллер. Прекращает «заигрывания» с эсерами и меньше-

виками буржуазно-помещичий диктатор Юга России генерал Деникин. Кадеты становятся его главной политической партией. Характерна резолюция одного из кадетских совещаний (ноябрь 1919 г.), которая «призывает партию к деятельной поддержке доблестных армий и национальной диктатуры в их борьбе с большевизмом и в строительстве государственной жизни на началах национально-демократической программы, возвещанной адмиралом Колчаком и генералом Деникиным...»[1].

Мелкобуржуазные партии, проложив дорогу для установления военной буржуазно-помещичьей диктатуры, сами вынуждены были уйти в подполье. Незавидное положение «третьей силы», боровшейся как против большевиков, так и против ставленников военщины и буржуазных партий, неминуемо привело их к краху. Как говорят, что заслужили, то и получили.

В Закавказье в силу специфических условий блок контрреволюционных националистических мелкобуржуазных и буржуазных партий существовал до конца гражданской войны. Пытаясь оторвать три закавказские республики от Советской России, они делали ставку на империалистов Антанты.

В. И. Ленин, обобщая опыт классовой и партийной борьбы периода Октябрьской революции и гражданской войны в России, Кронштадтского мятежа весной 1921 г., мирового революционного движения того времени, писал в 1921 г.: «Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное,— а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и помещики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним, как делали в Сибири по отношению к Чернову и Майскому, как делали в Венгрии по отношению к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам и К°. Этих мещанских Нарциссов — меньшевиков, эсеров, беспартийных — настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать»[2].

С разгромом белогвардейских армий, с изгнанием интервентов с Советской земли прекратили свое существование буржуазные партии в России. Их лидеры бежали за границу. Главные мелкобуржуазные партии, находясь то на полулегальном положении, то в подполье,

битые с двух сторон (буржуазно-помещичьей диктатурой и пролетарской), пережили гражданскую войну. Правда, от них остались одни отрепья, но были еще свои ЦК, некоторые местные партийные организации. В конце гражданской войны и в первое время после нее в условиях голода, разрухи, болезней, недовольства значительной части крестьян политикой военного коммунизма они даже оживились; используя экстремальные условия, становились вдохновителями и организаторами антисоветских мятежей, в том числе в Кронштадте, встали на путь террористической борьбы. Советская власть, партия большевиков вынуждены были усилить борьбу с мелкобуржуазной контрреволюцией. Лидеры эсеров и меньшевиков бежали за границу. Местные организации распались. Вначале эсеровская партия, а затем меньшевистская прекратили свое существование. Подобное произошло и с их националистическими собратьями. За границей бывшие члены буржуазных и мелкобуржуазных партий неоднократно то соединялись, то разъединялись, но все было напрасно. Летальный исход их был предрешен и неизбежен.

Непросто складывалась судьба левых отрядов мелкобуржуазной демократии, которые прямо или условно поддерживали Советскую власть и с которыми большевики заключали компромиссы. Так, соглашение с левыми эсерами, самой крупной и влиятельной мелкобуржуазной партией, вхождение их в правительство, во все народные комиссариаты, активное участие во ВЦИКе, в съездах Советов сыграли большую роль в победе и упрочении Советской власти. Этот акт — свидетельство выдающейся прозорливости, мудрости большевистской партии, В. И. Ленина.

Однако левые эсеры не выдержали проверки на зрелость. Их постоянные колебания, придирки к действиям политического авангарда рабочего класса, нежелание пересмотреть свои позиции по важнейшим вопросам революционной стратегии, в частности о войне и мире, о социалистической революции в деревне, привели их к конфронтации. Левые эсеры вышли из Совета Народных Комиссаров. Непонимание необходимости заключения в марте 1918 г. Брестского договора с Германией привело руководство эсеровской партии к организации 6 июля 1918 г. антисоветского мятежа. По постановлению ЦК левых эсеров был убит посланник Германии в Советской России граф Мирбах. Не подготовленная к обороне страна оказалась на грани войны с немецким империализмом. Это ставило под величайшую угрозу существование первого в мире рабоче-крестьян-

ского государства. Советская власть решительно пресекла действия мятежников. Лидеры левых эсеров были арестованы. Партия распалась, из нее образовались еще две организации, заявившие о сотрудничестве с Советской властью. Значительное число левых эсеров, порвав со своей партией, вступило в РКП(б).

Примером гибкой тактики большевиков по отношению к левым мелкобуржуазным национальным партиям явилось принятие в 1920 г. в Украинскую Коммунистическую партию украинских левых эсеров (боротьбистов). В. И. Ленин высоко оценил этот акт. Всего после победы Октябрьской революции в РКП(б) влилось более десяти общероссийских и национальных мелкобуржуазных партий, вставших на позиции большевизма. Многие члены их честно трудились на пользу ленинской партии и Советской власти.

Исторический опыт большевиков в вопросах межпартийной борьбы в период подготовки и победы социалистической революции и в последующее время имеет непреходящее значение. Его творчески развивают и применяют коммунисты всех стран в решении самых жгучих вопросов современности — в борьбе за мир, разоружение, социализм. Он используется коммунистическими и рабочими партиями братских стран в строительстве, укреплении и совершенствовании социализма. Этот опыт является составной частью исторического опыта Великой Октябрьской социалистической революции, которая стала **«переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией»**[3].

Сбылись слова К. Маркса и Ф. Энгельса о неизбежности торжества российской Коммуны. В 1879 г. Энгельс писал, что революция в России явится «ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории»[4].

Чем далее от победы Великого Октября, тем ярче становится ее значение, тем глубже мы понимаем исторический опыт победы для нашего движения в целом[5]. Напомнив эти ленинские слова, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев с особой силой высветил отношение советских людей к этому всемирно-историческому событию.

«Памятью и сердцем мы возвращаемся к незабываемым октябрьским дням семнадцатого года, к поколениям революционных борцов, строителей и защитников социализма — подлинных творцов истории. Мы славим

их непоколебимую верность делу Октября, их замечательные свершения, труд и подвиги во имя социалистической Отчизны»[6].

* * *

По истории Великой Октябрьской социалистической революции написано огромное число работ в нашей стране и за рубежом и много еще будет создано. К Октябрю, как поворотному пункту истории, привлечено внимание всего мира — и друзей революции, и ее врагов. И все больше возрастает интерес к политической стороне истории, в том числе к идеологической, партийной борьбе в революции. И это понятно. «Как и Французская революция, она еще долгое время будет поляризовать мнения,— пишет английский советолог Э. Х. Карр,— одни будут восхвалять ее как веху в освобождении человечества от угнетения прошлого, другие будут поносить ее...»[7]

Упомянуть все труды, в которых освещаются или затрагиваются те или иные проблемы партийной борьбы в 1917 г., невозможно, ибо их очень много. Это можно сделать только в специальном историографическом исследовании. Однако отметим, что, несмотря на наличие большого числа работ по разным аспектам проблемы, специального целостного труда по истории борьбы всех партий России не было. (Настоящая работа — первая попытка сделать это.)

Вместе с тем имеются работы методологического историографического и источниковедческого характера посвященные (полностью или частично) проблеме партийной борьбы в 1917 г.; к ним может обратиться читатель для расширения и углубления своих познаний *.

* *Ким М. П.* Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1982 (раздел о классах и партиях); Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984 (введение и заключение); Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971; Партия и Великий Октябрь (Историографический очерк). М., 1976; *Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе.* Тбилиси, 1980; Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М., 1980; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1981; *Городецкий Е. Н.* Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов. Очерки. М., 1981; *Он же.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930—1960-е гг. Очерки. М., 1982; Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конференции. М., 1982; *Калашников В. В.* Английская и американская буржуазная историография стратегии и тактики большевиков в Октябрьской революции. Л., 1986; и др.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВМЕСТО ПРОЛОГА (с. 3—20)

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (далее: ЦГАОР СССР), ф. 102, оп. 5, д. 27, ч. 69Б, л. 13.

[2] Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг. Т. III. М.; Пг., 1923. С. 276.

[3] Речь. 1916. 31 окт.

[4] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 698, л. 3.

[5] Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 129—130.

[6] Отчет Центрального Комитета Союза 17 октября о его деятельности с 1 октября 1913 г. по 1 сентября 1914 г. М., 1914. С. 166; ЦГАОР СССР, ф. 116, оп. 1, д. 1, л. 107.

[7] *Аврех А. Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 135.

[8] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 270—271.

[9] Государственная дума: Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия V. Стб. 68.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 435.

[11] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 9, д. 244, т. 2 (1916 г.), л. 70.

[12] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 9, д. 307, л. А, т. 1 (1916 г.), л. 244.

[13] Новое время. 1916. 5 нояб.

[14] *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VI. С. 52.

[15] Красный архив. 1933. № 1. С. 105.

[16] См.: *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975. С. 66.

[17] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 330.

[18] Русское знамя. 1917. 24 янв.

[19] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 5, д. 104, т. 2 (1916 г.), л. 56об.

[20] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 16, д. 167, ч. 35 (1915 г.), л. 7. Письмо председателя постоянного совета Объединенных дворянских обществ А. П. Струкова в Совет министров (осень 1915 г.).

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 363.

[22] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 140.

[23] *Родзянко М. В.* Крушение империи. Изд. 3-е. Л., 1929. С. 200.

[24] Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Т. 5. С. 146.

[25] Там же. С. 1.

[26] Там же. С. 146.

[27] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1967. С. 582.

[28] Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 129 (из сводки начальника петроградского губернского жандармского управления за октябрь 1916 г.).

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 108.

[30] Большевики в годы империалистической войны. 1914—февраль 1917 г.: Сб. док. [М.] 1939. С. 159.

[31] *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С. 544.

[32] *Тютюкин С. В.* Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М., 1972. С. 193.

[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390.

Часть I. КОНЕЦ ДВУГЛАВОГО ОРЛА (с. 21—96)

[1] Правительственный вестник. 1917. 1 янв.
[2] Там же. 2 янв.
[3] См. подробно: *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
[4] Речь. 1917. 1 янв.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327.
[8] Там же. Т. 31. С. 13.
[9] Речь. 1917. 15, 21 марта.
[10] Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 208.
[11] Красный архив. 1926. № 5. С. 207—210; *Блок А. А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 126—139; Падение царского режима. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 407; Т. 4. М.; Л., 1925. С. 382; Т. 5 М.; Л., 1926. С. 247.
[12] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 271.
[13] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 5, д. 307 (1917 г.), л. 15.
[14] *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 267.
[15] Утро России. 1917. 1 февр.
[16] Там же. 19 янв.
[17] Речь. 1917. 10 февр.
[18] Земщина. 1917. 2 февр.
[19] Колокол. 1917. 4 февр.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 5, д. 307 (1917 г.), л. 19об.
[21] Утро России. 1917. 5 янв.
[22] *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 287.
[23] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 282.
[24] См.: Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 165
[25] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 5, д. 20, ч. 57 (1917 г.), л. 17—19.
[26] См. подробно: *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 298—304; *Черменский Е. Д* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 238—245; *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 239—240.
[27] *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 149.
[28] Колокол. 1917. 8 февр.
[29] Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 350.
[30] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Изд. 2. М. (б. г.). С. 207.
[31] Буржуазия накануне Февральской революции. С. 172.
[32] Там же. С. 179, 181—182.
[33] Там же. С. 183.
[34] *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975. С. 168—169.
[35] Речь. 1917. 14 февр.
[36] Колокол. 1917. 5 февр.
[37] *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 211, 212.
[38] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 283.
[39] Государственная дума: Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1917. Стб. 1333—1334 (далее: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V).
[40] Там же. Стб. 1499.
[41] Буржуазия накануне Февральской революции. С. 171.
[42] Речь. 1917. 22 февр.

[43] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Стб. 1353.
[44] Там же. Стб. 1613.
[45] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 215.
[46] Земщина. 1917. 19 февр.
[47] Русское знамя. 1917. 18 февраля.
[48] Государственная дума: Четвертый созыв. Сессия V. Стб. 1704, 1711.
[49] Там же. Стб. 1719.
[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 234.
[51] *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». М., 1923. С. 251.
[52] Государственная дума: Четвертый созыв. Сессия V. Стб. 1756—1757.
[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 263.
[54] Вопросы истории КПСС. 1965. № 9. С. 81.
[55] *Дажина И. М.* Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции. М., 1981. С. 145—156.
[56] Большевики в годы империалистической войны. 1914—февраль 1917 г. [М.], 1939. С. 171.
[57] *Китанина Т. М.* Война, хлеб, революция (Продовольственный вопрос в России. 1914—октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 254; См. подробно о рабочем классе, его численности, положении в 1917 г.: *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964; *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970.
[58] Подробно о составе питерских рабочих и солдат гарнизона в 1917 г. см.: *Лейберов И. П., Шкаратан О. И.* К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 г. // Вопросы истории. 1961. № 1; *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985.
[59] Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966. С. 133.
[60] *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914—март 1917 г.). М., 1979. С. 118, 129.
[61] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 131.
[62] *Каюров В. Н.* Дни Февральской революции // Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г.—февраль 1917 г.). Л., 1986. С. 238.
[63] *Лейберов И. П.* Указ. соч. С. 132.
[64] Правительственный вестник. 1917. 25 февр.
[65] *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. I. М., 1923. С. 90.
[66] *Свешников Н. Ф.* Выборгский районный комитет РСДРП(б) в 1917 году // В огне революционных боев. М., 1967. С. 83.
[67] Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Т. 5. С. 218.
[68] Листовки петербургских большевиков. Т. II. Л., 1939. С. 249—250.
[69] *Кондратьев Т. К.* Воспоминания о подпольной работе // Крушение царизма. Л., 1986. С. 279.
[70] Русское знамя. 1917. 25 февр.
[71] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 222.
[72] Там же. С. 224.
[73] *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. I. С. 109.
[74] Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 112.
[75] *Каюров В. Н.* Указ. соч. С. 244.
[76] Документы Бюро ЦК РСДРП в России (июнь 1914—февраль 1917) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 9. С. 82.
[77] *Каюров В.* Шесть дней Февральской революции // Пролетарская революция. 1923. № 1. С. 165.

[78] Листовки петербургских большевиков. Т. II. С. 250—251.

[79] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия. М., 1986. С. 181.

[80] *Волков А. А.* Около царской семьи. Париж, 1928. С. 47.

[81] *Минц И. И.* История Великого Октября. В 3 т. Т. I. Свержение самодержавия. М., 1967. С. 528.

[82] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 17.

[83] Шестой съезд РСДРП(большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 49; Известия Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февр

[84] См : *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 6.

[85] Подробнее см.: *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976. С. 39.

[86] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 46.

[87] *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Период двоевластия. Л., 1973. С. 154.

[88] Речь. 1917. 5 марта.

[89] Там же. 7 марта.

[90] *Блок А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 74; *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 27.

[91] Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. Т. 1. С. 136.

[92] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 224—225.

[93] Там же. С. 226.

[94] Там же.

[95] Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. Т. 2. С. 57.

[96] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 226, 229, 232.

[97] Речь. 1917. 8 марта.

[98] *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч. С. 352.

[99] Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. Т. 1. С. 137.

[100] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

[101] Речь. 1917. 9 марта.

[102] Там же. 10 марта.

[103] Там же. 23 марта.

[104] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 1. 1883 — ноябрь 1917. М., 1979. С. 371.

[105] Листовки Московской организации большевиков. 1914—1925. М., 1954. С. 28.

[106] Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986. С. 210—211.

[107] Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч. I. 1892—1917. Иваново, 1963. С. 391.

[108] Иваново-вознесенские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. док. Иваново, 1947. С. 50, 51.

[109] Пермская областная организация КПСС: Хроника. Пермь, 1983. С. 42.

[110] Цит. по: *Васькин В. В., Герасименко Г. А.* Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976. С. 11; См. также: *Метельков П. Ф.* Железнодорожники в революции. Февраль 1917 — июнь 1918. Л., 1970.

[111] Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч. I. 1898—1918 Саратов, 1968. С. 257.

[112] См. подробнее: *Васькин В. В., Герасименко Г А.* Указ. соч.

[113] См. подробнее: *Дударь Е. И.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбуржье (март 1917 — июнь 1918 г.). Оренбург, 1967; *Машин М. Д.* Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976.

[114] Lidums. 1917. 14. III.

[115] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 26.

[116] См. подробнее: *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970. С. 134—137.

[117] *Андреев А. А.* Ленинским курсом // Звезда. 1964. № 8. С. 151.

[118] *Ленин В И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 17.

[119] Там же. С. 16.

[120] См.: *Иоффе Г. З.* Указ. соч.

[121] См.: Современная советская историография Февральской революции. М., 1978.

[122] *Lawrence N. Langer.* Russia in Revolution // In Studies in Comparative Communist. Los Angeles, Summer 1984. N 2. P. 137, 146.

[123] *Sheila Fitzpatriek.* The Russian Revolution. 1917-1932. Oxford, New York, 1984. P. 32-33.

[124] Ibid. P. 33.

Часть II. БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ (с. 97—214)

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 135.

[2] Там же. Т. 32. С. 386.

[3] Речь. 1917. 5 марта.

[4] *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914—1919 гг. Л., 1926. С. 33—34.

[5] Речь. 1917. 26 марта.

[6] *Думова Н. Г.* Провал политики кадетской партии в борьбе за власть буржуазии (февраль — октябрь 1917 г.): Канд. дис. М., 1970. С. 34.

[7] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 5, д. 260 (1913 г.).

[8] Там же, л. 13.

[9] Речь. 1917. 21 марта.

[10] Там же. 25 марта.

[11] Новое варшавское утро (Минск). 1917. 11 апр.

[12] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 марта.

[13] Революционное движение в России после свержения самодержавия М., 1957 С. 445.

[14] Вестник Временного правительства. 1917. 20 апр. (3 мая).

[15] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 316.

[16] См. там же. С. 291, 292.

[17] Рабочая газета. 1917. 21 апр.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 312

[19] Там же. С. 310; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 109.

[20] Дело народа. 1917. 21 апр.

[21] Там же.

[22] Правда. 1917. 11 мая (28 апр.).

[23] Солдатская правда. 1917. 6 мая (23 апр.).

[24] Красный архив. 1929. Т. 2. С. 56—57.

[25] *Рошаль М. Г.* На путях революции — Октябрю навстречу. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде в марте — сентябре 1917 г. М., 1986. С. 72.

[26] Правда. 1917. 6 мая (23 апр.).

[27] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 49.

[28] Правда. 1917. 6 мая (23 апр.).

[29] Там же. 8 мая (25 апр.); *Сталин И. В.* Соч. Т. 3. С. 46.
[30] Там же. С. 47.
[31] Правда. 1917. 6 мая (23 апр.); *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 319.
[32] Речь. 1917. 22 апр.; Русские ведомости. 1917. 24 апр.
[33] Правда. 1917. 6 мая (23 апр.).
[34] Речь. 1917. 21 апр.
[35] Рабочая газета. 1917. 29 апр.
[36] Там же. 21, 24 мая, 1 июня.
[37] Дело народа. 1917. 5 мая.
[38] Известия Петроградского Совета Р. и С. Д. 1917. 2 мая.
[39] Дело народа. 1917. 2 мая.
[40] Там же. 4 мая.
[41] Там же.
[42] Вестник партии Народной свободы. 1917. № 4-5. С. 9.
[43] Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 837.
[44] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. I. 1898—1917. М., 1983. С. 502 (далее: КПСС в резолюциях...).
[45] См. подробнее: Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация: Док. и матер. М., 1959. С. 229—230.
[46] Дело народа. 1917. 4 мая.
[47] Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. 8, 13, 15 (Далее: Буржуазия и помещики в 1917 году).
[48] Речь. 1917. 6 мая.
[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 311.
[50] Там же. С. 310.
[51] Там же.
[52] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 64.
[53] Дело народа. 1917. 4 мая.
[54] *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. 1968. С. 105; *Спирин Л. М.* Ленин и советская историография о позиции и политике буржуазных партий в период борьбы за установление Советской власти // В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. / Главн. ред. М. П. Ким. М., 1970. С. 257; *Он же.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.— 1920 г.). М., 1977. С. 251—252; *Думова Н. Г.* Из истории кадетской партии в 1917 г. // Исторические записки. 1972. № 90; *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 187; *Корнев В. В.* Из истории идейной борьбы большевиков против кадетов в 1905—1917 гг. // История КПСС — марксизм-ленинизм в действии. Вып. 3. М., 1979. С. 142; *Кувшинов В. А.* Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль—октябрь 1917). М., 1982. С. 51.
[55] *Кувшинов В. А.* Указ. соч. С. 44.
[56] Буржуазия и помещики в 1917 году. С. 21.
[57] Там же. С. 112.
[58] Известия Временного комитета Государственной думы. 1917. 30 апр.
[59] Буржуазия и помещики в 1917 году. С. 16.
[60] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 34.
[61] Буржуазия и помещики в 1917 году. С. 7.
[62] Там же. С. 117.
[63] Там же. С. 113.
[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 69.
[65] Буржуазия и помещики в 1917 году. С. 284.
[66] Там же. С. 125, 126.

[67] Речь. 1917. 10 мая.
[68] Там же.
[69] Там же.
[70] Там же. 12 мая.
[71] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 5, 7.
[72] Там же. С. 335—337, 350—352.
[73] Речь. 1917. 11 мая.
[74] Lidums. 1917. 2. V.
[75] Ibid. 29. IV. 23. V.
[76] Ibid. 15, 16. VII.
[77] См. подробнее: *Полушкина В. А.* Стратегия и тактика большевиков по отношению к непролетарским национальным партиям (1903—1925 гг.): Докт. дис. М., 1986.
[78] См. подробнее: *Муджири А. Н.* Политические партии и национальный вопрос в Закавказье в период подготовки и проведения Октябрьской революции: Докт. дис. Тбилиси, 1970; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.— 1920 г.); Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; *Джангвеладзе Г. А.* Банкротство антипролетарских партий в Грузии. Тбилиси, 1981; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984 (Далее: Непролетарские партии России).
[79] Русское слово. 1917. 2 июля.
[80] См. подробнее: *Чаадаева О.* Помещики и их организации в 1917 г. М.—Л., [1928]; *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; *Она же.* Всероссийский союз земельных собственников (1917) // История СССР. 1976. № 3; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.— 1920 г.).
[81] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 137.
[82] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 191.
[83] Дело народа. 1917. 27 мая.
[84] Очерки истории Коммунистической партии Литвы. Т. I. 1887—1920. Вильнюс, 1973; Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г.: Док. и матер. (март 1917 — февраль 1918). Рига, 1963; *Граф Мати.* Политические партии Эстонии. 1917—1920. Таллин, 1982 (на эст. яз.).
[85] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968 С. 289.
[86] Там же. С. 297.
[87] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.
[88] Там же. С. 115.
[89] Владимир Ильич Ленин: Биография. 4-е изд. М., 1970. С. 333.
[90] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 10
[91] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 33.
[92] Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 33.
[93] *Гопнер С. И.* Незабываемые дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. Т. 2. М., 1969. С. 392—396.
[94] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 134.
[95] Там же. С. 140—142, 250, 252.
[96] КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 504.
[97] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 383; см. также: *Волобуев П.* О выборе пути общественного развития // Проблемы мира и социализма. 1985. № 10.
[98] Владимир Ильич Ленин: Биография. С. 346.
[99] *Горький А. М.* В. И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 253.

[100] Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1971. С. 91.
[101] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. С. 27; *Аникеев В. В.* Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1968. № 2. С. 127.
[102] Борьба за победу Советской власти в Грузии: Документы и материалы (1917—1921). Тбилиси, 1958. С. 35—36.
[103] *Астрахан Х. М.* Указ. соч. С. 110—111.
[104] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.
[105] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. С. 243—244.
[106] *Астрахан Х. М.* Указ. соч. С. 140.
[107] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б): Протоколы. М., 1958. С. 149.
[108] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. С. 87, 180, 246; *Минц И. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 672, 961.
[109] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Т. I. 1883—1917. Л., 1980. С. 372.
[110] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 26.
[111] *Астрахан Х. М.* Указ. соч. С. 75—77.
[112] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 346.
[113] *Sheila Fitzpatrick.* The Russian Revolution. 1917—1932. Oxford, New York, 1984. P. 181.
[114] *Pethybrige R.* The Spread of the Russian Revolution. Esays an 1917. London, *Macmillan,* 1972. P. 142; см.: Новые книги за рубежом. 1973. № 3. 15 февр. Перевод рефер. Г. Иоффе.
[115] Вопросы истории КПСС. 1958. № 2. С. 132.
[116] *Рубан Н. В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.). М., 1968. С. 10.
[117] *Бережной А. Ф., Астрахан Х. М., Сазонов И. С.* Большевистская печать в борьбе за власть Советов (март—октябрь 1917 г.). Л., 1960. С. 203.
[118] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 г.): Сб. док. / Подготовители: Аникеев В. В., Елкина С. И. / М., 1957. С. 31—32.
[119] *Андронов С. А.* Большевистская печать в трех революциях. М., 1978. С. 323—324.
[120] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Док. и матер. Т. 1. Минск, 1957, С. 506.
[121] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 231.
[122] Большевики Петрограда в 1917 г.: Хроника революционных событий в Петрограде. Л., 1957. С. 215.
[123] Речь. 1917. 14 марта.
[124] Правда. 1917. 14(1) июня.
[125] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 207.
[126] См. подробнее: *Балуев Б. П.* Ленин полемизирует с буржуазной прессой. М., 1977; *Кожевников В. П.* Наступательно и непримиримо. Ленинские традиции борьбы против враждебной пропаганды в трех революциях. М., 1986.
[127] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 278.
[128] Там же. С. 280—281.
[129] Дело народа. 1917. 24 мая.
[130] Там же. 14 мая.
[131] Там же. 6 мая.
[132] Там же. 16 апреля.
[133] Известия Временного комитета Государственной думы. 1917. 4 мая; Речь. 1917. 7 мая.
[134] Социал-демократ. 1917. 16 апреля (Москва).
[135] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 265.
[136] Там же. С. 274, 275.

[137] Там же. С. 267.
[138] См. там же. С. 275—276.
[139] *Гилярова Е. А.* «Есть такая партия!» // Октябрю навстречу. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде в марте — сентябре 1917 г. Л., 1986. С. 133.
[140] См. подробнее: Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С. 166—185.
[141] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. I. М.; Л., 1930. С. 380.
[142] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 66.
[143] Буржуазия и помещики в 1917 году. С. 103; см. подробнее: *Комин В. В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
[144] Дело народа. 1917. 8 июня.
[145] Там же. 10 июня.
[146] Маленькая газета. 1917. 10 июня
[147] Дело народа. 1917. 11 и 13 июня.
[148] Рабочая газета. 1917. 10 июня.
[149] Новая жизнь. 1917. 10 июня.
[150] Речь. 1917. 1 апреля.
[151] *Лацис М. Я.* Из дневника агитатора // Октябрю навстречу. Л., 1986. С. 144.
[152] *Грунт А. Я.* Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 168.
[153] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. С. 147.
[154] См. подробнее: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 г. М.; Л., 1964.
[155] Шестой съезд РСДРП(большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 17 (далее: Шестой съезд РСДРП(большевиков)).
[156] *Кропоткин П.* Государство и его роль в истории. М., 1917
[157] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 55.
[158] См. подробнее: *Комин В. В.* Анархизм в России. Калинин, 1969; *Канев С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974.
[159] Первый легальный Петербургский комитет большевиков. Л., 1965. С. 174, 175.
[160] *Жуков А. Ф.* Идейно-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.
[161] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 362.
[162] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 3. М., 1953. С. 163.
[163] КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия: Сб. док. М., 1957. С. 342.
[164] Дело народа. 1917. 4 июля.
[165] Там же. 5 июля.
[166] Там же. 4 июля.
[167] *Вильямс Альберт Рис.* О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960. С. 100.
[168] Рабочая газета. 1917. 4 июля.
[169] Известия Совета Р. и С. Д. 1917. 4 июля.
[170] Рабочая газета. 1917. 4 июля.
[171] *Сталин И. В.* Соч. Т. 3. С. 168.
[172] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 г. С. 320.
[173] *Грунт А. Я.* Указ. соч. С. 173—188.
[174] Шестой съезд РСДРП(большевиков). С. 269—270.
[175] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 216.
[176] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 267—268.
[177] Шестой съезд РСДРП(большевиков). С. 20.
[178] Там же. С. 256.

[179] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 7.
[180] Дело народа. 1917. 5 мая.
[181] Речь. 1917. 14 мая.
[182] Русское слово. 1917. 15 мая.
[183] Дело народа. 1917. 7 июля.
[184] Буржуазия и помещики в 1917 году. С. 113.
[185] См. подробнее: *Гусев К. В. и Ерицян Х. А.* От соглашательства к контрреволюции. Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968; *Гусев К. В.* Партия эсеров от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. Л., 1978.
[186] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 374.
[187] Дело народа. 1917. 26 мая.
[188] Там же.
[189] Протоколы III съезда П. С.-Р. С. 30.
[190] Дело народа. 1917. 28 мая.
[191] Протоколы III съезда П. С.-Р. С. 36.
[192] Земля и воля. 1917. 8 июля.
[193] Дело народа. 1917. 11 июля.
[194] Там же. 15 июля.
[195] Непролетарские партии России. С. 298.
[196] Дело народа. 1917. 13 мая.
[197] Русское слово. 1917. 8 июля.
[198] *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979; *Лосева А. В.* Банкротство Трудовой народно-социалистической партии (февраль 1917—1922 гг.): Канд. дис. М., 1974.
[199] Дело народа. 1917. 23 июня. Историю трудовой группы см.: *Колесниченко Д. А.* Трудовики в период первой российской революции. М., 1985.
[200] Протоколы I Всероссийского съезда народно-социалистической партии; VI Всероссийского съезда Трудовой группы; I Всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии. 17—23 июня 1917 г. Пг., 1917. С. 140.
[201] Власть народа. 1917. 24 июня.
[202] *Суханов Н.* Записки о революции. Т. I. Берлин; Пг., 1922. С. 35, 168.
[203] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. I. Вып. 2. София, 1921. С. 195.
[204] *Рубан Н. В.* Указ. соч. С. 102—103; Непролетарские партии России. С. 280—282.
[205] Партийные известия (ОК РСДРП). 1917. № 3. С. 2; № 4—5. С. 1.
[206] Непролетарские партии России. С. 291. О фракциях в меньшевизме см. подробнее: *Астрахан Х. М.* Указ. соч. С. 224—232, 291—304.
[207] *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». М., 1923. С. 256, 257. См. историю Бунда: *Панавес Ч.* Борьба большевиков против оппортунистической теории и политики Бунда (1903—октябрь 1917 г.). М., 1972; *Шестак Ю. И.* Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда. М., 1980; *Червякова М. М.* Борьба большевиков против соглашательства и демократической контрреволюции Бунда // Деятельность партийных организаций по осуществлению первых социальных преобразований в годы становления Советской власти. Калинин, 1977.
[208] *Жвания Г. К.* Великий Октябрь и борьба большевиков Закавказья за Советскую власть. Тбилиси, 1967. С. 18.
[209] Революция 1917 года в Закавказье: Док. и матер. Тифлис, 1927. С. 80.
[210] См. подробнее: *Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С.* Нацио-

нальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905—1917 гг. М., 1976; *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977; *Ильящук Г. И.* В. И. Ленин о политическом банкротстве меньшевизма. Минск, 1981: *Иллерицкая Е. В.* Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981.

[211] *Ветров Р. И.* Победа Октябрьской революции и банкротство меньшевиков на Украине. Харьков, 1983. С. 70.

[212] Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. С. 211.

[213] Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа: Док. и матер. М., 1959. С. 446.

[214] Дело народа. 1917. 28 авг.; Рабочая газета. 1917. 28 авг.

[215] Русское слово. 1917. 27 авг.

[216] *Керенский А. Ф.* Дело Корнилова. М., 1918. С. 146—147. См. подробнее о корниловском мятеже и действиях партий в нем: *Мартынов Е. И.* Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927; *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. I. Корнилов или Ленин? София, 1922. Вып. 2; *Иванов Н. Я.* Корниловщина и ее разгром. Из истории борьбы с контрреволюцией в 1917 г. Л., 1965; *Он же.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982.

[217] Рабочий. 1917. 30 авг.

[218] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 119.

[219] ЦПА ИМЛ, ф. 274. оп. 2 (кн. пост.), д. 4. Рукопись.

Часть III. ПАРТИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА РАБОЧЕГО КЛАССА БЕРЕТ ВЛАСТЬ (с. 215—254)

[1] Чилийская революция, фашистская диктатура, борьба за ее свержение и создание новой демократии: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Чили. Август 1977. М., 1978. С. 38.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 20, 73.

[3] Рабочее движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 106.

[4] Речь. 1917. 5 апр.

[5] *Старцев В. И.* Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917—апрель 1918 г.). М.; Л., 1965. С. 192, 195; *Верхось В.* Красная гвардия в Октябрьской революции. М., 1976. С. 256.

[6] Октябрю навстречу. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде в марте—сентябре 1917 г. Л., 1986. С. 253, 257.

[7] *Голуб П. А.* Партия, армия и революция: Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917—февраль 1918. М., 1967. С. 77—79; *Кузьмина Т. Ф.* Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября: По материалам Московского военного округа. М., 1978; *Смольников А. С.* Армия победившей революции: Советская историография большевизации армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1984.

[8] Бюллетени Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП. 1917. 24 июня.

[9] Lidums. 1917. 2. VI.

[10] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 245.

[11] Речь. 1917. 15 окт.

[12] *Голуб П. А.* Указ. соч. С. 54; *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 233.

[13] Дело народа. 1917. 21 июня.

[14] *Миллер В. И.* К истории борьбы непролетарских партий за армию в 1917 г. // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982. С. 248.

[15] *Голуб П. А.* Указ. соч. С. 54, 55.

[16] Известия Временного комитета Государственной думы. 1917. 27 апр.

[17] Красный архив. 1932. № 1-2. С. 200.

[18] Новое варшавское утро. 1917. 11 апр.

[19] Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль—октябрь 1917 г.): Док. и матер. Минск, 1957. С. 197.

[20] Там же. С. 208—209.

[21] Новое варшавское утро. 1917. 21 апр.

[22] Эртоба (Единство). 1917. 25 апр. (на груз. яз).

[23] Там же. 5 мая.

[24] Дело народа. 1917. 17 мая.

[25] Там же. 14 мая.

[26] Там же. 27 мая.

[27] Красный архив. 1932. № 12. С. 208.

[28] Дело народа. 1917. 15 июня.

[29] Там же. 25 июня.

[30] Буржуазия и помещики в 1917 г. С. 132.

[31] Там же. С. 192, 193.

[32] ЦГАОР СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 3, л. 19.

[33] Речь. 1917. 20 апр.

[34] Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. Л., 1967. С. 161.

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135.

[36] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 406. См. подробнее: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 797—798.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239, 241.

[38] См. там же. С. 297.

[39] Там же. С. 298.

[40] Там же. С. 300.

[41] Там же. С. 330.

[42] Там же. С. 278—279.

[43] См. подробнее: *Комиссаренко Л. А.* В борьбе за массы. Муниципальная деятельность петроградских большевиков в период подготовки Октябрьской революции. Л., 1983. С. 58, 74; *Грунт А. Я.* Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 232 (проценты даны автором округленно).

[44] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278.

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278.

[46] *Андреев А. М.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967. С. 314. Об установлении Советской власти на окраинах см.: *Крушанов А. И.* Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917—апрель 1918). Владивосток, 1983; Великий Октябрь—главное событие XX века / Главн. ред. Б. А. Тулепбаев. Алма-Ата, 1979; История Киргизской ССР / Главн. ред. К. К. Каракеев. Т. II. 3-е изд. Фрунзе, 1967; *Литвин А. Л., Мухарямов М. К.* Решающий рубеж. Казань, 1978.

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 19.

[48] Там же. С. 1—24.

[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 219.

[50] Там же. Т. 40. С. 12.

[51] Там же. Т. 45. С. 175.

[52] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3,

кн. 1. С. 428; См. также: *Кукушкин Ю. С.* Исторический путь Советов в СССР. М., 1966; *Поляков Ю. А.* Великий рубеж истории. М., 1967; *Он же.* Великая Октябрьская. М., 1977.

[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

[54] Подробнее см.: *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; *Совокин А. М.* На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. М., 1977.

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.

[56] См. подробнее: *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963; *Сивохина Т. А.* Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973; *Малашко А. М.* Установление однопартийной системы и ликвидация мелкобуржуазных партий в Советской России. Минск, 1976; *Разгон А. И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977; *Гусев К. В., Полушкина В. А.* Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий. М., 1983.

[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 264.

[58] Вестник партии народной свободы. 1917. № 24-25. С. 24.

[59] Последние новости. 1925. 18 янв. (Париж).

[60] *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М., 1975. С. 28.

[61] *Владимирова Вера.* Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.; Л., 1927. С. 141.

[62] См. подробнее: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. 1973; *Кириенко Ю. К.* Крах калединщины. М., 1976; *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917—февраль 1918. М., 1976.

[63] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 154, 155.

[64] Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября—5 декабря 1917 г.). Пг., 1918. С. 25.

[65] Там же. С. 78.

[66] *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 77.

[67] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 343—344.

[68] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 52, л. 19.

[69] *Комин В. В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. С. 559.

[70] Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С. 89.

[71] *Курас И. Ф.* Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. Киев, 1978.

[72] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. С. 495; Всероссийское учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 115.

[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 228.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА (с. 255—259)

[1] Великая Россия. 1919. 12(25) нояб.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 239.

[3] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 124.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 344.

[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 144.

[6] Правда. 1986. 8 нояб.

[7] *Carr E. H.* The Russion Revolution from Lenin to Stalin. 1917-1929. London, 1979. P. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

ИТОГИ ВЫБОРОВ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ПО ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ ОКРУГАМ, ГУБЕРНСКИМ (ОБЛАСТНЫМ) ГОРОДАМ И ГАРНИЗОНАМ

№ п/п	Название округа Время выборов. Источники	Номер и название избирательного списка *	Результаты						Количество избранных и их партийная принадлежность. Примечания
			по округу		по городу		по гарнизону		
			абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Барнаул							
1	Алтайский 26—28 ноября 1917 г. Дело Алтая. 1918. 12 янв. Барнаул; Жизнь Алтая. 1917. 5 дек. Барнаул	№ 1 — старообрядцы	17 292	2,4	235	2,9	1	0,1	13 эсеров
		№ 2 — эсеры	621 377	87,0	2 228	27,9	269	43,0	* Некоторые названия даются сокращенно
		№ 3 — народные социалисты	6 068	0,8	170	2,1	7	1,1	
		№ 4 — меньшевики	3 785	0,6	396	4,9	11	1,9	** В списки внесено 872 495 избирателей
		№ 5 — кадеты	12 101	1,7	1 424	17,8	25	4,0	
		№ 6 — русские немцы	8 048	1,1	18	0,2	—		
		№ 7 — большевики и меньшевики-интернационалисты	25 268	6,4	3 530	44,2	312	49,9	
		Итого...	693 939**		8 001		625		
2	Архангельский ЦГАОР СССР, ф. 13 (сейчас ф. 1810), оп. 2, д. 3, л. 3, 56; Воля Севера. 1917. 17 нояб.	№ 1 — кадеты	12 086	7,2	5 619	28,9	406	7	2 большевика
		№ 2 — меньшевики	7 335	4,3	2 765	14,2	240	4	2 эсера
		№ 3 — эсеры и Совет крестьянских депутатов	106 570	63,2	5 238	26,9	1 256	22,5	* В списки внесено 249 374 из-

* Во второй графе дата проведения выборов указана в тех случаях, когда ее удалось документировать.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 4 — группа граждан Кущевской вол.	1 160	0,7	61	0,3	—		бирателя
		№ 5 — большевики	36 522	21,6	5 776	29,7	3 670	65,9	** Данные неполные
		Неизвестные голоса	5 032	3,0	—		—		
		Итого...	168 705 *		19 459		5 572 **		
3	Астраханский Астраханский вестник. 1917. 18 нояб.; 9 дек.	№ 1 — кадеты	13 107	6,7	8 981	25,8	96	2,8	4 эсера
		№ 2 — мусульманская группа	20 412	10,5	6 379	18,3	157	4,6	1 большевик
		№ 3 — казачья группа	14 117	7,3	3 900	11,2	602	17,7	* В списки внесено 67 533 избирателя
		№ 4 — большевики	36 023	18,6	9 556	27,5	1 815	53,4	
		№ 5 — меньшевики	2 220	1,1	1 486	4,3	72	2,1	
		№ 6 — эсеры	100 482	51,8	4 310	12,4	650	19,2	** В списки внесено 8 983 избирателя
		№ 7 — группа народных социалистов Царевского у.	883	0,4	191	0,5	9	0,2	
		Неизвестные голоса	7 003	3,6	—		—		
		Итого...	1 942 457		34 803 *		3 401 **		
					Кишинев				
4	Бессарабский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 1, д. 7, л. 20; Бессарабская жизнь. 1917. 10 дек. Кишинев; *Святицкий Н. В* Итоги выборов во Всероссийское учред. собр. //Год русской революции (1917—1918 гг.). М., 1918. С. 108—109	№ 1 — Совет крестьянских депутатов			472	1,6	294	2,4	5 эсеров 5 молдавских эсеров 1 меньшевик 1 кадет
		№ 2 — эсеры			5 617	19,4	4 957	40,7	
		№ 3 — Союз земельных собственников			1 956	6,8	50	0,4	
		№ 4 — меньшевики и Бунд			1 441	5,0	168	1,4	
		№ 5 — кадеты			3 024	10,5	713	5,9	
		№ 6 — Молдавская наци-			407	1,4	—		

ональная партия и Бессарабский союз кредитных и ссудно-сберегательных товариществ				
№ 7 — Социалистическая партия союза служащих Юго-Западной железной дороги	33	0,1	—	
№ 8 — меньшевики	5 449	18,8	4 914	40,3
№ 9 — Еврейский национальный избирательный комитет	9 054	31,3	105	0,9
№ 10 — Бессарабская трудовая народно-социалистическая партия	276	0,9	50	0,4
№ 11 — украинские социалистические организации	1 088	3,8	927	7,6
№ 12 — союз граждан немецкой национальности	47	0,2	—	
№ 13 — группа кооператоров	11		—	
№ 14 — 3-й участок Телицкой вол. Бендеровского у.	10		—	
№ 15 — население Телицкой вол.	4		—	
№ 16 — 4-й участок Телицкой вол.	2		—	
№ 17 — Поалей-Цион	51	0,2	—	
Итого...	28 942		12 178	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
5	Витебский 12—14 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 1, д. 154, л. 2—5; д. 91, л. 49—50; д. 271, л. 46; ЦГАОР БССР, ф. 623, оп. 1, д. 3, л. 80; д. 5, л. 44; д. 7, л. 88 (сведения любезно предоставлены Г. И. Ильящук); Известия Витебского Революционного Совета солд. и раб. депутатов. 1917. 1 дек.	№ 1 — эсеры	150 279	26,8	3 053	8,9	1 780	2,7	6 большевиков
		№ 2 — Трудовая народная социалистическая партия	3 599	0,6	958	2,9	357	2,7	3 эсера
		№ 3 — кадеты	8 132	1,5	2 365	6,9	671	5,2	
		№ 4 — Летгальский народный комитет и Латгальская социалистическая партия трудового народа	5 118	0,9	20	0,1	10	0,1	
		№ 5 — большевики	287 101	51,2	11 875	34,8	8 866	68,9	
		№ 6 — Витебский белорусский народный союз и православные единоверческие приходы Полоцкой епархии	9 019	1,6	3 058	8,9	258	2,1	
		№ 7 — Еврейский национальный избирательный комитет	24 790	4,4	5 772	16,9	44	0,3	
		№ 8 — земельные собственники и старообрядцы	6 098	1,1	375	1,1	65	0,5	
		№ 9 — меньшевики и Бунд	12 471	2,2	3 822	11,3	143	1,1	
		№ 10 — объединенные польские организации	10 556	1,9	2 169	6,4	462	3,7	
		№ 11 — социалисты-федералисты и крестьяне Латгалии	26 990	4,8	68	0,2	40	0,3	
		№ 12 — латышские де-	5 881	1,1	395	1,1	90	0,7	* В списки вне-

	мократы-националисты							сен 49 241 избиратель
	№ 13 — крестьяне Витебской губ.	9 752	1,8	197	0,5	69	0,5	** В списки внесено 19 000 избирателей
	№ 14 — граждане Болецкой вол. Городокского у.	752	0,1	12		7		
	Итого...	560 538		34 139 *		12 862 **		
6 Владимирский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 13б, л. 6—9; д. 12, л. 74—77; Владимирские губернские ведомости. 1917. 20 окт.; Владимирская жизнь. 1917. 25 нояб.; *Голуб П. А.* Партия, армия, революция. М., 1967. С. 203	№ 1 — кадеты	38 058	6,2	4 457	34,0	175	5,0	6 большевиков 3 эсера
	№ 2 — Возрождение свободной России	9 193	1,5	265	2,0			
	№ 3 — эсеры и съезд крестьянских депутатов	196 886	32,2	2 610	19,9	438	12,4	* Вместе 49 голосов
	№ 4 — меньшевики	13 139	2,2	1 230	9,4	78	2,2	
	№ 5 — Труд. нар.-соц. партия	6 917	1,1	474	3,6	*		
	№ 6 — большевики	345 306	56,5	4 041	30,8	2 801	79,1	
	№ 7 — кооператоры	1 659	0,3	37	0,3	*		
	Итого...	611 158		13 114		3 541		
				Иваново-Вознесенск				
Там же	№ 1 — кадеты			4 174	15,6	106	5,3	
	№ 2 — Возрождение свободной России			808	3,0	*		
	№ 3 — эсеры и съезд крестьянских депутатов			3 389	12,7	307	17,0	* Вместе 19 голосов
	№ 4 — меньшевики			679	2,5	28	1,5	
	№ 5 — Труд. нар.-соц. партия			420	1,6	*		
	№ 6 — большевики			17 166	64,3	1 352	74,5	
	№ 7 — кооператоры			60	0,2	*		
	Итого...			26 696		1 812		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
7	Вологодский 12—14 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 16, л. 2—6; Вольный голос Севера. 1917. 23 дек. Вологда; Северное эхо. 1917. 9; 20 дек. Вологда	№ 1 — эсеры и Совет крестьянских депутатов	348 239	74,1	4 651	29,2	929	47,4	6 эсеров 1 большевик
		№ 2 — большевики	84 358	17,9	3 718	23,3	825	42,1	
		№ 3 — Труд. нар.-соц. партия	8 340	1,8	423	2,7	15	0,8	
		№ 4 — кадеты	25 357	5,4	5 973	37,5	163	8,3	
		№ 5 — Единство	3 606	0,8	1 169	7,3	27	1,4	
		Итого...	469 900		15 934		1 959		
					Житомир				
8	Волынский 26—28 ноября 1917 г. Волынь. 1917. 30 нояб. Житомир; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 109	№ 1 — меньшевики и Бунд			1 426	6,9	221	4,5	9 украинских эсеров
		№ 2 — Еврейский нац. избират. комитет			1 858	9,0	23	0,5	1 по списку № 4
		№ 3 — Еврейская народная партия			269	1,3	12	0,2	
		№ 4 — краёва польская			3 592	17,4	223	4,5	
		№ 5 — кадеты и беспартийные хлеборобы	22 397	2,8	3 077	14,9	931	19,1	
		№ 6 — эсеры	27 575	3,4	1 011	4,9	855	17,4	
		№ 7 — украинцы			489	2,3	113	2,3	
		№ 8 — еврейские общественные деятели			1 943	9,5	13	0,2	
		№ 9 — Поалей-Цион			104	0,5	7	0,1	
		№ 10 — Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (Е.С. и С.С.)			529	2,6	23	0,5	

	№ 11 — украинские эсеры и волостная рада сельских депутатов	570 988	71,0	2 756	13,4	1 757	35,8	
	№ 12 — большевики	35 612	4,4	2 117	10,3	656	13,4	
	№ 13 — правые и единоверцы			1 453	7,0	73	1,5	
	Итого...	804 208		20 624		4 907		
9 Воронежский 12—14 ноября 1917 г. Воронежский телеграф. 1917. 17 нояб.; 8 дек.; *Лавыгин Б. М.* 1917 год в Воронежской губернии. Хроника. Воронеж. 1928. С. 157, 142—143	№ 1 — кадеты	36 488	3,3	12 380	58,1	393	11,1	13 эсеров
	№ 2 — большевики	151 517	13,8	2 536	11,9	1 991	56,3	2 большевика
	№ 3 — эсеры	875 300	79,7	2 611	12,2	847	23,9	* Мазурское общество Новохоперского у.
	№ 4 — меньшевики	8 658	0,8	1 531	7,2	51	1,4	
	№ 5 — украинские эсеры и левые эсеры	11 851	1,1	360	1,7	195	5,5	
	№ 6 — трудовики	6 116	0,6	1 289	6,1	33	0,9	
	№ 7 — Мазурское общество *	796		9		2	0,1	
	№ 8 — союз земледельцев	7 281	0,7	596	2,8	30	0,8	
	Итого...	1 098 007		21 312		3 542		
10 Вятский Архив сектора истории гражданской войны ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 3, оп. 1, п. 30, д. 2, л. 60—62	№ 1 — Котельнический уездный Совет крест. депутатов	33 140	3,1	10	0,1	2	0,1	11 эсеров 4 большевика 1 по списку № 5
	№ 2 — Вятский губернский торгово-промышленный союз	6 328	0,6	952	7,1	11	0,5	
	№ 3 — Вятский общегубернский съезд крест. депутатов и партии эсеров	612 525	57,0	1 682	12,3	441	20,3	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 4 — Вятский губ. мусульманский союз	55 585	5,2	100	0,7	10	0,4	
		№ 5 — Народно-социалистическая партия и национальный союз черемисов	37 621	3,5	1 635	11,9	44	2,0	
		№ 6 — меньшевики	19 167	1,8	2 000	14,6	50	2,3	
		№ 7 — Петропавловский отдел Российского крестьянского союза	2 940	0,2	4		—		
		№ 8 — группа граждан Яранского у. Пачинской вол.	2 616	0,2	11	0,1	2	0,1	
		№ 9 — кадеты	48 106	4,5	4 082	29,8	87	4,0	
		№ 10 — Православно-приходский демократический союз	9 396	0,8	675	4,9	2	0,1	
		№ 11 — большевики	236 952	22,1	2 474	18,2	1 491	68,7	
		№ 12 — Глазовский уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов	10 452	1,0	53	0,3	32	1,5	
		Итого...	1 074 828		13 688		2 172		
		Ростов-на-Дону							
11 Донской 12—14 ноября 1917 г. Вольный Дон. 1918.		№ 1 — блок социалистов	5 718	0,4	863	1,3			9 по списку № 4
		№ 2 — эсеры	478 901	34,0	7 565	11,1	483	0,8	7 эсеров
		№ 3 — старообрядцы	8 183	0,6	244	0,3	—		3 большевика

2 янв. Новочеркасск; *Голуб П. А.* Указ. соч. С. 243	№ 4 — казаки	636 966	45,3	14 248	20,9	—		
	№ 5 — большевики	205 497	14,6	25 529	37,5	4 882	83,3	
	№ 6 — кадеты	43 345	3,1	13 637	20,0	161	0,3	
	№ 7 — народные социалисты	5 049	0,4	1 358	2,0	—		
	№ 8 — меньшевики	17 504	1,2	4 615	6,8	102	0,2	
	№ 9 — собственники	5 457	0,4	99	0,1	—		
	Итого...	1 406 620		68 158		5 833		
	Таганрог							
Там же	№ 1 — блок социалистов			126	0,6	—		
	№ 2 — эсеры			4 383	19,4	506	20,9	
	№ 3 — старообрядцы			17	0,1	—		
	№ 4 — казаки			2 990	13,3	—		
	№ 5 — большевики			9 395	41,7	1 486	61,5	
	№ 6 — кадеты			2 925	13,0	118	4,9	
	№ 7 — народные социалисты			217	0,9	—		
	№ 8 — меньшевики			2 436	10,8	117	7,3	
	№ 9 — собственники			49	0,2	—		
	Итого...			22 538		2 417		
12 Екатеринославский Народная жизнь, 1917. 17 нояб.; 1 дек. Екатеринослав; Голос солдата. 1917. 19 нояб. Екатеринослав; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 109	№ 1 — Союз земельных собственников	26 597	2,2	3 608	4,5	461	5,1	10 по списку № 5
	№ 2 — Объединенная евр. соц. раб. партия (Е. С. и С. С.)	5 831	0,5	1 781	2,3	56	0,6	9 укр. эсеров
	№ 3 — эсеры	231 717	19,4	6 627	8,4	1 415	15,7	1 укр. меньшевик

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 4 — кооператоры и народные социалисты	9 496	0,8	1 007	1,3	100	1,1	4 большевика 4 эсера
		№ 5 — блок: Селянская спилка; Совет крест. депутатов; укр. эсеры; укр. меньшевики	556 012	46,6	12 950	16,4	3 770	41,9	
		№ 6 — православные и хлеборобы	8 068	0,7	531	0,7	33	0,4	
		№ 7 — кадеты	27 551	2,3	9 224	11,7	301	3,3	
		№ 8 — Поалей-Цион	3 307	0,2	624	0,8	—		
		№ 9 — большевики и Бахмутский Совет крест. депутатов	213 163	17,9	20 849	26,4	1 756	19,5	
		№ 10 — Еврейский нац. избир. комитет	37 032	3,1	14 521	18,3	720	8,0	
		№ 11 — Бунд	4 883	0,4	1 545	1,9	—		
		№ 12 — меньшевики	26 909	2,3	4 601	5,8	286	3,2	* В голосовании участвовало 67% избирателей
		№ 13 — поселение греков Мариупольского у.	9 143	0,8	43		—		
		№ 14 — русские граждане немецкой национальности	25 977	2,2	553	0,7	49	0,5	
		№ 15 — Единство	7 363	0,6	607	0,8	59	0,7	
		Итого...	1 193 049 *		79 071		9 006		
					Красноярск				
13	Енисейский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 233, л. 26;	№ 1 — кадеты	12 263	3,4	2 649	12,7	166	3,1	4 эсера
		№ 2 * — большевики	96 138	27,0	12 170	58,2	4 164	77,5	2 большевика

Красноярский рабочий. 1917. 16 нояб.	№ 3 * — эсеры	229 671	64,4	4 935	23,6	817	15,2	* Списки № 2 и
	№ 4 * — меньшевики	4 581	1,3	491	2,3	71	1,3	№ 5; № 3 и № 4
	№ 5 * — интернационалисты (левые эсеры)	3 674	1,0	217	1,0	111	2,1	объединились
	№ 6 — Нар. соц. партия	8 000	2,2	256	1,2	38	0,7	
	№ 7 — областники	2 452	0,7	214	1,0	7	0,1	
	Итого...	356 779		20 932		5 374		
				Чита				
14 Забайкальский ЦГАОР СССР, ф. 13. оп. 2, л. 154, л. 3; Единство. 1917. 22 нояб. Иркутск; Народное дело. 1917. 17 нояб.; 2 дек. Чита; Забайкальский рабочий. 1917. 3 дек. Чита	№ 1 — большевики	17 260	9,7	2 728	21,0	704	23,4	2 эсера
	№ 2 — Бурятский национальный комитет	26 155	14,7	37	0,3	7	0,2	
	№ 3 — меньшевики	3 245	1,8	449	3,5	30	1,0	
	№ 4 — эсеры	104 220	58,7	5 774	44,4	2 074	68,8	
	№ 5 — забайкальские казаки	15 078	8,5	629	4,8	44	1,5	
	№ 6 — кадеты	7 200	4,1	1 697	13,1	63	2,1	
	№ 7 — народные социалисты и граждане Баргузинского у.	1 335	0,7	623	4,8	11	0,4	
	№ 8 — Забайкальский отдел народных социалистов	2 925	1,7	1 022	7,9	74	2,4	
	№ 9 — Союз забайкальских старообрядцев	218	0,1	27	0,2	8	0,2	
	Итого...	177 636		12 986		3 015		
				Тифлис				
15 Закавказский (без двух уездов Тифлис-	№ 1 — меньшевики	569 362	28,9	31 288	36,8	4 173	14,2	9 меньшевиков
	№ 2 — кадеты	24 612	1,2	9 565	9,4	1 767	6,0	6 дашнаков

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	ской губ., по которым нет сведений) 12—14 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 185, л. 41—45; ЦГАОР Азербайджанской ССР, ф. 21. д. 7, л. 14—14об., 32, 33об. (сведения по Елизаветпольской губ. любезно предоставила Н. А. Агамалиева); Известия Совета раб. и солд. депутатов. г. Тифлиса. 1917. 19 нояб.; 2 дек.; День свободы. 1917. 19 нояб. Батум; Всероссийское учредительное собрание. С. 116—138	№ 3 — эсеры	105 553	5,4	11 504	11,3	7 734	26,3	6 мусаватистов
		№ 4 — дашнаки	436 333	22,1	19 595	19,3	1 377	4,7	2 по списку № 12
		№ 5 — большевики	87 610	4,4	19 172	18,8	13 138	44,7	
		№ 6 — грузинские федералисты	19 042	1,0	3 496	3,4	489	1,7	1 большевик 1 эсер
		№ 7 — Армянская народная партия	13 099	0,6	1 612	1,6	52	0,2	1 по списку № 14
		№ 8 — Грузинская демократическая партия	22 499	1,1	3 282	3,3	192	0,7	* В голосовании не участвовали 21 807 избирателей
		№ 9 — Труд. нар.-соц. партия	514		252	0,2	47	0,2	
		№ 10 — мусаватисты	444 150	22,5	322	0,3	322	1,1	
		№ 11 — Мусульманская организация меньшевиков (Гуммет)	34 463	1,7	407	0,4	19	—	
		№ 12 — Мусульманский социалистический блок	140 143	7,1	433	0,4	1		
		№ 13 — мусульмане Западного Закавказья	71		4		3		
		№ 14 —мусульмане России	66 162	3,5	2		2		
		№ 15 — сионисты	6 983	0,5	794	0,8	55	0,2	
		Итого...	1 970 596		101 728 *		29 371		
					Баку				
	Там же	№ 1 — меньшевики			5 667	5,1	—		
		№ 2 — кадеты			9 062	8,2	—		
		№ 3 — эсеры			18 789	16,9	1 541	1,4	
		№ 4 — дашнаки			20 314	18,3	—		

	№ 5 — большевики	22 276	20,1	7 699	70,8
	№ 6 — грузинские федералисты	456	0,4	—	
	№ 7 — Армянская народная партия	1 508	1,4	—	
	№ 8 — Грузинская демократическая партия	145	0,1	—	
	№ 9 — Труд. нар.-соц. партия	116	0,1	—	
	№ 10 — мусаватисты	21 752	19,6	—	
	№ 11 — Мусульманская организация меньшевиков (Гуммет)	—		—	
	№ 12 — Мусульманский социалистический блок	903	0,8	—	
	№ 13 — мусульмане Западного Закавказья	3		—	
	№ 14 — мусульмане России	7 850	7,1	—	
	№ 15 — сионисты	2 081	1,9	—	
	Итого...	110 922		10 879	
		Батум			
Там же	№ 1 — меньшевики	6 809	34,6	2 077	19,1
	№ 2 — кадеты	1 400	7,1	344	3,2
	№ 3 — эсеры	5 801	29,5	4 825	44,2
	№ 4 — дашнаки	1 471	7,5	498	4,6
	№ 5 — большевики	2 926	14,9	2 614	24,0
	№ 6 — грузинские федералисты	481	2,5	209	1,9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 7 — Армянская народная партия			105	0,5	5		
		№ 8 — Грузинская демократическая партия			328	1,7	28	0,3	
		№ 9 — Труд. нар.-соц. партия			—		—		
		№ 10 — мусаватисты			46	0,2	—		
		№ 11 — Мусульманская организация меньшевиков (Гуммет)			1		1		
		№ 12 — Мусульманский социалистический блок			7		—		
		№ 13 — мусульмане Западного Закавказья			—		—		
		№ 14 — мусульмане России			—		—		
		№ 15 — сионисты			300	1,5	300	2,7	
		Итого...			19 675		10 901		
16 Иркутский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 35, л. 9; Единение. 1917. 21 нояб.; 22 дек. Иркутск; Сибирь. 1917. 23 дек. Иркутск		№ 1 — эсеры и крестьянский союз	127 834	54,4	8 664	33,9	6 064	31,5	3 эсера 1 большевик
		№ 2 — меньшевики	6 899	2,9	1 610	6,3	1 097	5,7	1 по списку № 5
		№ 3 — сибирские областники и Труд. нар.-соц. партия	14 935	6,3	1 068	4,2	901	4,7	
		№ 4 — кадеты	9 393	4,0	5 537	21,7	4 740	24,6	
		№ 5 — Бурятский национальный комитет, эсеры	39 248	16,7	28	0,1	23	0,1	

	№ 6 — православные приходы	3 267	1,4	807	3,2	520	2,7	
	№ 7 — большевики и меньшевики-интернационалисты	33 576	14,3	7 815	30,6	5 906	30,7	
	Итого...	235 152		25 529		19 251		
17 Казанский Знамя революции. 1917. 21 нояб.; 3 дек. Казань; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 109	№ 1 — общечувашский национальный съезд чувашских военных комитетов и чувашская организация партии эсеров	226 496	26,4	696	0,8	577	2,2	5 по списку № 11 3 чувашских эсера 3 мусульманских эсера
	№ 2 — кадеты	32 000	3,7	20 044	24,8	1 686	6,4	
	№ 3 — кооператоры и независимые социалисты	2 326	0,3	802	1,0	162	0,6	2 мусульманских социалиста
	№ 4 — казанское губернское мусульманское собрание	71 154	8,3	2 304	2,8	40	0,1	
	№ 5 — меньшевики	4 293	0,5	2 606	3,2	400	1,5	
	№ 6 — православное духовенство и миряне Казанской губ.	8 977	1,0	3 215	4,0	48	0,1	
	№ 7 — большевики	50 000	5,8	21 118	26,1	10 706	40,8	
	№ 8 — сельскохозяйственно-ремесленно-торгово-промышленная группа	1 313	0,1	508	0,6	51	0,2	
	№ 9 — эсеры *	10 000	1,2	1 686	2,1	305	1,2	* Правые эсеры
	№ 10 — Мусульманский социалистический комитет	153 151	17,8	12 730	15,7	3 156	12,0	** Левые эсеры и эсеры центра

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 11 — казанская губернская организация эсеров и Совет крест. депутатов **	260 000	30,3	15 356	18,9	9 177	34,9	
		Прочие	38 886	4,6	—		—		
		Итого...	858 596		81 065		26 308		
18	Калужский Голос Калуги. 1917. 18; 28 нояб.	№ 1 — народные социалисты	536	0,2	54	0,4	8	0,4	5 большевиков
		№ 2 — эсеры	97 782	29,3	772	5,5	203	9,1	3 эсера
		№ 3 — кадеты	22 712	6,8	6 857	49,2	298	13,3	
		№ 4 — старообрядцы	4 308	1,3	166	1,2	1		
		№ 5 — меньшевики	6 463	1,9	2 321	16,7	86	3,9	
		№ 6 — Белорусская социалистическая громада	998	0,3	320	2,3	17	0,7	
		№ 7 — большевики	200 842	60,2	3 454	24,7	1 619	72,5	
		Итого...	333 641		13 944		2 232		
		Железнодорожная линия и город Харбин							
19	КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 206, л. 5, 6, 8	№ 1 — эсеры			5 079	14,4	1 625	10,0	* В списки внесено 53 066 избирателей
		№ 2 — меньшевики			13 138	37,4	5 721	35,3	
		№ 3 — большевики			10 613	30,2	4 442	27,3	
		№ 4 — кадеты			6 322	18,0	4 457	27,4	** В списки внесено 26 255 избирателей
		Итого...			35 152 *		16 245 **		

20 Киевский 26—28 ноября 1917 г. Народная воля. 1918. 14(1) янв. Киев; Южная газета. 1918. 5 янв. Киев; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Ч. 2. Киев, 1982. С. 350.	№ 1 — украинские социалисты	1 161 033	77,3	45 315	25,6	17 079	46,1	20 укр. социалистов и меньшевиков
	№ 2 — Еврейский национальный блок	90 829	6,0	15 080	8,5	—		
	№ 3 — еврейские социалисты	14 115	0,9	1 474	0,8	—		1 большевик
	№ 4 — Поалей-Цион	4 086	0,3	966	0,6	—		1 по списку № 2
	№ 5 — меньшевики	11 613	0,8	6 530	3,7	375	1,0	* В списки внесено 2 630 000 избирателей
	№ 6 — кадеты	21 667	1,4	18 165	10,3	1 071	2,8	
	№ 7 — военно-революционный союз	258		117	0,1			
	№ 8 — правые русские (праві руські)	48 758	3,3	36 268	20,5	—		
	№ 9 — Бунд	20 144	1,3	1 975	1,1	—		
	№ 10 — группа селян	655		170	0,1	—		
	№ 11 — поляки	42 943	2,9	10 765	6,1	—		
	№ 12 — большевики	60 693	4,0	29 650	16,8	13 421	37,0	
	№ 13 — народные социалисты и украинские федералисты	3 072	0,2	1 860	1,0	—		
	№ 14 — русские эсеры	19 220	1,3	7 415	4,2	2 624	7,1	
	№ 15 — Заусцінський	203		32				
	№ 16 — торгово-промышленники	2 508	0,2	394	0,2	—		
	№ 17 — Единство	928	0,1	707	0,4	—		
	Итого...	1 502 725 *		176 933		36 680		
21 Костромской ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 46, л. 14—15; Поволжский вестник.	№ 1 — эсеры и Совет крест. депутатов	249 838	45,0	2 885	10,3	648	12,6	4 большевика 4 эсера
	№ 2 — кадеты	41 448	7,5	6 265	22,4	202	3,9	
	№ 3 — меньшевики	19 488	3,5	3 147	11,3	168	3,2	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	1917. 17, 28 нояб. Кострома	№ 4 — большевики	226 905	40,8	12 190	43,6	4 098	79,6	
		№ 5 — духовенство и миряне	17 901	3,2	3 457	12,4	34	0,7	
		Итого...	555 580		27 944		5 150		
		Екатеринодар							
22	Кубано-Черноморский 2—6 февраля 1918 г. Набат. 1918. 7 февр. Екатеринодар	№ 1 — кадеты			3 206	16,9	106	12,3	
		№ 2 — большевики			8 744	46,0	56	6,5	
		№ 3 — горцы и казаки			3 544	18,6	614	71,3	
		№ 4 — эсеры			2 268	11,9	56	6,5	
		№ 5 и № 9 — украинцы			98	0,6	—		
		№ 7 — левые эсеры			357	1,9	—		
		№ 8 — меньшевики			786	4,1	29	3,4	
		Итого...			18 993		861		
23	Курский Курская жизнь. 1917. 19 дек.; Свободная речь. 1917. 16 нояб. Курск	№ 1 — эсеры	869 497	82,0	3 876	17,4	2 169	30,5	12 эсеров
		№ 2 — кадеты	47 321	4,4	10 043	45,1	533	7,5	1 большевик
		№ 3 — Труд. нар.-соц. партия	8 591	0,8	1 599	7,2	156	2,2	
		№ 4 — большевики	120 094	11,4	5 793	26,0	4 143	58,2	
		№ 5 — Союз земельных собственников	8 715	0,8	257	1,2	35	0,5	
		№ 6 — меньшевики	6 043	0,6	688	3,1	86	1,1	
		Итого...	1 060 261		22 256		7 122		
24	Лифляндский ЦГАОР СССР, ф. 13,	№ 1 — латышский Крестьянский союз	31 253	23,0					3 большевика 1 по списку № 1

оп. 2, д. 52, л. 3, 22; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 108—109	№ 2 — меньшевики (русские и латышские)	7 046	5,1				
	№ 3 — большевики	97 781	71,9				
	Итого...	136 080					
25 Минский 26—28 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 1, д. 272, л. 40, 43, 48, 52—53, 71; д. 283, д. 9; Минская газета. 1917. 14 дек.; Вольная Беларусь. 1917. 8 дек. Минск; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. Минск, 1957. С. 516	№ 1 — Объед. евр. соц. раб. партия (Е.С. и С.С.)	4 880	0,5	278	0,8	Личный состав гарнизонов входил в избирательный округ Западного фронта	11 большевиков 4 эсера 1 по списку № 2 * Списки не представлены ** Буржуазная организация *** В списки внесено 74 493 избирателя
	№ 2 — Еврейский национальный избирательный комитет	65 046	7,1	12 688	35,5		
	№ 3 — союз землевладельцев	3 537	0,3	49			
	№ 4 — Калинковичский Совет крест. депутатов *						
	№ 5 — меньшевики и Бунд	16 277	1,8	2 870	8,0		
	№ 6 — кадеты	10 724	1,2	2 057	5,8		
	№ 7 — Единство *						
	№ 8 — Польский избирательный комитет **	36 382	4,0	4 242	11,9		
	№ 9 — большевики	579 037	63,2	9 521	26,7		
	№ 10 — Поалей-Цион	6 136	0,7	1 463	4,1		
	№ 11 — Русская демократическая партия	10 040	1,1	1 446	4,1		
	№ 12 — блок эсеров и Совета крест. депутатов	181 873	19,8	977	2,7		
	№ 13 — Белорусская социалистическая громада	2 988	0,3	160	0,4		
	Итого...	916 920		35 751 ***			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Гомель (уездный город)							
26 Могилевский		№ 1 — эсеры и Совет крест. депутатов	511 998	70,6	1 848	8,5	2 805	22,0	11 эсеров 2 большевика
16 ноября 1917 г. ЦГАОР БССР, ф. 863, оп. 1. д. 1, л. 52об.; д. 2, л. 125, 347—347об., 383—383об. (сведения любезно предоставила Г. И. Илящук); Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. Минск, 1957. С. 197; Голос народа. 1917. 17 нояб. Гомель		№ 2 — меньшевики и Бунд	21 664	3,0	3 370	15,5	382	3,0	1 по списку № 9
		№ 3 — Объед. евр. соц. раб. партия (Е.С. и С.С.)	4 004	0,6	1 497	6,9	38	0,3	* Абсентеизм 51%
		№ 4 — Поалей-Цион	2 596	0,4	761	3,5	25	0,2	** Абсентеизм 33,5%
		№ 5 — Союз земельных собственников	10 136	1,4	220	1,0	73	0,5	
		№ 6 — кадеты	19 316	2,7	3 957	18,2	638	5,0	
		№ 7 — Идише фолькс партей и внепартийный демократический комитет	1 737	0,2	114	0,5	Нет сведений		
		№ 8 — белорусские организации	2 523	0,3	370	1,7	53	0,4	
		№ 9 — Евр. нац. избирательный комитет	42 037	5,8	6 010	27,6	Нет сведений		
		№ 10 — Могилевская губернская польская рада	15 981	2,2	1 584	7,3	382	3,0	
		№ 11 — большевики	93 060	12,8	2 012	9,3	8 193	64,2	
		Итого...	725 052		21 743 *		12 751 **		
27 Москва		№ 1 — кадеты			256 136	35,9	6 238	9,8	6 большевиков
19—21 ноября 1917 г. Известия Совета раб. и солд. деп. 1917. 24 нояб. Петроград; Русские ве-		№ 2 — национально-социалистический блок			2 353	0,3	265	0,4	4 кадета 1 эсер
		№ 3 — эсеры			62 726	8,5	4 017	6,2	* Буржуазные
		№ 4 — меньшевики			19 707	2,7	505	0,8	националисты

домости. 1917. 24 нояб.; 7 дек. Москва; Известия Московского Совета раб. и солд. деп. 1917. 24 нояб.; *Знаменский О. Н.* Всероссийское учредительное собрание. Л., 1976. С. 357; Всероссийское учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 116—138	№ 5 — большевики			370 266	50,1	50 996	79,5	(в основном
	№ 6 — содружество народов *			2 079	0,3	375	0,6	немцы)
	№ 7 — народные социалисты			2 512	0,6	57	0,1	** Земцы, ранее примыкавшие к октябристам
	№ 8 — демократическо-социалистический блок			3 550	0,5	1 302	2,0	
	№ 9 — трудовая беспартийная группа **			4 090	0,5	120	0,2	*** В голосовании участвовало менее 70% избирателей
	№ 10 — объединенные интернационалисты			1 920	0,3	99	0,2	
	№ 11 — Всероссийский крестьянский союз			2 265	0,3	62	0,1	**** В голосовании участвовало 49% избирателей
	№ 12 — торгово-промышленная группа			2 300	0,3	59	0,1	
	Итого...			738 904 ***		64 185 ****		
28 Московский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 61, л. 23; Известия Московского Совета раб. и солд. деп. 1917, 28 нояб.	№ 1 — кадеты	44 478	6,7					6 большевиков 3 эсера 1 кадет
	№ 2 — Труд. нар.-соц. партия	6 978	1,0					
	№ 3 — эсеры	172 229	26,2					
	№ 4 — меньшевики	27 928	4,2					
	№ 5 — большевики	368 264	55,8					
	№ 6 — Всероссийский крестьянский союз	14 656	2,2					
	№ 7 — демократическая беспартийная группа членов районных комитетов Сергиева Посада	4 873	0,7					
	№ 8 — земские деятели	2 383	0,4					

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 9 — старообрядцы	8 458	1,3					
		№ 10 — группа общественных деятелей	9 624	1,5					
		Итого...	659 871						
29	Нижегородский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 67, л. 1; Народ. 1917. 17 нояб. Н. Новгород; Нижегородский листок. 1917. 4 дек.	№ 1 — группа избирателей Горбатовского у.	426	0,1	20		3		6 эсеров 2 большевика 1 по списку № 11
		№ 2 — меньшевики	7 634	1,3	1 793	5,0	142	1,9	
		№ 3 — эсеры и Совет крест. депутатов	314 003	54,1	5 135	14,3	1 557	20,9	
		№ 4 — кооперативная группа	858	0,2	129	0,4	4		
		№ 5 — союз старообрядческих согласий	16 230	2,8	563	1,6	21	0,3	
		№ 6 — группа украинцев	400	0,1	170	0,5	126	1,7	
		№ 7 — большевики	133 950	23,1	8 154	22,8	4 977	66,9	
		№ 8 — общемусульманский социалистический блок	19 935	3,4	259	0,7	43	0,6	
		№ 9 — земцы-государственники, прогрессисты-демократы	641	0,1	96	0,3	9	0,1	
		№ 10 — Труд. нар.-соц. партия	2 666	0,5	1 085	3,0	26	0,4	
		№ 11 — группа христианского единения	48 428	8,3	7 055	19,7	43	0,6	
		№ 12 — кадеты	34 726	6,0	11 333	31,7	493	6,6	
		Итого...	579 897		35 792		7 444		

30 Новгородский Новгородские губернские ведомости. 1917. 25 окт.; Правда. 1917. 16 (31) дек.; Новгородская жизнь. 1917. 16 нояб.; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 108	№ 1 — Труд. нар.-соц. партия	10 314	2,1	670	7,0	53	1,8	4 большевика 4 эсера
	№ 2 — домовладельцы и землевладельцы губ.	1 178	0,2	51	0,5	5	0,2	
	№ 3 — кадеты	31 484	6,5	3 609	37,6	126	4,3	
	№ 4 — эсеры	220 665	45,4	1 922	20,0	1 032	34,9	
	№ 5 — Единство	860	0,2	42	0,4	7	0,2	
	№ 6 — большевики	203 658	41,9	1 954	20,3	1 544	52,2	
	№ 7 — Союз земельных собственников	7 804	1,6	629	6,5	23	0,8	
	№ 8 — союз кооператоров	1 123	0,2	124	1,3	4	0,1	
	№ 9 — меньшевики	9 336	1,9	611	6,4	164	5,5	
	Итого...	486 422		9 612		2 958		
	Петрозаводск							
31 Олонецкий 12—14 ноября 1917 г. Мурманский путь. 1917. 18 окт. Петрозаводск; Известия Совета крест. раб. и солд. деп. 1917. 21 нояб. Петрозаводск	№ 1 — Совет крест. депутатов	127 120	84,6	4 515	68,3	730	73,9	1 эсер 1 меньшевик
	№ 2 — кадеты	20 278	13,5	1 829	27,7	66	6,7	
	№ 3 — граждане Важинской вол. Олонецкого у. (кандидат из группы Единство)	2 813	1,9	262	4,0	192	19,4	
	Итого...	150 211		6 606		988		
32 Оренбургский 26—28 ноября 1917 г. Рабочая заря. 1917. 1 дек. Оренбург; Орен-	№ 1 — кадеты	24 847	3,5	8 385	17,7	254	3,3	4 казака
	№ 2 — казаки	218 196	31,0	7 805	16,5	3 926	50,3	3 большевика
	№ 3 — эсеры	112 209	15,9	3 705	7,8	445	5,7	2 эсера
	№ 4 — меньшевики	9 575	1,4	2 310	4,8	144	1,9	2 башкирских

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	бургский казачий вестник. 1918. 11 янв.	№ 5 — общество мусульман	30 753	4,4	5 577	11,8	149	1,9	федералиста * В голосовании
		№ 6 — кооператоры	8 408	1,2	427	0,9	26	0,3	участвовало
		№ 7 — народные социалисты	6 550	0,9	1 776	3,7	87	1,1	54,7% избирателей
		№ 8 — большевики	166 121	23,6	16 118	34,0	2 168	27,8	
		№ 9 — башкирские федералисты	127 910	18,1	1 299	2,7	600	7,7	
		Итого...	704 569 *		47 402		7 799		
33	Орловский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 75, л. 1; Голос народа. 1917. 17 нояб.; 2 дек. Орел; Дело социал-демократа. 1917. 16 нояб. Орел	№ 1 — союз домовладельцев	916	0,1	67	0,3	19	0,2	8 эсеров 4 большевика.
		№ 2 — кадеты	18 345	2,3	7 020	28,7	523	6,3	* По Орлу зарегистрировано
		№ 3 — эсеры и Совет крест. депутатов	510 628	62,8	4 031	16,5	2 274	27,2	51 074 избирателя
		№ 4 — союз торговцев и промышленников	9 180	1,1	1 130	4,6	40	0,5	
		№ 5 — меньшевики	16 301	2,0	3 159	12,9	262	3,1	
		№ 6 — Союз земельных собственников	12 911	1,6	1 578	6,5	84	1,0	
		№ 7 — Единство, кооператоры и народные социалисты	3 338	0,4	719	2,9	59	0,7	
		№ 8 — большевики	241 785	29,7	6 764	27,6	5 085	61,0	
		Итого...	813 404		24 468 *		8 346		
34	Пензенский 12—14 ноября 1917 г.	№ 1 — кадеты	25 497	4,0	7 472	24,8	335	3,0	9 эсеров
		№ 2 — меньшевики и Бунд	4 726	0,7	1 921	6,4	94	0,8	* Меньшевики-

ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 78, л. 2; Социалист-революционер. 1917. 1 дек. Пенза; Пензенская речь. 1917. 28 нояб.; *Голуб П. А.* Указ. соч. С. 239	№ 3 — национальный блок (украинцы, мусульмане, поляки и литовцы)	29 821	4,7	852	2,8	—		интернационалисты
	№ 4 — эсеры	517 226	81,3	14 431	47,9	8 073	71,7	
	№ 5 — большевики и интернационалисты *	54 731	8,6	4 681	15,6	2 171	19,3	
	№ 6 — Труд. нар.-соц. партия	4 336	0,7	744	2,5	—		
	Итого...	636 337		30 101		11 250		
35 Пермский Уральская жизнь. 1917. 5, 12, 20, 30 дек. Екатеринбург; Пермский губ. вестник. 1917. 3 дек.; Народная мысль. 1917. 30 дек. Шадринск	№ 1 — Красноуфимский беспартийный кредитный союз	13 748	1,1	58	0,2	8	0,1	10 эсеров 5 большевиков 2 кадета
	№ 2 — эсеры	665 118	53,1	6 907	22,6	2 381	29,0	1 по списку № 9
	№ 3 — мусульмане	30 283	2,4	1 651	5,4	865	10,5	* «Воленародовцы»
	№ 4 — старообрядцы	35 853	2,9	215	0,7	41	0,5	
	№ 5 — кадеты	111 241	8,9	7 909	25,9	328	4,0	
	№ 6 — большевики	263 293	21,4	8 226	27,0	4 417	53,7	
	№ 7 — меньшевики	27 502	2,2	1 433	4,7	58	0,7	
	№ 8 — радикалы-демократы	1 381	0,1	81	0,3	4		
	№ 9 — мусульмане-башкиры	47 578	3,8	13		29	0,4	
	№ 10 — церковно-народная (партия)	47 881	3,8	2 970	9,7	34	0,4	
	№ 11 — блок: правые эсеры * и Единство	2 912	0,3	1 058	3,5	53	0,7	
	Итого...	1 246 790		30 521		8 218		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Екатеринбург							
	Там же	№ 1 — Красноуфимский беспартийный кредитный союз			53	0,2	6	0,1	* «Воленародовцы»
		№ 2 — эсеры			4 392	15,9	793	10,8	
		№ 3 — мусульмане			496	1,8	140	1,9	
		№ 4 — старообрядцы			403	1,5	13	0,2	
		№ 5 — кадеты			8 637	31,3	388	5,3	
		№ 6 — большевики			11 827	42,8	5 771	78,5	
		№ 7 — меньшевики			567	2,1	37	0,5	
		№ 8 — радикалы-демократы			11		—		
		№ 9 — мусульмане-башкиры			195	0,7	153	2,1	
		№ 10 — церковно-народная (партия)			501	1,8	8	0,1	
		№ 11 — блок: правые эсеры * и Единство			523	1,9	39	0,5	
		Итого...			27 605		7 348		
36	Петроград 12—14 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 1, д. 327, л. 13, 20; Наша речь. 1917. 17 нояб. Петроград; Новая жизнь. 1917, 17 нояб. Петроград; *Знаменский О. Н.*	№ 1 — Труд. нар.-соц. партия			19 109	2,0	733	0,8	7 большевиков 4 кадета
		№ 2 — Партия народной свободы (кадеты)			246 500	26,2	4 935	5,6	2 эсера
		№ 3 — Христианско-демократическая партия			3 797	0,4	114	0,1	* Группировалась вокруг газеты «Воля народа»
		№ 4 — Российская социал-демократическая ра-			424 027	45,0	67 868	77,0	** Левые эсеры и центристы

бочая партия (большевики)					*** Правые меньшевики, выпускавшие газету «День»
№ 5 — Универсальная лига национальных ассоциаций социалистов-универсалистов	158		7		**** В голосовании участвовало около 70% избирателей
№ 6 — Петроградские организации Украинской соц.-дем. раб. партии, Украинской партии соц.-рев., Объед. евр. соц. раб. партии (Е.С. и С.С.)	4 219	0,4	2 506	2,8	
№ 7 — Всероссийская лига равноправия женщин	5 310	0,6	23		
№ 8 — Петроградская группа соц.-рев. оборонцев *	4 696	0,6	241	0,3	
№ 9 — Партия соц.-рев. (эсеры) **	152 230	16,2	9 980	11,4	
№ 10 — Лига развития народа	386		21		
№ 11 — Центральный комитет Российской радикально-демократической партии	413		22		
№ 12 — объединенные православные приходы	24 139	2,6	169	0,2	
№ 13 — женский союз помощи родине	318		1		
№ 14 — независимый союз рабочих, солдат и крестьян	4 942	0,5	198	0,2	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 15 — международное единение христиан-демократов			14 382	1,5	190	0,2	
		№ 16 — Российская соц.-дем. рабочая партия (объединенная) (меньшевики)			10 570	1,1	482	0,6	
		№ 17 — меньшевики-оборонцы ***			17 427	1,9	496	0,6	
		№ 18 — Всероссийская соц.-дем. организация Единство			1 823	0,2	53		
		№ 19 — совет Союза казачьих войск			6 712	0,7	165	0,2	
		Итого...			941 158 ****		88 204		
37 Петроградская губ. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 83, л. 28		№ 1 — кадеты	64 859	13,7					5 большевиков 2 эсера 1 кадет
		№ 2 — большевики	229 698	48,7					
		№ 3 — меньшевики	6 100	1,3					
		№ 4 — эстонский список	15 963	3,4					
		№ 5 — финны-социалисты	14 807	3,2					
		№ 6 — кооператоры	841	0,2					
		№ 7 — православные приходы	5 661	1,2					
		№ 8 — народные социалисты	12 048	2,5					

	№ 9 — петроградские организации	1 997	0,4				
	№ 10 — эсеры	119 761	25,4				
	Итого...	471 835					
	Каменец-Подольский						
38 Подольский * 3—4 декабря 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13 оп. 2, д. 87, л. 24, 28; д. 88, л. 1; Український історичний журнал. 1979. № 6. С. 86; Робітнича газета. 1918. 6 янв. Киев	№ 1 — укр. эсеры, Спилка и укр. меньшевики	652 306	78,3		690	18,5	* Нет сведений по трем уездам: Могилевскому, Балтскому и Ольгопольскому ** В списки внесено 2 330 800 избирателей
	№ 2 — Евр. нац. избир. комитет	62 544	7,2				
	№ 3 — Объед. евр. соц. раб. партия (Е.С. и С.С.)	3 415					
	№ 4 — кадеты	7 951	0,9				
	№ 5 — Бунд	7 959	0,9				
	№ 6 — еврейский список	322					
	№ 7 — Поалей-Цион	2 164			0,2		
	№ 8 — краевой польский список	46 500	5,6				
	№ 9 — народные социалисты	852					
	№ 10 — эсеры и Совет крест. депутатов, солдаты Юго-Западного фронта	10 170	1,2				
	№ 11 — сионисты	—			320	8,6	
	№ 12 — укр. трудовой список	3 810	0,4				
	№ 13 — список Ушицкого у.	284					
	№ 14 — меньшевики	4 028	0,5				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 15 — большевики	27 550	3,3			2 344	62,8	
		№ 16 — объединенный польский список	412						
		Итого...	830 267**				3 733		
39 Полтавский 12—14 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 237, л. 101—104; Літопис революції. 1931. № 3. С. 47—49; Известия Полтавского Совета революции. 1917. 17 нояб.		№ 1 — Евр. народная партия	6 448	0,6					11 укр. эсеров 3 по списку № 17 1 большевик
		№ 2 — хлеборобы	61 115	5,3					* Списки № 1 и 6; № 4 и № 7; № 11 и 13, 15 объединились
		№ 3 — кадеты	18 105	1,6					** Селянська спілка
		№ 4* — Поалей-Цион	879						
		№ 5* — список без названия	1 657	0,2					*** В голосовании участвовало 74% избирателей
		№ 6* — Евр. нац. избир. комитет	13 722	1,2					**** В голосовании участвовало 55% избирателей
		№ 7* — Объед. евр. соц. раб. партия (Е.С. и С.С.)	1 482	0,1					***** Данные неполные
		№ 8 — укр. эсеры и Спилка **	727 247	63,3					
		№ 9 — евр. список	12 100	1,1					
		№ 10 — меньшевики, Бунд, польское единение	5 993	0,5					
		№ 11* — укр. национально-республиканские группы	1 070	0,1					
		№ 12 — большевики	64 460	5,6	4 304	15,3	762	65,0	
		№ 13* — укр. социалисты-федералисты	9 092	0,8					
		№ 14 — трудовики и кооператоры	4 391	0,4					

	№ 15* — укр. меньшевики	22 613	2,0			
	№ 16 — Совет крестьянских депутатов дер. Сменой Ровенского у.	445				
	№ 17 — укр. эсеры и партия эсеров	198 437	17,2			
	Итого...	1 149 256 ***		28 154 ****		1 200 *****
			Хабаровск			
40 Приамурский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 199, л. 184; Восточное Поморье. 1917. 16 нояб. Николаевск-на-Амуре	№ 1* — эсеры	8 179	4,6	1 309	21,6	2 эсера 1 большевик * Списки № 1, 2, 7 объединились
	№ 2* — Совет крест. депутатов Приамурской обл.	7 018	3,9	808	13,3	
	№ 3 — амурское и уссурийское казачество	27 373	15,4	637	10,5	
	№ 4 — меньшевики	16 772	9,4	709	11,7	
	№ 5 — большевики	43 534	24,5	757	12,5	
	№ 6 — Амурская областная украинская рада	3 275	1,9	104	1,7	
	№ 7* — Амурская областная организация эсеров	47 511	26,7	27	0,4	
	№ 8 — эсеры г. Владивостока, Никольско-Уссурийска и Спасска	6 277	3,5	22	0,4	
	№ 9 — кадеты	17 799	10,1	1 691	27,9	
	Итого...	177 738		6 064		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Благовещенск и Зея-пристань							
Голос Приморья. 1917. 21 нояб. Владивосток		№ 1 — эсеры			20	0,2			
		№ 2 — Совет крест. депутатов Приамурской обл.			16	0,1			
		№ 3 — амурское и уссурийское казачество			520	4,0			
		№ 4 — меньшевики			3 016	23,4			
		№ 5 — большевики			2 329	18,1			
		№ 6 — Амурская областная украинская рада			246	1,9			
		№ 7 — Амурская областная организация эсеров			3 201	24,9			
		№ 8 — эсеры г. Владивостока, Никольско-Уссурийска, Спасска			10	0,1			
		№ 9 — кадеты			3 509	27,3			
		Итого...			12 867				
		Владивосток							
Известия Советов раб. и солд. деп. 1917. 17 нояб. Владивосток		№ 1 — эсеры			123	0,4			
		№ 2 — Совет крест. депутатов Приамурской обл.			4 398	13,2			
		№ 3 — Амурское и уссурийское казачество			258	0,8			
		№ 4 — меньшевики			1 214	3,7			
		№ 5 — большевики			16 616	50,1			

	№ 6 — Амурская областная украинская рада			195	0,6			
	№ 7 — Амурская областная организация эсеров			128	0,4			
	№ 8 — эсеры г. Владивостока, Никольско-Уссурийска, Спасска			4 596	13,8			
	№ 9 — кадеты			5 651	17,0			
	Итого...			33 179				
41 Псковский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 93, л. 2—4; Псковская речь. 1917. 27 нояб.; Псковская жизнь. 1917. 23 нояб.	№ 1 — Труд. нар.-соц. партия и трудовое крестьянство	4 059	0,8	1 043	4,4	419	3,6	5 эсеров 3 большевика
	№ 2 — кадеты	25 961	5,0	7 029	29,6	1 230	10,5	
	№ 3 — эсеры и Совет крест. депутатов	295 012	57,3	3 893	16,4	2 149	18,3	
	№ 4 — меньшевики	4 870	0,9	722	3,1	346	2,9	
	№ 5 — союз землевладельцев	3 209	0,6	195	0,8	53	0,4	
	№ 6 — большевики	173 631	33,7	9 173	38,7	7 144	60,6	
	№ 7 — демократическая группа (горожане, крестьяне, рабочие)	2 337	0,5	587	2,5	144	1,2	
	№ 8 — латышский Крестьянский союз и Латышская радикальная демократическая партия	3 859	0,8	925	3,9	238	2,0	
	№ 9 — Всероссийская лига равноправия женщин	2 366	0,4	145	0,6	58	0,5	
	Итого...	515 304		23 713		11 781		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
42	Рязанский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 96, л. 1, 96; Рязанская жизнь. 1917. 3 дек.	№ 1 — кадеты	30 734	4,1	6 430	43,2	215	5,4	6 эсеров
		№ 2 — меньшевики	5 039	0,7	584	3,9	54	1,4	4 большевика
		№ 3 — эсеры и Совет крест. депутатов	427 364	56,8	2 279	15,3	708	17,9	* В списки внесено 1 190 190 избирателей
		№ 4 — Труд. нар.-соц. партия	5 695	0,8	612	4,1	40	1,0	
		№ 5 — большевики	272 153	36,2	3 841	25,8	2 919	73,5	
		№ 6 — группа беспартийных избирателей	1 442	0,2	36	0,2	6	0,2	
		№ 7 — блок земельных собственников и старообрядцев	9 368	1,2	1 121	7,5	25	0,6	
		Итого...	751 795 *		14 903		3 967		
43	Самаркандский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 159, л. 16	№ 1* — эсеры № 2 — мусульманские организации Самаркандской области № 3* — меньшевики № 4 — объединенный областной прогрессивный блок							* Списки № 1 и 3 объединились
44	Самарский 25—27 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 100, л. 3; *Блюменталь И. И.* Революционное движение немцев Поволжья	№ 1 — союз социалистов	42 156	3,5	195	0,3	4	0,1	12 эсеров 3 большевика 2 по списку № 13
		№ 2 — большевики	195 132	16,1	26 633	42,0	2 289	54,8	
		№ 3 — Совет крест. депутатов и эсеры	690 341	57,1	16 773	26,5	824	19,6	* В голосовании участвовало

ция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (Хроника событий). Т. 1. 1917 (март — декабрь). Самара, 1927. С. 298—300, 410—411	№ 4 — башкиры-федералисты	13 100	1,1	72	0,1	13	0,3	54,9% избирателей
	№ 5 — народные социалисты	4 369	0,4	992	1,6	21	0,5	
	№ 6 — кадеты	44 507	3,7	8 772	13,8	139	3,3	
	№ 7 — старообрядческий объединенный комитет	6 583	0,5	611	1,0	7	0,2	
	№ 8 — чувашский национальный съезд эсеров	9 056	0,8	43	0,1	9	0,2	
	№ 9 — меньшевики	4 192	0,4	1 772	2,8	40	1,0	
	№ 10 — украинцы	5 240	0,4	969	1,5	69	1,6	
	№ 11 — Единство	944	0,1	318	0,5	7	0,2	
	№ 12 — беспартийные крестьяне-земледельцы	3 083	0,3	249	0,4	14	0,4	
	№ 13 — Мусульманская Шуро-исламия	126 816	10,5	2 430	3,8	718	17,2	
	№ 14 — соц.-дем. интернационалисты	989	0,1	594	0,9	17	0,4	
	№ 15 — ревнители православия	13 597	1,1	2 849	4,5	8	0,2	
	№ 16 — немцы Среднего Поволжья	47 705	3,9	113	0,2	2		
	Итого...	1 207 810 *		63 385		4 181		
45 Саратовский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 103, л. 3; Известия Саратовского Совета. 1917. 25 дек.; Пролетарий Поволжья. 1917.	№ 1 — кадеты	27 226	2,5	11 971	19,9	586	4,6	11 эсеров
	№ 2 — меньшевики	15 152	1,4	4 100	6,8	193	1,5	4 большевика
	№ 3 — Союз крестьян-украинцев, беженцев-украинцев и организация эсеров-татар	53 445	4,9	1 097	1,8	701	5,5	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	18 нояб. Саратов	№ 4 — Русская народная партия христиан-старообрядцев	13 956	1,3	1 003	1,7	44	0,4	
		№ 5 — Православная народная партия	17 414	1,6	1 924	3,2	16	0,1	
		№ 6 — Союз земельных собственников	13 804	1,3	1 764	2,9	99	0,8	
		№ 7 — немцы	50 025	4,6	1 280	2,1	32	0,2	
		№ 8 — Труд. нар.-соц. партия	10 243	0,9	2 920	4,9	125	1,0	
		№ 9 — общество за веру и порядок	6 600	0,6	2 589	4,3	35	0,2	
		№ 10 — большевики	261 308	24,0	22 712	37,7	8 993	70,6	
		№ 11 — крестьяне Петровского у. и мордовское население	6 379	0,6	116	0,2	25	0,2	
		№ 12 — эсеры и Совет крест. депутатов	612 094	56,3	8 698	14,5	1 897	14,9	
		Итого...	1 087 646		60 174		12 746		
46	Семиреченский Семиреченские ведомости. 1917, 18 окт.; 28 дек. Верный	№ 1 — от таранчинского населения Джаркендского у.	28 282	8,1					
		№ 2 — блок социалистов г. Верного, Совета крест. депутатов, Совета солд. и раб. депутатов и киргизской соц. партии Фухара	120 150	34,4					

	№ 3 — блок киргизской партии Алаш и других мусульман	200 639	57,5					
	Итого...	349 071						
47 Симбирский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 106, л. 5—17; Симбирское слово. 1917. 18 нояб.; 10 дек.	№ 1 — рабочий комитет фабрики Протопопова	12		12		5	0,1	5 эсеров и крестьян
	№ 2 — эсеры и крестьянский съезд	345 200	63,9	6 315	32,3	4 150	54,8	1 большевик 1 по списку № 8
	№ 3 — кооператоры	78		78	0,4	14	0,2	* В голосовании участвовало 44,5% избирателей
	№ 4 — эсеры-оборонцы	45 000	8,3	726	3,7	64	0,8	
	№ 5 — кадеты	16 718	3,1	4 161	21,2	151	2,0	
	№ 6 — меньшевики	3 783	0,7	951	4,9	74	1,0	
	№ 7 — союз торговцев промышленников, ремесленников и домовладельцев	233		233	1,2	10	0,1	
	№ 8 — Мусульманская Шуро-исламия	57 000	10,5	1 099	5,6	723	9,6	
	№ 9 — Труд. нар.-соц. партия	1 006	0,2	1 006	5,1	81	1,1	
	№ 10 — большевики	70 335	13,0	3 815	19 5	2 221	29,3	
	№ 11 — православные приходы	759	0,2	759	3,9	17	0,2	
	№ 12 — общечувашский национальный съезд и чувашские организации	55		55	0 3	33	0,4	
	№ 13 — союз сельских хозяев, крестьян-собственников, хуторян и отрубщиков	367	0,1	367	1,9	27	0,4	
	Итого...	540 546		19 577		7 570 *		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
48 Смоленский	ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 109, л. 2—11; д. 233, л. 105; д. 237, л. 142—143; Смоленский вестник. 1917. 15, 30 нояб.; Всероссийское учредительное собрание. С. 117, 122	№ 1 — кадеты	29 274	4,5	8 072	28,6	1 120	10,7	6 большевиков 4 эсера и крестьянина
		№ 2* — группа примыкающих к соц. партиям	645	0,1	22	0,1	8	0,1	
		№ 3* — эсеры и Совет крест.-депутатов	250 134	38,0	4 560	16,1	1 647	15,7	* Списки № 2 и 4· № 3 и 6 объединились
		№ 4* — Труд. нар.-соц. партия	2 210	0,3	516	1,8	50	0,5	
		№ 5 — блок националистов	1 708	0,3	688	2,4	244	2,3	
		№ 6* — меньшевики	7 901	1,2	2 094	7,4	269	2,6	
		№ 7 — большевики	361 052	54,8	11 545	40,8	7 098	67,7	
		№ 8 — приходская беспартийная группа	5 300	0,8	796	2,8	48	0,4	
		Итого...	658 224		28 293		10 484		
49 Ставропольский	ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д.112, л. 2; Трудовой крестьянин. 1917. 16 дек. Ставрополь; Северо-Кавказское слово. 1917. 2 дек. Ставрополь	№ 1 — эсеры и Совет крест. депутатов	291 395	88,8	2 157	13,5	970	14,8	6 эсеров
		№ 2 — большевики	17 430	5,4	7 579	47,6	4 862	74,1	
		№ 3 — хлеборобы	2 609	0,8	169	1,1	59	0,9	
		№ 4 — духовенство и прихожане	3 078	0,9	922	5,8	20	0,3	
		№ 5 — кадеты	10 898	3,3	3 750	23,6	421	6,4	
		№ 6 — народные социалисты и кооператоры	670	0,2	161	1,0	22	0,3	
		№ 7 — меньшевики	1 836	0,6	1 186	7,4	210	3,2	
		Итого...	327 916		15 924		6 564		

		Семипалатинский у.				Семипалатинск	
50 Степной Свободная печать. 1918. 11 янв. Семипалатинск; Сибирская речь. 1918. 4 янв. Омск	№ 1 — казаки	3 136	4,6	195	2,0	75	11,8
	№ 2 — духовенство и миряне	150	0,2	156	1,6	4	0,6
	№ 3 — большевики	1 910	2,8	1 041	10,5	326	51,3
	№ 4 — интернационалисты	115	0,2	362	3,6	6	0,9
	№ 5 — Алаш	58 331	85,6	3 304	33,3	1	0,1
	№ 6 — кадеты	106	0,2	1 869	18,8	75	11,8
	№ 7 — татары	468	0,7	1 566	15,8	1	0,1
	№ 8 — эсеры	3 375	5,0	1 055	10,6	121	19,1
	№ 9 — казаки-социалисты	475	0,7	38	0,4	10	1,6
	№ 10 — объединенные социалисты	19		296	2,9	14	2,2
	№ 11 — киргизские социалисты	2		1		—	
	№ 12 — немцы	11		10	0,1	3	0,5
	№ 13 — мусульмане-демократы	14		30	0,3	—	
	№ 14 — духовенство и миряне г. Петропавловска	5		12	0,1	—	
	Итого...	68 117		9 935		636	
		Омск					
Там же	№ 1 — казаки			693	3,4		
	№ 2 — духовенство и миряне			397	1,9		

* В списки внесено свыше 40 000 избирателей

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 3 — большевики			5 687	27,5			
		№ 4 — интернационалисты			1 108	5,4			
		№ 5 — Алаш			80	0,4			
		№ 6 — кадеты			4 499	21,8			
		№ 7 — татары			1 620	7,8			
		№ 8 — эсеры			2 233	10,8			
		№ 9 — казаки-социалисты			123	0,6			
		№ 10 — объединенные социалисты			4 036	19,5			
		№ 11 — киргизские социалисты			50	0,2			
		№ 12 — немцы			78	0,4			
		№ 13 — мусульмане-демократы			43	0,2			
		№ 14 — духовенство и миряне г. Петропавловска			17	0,1			
		Итого...			20 664 *				
51	Сыр-Дарьинский Наша газета. 1918. 4 янв. Ташкент	№ 1* — 2-й съезд крестьянских депутатов № 2 — съезд мусульман Сыр-Дарьинской области № 3 — общемусульманский список № 4 — меньшевики							* Списки № 1 и № 7 объединились

	№ 5 — кадеты							
	№ 6 — прогрессисты							
	№ 7 * — эсеры							
	Симферополь							
52 Таврический	№ 1 — кадеты	44 000	7,4	5 866	20,0	320	4,0	7 эсеров
Известия Бердянского Совета раб. и солд. деп. 1917. 18 нояб.; Таврический голос. 1917. 3 дек. Симферополь; Прибой. 1917. 16 нояб. Симферополь; Земля и воля. 1917. 15 нояб. Симферополь	№ 2 — Народ.-соц. партия	4 643	0,8	388	1,3	30	0,4	1 укр. эсер 1 мусульманин
	№ 3 — большевики	40 000	6,7	2 398	8,2	394	17,1	
	№ 4 — украинские эсеры	61 541	10.3	1 369	4.7	1 152	14,3	
	№ 5 — эсеры	310 000	51,9	8 980	30,7	3 166	39,3	
	№ 6 — меньшевики	15 176	2,5	2 627	8,9	362	4,5	
	№ 7 — Единство	2 273	0,4	399	1,4	37	0,5	
	№ 8 — Поалей-Цион	1 745	0,3	439	1,5	31	0,4	
	№ 9 — мусульмане	68 581	11,5	4 441	15,1	1 380	17,1	
	№ 10 — немецкие граждане	27 681	4,6	340	1,1	105	1,3	
	№ 11 — еврейские националисты	13 986	2,3	1 823	6,2	57	0,7	
	№ 12 — землевладельцы	7 715	1,3	250	0,9	29	0,4	
	Итого...	597 341		29 320		7 063		
	Севастополь							
Революционный Севастополь. 1917. 17 нояб.	№ 1 — кадеты			3 439	19,0			* В списки внесено 30 000 избирателей
	№ 2 — Народ.-соц. партия			271	1,5			
	№ 3 — большевики			1 147	6,3			
	№ 4 — украинские эсеры			800	4,4			
	№ 5 — эсеры			9 635	53,1			
	№ 6 — меньшевики			1 371	7,6			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 7 — Единство			250	1,4			
		№ 8 — Поалей-Цион			126	0,7			
		№ 9 — мусульмане			232	1,3			
		№ 10 — немецкие граждане			56	0,3			
		№ 11 — еврейские националисты			768	4,2			
		№ 12 — землевладельцы			43	0,2			
		Итого...			18 138*				
53 Тамбовский									
12—14 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 118, л. 13; Дело деревни. 1917. 10 дек. Тамбов; Известия Совета раб., крест. и солд. депутатов. 1917. 16 нояб. Тамбов; *Протасов Л. Г.* Материалы Тамбовской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание как исторический источник // Под знаменем Октября. Вып. 1. Воронеж, 1966		№ 1 — эсеры и губ. Совет крест. депутатов	835 556	71,2	4 492	16 6	1 655	19 8	13 эсеров 6 большевиков
		№ 2 — Союз земельных собственников	12 493	1,1	2 306	8,5	138	1,7	* В голосовании участвовало 72,6% избирателей
		№ 3 — меньшевики	22 425	1,9	4 724	17,4	352	4,2	
		№ 4 — Труд. нар.-соц. партия и съезд кооперативных организаций	7 408	0,6	579	2,1	65	0,8	** В голосовании участвовало 53,2% избирателей
		№ 5 — кадеты	47 548	4,1	7 275	26,8	372	4,5	
		№ 6 — уездный крест. список	889	0,1	22	0,1	11	0,1	*** В голосовании участвовало 52,5% избирателей
		№ 7 — большевики	240 652	20,5	7 651	28,2	5 679	68,2	
		№ 8 — партия мусульманского социалистическо-демократического блока	6 222	0,5	85	0,3	57	0,7	
		Итого...	1 173 193*		27 134**		8 329***		

54 Тверской ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 41, л. 112; Вестник Тверского губ. временного исполкома. 1917, 20 окт.; Тверская мысль. 1917, 17, 29 нояб.; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 110	№ 1 — кадеты	37 408	5,0	7 822	19,8	249	6,0	6 большевиков 3 эсера * В голосовании участвовало 55,7% избирателей
	№ 2 — Союз земельных собственников	7 719	1,0	371	0,9	16	0,4	
	№ 3 — эсеры и Совет крест. депутатов	281 291	37,6	6 668	16,9	903	21,9	
	№ 4 — Единство и союз кредитных и ссудно-сберегательных товариществ	2 383	0,3	149	0,4	15	0,4	
	№ 5 — меньшевики	16 461	2,2	4 861	12,3	103	2,5	
	№ 6 — большевики	396 951	53,0	18 692	47,2	2 819	68,4	
	№ 7 — Труд. нар.-соц. партия	3 857	0,5	238	0,6	12	0,3	
	№ 8 — торгово-промышленный союз	2 985	0,4	738	1,9	4	0,1	
	Итого...	749 055		39 539*		4 121		
	Владикавказ							
55 Терско-Дагестанский Голос. 1917. 16 нояб. Пятигорск; Терский вестник. 1917. 9 дек. Владикавказ	№ 1 — казаки			3 063	16,6			
	№ 2 — трудовики			51	0,3			
	№ 3 — мусульманский национальный комитет			59	0,3			
	№ 4 — меньшевики			359	1,9			
	№ 5 — кадеты			4 408	23,8			
	№ 6 — кабардинский и балкарский народ и русское население. Население Нальчикского округа			16	0,1			
	№ 7 — большевики			8 216	44,4			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 8 — эсеры			1 768	9,6			
		№ 9 — чечено-ингушские народы			323	1,7			
		№ 10 — украинцы			213	1 1			
		№ 11 — дагестанская социалистическая группа			28	0 2			
		Итого...			18 503				
56 Тобольский	Крестьянский союз. 1917. 19 нояб. Курган; Известия Тобольского губ. комитета по введению земства. 1917. 21 дек. Тобольск; Сибирский листок. 1917. 16 нояб. Тобольск	№ 1 — кадеты	13 793	2,8	2 482	48,2			6 правых эсеров
		№ 2 — меньшевики	12 061	2,4	514	10,0			* Левые эсеры
		№ 3 — народные социалисты	50 780	10,3	535	10,4			** В голосовании участвовало более 50% избирателей
		№ 4 — мусульмане	25 830	5,2	191	3,7			
		№ 5 — эсеры (северная группа) *	3 733	0,8	115	2,2			
		№ 6 — эсеры (южная группа)	388 128	78,5	1 316	25,5			
		Итого...	494 325**		5 153				
57 Томский	12—14 ноября 1917 г. Голос свободы. 1917. 29 окт. Томск; Путь народа. 1918. 1 янв. Томск; Сибирская жизнь. 1917. 16 нояб. Томск; Знамя революции. 1917. 16 нояб. Томск	№ 1 — кадеты	18 618	2,8	5 927	29,3	385	3,2	9 эсеров
		№ 2 — эсеры	541 153	85,2	4 435	21,9	2 983	24,8	* Списки № 4 и № 6 объединились
		№ 3 — большевики	51 456	8,1	4 651	23,0	8 316	69,0	
		№ 4* — народные социалисты	15 802	2,6	4 141	20,5	278	2,3	
		№ 5 — меньшевики	5 769	0,9	1 008	5,0	73	0,6	
		№ 6* — кооперативные организации Томской губ.	2 686	0,4	76	0,3	10	0,1	
		Итого...	635 484		20 238		12 045		

58 Тульский	№ 1 — эсеры	256 069	47,5	7 404	20,9	536	18,0	4 большевика
Тульская молва. 1917. 13 дек.; Земля и воля. 1917. 13 дек. Тула; Голос народа. 1917. 23 нояб. Тула	№ 2 — кадеты	22 782	4,2	8 297	23,4	245	8,2	4 эсера
	№ 3 — крестьяне Басавской вол.	852	0,2	15	—	1	—	* В голосовании участвовало 38% избирателей
	№ 4 — меньшевики	10 324	1,9	4 998	14,1	32	1,0	
	№ 5 — большевики	237 558	44,1	12 058	34,0	2 136	71,6	
	№ 6 — народные социалисты	1 991	0,4	547	1,6	14	0,5	
	№ 7 — торгово-промышленники	7 273	1,3	1 724	4,9	9	0,3	
	№ 8 — меньшевики-интернационалисты	616	0,1	165	0,5	5	0,2	
	№ 9 — кооператоры	1 391	0,3	210	0,6	6	0,2	
	Итого...	538 856		35 418*		2 984		
59 Тургайский	№ 1 — киргизская партия Алаш	211 274	75,0					
27 ноября — 3 декабря 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 168, л. 2; Народное дело. 1918. 31 июля. Оренбург	№ 2 — эсеры и съезды крестьянских, солдатских, рабочих депутатов	63 750	22,6					
	№ 3 — меньшевики	6 758	2,4					
	Итого...	281 782						
60 Уральский	№ 1 — уральский областной киргизский комитет	278 014	75,0	976	8,3			
ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 170, л. 2, 10; Яицкая воля. 1917. 10	№ 2 — эсеры	5 076	1,4	866	7,3			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	дек. Уральск; Яицкая воля. 1918. 14 янв.	№ 3 — войсковой съезд уральского казачьего войска	61 476	16,6	7 248	61,3			
		№ 4 — Совет крестьянских и иногородних депутатов	26 059	7,0	2 737	23,1			
		Итого...	370 625		11 827				
61	Уфимский	№ 1 — мусульманский национальный совет	88 850	9,3	1 298	4,2	3		5 эсеров 5 мусульманских эсеров 2 башкирских федералиста 1 мусульманин 1 по списку № 1
	Вперёд. 1917. 14 дек. Уфа; Уфимская жизнь. 1917. 17 нояб.; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 110—111	№ 2 — сельские хозяева	7 353	0,8	149	0,5	1		
		№ 3 — мусульмане (эсеры)	304 844	31,9	6 063	19,8	4 197	42,3	
		№ 4 — кооператоры	4 941	0,5	134	0,4	2		
		№ 5 — меньшевики	2 614	0,3	750	2,5	44	0,5	
		№ 6 — православные приходы	11 178	1,2	2 972	9,7	36	0,4	
		№ 7 — Единство	3 078	0,3	17		2		
		№ 8 — народные социалисты	11 429	1,2	1 116	3,7	92	0,9	
		№ 9 — эсеры	322 166	33,7	8 105	26,5	2 621	26,4	
		№ 10 — большевики	48 151	5,0	5 854	19,2	2 717	27,4	
		№ 11 — башкирские федералисты	135 977	14,2	460	1,5	49	0,5	
		№ 12 — кадеты	15 825	1,6	3 660	12,0	154	1,6	
		Итого...	956 406		30 578		9 918		

		Скобелев						
62 Ферганский Туркестанский вестник. 1917. 29 нояб. Скобелев; Щит народа. 1918. 16 янв. Скобелев	№ 1 — общество Муниль-Ислам	76 849	49,9	12	2,1			1 по списку № 2 (эсер)
	№ 2 — общеферганский список совета делегатов мусульманских организаций	77 282	50,1	561	97,9			
	Итого...	154 131		573				
				Андижан				
	№ 1 — общество Муниль-Ислам			268	1,7			
	№ 2 — общеферганский список совета делегатов мусульманских организаций			15 516	98,3			
	Итого...			15 784				
63 Харьковский Социал-демократ. 1917. 17 нояб. Харьков; Русская жизнь. 1917. 25 нояб. Харьков; Земля и воля. 1917. 17 нояб. Харьков; Южный край. 1917. 16 дек. Харьков	№ 1 — церковные приходы	10 478	1,0	3 647	3,7	21	0,1	8 эсеров 2 большевика * Главным образом левые эсеры и центристы ** В списки внесено 1 990 000 избирателей
	№ 2 — земельные собственники	13 847	1,2	890	0,9	47	0,3	
	№ 3 — большевики	114 743	10,5	27 336	27,8	8 623	53,4	
	№ 4 — меньшевики-интернационалисты	12 192	1,1	4 057	4,1	278	1,7	
	№ 5 — эсеры и укр. эсеры *	795 558	72,8	12 537	12,7	5 033	31,2	
	№ 6 — кадеты	58 362	5,3	24 866	25,2	829	5,1	
	№ 7 — Еп. Абрамов	3 776	0,3	17		1		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 8 — Поалей-Цион	875	0,1	521	0,5	16	0,1	
		№ 9 — меньшевики-оборонцы	6 024	0,5	3 228	3,3	158	1,0	
		№ 10 — еврейский национальный блок	6 366	0,6	5 302	5,4	20	0,1	
		№ 11 — народные социалисты	11 852	1,1	6 980	7,1	249	1,6	
		№ 12 — торгово-промышленники	6 543	0,6	1 712	1,7	15	0,1	
		№ 13 — Серп	917	0,1	681	0,7	25	0,2	
		№ 14 — Единство	2 293	0,2	1 058	1,1	43	0,3	
		№ 15 — эсеры-оборонцы	42 331	3,9	3 982	4,0	762	4,7	
		№ 16 — немцы	5 221	0,4	1 725	1,8	22	0,1	
		№ 17 — крестьяне Сумского у.	229		7				
		№ 18 — крестьяне Змиевского у.	311		19				
		№ 19 — кооператоры и Единство	590		12				
		Итого...	1 092 448 **		98 577		16 142		
					Одесса				
64 Херсонский 12—14 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 233, л. 149; Солдат и рабочий. 1917. 25 нояб. Херсон; Сво-		№ 1 — епархиальное духовенство и миряне	3 895	0,4	5 886	3,9	223	0,6	9 эсеров 1 большевик
		№ 2 — русский народный государственный союз	342		2 908	1,9	176	0,4	1 по списку № 10 1 кадет
		№ 3 — русские граждане	351		945	0,6	226	0,6	* В списки внесено 1 030 000

бодная речь. 1917. 21 нояб. Петроград; Маленькие Одесские новости. 1917. 16, 19 нояб.; Солдатская мысль. 1917. 16 нояб. Одесса; Известия Николаевского Совета раб. и солд. депутатов. 1917. 17 нояб. Николаев; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 111	немецкой национальности						избирателей ** В голосовании участвовало 60% избирателей
	№ 4 — эсеры и Совет крест. депутатов	493 000	53,0	8 337	5,5	4 166	10,7
	№ 5 — кадеты	59 000	6,3	24 429	16,2	3 566	9,1
	№ 6 — Поалей-Цион	273		888	0,6	62	0,2
	№ 7 — меньшевики и Бунд	10 134	1,1	6 870	4,6	958	2,5
	№ 8 — укр. меньшевики	85 000	9,1	8 609	5,7	10 435	26,7
	№ 9 — большевики	95 000	10,2	43 113	28,6	17 536	44,9
	№ 10 — еврейский блок	96 000	10,3	46 773	31,0	1 013	2,6
	№ 11 — народные социалисты	1 267	0,1	1 814	1,2	544	1,4
	№ 12 — старообрядцы	409		368	0,2	120	0,3
	Социалистические партии	30 600	3,3				
	Правые группы	9 000	1,0				
	Национальные несоциалистические партии	48 000	5,1				
	Итого...	932 271*		150 940		39 025**	
				Николаев			
Там же	№ 1 — епархиальное духовенство и миряне			1 978	4,4		* В голосовании участвовало около 50% избирателей
	№ 2 — русский народный государственный союз			238	0,5		
	№ 3 — русские граждане немецкой национальности			279	0,6		
	№ 4 — эсеры и Совет крест. депутатов			9 495	21,3		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 5 — кадеты			6 051	13,6			
		№ 6 — Поалей-Цион			161	0,4			
		№ 7 — меньшевики и Бунд			3 057	6,9			
		№ 8 — укр. меньшевики			4 210	9,4			
		№ 9 — большевики			11 424	25,6	3 085	63,0	
		№ 10 — еврейский блок			6 445	14,6			
		№ 11 — народные социалисты и кооператоры			923	2,1			
		№ 12 — старообрядцы			260	0,6			
		Итого...			44 521*		4 091		
65	Черниговский 26—28 ноября 1917 г. Черниговский вестник. 1917. 30 дек.; Русские ведомости. 1917. 2 дек.; Всероссийское учредительное собрание. С. 110—122; Черниговская земская газета. 1917. 15 дек.	№ 1* — эсеры	105 565	10,9	246	3,0			9 укр. эсеров 4 большевика 1 эсер (правый) * Списки № 1 и № 10 объединились ** В списки внесено 1 560 000 избирателей *** В голосовании участвовало 45% избирателей
		№ 2 — меньшевики	10 813	1,1	492	6,0			
		№ 3 — блок народных социалистов и укр. федералистов	10 089	1,1	411	5,0			
		№ 4 — Еврейский национальный комитет	28 308	2,9	2 134	26,0			
		№ 5 — старообрядцы	4 858	0,5	—				
		№ 6 — крестьяне Мглинского у.	538		—				
		№ 7 — кадеты	28 864	3,0	1 724	21,0			
		№ 8 — трудовое крестьянство	1 020	0,1	—				
		№ 9 — большевики	271 174	27,9	492	6,0			
		№ 10* — укр. эсеры	484 156	49,7	1 149	14,0			
		№ 11 — Поалей-Цион	2 808	0,3	410	5,0			

	№ 12 — торгово-промышленники	525		—			
	№ 13 — служащие правительственных учреждений	1 005	0,1	—			
	№ 14 — земельные собственники	11 857	1,2	—			
	№ 15 — внепартийные общественные деятели	12 050	1,2	1 150	14,0		
	Итого...	973 630**		8 208***			
				Ревель			
66 Эстляндский 12—14 ноября 1917 г. Правда. 1917. 18 дек. Петроград; Ревельское обозр. 1917. 17 нояб. *Саят И., Сийливаськ К.* Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллин, 1977. С. 258—259	№ 1 — эстонские эсеры	17 726	5,9	787	1,7	Гарнизон входил в избирательный округ Балтийского флота	4 большевика 2 трудовика 2 по списку № 7 * В голосовании участвовало 56,6% избирателей ** В голосовании участвовало 52% избирателей
	№ 2 — большевики	119 863	40,0	22 003	47,6		
	№ 3 — трудовики	64 704	21,6	13 855	29,9		
	№ 4 — эстонские меньшевики	9 244	3,1	2 689	5,8		
	№ 5 — русские эсеры	3 200	1,1	1 135	2,4		
	№ 6 — радикал-демократы	17 022	5,7	1 136	2,4		
	№ 7 — Эстонская демократическая партия	68 085	22,6	4 735	10,2		
	Итого...	299 844*		46 340**			
67 Якутский ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 174, л. 16	№ 1 — Якутский трудовой союз федералистов						1 эсер 1 по списку № 1
	№ 2 — эсеры						
	№ 3 — меньшевики						
	№ 4 — кадеты						

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
68	Ярославский 12—28 ноября 1917 г. Ростовские известия. 1917. 24 окт., 21 нояб., 14 дек.; Утро России. 1917. 24 нояб. Москва	№ 1 — народные социалисты	3 011	0,7	615	2,1	79	0,8	3 эсера 2 большевика 1 кадет
		№ 2 — кадеты	59 400	13,5	6 968	23,6	304	3,1	
		№ 3 — эсеры и губ. Совет крест. депутатов	216 744	49,3	3 303	11,2	1 049	10,9	
		№ 4 — меньшевики	17 997	4,1	2 853	9,7	196	2,0	
		№ 5 — Союз земельных собственников	2 767	0,6	147	0,5	35	0,4	
		№ 6 — блок торговцев, промышленников, ремесленников и домовладельцев	3 673	0,8	1 704	5,8	41	0,4	
		№ 7 — большевики	131 124	29,8	13 974	47,1	7 965	82,4	
		№ 8 — прочие	5 218	1,2					
		Итого...	439 934		29 564		9 669		
					Кронштадт Гельсингфорс				
69	Балтийский флотский округ 4—14 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 255, л. 1—2; Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 23 нояб.; *Петраш В. В.* Выборы в Учредительное собрание по балтийскому избирательному округу // Город Ленина	№ 1 — эсеры-интернационалисты (левые эсеры)	31 398	27,3	2 080	10,1	14 518	30,8	2 большевика * Группа офицеров армии и флота ** В голосовании участвовало 71,1% избирателей
		№ 2 — большевики	66 180	57,4	17 022	82,6	23 543	50,5	
		№ 3 — без названия *	2 049	1,8	152	0,7	880	1,8	
		№ 4 — эсеры	13 618	11,8	1 081	5,3	7 663	16,2	
		№ 5 — группа беспартийных	1 948	1,7	267	1,3	558	1,2	

	в дни Октября и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.; Л., 1964. С. 72—79; *Хесин С. С.* Флот голосует за Ленина // История СССР. 1971. № 1. С. 118					
		Итого...	115 193**		20 602	47 162	
70	Черноморский флотский округ 1—14 ноября 1917 г. Социалист-революционер. 1917. 2 дек. Минск; *Хесин С. С.* Указ. соч С. 118	№ 1 — украинские эсеры	12 900	24,5			1 правый эсер
		№ 2 — центрофлот (ЦК ЧФ) и севастопольское отделение союза моряков	4 806	9,1			
		№ 3 — ?					
		№ 4 — меньшевики	1 943	3,7			
		№ 5 — большевики	10 793	20,5			
		№ 6 — эсеры	22 251	42,2			
		Итого...	52 693				
71	Северный флот ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 290, л. 9; д. 210, л. 15; *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 358; Всероссийское учредительное собрание. С. 129—131	№ 1 — меньшевики	5 966	0,7			8 большевиков 5 эсеров 1 укр. социалист * В голосова-
		№ 2 — Труд. нар.-соц. партия	5 868	0 7			
		№ 3 — эсеры и крестьянские депутаты	249 832	29 8			
		№ 4 — украинские эсеры и нац. соц. организация мусульман	88 956	10 6			
		№ 5 — большевики	471 828	56,1			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		№ 6 — меньшевики-интернационалисты (новожизненцы)	4 454	0,5					
		№ 7 — кадеты	13 687	1,6					
		Итого...	*840 591**						
72	Западный фронт 22—28 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 213, л. 2; д. 54, л. 67—70; Наша газета, 1917. 16 нояб. Минск; Революционная ставка. 1917. 17 дек. Могилев; *Игнатенко И. М.* Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии. Минск, 1962. С. 386	№ 1 — укр. эсеры и меньшевики	56 818	5,8					12 большевиков 3 эсера 1 по списку № 1
		№ 2 — мусульмане-социалисты							
		№ 3 — кадеты	16 750	1,7					
		№ 4 — белорусская социалистическая партия (Громада) и съезд белорусских воинов Западного фронта	4 380	0,4					
		№ 5 — меньшевики, меньшевики-интернационалисты	9 700	1,0					
		№ 6 — Российская демократическая партия							
		№ 7 — ?							
		№ 8 — ?							
		№ 9 — большевики	653 430	66,9					
		№ 10 — блок: Труд. нар.-соц. партия, Единство, группа эсеров, объединенных газетой «Воля народа»							

	№ 11 — ?			
	№ 12 — эсеры и Совет крест. депутатов армий Западного фронта	180 582	18,5	
	Итого...	976 000		
73 Юго-Западный фронт ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 216, л. 2—11; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 110—111	№ 1 — эсеры и Совет крест. депутатов Юго-Западного фронта	402 900		9 эсеров 6 большевиков 3 укр. социалиста 1 меньшевик
	№ 2 — меньшевики			
	№ 3 — укр. эсеры, укр. меньшевики и казаки-социалисты			
	№ 4 — большевики	300 100		
	№ 5 — Единство и внепартийные, объединенные стремлением спасения Родины			
	№ 6 — социалистическая группа воинов-мусульман Юго-Западного фронта			
	№ 7 — кадеты	13 700		
	№ 8 — съезд делегатов военнослужащих поляков			
	№ 9 — Труд. нар.-соц. партия			
	№ 10 — кадеты и примыкающие к ним			
	Итого...	1 007 400		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
74	Румынский фронт Социалист-революционер. 1917. 1 дек. Минск; *Святицкий Н. В.* Указ. соч. С. 110—111; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. Ч. 2. Киев, 1982. С. 215—216	№ 1 — объединенные укр. социалисты № 2 — мусульмане № 3 — эсеры № 4 — меньшевики № 5 — народные социалисты № 6 — большевики № 7 — кадеты № 8 — молдавские эсеры № 9 — воины-латыши	679 400 167 000 21 400						12 эсеров 3 большевика 4 укр. социалиста
		Итого...	1 128 600						
75	Кавказский фронт (включая Кавказский военный округ) 1—24 ноября 1917 г. ЦГАОР СССР, ф. 13, оп. 2, д. 222, л. 1—12, д. 200, л. 72	№ 1 — меньшевики № 2 — кадеты № 3 — эсеры № 4 — блок украинских социалистических партий № 5 — большевики	 360 000 60 000						4 эсера 1 большевик 1 неизвестный
		Итого...	420 000						

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абашидзе К. 90
Абдурашидханов М. К. 141
Абрамов 319
Абрамович Р. 253
Авксентьев Н. Д. 192, 202, 204, 250, 255
Аврех А. Я. 260
Агамалиева Н. А. 284
Аджемов М. С. 46, 135
Адлер Фр. 256
Азеф Евно 170
Аксарин А. Ф. 23
Аксельрод П. Б. 19
Алгасов В. А. 191
Александра Федоровна (Романова), рос. императрица 6, 8, 13—15, 32, 51, 61, 62, 75, 81, 82, 188, 260—263
Александрович В. 70
Алексеев М. В. 67, 75—77, 81, 128, 213, 248
Алексей (Романов), цесаревич 13, 32, 78, 80
Алексинский Г. А. 19
Амиров 227
Андреев А. А. 92, 264
Андреев А. М. 271
Андронов С. А. 267
Аникеев В. В. 267
Анна Леопольдовна, правительница России 101
Антипов Н. К. 151
Антонов-Овсеенко В. А. 242
Аргунов 255
Ардов Т. 24
Арутюнян С. 140
Архангельский В. Г. 204
Арцыбашев М. П. 23
Астрахан Х. М. 158, 161, 164, 221, 265, 267, 269, 271
Астров Н. И. 135, 247

Бадаев А. Е. 16
Бадмаев П. А. 14
Бакунин М. А. 182
Балашов П. Н. 6, 35
Балк А. П. 61
Балуев Б. П. 267
Беляев М. А. 22, 75
Бенкендорф П. 82
Берг Е. С. 204
Бережной А. Ф. 267
Березин М. Е. 206, 226
Берзин Я. А. 197
Бернштам М. В. 206
Блейхман 187
Блок А. А. 261, 263
Блюменталь И. И. 306
Богданов Н. Н. 100
Богдатьев С. Я. 112, 154
Болотина Е. И. 51
Брамсон Л. М. 206
Брешко-Брешковская Е. К. 214
Брусилов А. А. 76, 142, 200 229
Бубликов А. А. 86, 130
Бубнов А. С. 193, 197, 242
Букейхан А. Н. 100, 135, 248
Бунаков И. И. 204
Бурджалов Э. Н. 60, 78, 262 263
Бурмистрова Т. Ю. 269
Бухарин Н. И. 197
Быховский Г. Б. 135
Быховский Н. Я. 204
Бьюкенен Джордж 6, 45, 93, 128, 261

Вайнштейн Ф. 253
Валидов А.-З. 248
Василенко Н. П. 135
Васильев А. В. 135
Васильев-Южин М. Н. 87
Васькин В. В. 263
Веденяпин М. А. 204
Вейнберг Ф. 139
Велихов Л. А. 100
Вернадский В. И. 135
Верхось В. П. 270
Ветров Р. И. 270
Виласинда 61
Вильгельм II (Гогенцоллерн) 51
Вильсон В. 29
Вильямс Альберт Рис 187, 268
Винавер М. М. 135
Винниченко В. К. 253
Виноградов В. А. 135
Вирен 91
Владимирова Вера 272
Воинов И. А. 191
Войтинский В. С. 186
Волков А. А. 263
Волков Н. К. 135
Волобуев П. В. 262, 266
Вороненко И. 253

* Указатель имен составлен Р. А. Демидовой.

Вострин С. В. 135
Вырубова А. А. 82, 83

Гамберг 188
Гапоненко Л. С. 262
Гвазава Г. 140
Гвоздев К. А. 19, 41, 70, 224
Гдовский Вениамин, архиерей 22
Генлельман М. Я. 204
Герасименко Г. А. 263
Герасимов П. В. 135
Герштейн Л. Я. 204, 221
Гессен И. В. 28
Гёте И. В. 99
Гилярова Е. А. 175, 268
Гинденбург, Пауль фон 199
Гинев В. Н. 270
Глебов Н. Н. 135
Говорухо-Отрок М. Я. 34
Годнев И. В. 7, 72, 123
Голинков Д. Л. 272
Голицын Н. Д. 22, 28, 29, 32, 35, 40, 47, 48, 51, 54, 55, 65, 67, 75
Головин Ф. А. 135
Голуб П. А. 221, 237, 270, 271, 277, 281, 297
Гопнер С. И. 266
Горбачев М. С. 258
Горемыкин И. Л. 73
Городецкий Е. Н. 237, 259
Горький А. М. 59, 157, 195, 266
Гоц А. Р. 113, 202, 204
Граф Мати 266
Гриб Ф. 253
Григорович-Барский Д. Н. 135
Гримм Д. Д. 75, 135, 249
Гриневич К. 70
Гронский П. П. 135
Гросвалд Ф. 139
Грунт А. Я. 268, 271
Грушевский М. С. 253
Гульбис К. 138
Гуревич В. 204
Гурко В. 224
Гусакова В. С. 269
Гусев К. В. 269, 272
Гучков А. И. 6, 7, 11, 13, 22, 41, 43—46, 50, 52, 72, 75, 77—80, 93, 97, 117, 118, 123, 130, 144, 171, 177, 216, 222, 247

Дажина И. М. 262
Дан Ф. И. 207
Дашкевич П. В. 220
Демидов И. П. 135
Деникин А. И. 212, 256
Джангвеладзе Г. А. 266
Джапаридзе П. А. 197
Джафаров М. 90
Дживилегов А. К. 135
Дзержинский Ф. Э. 197, 242
Дмитрий Павлович (Романов), вел. кн. 13
Дмитрюков И. И. 72, 144
Добровольский А. А. 135
Долгоруков П. Д. 82, 102, 135
Друцкой-Соколовский 75
Дубасов 236
Дубровин А. И. 10, 11, 34, 38, 73, 170
Дударь Е. И. 264
Думова Н. Г. 264, 265
Дурново П. Н. 177, 184
Дутов А. И. 212, 229, 248
Дякин В. С. 261

Елизавета Маврикиевна, вел. кн. 79
Елизавета Петровна, императрица 101
Елизарова-Ульянова А. И. 148
Елин Г. В. 68
Елкина С. И. 267
Ерицян Х. А. 269
Ерофеев Н. Д. 269
Ерыкалов Е. Ф. 272
Ефремов И. Н. 3, 5, 192
Ещин Е. М. 135

Жвания Г. К. 269
Железняков А. Г. 254
Жордания Н. Н. 90, 209, 226
Жуков А. Ф. 268
Жуков И. П. 250

Зайцев М. Л. 23
Залуцкий П. А. 18, 65, 70, 72
Замысловский Г. Г. 170
Зарудный А. С. 192
Засулич В. 107
Затонский (Батрак) 204
Зензинов В. М. 172, 202, 204, 255
Зернов Д. С. 135
Зиновьев Г. Е. 157, 170, 197, 235, 242, 245
Знаменский О. Н. 237, 268, 293, 298, 325
Знаменский С. Ф. 206
Зубашев Е. Л. 100

Иван Грозный 33
Иванов Н. И. 75, 76, 81
Иванов Н. Я. 270
Иванов С. А. 135
Игнатенко И. М. 326
Изгоев А. С. 135
Иллерицкая Е. В. 270
Ильящук Г. И. 270, 276, 292
Имшенецкий Я. К. 135
Иоанн Антонович, император 101
Иоффе А. А. 197
Иоффе Г. З. 78, 263, 264, 267

Кавтарадзе С. И. 227
Калашников В. В. 259
Каледин А. М. 212, 247, 248
Калинин М. И. 185
Каменев Л. Б. 117, 147, 150, 153, 157, 197, 235, 242, 245
Камков Б. Д. 202, 204, 252
Камков Л. Б. 125, 202
Канев С. Н. 268
Капелинский Н. Ю. 70
Каракеев К. К. 271
Караулов М. А. 6, 72
Кареев Н. И. 44
Карелин В. А. 252
Карлотти 128
Карр Э. Х. 259, 272
Карташев А. В. 192
Каутский К. 19, 256
Каюров В. Н. 59, 60, 66, 262,
Кедия С. 140
Керенский А. Ф. 6, 9, 27, 46, 50—55, 70, 72—74, 80, 82, 85, 94, 110, 114, 118, 123, 142, 175, 177, 184, 190, 192, 197—201, 203, 204, 210, 212—214, 221, 229, 230, 233, 243, 244, 247, 250, 270
Кизеветтер А. А. 135
Ким М. П. 259, 265
Кириенко Ю. К. 272
Кирилл Владимирович (Романов), вел. кн. 79
Кирпичников Т. 68
Киселев А. С. 197
Китанина Т. М. 262
Кишкин Н. М. 85, 135
Клембовский В. Н. 212
Клифф Т. 149
Кобозев П. А. 89
Кожевников В. П. 267
Кокошкин Ф. Ф. 103, 134, 135, 192
Колегаев А. Л. 252
Колесниченко Д. А. 269
Коллонтай А. М. 112, 145—147, 197
Колчак А. В. 100, 177, 230, 255, 256
Комин В. В. 268, 272
Комиссаренко Л. А. 271
Комиссаров М. Г. 135
Кондратьев Т. К. 63, 262
Коненков С. Т. 23
Конжен 224
Коновалов А. И. 38, 41, 43, 72, 123
Копнист Д. П. 2-й 49
Корвалан Луис 215
Корнев В. В. 265
Корнилов А. А. 135
Корнилов Л. Г. 81, 113, 210—214, 217, 270
Коровченко 82
Короленко В. Г. 7
Коростелев А. А. 89
Красиков П. А. (Павлович) 70
Краснов П. Н. 244, 250
Красткали А. 139
Крестинский Н. Н. 197
Кропоткин К. Н. 142
Кропоткин П. 268
Крупская Н. К. 145—148, 170, 266
Крушанов А. И. 271
Крыленко Н. В. 220
Кувшинов В. А. 127, 265
Кузнецов В. П. 86
Кузьмина Т. Ф. 270
Куйбышев В. В. 236
Кукушкин Ю. С. 272
Кулагин М. Д. 135
Кульчицкий Н. К. 22, 29
Курас И. Ф. 272
Куропаткин 89
Кутепов А. П. 69

Лаверычев В. Я. 261
Лавыгин Б. М. 289
Лазимир П. Е. 242
Ландер К. И. 236
Ларин Ю. 208
Лассаль Ф. 195
Лацис М. Я. 179, 268
Лашевич 68
Леванов Б. В. 269
Левашов С. В. 6, 37
Левицкий С. А. 135
Лейберов И. П. 262
Лелянов П. И. 64
Ленин В. И. (Ульянов) 3, 12, 13, 16, 17, 19, 30, 31, 53, 56, 57, 59, 69, 72, 92—94, 97, 98, 111, 112, 115, 116, 124, 134, 144—159, 164—176, 184—186, 191, 194—198, 201, 214, 216, 219, 220, 231—237, 240, 242—247, 254—258, 260—272, 324, 325
Либер М. И. 207, 251
Литвин А. Л. 271
Лихарев 143
Ломов А. 193, 194, 197
Лопатин Г. 107
Лоренс Лейнжер 95, 264,
Лосева А. В. 269
Луначарский А. В. 175
Лункевич В. В. 204
Львов В. Н. 72, 101, 114, 123
Львов Г. Е. 43, 45, 72, 75, 79, 80, 97, 122—124, 136, 142, 143, 177

Майский 256
Макаров А. А. 29
Маклаков В. А. 128, 130, 135, 200
Маклаков Н. А. 37, 73
Максимов А. С. 91
Макушин А. И. 135
Малаховский В. Ф. 218
Малашко А. М. 272
Малиновский Р. 170
Манасевич-Мануйлов И. Ф. 4, 170
Мандел Д. 241
Мандельштам М. Л. 102
Мануйлов А. А. 72, 123, 135
Мария Федоровна, императрица 21, 81, 82
Марков Б. 23
Марков Н. Е. (Марков 2-й) 6, 9, 10, 27, 37, 38, 52, 170
Маркс К. 16, 182, 240, 258, 272
Мартов Л. 19, 54, 146, 159, 195, 207, 256
Мартынов Е. И. 270
Маслёнников А. М. 73, 107
Машин М. Д. 264
Меллер-Закомельский В. В. 75, 142
Мельгунов С. П. 261
Метельков П. Ф. 263
Миллер Е. К. 255
Миллер В. И. 271
Милюков П. Н. 3, 4, 6, 7, 9, 10, 39, 42, 43, 45—52, 72, 74, 80, 93, 99, 103—105, 109—118, 120, 123, 129, 132, 133, 135, 176, 177, 189, 199—201, 207, 213, 216, 230, 247, 256, 260—261, 269, 270
Милютин В. П. 87, 88, 157, 197
Милютин Н. А. 68
Минин К. 199
Минор О. С. 204
Минц И. И. 72, 123, 236, 263, 265, 267, 271, 272
Мирбах Вильгельм 257
Митрицкий 34
Михаил Александрович (Романов), вел. кн. 48, 75, 77, 78, 80, 81
Молотов В. М. 18
Морозовский 85
Муджири А. Н. 266
Муранов М. К. 16, 197
Мухарямов М. К. 271
Мякотин В. А. 205, 206
Мясников А. Ф. 168

Набоков В. Д. 135
Наполеон I Бонапарт 27
Нарвский Геннадий, архиерей 22
Нарцисс 256
Нарышкин А. А. 78
Натансон М. А. 19, 202, 204
Наумов В. П. 259
Невский В. И. 185, 220
Незлобин К. И. 23
Некрасов Н. В. 72, 114, 123, 135, 171, 192
Непенин А. И. 91
Никитин А. М. 192
Николай II (Романов), последний рос. император 5, 6, 10, 12—15, 21, 22, 31—35, 37—39, 42, 45, 60—62, 64, 65, 67, 68, 74—82, 93, 95, 100, 115, 116, 188, 260—263
Николай Михайлович (Романов), вел. кн. 12, 79
Николай Николаевич (Романов), вел. кн. 250
Новгородцев П. И. 135
Ногин В. П. 157, 197, 214, 225, 236

Оболенский В. А. 135
Овчинников В. М. 135
Ольденбург С. Ф. 135, 192
Ольминский М. С. 194
Орлов В. Г. 36, 85
Осипова Т. В. 266

Павлович Я. 138
Палеолог Морис 45
Панавес Ч. В. 269
Панина С. В. 135, 249, 250
Панков Г. Г. 70
Пападжанов М. И. 90, 140
Парамонов А. К. 135
Патушинский 8
Пепеляев В. Н. 100, 255
Переверзев П. Н. 90, 123
Петибридж Р. 167, 267
Петлюра С. В. 253
Петр I 33
Петраш В. В. 324
Петровский Г. И. 16
Петрункевич И. И. 103
Пешехонов А. В. 123, 192, 206
Питирим, митрополит 22
Платтен Фриц 146
Плеханов Г. В. 19, 107, 179
Подвойский Н. И. 68, 185, 242
Позерн Б. П. 224
Поливанов А. А. 7
Поликарпов В. Д. 272
Полушкина В. А. 266, 272
Поляков Ю. А. 272
Понятовский В. 23
Попов С. А. 74, 226
Потресов А. Н. 19, 54, 207, 252

Преображенский Е. А. 197
Прилежаев И. А. 204, 251
Прокопович С. Н. 192
Протасов Л. Г. 314
Протопопов А. Д. 3, 4, 14, 15, 22, 35—37, 40, 42, 44, 60—62, 65, 67, 68, 73, 83
Протопопов Д. Д. 135
Прошьян П. П. 204, 252
Пуришкевич В. М. 8, 10, 12, 13, 38, 49, 52, 131, 170, 225
Путилов А. И. 144

Работкин П. А. 23
Разгон А. И. 272
Ракитников Н. И. 202, 204
Раков Д. Ф. 204
Рамишвили 226
Раскольников Ф. Ф. 191
Распутин Г. Е. 4, 8, 11—15, 32, 65, 95
Расулзаде М. Э. 249
Рафес М. Г. 54, 208, 262, 269
Ржевский В. А. 72
Риттих А. А. 48, 49, 54, 55
Рихтер В. Н. 204
Роговский Е. Ф. 255
Родзянко М. В. 3, 6—9, 13, 14, 22, 30, 37, 39, 43—45, 47, 48, 51, 53, 55, 67—69, 72, 74, 75, 77, 79, 80, 102, 107, 128, 142, 144, 177, 224, 247, 260, 261
Родичев Ф. И. 8, 28, 53, 100, 106, 107, 135, 224
Розенблюм Д. С. 204
Рошаль М. Г. 115, 264
Рошаль С. Г. 191
Рубан Н. В. 158, 267, 269
Рубанович И. А. 204
Руднев В. В. 202
Рузский Н. В. 76—78
Русанов Н. С. 204
Рутцев А. Н. 135
Рыков А. И. 153, 197
Рэффи 29
Рябушинский П. П. 38, 43

Сабашников М. В. 135
Савич Н. В. 49
Садовский А. Д. 242
Садырин П. А. 135
Сазонов И. С. 267
Самарин А. Д. 12
Самойлов Ф. Н. 16, 236
Саят И. 323
Свердлов Я. М. 157, 160, 185, 194, 197, 242, 254
Свечин А. А. 135
Свешников Н. Ф. 262
Святицкий Н. В. 237, 274, 278, 282, 287 291, 295, 315 318, 321, 327, 328
Семенов Г. М. 248
Сергеев Ф. А. (Артем) 197
Сивохина Т. А. 272
Сиеценискс П. 138
Сийливаськ К. 323
Сириании К. 243
Скворцов В. М. 36, 38
Скобелев М. И. 50—52, 70, 73, 74, 113, 123, 192, 224
Скороходов А. К. 68
Скрыпник Н. А. 197
Слонимский А. Г. 260, 261
Смилга И. Т. 157, 197
Смирнов 227
Смольников А. С. 270
Соболев Г. Л. 262, 263
Соболева П. И. 158
Собщанский 83
Совокин А. М. 272
Соколов В. Н. 88
Соколов Н. Д. 70, 229, 230
Соколовский Э. 70
Сокольников Г. Я. 197
Сороколетов 224
Спиридович А. И. 260
Спиридонова М. А. 204, 252
Спирин Л. М. 237, 265, 266, 272
Сталин И. В. 117, 147, 150, 157, 181, 192, 194, 197, 220, 242, 265, 268
Сталь Л. Н. 151
Станкевич В. Б. 101, 119, 264
Старцев В. И. 261, 270
Стасова Е. Д. 197
Стеклов Ю. М. 70
Степанов В. А. 135
Струве П. Б. 130
Струков А. П. 260
Стуков И. Н. 193
Сурик (Емельянов А. В.) 158
Суханов А. С. 8
Суханов Н. Н. 70, 120, 206, 269
Сухарьков Г. Н. 242
Сухомлинов В. А. 4, 73, 83

Терещенко М. И. 72, 123, 192
Тесленко Н. В. 135
Тетеркин И. И. 204
Титов А. А. 206
Токарев Ю. С. 263
Толстой Л. Н. 23
Тома Альберт 128
Торчинс 224
Трепов А. Ф. 10, 29
Третьяков С. Н. 43
Троицкий И. И. 23
Троцкий Л. Д. 19, 176, 187, 191, 195—197, 214, 243,

Трубецкой Е. Н. 75, 106, 133
Туган-Барановский Н. И. 36
Тулепбаев Б. А. 271
Туманов Г. М. 135
Тыниссон Л. 139
Тыркова А. В. 106, 135
Тюленин 89
Тютюкин С. В. 260

Ульманис К. 137, 138
Ульянова М. А. 148
Ульянова М. И. 147
Ульянова О. И. 148
Урицкий М. С. 197, 242
Усиевич Г. А. 146
Учида 61
Уэйд Р. 215

Федоров Г. Ф. 43, 157
Фердинанд I (Кобург), болгарский царь 104
Фигнер В. Н. 106, 107
Фирсов *см.* Розенблюм Д. С.
Фицпатрик Шейла 95, 96, 166, 175, 264, 267
Фредерикс В. Б. 78
Френкель З. Г. 135
Френсис Дэвид 128
Фрумкина Э. 253
Фрунзе М. В. 236

Хабалов С. С. 47, 64—66, 68
Харламов В. А. 90, 100, 135
Хесин С. С. 325
Ховрин 204
Хрущев А. Г. 135, 249

Цвиллинг С. М. 236
Церетели И. Г. 98, 117, 123, 128—130, 173, 175, 188, 198, 207, 224

Чаадаева О. Н. 266
Чайковский Н. В. 205, 206, 255
Чайковский П. И. 23
Червякова М. М. 269
Черменский Е. Д. 15, 261
Черников Н. Н. 135
Чернов В. М. 19, 98, 123, 130, 143, 173, 177, 192, 202—204, 231, 251, 254, 256
Черномазов М. Е. (Москвич) 170
Черносвитов К. К. 135
Чокаев М. 141
Чугурин И. Д. 59, 66, 147
Чхеидзе Н. С. 6, 46, 50, 52—54, 70, 72—74, 147, 186, 224
Чхенкели А. 9, 90, 226

Шагов Н. Р. 16
Шаляпин Ф. И. 23
Шаумян С. Г. 197, 236
Шахматов А. А. 135
Шаховской Д. И. 123, 135
Швецов С. П. 254
Шебеко В. Н. 85
Шестак Ю. И. 269
Шидловский С. И. 6, 47, 72
Шиманский 23
Шингарев А. И. 8, 29, 52, 72, 100, 114, 117, 123, 135
Шкаратан О. И. 262
Шляпников А. Г. 18, 57, 62, 70, 147, 262
Шмяков 107
Штейнгель Ф. Р. 135
Штюрмер Б. В. 4, 6, 8, 15, 42, 73, 83, 114, 188
Шульгин В. В. 3, 6, 7, 10, 38, 49, 58, 72, 77—81, 123, 128—130

Щегловитов И. Г. 21, 22, 29, 73
Щепкин Н. Н. 100, 135

Эверт А. Е. 76, 225
Энгельс Ф. 16, 182, 258, 272

Юренев К. К. 194
Юренев П. П. 135, 192
Юскевич-Красковский Н. М. 73
Юсупов Ф. Ф. 13

Ягодынский П. Н. 51
Якоби 204
Яковлев Н. Н. 236
Яковлева В. Н. 197
Ярчук Е. 187, 188

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо пролога 3

Часть I. КОНЕЦ ДВУГЛАВОГО ОРЛА 21

1. Как начинался 1917 год ..... —
2. Царь и правые партии 31
3. Буржуазные партии и самодержавие 43
4. Партии в Февральской революции 56
5. «Король оказался голым» 74
6. «Петроград разбудил Россию» 84

Часть II. БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ 97

1. Кадет Павел Милюков и другие 99
2. В Россию вернулся Ленин 145
3. Эсер Александр Керенский и прочие 197

Часть III. ПАРТИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА РАБОЧЕГО КЛАССА БЕРЕТ ВЛАСТЬ 215

1. Партии и армия ..... —
2. Расстановка партийных и военных сил в социалистической революции 231
3. После Октября 244

Вместо эпилога 255

Источники и литература 260

Приложение 273

Именной указатель 329

Спирин Л. М.

С72 Россия 1917 год: Из истории борьбы полит. партий.— М.: Мысль, 1987.— 333, [2] с.
(В пер.): 1 р. 70 к.

Автор — известный исследователь истории борьбы классов и партий периода Октябрьской революции и гражданской войны. В книге освещается история борьбы политических партий в двух последних российских революциях, политическая история революции и контрреволюции дается во всей ее сложности и многогранности. Раскрываются причины победы партии рабочего класса над более чем 50 непролетарскими партиями. Показаны животворная сила ленинских идей, огромное и непреходящее значение исторического опыта партии большевиков в подготовке и проведении социалистической революции в России.

С $\frac{0505030100\text{-}169}{004(01)\text{-}87}$ 82-87

ББК 66.61(2)25

ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ
СПИРИН

РОССИЯ 1917 ГОД

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Заведующий редакцией В. С. Антонов
Редактор Г. И. Пылаева
Младший редактор Л. П. Желобанова
Оформление художника Ю. А. Боярского
Художественный редактор Н. В. Илларионова
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор Г. Б. Абудеева

ИБ № 3234

Сдано в набор 28.01.87. Подписано в печать 28.07.87. А09137. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. печатных листов 17,64. Усл. кр.-отт. 17,64. Учетно-издательских листов 21,65. Тираж 23 000. Заказ № 1230. Цена 1 р. 70 к.

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано с готовых диапозитивов в московской типографии № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113105, Москва, Нагатинская ул., д. 1.